

Жильбер Шарль-Пикар

РИМСКАЯ АФРИКА

ПРОЦВЕТАЮЩАЯ ПРОВИНЦИЯ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ
НА РУИНАХ КАРФАГЕНА

Жильбер Шарль-Пикар

Gilbert Charles-Picard

LA CIVILIZATION
DE L'AFRIQUE
ROMAINE

Жильбер Шарль-Пикар

РИМСКАЯ АФРИКА

ПРОЦВЕТАЮЩАЯ ПРОВИНЦИЯ
ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ
НА РУИНАХ КАРФАГЕНА

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(61)
ББК 63.3(6)
Ш26

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Шарль-Пикар Жильбер
Ш26 Римская Африка. Процветающая провинция
великой империи на руинах Карфагена / Пер. с фр.
В.Е. Климанова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2025. —
351 с.

ISBN 978-5-9524-6355-4

Французский историк и археолог, специалист по античной Северной Африке Жильбер Шарль-Пикар посвятил свой труд провинции Древнего Рима, занимавшей территорию бывшего Карфагена и современного северного Туниса. В результате 15 лет раскопок в Римской Африке ученый собрал и изучил предметы цивилизации того времени и составил представление об образе жизни представителей ее среды, внесших свой вклад в развитие человечества. Автор описывает быт разных слоев общества в городах и на периферии, изучает проблемы расовых, религиозных и социальных противоречий, касается нравов горожан, мелочей их быта, искусства, образования и в целом экономических вопросов населения.

УДК 94(397.3)
ББК 63.3(6)

ISBN 978-5-9524-6355-4

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2025
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2025

РИМСКАЯ АФРИКА

ВСТУПЛЕНИЕ

Археолог, начавший в Африке раскопки неизвестного города, получает наслаждение, редко испытываемое его коллегами в Европе. Обычно он приезжает в пустынную местность, где из желтой или красной земли торчат несколько кусков стен, сломанные колонны, тесаные блоки с сохранившимися на них письменами. И начинает собирать своего рода пазл: мраморный столб, очищенный от облепившей его почвы, открывает свое основание, покоящееся, в свою очередь, на стилобате; в нескольких метрах дальше появляется еще одно основание, и, продолжая рыть траншею, он открывает ряд колонн портика; скоро вырисовывается план здания, почти всегда отличающийся от того, что воображали в порыве энтузиазма при первых находках; мощеная мостовая перед дверью ведет к другим строениям. Мало-помалу проступают очертания всего квартала. Один камень, повторно использованный в более поздней облицовке или в стене, сообщает, когда его перевернешь, имя неизвестного города или историю некой выдающейся личности, забытой учеными. И вдруг землекопы обнаруживают квадраты мозаики, чей рисунок постепенно проявляется, освобождаемый кисточками и пемзой от своей гипсово-земляной маски.

После зданий воскресают их обитатели: надписи сохранили их имена, их карьеру, их верования и литературные вкусы. Статуи, барельефы и стелы открывают нам их физический облик. Мелкие предметы: светильники, горш-

ки, небольшие изделия из бронзы — позволяют в мельчайших деталях реконструировать их повседневную жизнь, рамки которой сохранили дома.

Все это создает постоянные проблемы. Археолог обычно приступает к раскопкам с какой-то уже сформировавшейся идеей и с желанием раскрыть интересующую его загадку. Но он редко находит решение: в девяти случаях из десяти, вместо того чтобы дать ключ к разгадке, раскопки порождают новые, еще более сложные тайны. Исследователь ежесекундно вынужден признаваться себе, что представления, сложившиеся у него о древних на основании литературных текстов и трудов его предшественников, крайне скудны в сравнении с реальностью. Он, в свою очередь, будет пытаться сделать общеизвестными новые сведения, которые ему посчастливилось собрать. Сухость этой неблагодарной работы уравнивает радость открытия. Она требует крайней осторожности: археолог, этот детектив, исследующий прошлое, не должен упустить из виду ни единой улики. Расположение слоев почвы, узор керамики, монета, стершаяся до такой степени, что невозможно разобрать изображения и надписи на ней, порой обрывок, всего несколько букв, рассыпающийся в прах кусок дерева могут раскрыть дату переворота, завоевания, радикальной перемены в нравах и в образе мышления. И эти сведения обретут ценность лишь в том случае, если исследователь точно нанесет на план раскопок место и глубину обнаружения находки. Археология имеет свои хитрости, и порой кажется, что она забавляется, направляя искателя по ложному пути. Кроме того, приходится считаться с недоверчивостью профессионалов, нередко отвергающих самые убедительные аргументы, особенно если те вступают в противоречие с их собственными теориями.

Те, кто проводил раскопки в прошлые времена, не забывали себе голову всеми этими деталями. Даже в наши дни слишком многие дилетанты и грабители, движимые простым любопытством или жадной наживой, используют древние городища как кладовую предметов искусства. Общественность не всегда осознает серьезность подобной практики. Если она и интересуется археологией, то узнаёт

о ней из «адаптированных» рассказов, откуда удалены все указания на серьезность и трудность работы археолога. Впрочем, надо отметить, что отчет о раскопках, детально описывающий слои земли, классифицирует находки по категориям и очень осторожен в формулировании выводов. Он так же скучен и непонятен для непосвященного, как трактат по математике или физике. Между учеными и массой образованных «добропорядочных граждан» возникает непонимание. Специалисты справедливо гордятся тем, что сумели, благодаря своим методам, добиться такой же точности, какая свойственна точным наукам: датировка здания, предмета искусства может сегодня быть установлена с точностью до нескольких десятков лет, и данное достижение, которое невозможно поставить под вопрос, может служить основой для новых успехов. Многие технические специалисты рассматривают этого рода работу как единственную достойную науки и намеренно отказываются выдвигать масштабные гипотезы: разве не видим мы, как труды наших предшественников подвергаются сегодня жесткой критике, так что через несколько лет от них останется один каркас с большим количеством пустот? Но, с другой стороны, следует ли отказаться от поддержания прямого контакта между теми, кто двигает науку, и толпой дилетантов? Можно ли ограничиться лишь информированием публики исключительно через вторые руки, через газетные статьи, авторы которых не всегда точно следуют правде и часто ставят свой талант на службу популяризации блестящих, но не имеющих прочной базы теорий? По нашему мнению, это означало бы подвергнуть огромной опасности гуманитарные науки, оправданием существования которых являются практические результаты, приносимые ими, но только в их образовательной функции.

Впрочем, излишне сосредоточившись на одной из вспомогательных исторических дисциплин, ученый рискует получить очень узкий и ложный взгляд на древнюю цивилизацию, изучению которой посвятил себя. Техника производства, искусство, религия, общественные и государственные институты в конечном счете являются различными

асpekтами единой живой реальности, и их невозможно разделить искусственными перегородками. В последние годы школа Л. Февра¹ как раз настаивала на необходимости для историка изучать жизнь людей в целом, поднимаясь над барьерами, разделяющими различные аспекты. Впрочем, французские археологи зачастую защищены от опасности чрезмерной специализации самой скудостью имеющихся в их распоряжении средств; в то время как более богатые страны направляют на раскопки города целую команду археологов, архитекторов, историков искусства, специалистов по керамике, эпиграфистов и нумизматов, глава нашей экспедиции — это почти всегда мастер на все руки, готовый в случае необходимости заменить эксперта, которого не удалось включить в состав экспедиции. Эта бедность приносит очевидные неудобства, но она же имеет некоторые преимущества. Мы выигрываем за счет более тесного контакта с древностью, что особенно ценно, когда занимаешься цивилизацией, не производившей ни гениев, ни шедевры. Как мы убедимся, коллективная жизнь Римской Африки заслуживает большего интереса, чем представляющие ее отдельные индивидуумы. Для ее изучения необходимо использовать разнообразные данные, очень многочисленные, но не включающие ни исключительной важности документы, ни выдающиеся шедевры живописи или литературы — за исключением трудов Блаженного Августина. Мы попытаемся в первую очередь понять образ жизни среднего человека. Возможно, читатель с легким презрением отнесется к этому обществу, гораздо менее блестящему, чем великие цивилизации Месопотамии, Египта или Греции. Однако он убедится, что и жители Африки² внесли значительный вклад в

¹ Ф е в р Люсьен (1878—1956) — французский историк, основатель «Школы анналов», отстаивавшей необходимость комплексного изучения истории, не ограничиваясь лишь военными, политическими и дипломатическими вопросами. (*Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. пер.*)

² Следует иметь в виду, что, когда автор говорит об Африке и африканцах, он в большинстве случаев имеет в виду не весь континент, а именно римские владения и их жителей.

прогресс человечества. И надеемся, разделит с нами симпатию к этим активным и грубым горожанам, симпатичным, несмотря на их эгоизм и пошлость, сумевшим извлечь максимальную выгоду из неблагоприятной среды, в которой жили, и успешно решавшим на протяжении ряда столетий многочисленные проблемы, создаваемые расовыми, религиозными и социальными противоречиями.

Мы выражаем свое уважение тем, кто приобщил нас к африканской археологии и помог пользоваться ее достижениями в течение пятнадцати лет, проведенных на раскопках в Алжире и Тунисе.

Часть первая

Глава 1 ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Армия и безопасность

В истории судьбы Берберии и Франции не раз оказывались связанными между собой: с середины I в. до н. э. и до V в. н. э., когда они обе входили в состав Римской империи; и после 1830 г., вследствие расширения владения Франции сначала на Алжир, а затем на Тунис и Марокко.

Параллели между процессами, присоединившими к Римской империи страны, расположенные севернее и южнее западного бассейна Средиземного моря, очень заметны. На первом этапе, начинающемся в середине II в. до н. э., Рим покорил в обеих странах регионы, уже глубоко пропитавшиеся средиземноморской цивилизацией: здесь карфагенскую Африку, то есть северо-восточную треть современного Туниса, там — приморские районы Прованса и Лангедока. Сто лет спустя один и тот же завоеватель, Цезарь, завершил дело своих предшественников. Присвоив «волосатой Галлии»¹ статус провинции, в Африке он ограничился аннексией Западного Туниса, позволил сохраниться к западу от него полуавтономному государству,

¹ Волосатой или косматой Галлией называют завоеванные римлянами позже остальных территории Галлии из-за обычая их коренных жителей носить длинные волосы.

которое он вручил командиру наемного отряда Публию Ситтию Нуцерскому, и независимым мавретанским царствам. Но завоевание Цезаря, о котором напоминают два памятника, монументальный алтарь в Кбор-Клибе на территории Замы и бронзовый трофей в Гиппоне, заслуживает того, чтобы считаться отправной точкой истории Римской Африки как в цивилизационно-культурном, так и в политическом плане. Действительно, Мавретанское царство вплоть до убийства в 40 г. н. э. по приказу Калигулы царя Птолемея сохраняло столь же призрачную независимость, как протектораты нашего времени. По-настоящему свободными африканцами в I в. являлись только жившие в пустыне и степях племена, которые объединит Такфарин, кому, впрочем, так и не удастся создать из этого конгломерата кочевников-разбойников государство.

С этого момента Рим обеспечил себе границы, которые он будет переходить только по исключительным причинам. Он будет заботиться лишь о том, чтобы приобщить к средиземноморской цивилизации уже завоеванные племена; завоевывать территории, которые могли бы эксплуатироваться в земледельческом плане и которые будут группироваться вокруг городов; кочевниками степей и пустынь он станет интересоваться в двух аспектах: чтобы препятствовать им вытаптывать земли, используемые под плантации, пригоняя на них свои страдающие от голода и жажды стада, и чтобы контролировать транссахарскую торговлю, дающую некоторым из этих племен средства на чуть менее убогое существование и доставлявшую на берега Средиземного моря малую толику тропических богатств. Даже в зоне Теллианских гор в самом широком смысле, в некоторых труднодоступных местах, сохраняются общины жестоких горцев, скорее окруженных, нежели ассимилированных империей.

Эту в высшей степени практичную и методичную по характеру римскую оккупацию превосходно иллюстрирует самый грандиозный и наименее подвергшийся разрушениям памятник, воздвигнутый ею на африканской земле: ее кадастр. На большей части Туниса прочерченные по натянутой веревке линии разделяют землю на квадраты со

стороной 710 м; линии эти проведены, невзирая на неровности местности, и каждый квадрат представляет базовый участок сельскохозяйственного назначения. Возможно, никогда больше в истории ни один народ не продемонстрировал столь же наглядно свою готовность навязать природе неизменный порядок; невероятная сохранность этой геометрии, незаметная сегодня пешеходу, но четко различимая при аэрофотосъемке, служит символом долговечности деятельности в этой стране единственной цивилизации до нашей, по-настоящему взявшей на себя труд поставить эксплуатацию ее природных ресурсов на рациональную основу. Землемеры довели свой труд до самых границ пустыни: много их межевых знаков найдено в центральной части Туниса, на берегу озера Шотт-эль-Джерид, которое древние называли Тритоном; но внутри разлинованной на квадраты территории они оставили горные, лесные и болотистые районы. Точно так же политическая граница продвигается, особенно восточнее Берберского озера, до границ Сахары, но за Оресом резко уходит на север и оттуда следует параллельно берегу, отходя от него не более чем на 150 км: Римская Африка имеет на картах форму дельфина, повернутого массивной головой на восток. Внутри этой зоны резервные рубежи отмечены линиями фортов, «вспомогательных», как их называли землемеры; они приблизительно соответствуют «пятнам» берберских диалектов и обычаев, сохраняющих по сей день среди арабизированного Магриба.

В своей блистательной работе «Вандалы и Африка», опубликованной незадолго до трагической гибели, К. Куртуа¹ обращал особое внимание на эти лакуны романизма. В период своего максимального расширения при династии Северов (первая треть III в. н. э.) Римская Африка занимала площадь в 350 000 км² из 900 000, составляющих Берберию. В Алжире высокие равнины возле городов Алжир

¹ Куртуа Кристиан (1912—1956) — французский историк, специалист по античной Африке. Трагически погиб в результате травм, полученных в автокатастрофе. Работа «Вандалы и Африка» была издана в 1955 г.

и Оран были вместе с Сахарским Атласом оставлены крупным племенам баваров, квинквегентаниев и транстагненсов. В Марокко горные цепи Атласа и лежащие на Атлантическом побережье южнее Шайба равнины также лишь изредка посещались военными экспедициями, отправленными вдогонку за разбойничьими шайками. У самых ворот Волюбилиса, совсем рядом с Мекнесом, начинались владения бакатов, над которыми Рим в конце II в. осуществлял нечто вроде протектората. Это бесспорные факты, и мы должны искать им объяснение. Границы зон влияния прочертить легко. По мнению К. Куртуа, определялись они в первую очередь рельефом местности: любой горный район оставался практически недоступным для романизации. Доводы, приводимые в пользу данного утверждения, очень убедительны для Центрального и Западного Алжира, а также Марокко. Бесспорно, что Риф, Уарсенис, Джурджура всегда оставались очагами нестабильности, требующими к себе почти постоянного внимания. В эпоху наивысшего могущества империи, при Антонине Пие (138—160), важный мавретанский город Сала (Шелла) жил в постоянном страхе перед набегами, опустошавшими поля, приводившими к угону в плен пахарей и пастухов, мешавшими эксплуатации лесов. В Мавретании Цезарейской ситуация часто была не лучше. Обе провинции практически непрерывно находились на осадном положении, а в приграничных городах военные власти держали под контролем общины, образованные ушедшими из армии ветеранами и примкнувшими к ним местными жителями. В то же царствование Антонина пришлось сосредоточить в Шершеле и Типазе войска со всей империи для крупного похода против племен высоких равнин. Оба города были превращены в укрепленные лагеря благодаря постройке крепостных стен, защитивших не только собственно город, но и его обширные предместья. Крупномасштабная операция против непокорных предполагала взять их в клещи с трех направлений: с востока на запад из Ламбезиса, с севера на юг из Шершеля и Типазы и с запада на восток из Тингитана. Разбойники понесли большие потери, в прибрежные города под надежной охраной

пригнали многочисленных пленных, чтобы там продать в рабство. Очевидно, этим временем датируется мозаика типазской базилики, на которой в самом центре изображена пара закованных в цепи пленников и их дети, а вокруг них размещены десять медальонов с головами варваров. Декораторы больших терм в Карфагене также вдохновлялись рабами, лепя из черного известняка двух гермесов; один из них, бритоголовый, с прядью волос, заканчивающейся амулетом в виде полумесяца, являет собой, наверное, лучший образчик берберского типа из всех, что оставила нам Античность. Другой, молодой негр суданского типа, вероятно, был захвачен в краях, лежащих очень далеко к югу, во время одного из дерзких рейдов легкой кавалерии, предпринимавшихся время от времени с целью нагнать страху на гетулов и порой достигавших сердца Сахары.

Еще одно небезопасное место довольно долго сохранялось на восточной оконечности Африки. Склады Сирты, основная часть богатств на которые поступала от транссахарской торговли, часто служили важным перевалочным пунктом торговли с предками нынешних туарегов, насамонами и гарамантами. Но эта опасность была окончательно ликвидирована Флавиями. И там тоже пленных варваров приводили в города, которые они заставляли дрожать, и предавали мучительным казням. Злитенская мозаика, возможно лучшая из дошедших до нас, изображает их гибнущими от клыков хищников, под звуки музыки, рядом с гладиаторами. Племя насамонов было практически истреблено. Гараманты вынуждены были согласиться принять римские войска, проводить их до Судана и оставались, вплоть до византийской эпохи, верными вассалами империи.

Итак, с начала II в. вся восточная часть Берберии была замирена и оставалась таковой до нашествия вандалов. Даже Орес, во все времена настороженно относившийся к иноземному влиянию, сначала был окружен, а затем подвергся широкому вторжению не только оккупационных войск, но и мирных земледельцев, которые поставили свои межевые знаки на его долинах. Нет никаких указаний на то, что колонии и укрепленные пункты Циртейской кон-

федерации подвергались набегам со стороны Кабильских гор; напротив, великолепные исследования А. Бертье¹ о Тиддесе показывают нам глубокую романизацию маленькой горной деревушки и благополучную мирную жизнь сельского населения на равнинах, явно не опасавшегося внезапно лишиться плодов своего труда. В Тунисе сложилась диаметрально противоположная ситуация: конечно, густые леса Крумирии не были населены; но побережье покрывали многочисленные города, чьи развалины, к сожалению еще плохо исследованные, свидетельствуют о зажиточности, не уступающей той, что была на равнинах Меджерды, более ровных, но и более засушливых, и западнее Милиланы; в Бизацене степь у подножия освоенных человеком и романизированных гор оставалась пустынной. Одного взгляда на лист Археологического атласа достаточно, чтобы выявить контраст, ускользнувший от внимания К. Куртуа, на которого слишком влияли его выводы, сделанные относительно Алжира, но имевший важные последствия, отмеченные другими исследователями.

Так что не следует представлять себе Римскую Африку в виде собрания пятен городских ячеек, утонувших в чуждом и враждебном им окружении сельских районов. Ее большая однородность на востоке более или менее серьезно нарушалась лишь в западных провинциях, всегда остававшихся опасными пограничными районами.

Только эти данные позволяют объяснить удивительную слабость военного присутствия; за исключением периода крупных смут, силы Африканской римской армии, призванной защищать Триполитанию, Тунис и район Константины, никогда не превышали одного легиона, Третьего «Августа», дополняемого вспомогательными частями, увеличивавшими его состав почти вдвое: всего около 13 000 человек. Мавретанская армия, полностью состоявшая из вспомогательных частей, была немногим более многочисленной. Уже эти цифры показывают абсурдность тезиса, изображающего Римскую империю как некую ги-

¹ Бертье Андре (1907—2000) — французский архивист и археолог, автор ряда работ об античном городе Тиддис.

гантскую тюрьму народов, удерживаемых в повиновении исключительно благодаря силе меча. С другой стороны, изучение расположения воинских частей доказывает отсутствие внутри провинций тех самых очагов нестабильности, которые К. Куртуа предлагает видеть в каждом горном массиве. Сегодняшние события в Алжире¹ с откровенной жестокостью показывают нам, какими огромными силами необходимо располагать, чтобы обеспечить мир в стране, будто специально созданной природой, чтобы стать ареной мятежей, разбоя, засад. А ведь до середины I в. н. э. провинция Африка, включавшая Тунис (без его сахарской оконечности), Триполитанию и департамент Бон, не имела гарнизонов. Войска дислоцировались на сахарской границе и находились под командованием специального легата, который в реальности подчинялся только императору; от Сирты до Ходны они занимали цепочку лагерей и крепостей, важнейшей из которых была та, где располагался штаб легиона; а он последовательно размещался в Аммедаре (Хайдре), Тевесте (Тебессе), Тимгаде и, наконец, в первые годы II в., в Ламбезисе. Дорога, соединявшая эти опорные пункты, составляла лимес², настоящую границу империи. Мы вернемся к ее организации и военной деятельности империи, изучая ее сахарскую политику; а пока достаточно отметить, что проходила она на обочине жизни провинции.

Не имея регулярных войск, римская Африка не знала даже жандармерии или постоянной полиции, за исключением тех смехотворных по численности подразделений, что годились разве только для выполнения функций почетной стражи проконсулов и для приведения в исполнение судебных приговоров: городской когорты численностью в тысячу человек, выделенной из муниципальной стражи Рима и усиленной когортой в 600 человек, выделенной из легиона Третьего «Августа». Повседневный по-

¹ Имеется в виду война Алжира за независимость от Франции, шедшая с 1954 по 1962 г.

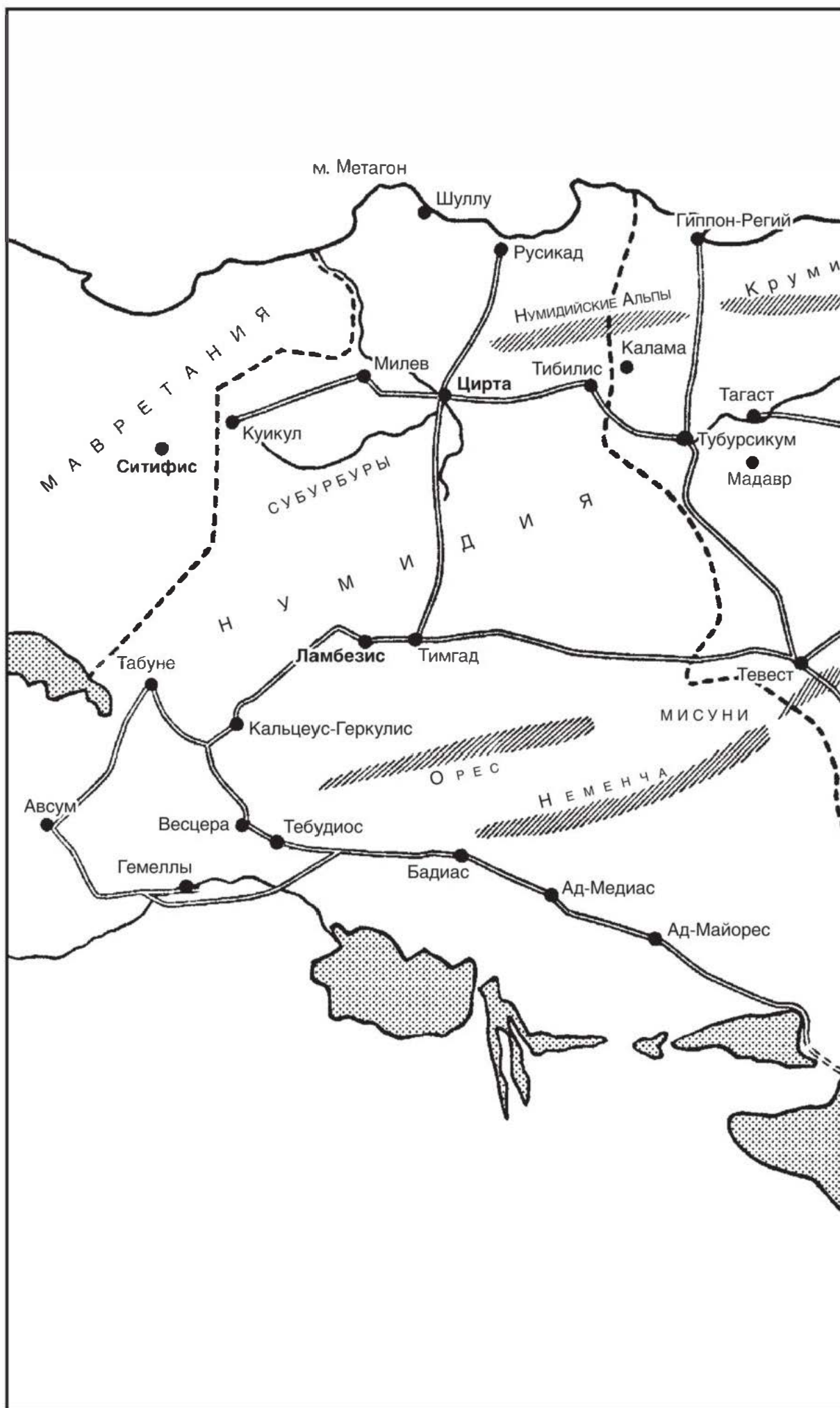
² Л и м е с — укрепленный рубеж (вал, стена), возведенный на границе Римской империи; в расширительном толковании — граница как таковая.

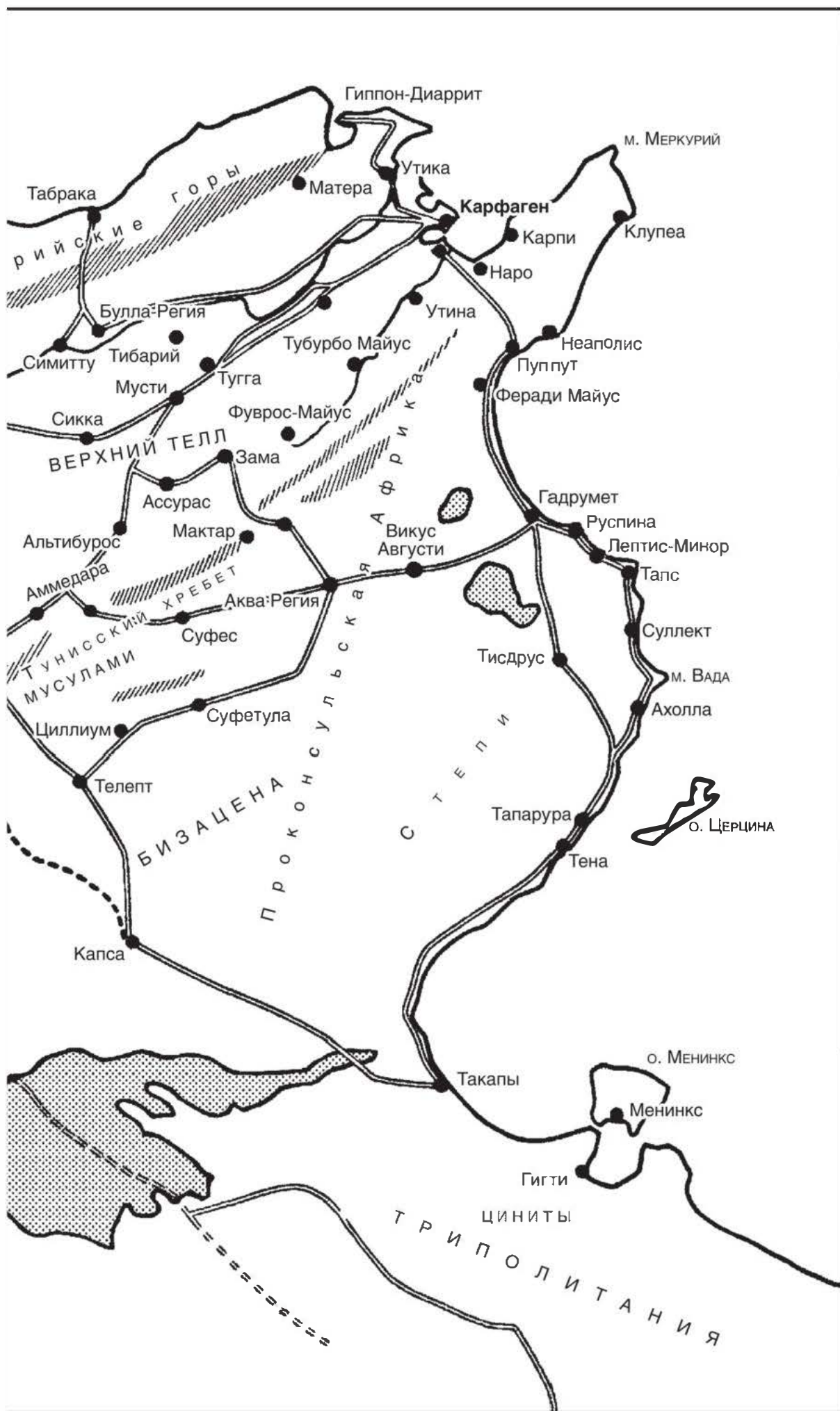
рядок поддерживала гражданская милиция, к организации которой мы еще вернемся; очевидно, что она могла справиться разве что с обыкновенными злоумышленниками. Разбросанность в Северном и Центральном Тунисе бесчисленных ферм, лишенных какой бы то ни было военной защиты, и прокладка через долины и горы дорог доказывают, что там не боялись нападений разбойничьих банд, как в лесистой и горной местности, вроде Альп и Балкан, Тавра и Атласа, и даже в самой Италии.

Провинции и управление ими

Различие условий безопасности, населения, экономической эффективности, зарождавшееся между востоком и западом Римской Берберии, отражалось в политической организации. 13 февраля 27 г. до н. э. Римская империя была разделена между сенатом и императором; сенат сохранял за собой управление старыми провинциями, спокойными и глубоко романизованными, куда, как и в былые времена, отправлял проконсулов. Император, единственный главнокомандующий, осуществлял в оккупированных странах полномочия военного губернатора; наместники из числа сенаторов (легаты) или выбранные из всаднического сословия управители (прокураторы) отправляли в каждом округе от его имени административную и судебную власть в совокупности с командованием гарнизоном. Восточная Берберия, которая одна носила официальное название Африка, вместе с Малой Азией была важнейшей из сенатских провинций; их проконсулы избирались из числа бывших консулов, в то время как в другие провинции назначались бывшие преторы. Эта провинция включала в себя почти весь Тунис до Чотт-Джериды и валов, перерезавших полуостров Габес приблизительно в месте, где проходила линия Марет¹. Присоединенная

¹ Л и н и я М а р е т — система укреплений, построенная французами в конце 1930-х гг.; в марте 1943 г. там шли бои между английскими и немецко-итальянскими войсками.

Проконсульская Африка и Нумидия

к ней Триполитания включала всю прибрежную Джефарскую долину до края сахарской платформы; наконец, на западе проконсулу подчинялась часть современного департамента Бон. Алжирский Телл и Северное Марокко, напротив, образовывали две императорские провинции последней категории, почему во главе их стояли прокураторы из всаднического сословия. Наконец, район современной Константины имел особый статус; теоретически, он входил в сенатскую провинцию. Но это был последний пережиток, завершивший свое существование при Тиберии: при двух первых императорах проконсул Африки сохранял военную власть своих предшественников времен республики; он командовал легионом Третьего «Августа» и оставался единственным во всей империи генералом, чьи полномочия, даже теоретически, никоим образом не зависели от императорской власти. Хотя сенаторы ни разу не пытались злоупотребить этой ситуацией, налицо было явное исключение из общего правила, которое подозрительный Калигула счел неуместным терпеть далее. Прогресс умиротворения позволял разделить военную территорию и гражданскую зону; было бы логично создать на юге и западе проконсулата новую императорскую провинцию, управляемую легатом. Но уважение к традиционным формам было в Риме столь велико, что даже тиран не осмелился перекраивать то, что решил Август. Он ограничился тем, что отнял у проконсула право назначения легата-командира Третьего легиона, а этому офицеру дал полномочия управлять западной частью провинции. Вплоть до начала III в. этот командующий довольствовался титулатурой, промежуточной между легатом провинции и главным наместником региона; подобно первым, он был «владельцем», но его титул содержал лишь номер легиона, а не название провинции. Септимий Север в конце концов урегулировал ситуацию, создав провинцию Нумидия.

Эта протокольно-юридическая тонкость кажется второстепенной. Какая разница для губернатора и тех, кем он управляет, назначен он на свой пост сенатом или императором, поскольку один и тот же человек за время

своей карьеры поочередно получал назначения и легатом, и проконсулом? Тем не менее римляне придавали подобным деталям очень большое значение и, если приглядеться внимательнее, начинаешь понимать, что с их стороны это не было простым формализмом. Проконсул пользовался большим престижем и, в некотором смысле, большей самостоятельностью, чем легат. Когда сенатская провинция попадала в особо трудную ситуацию, случалось, что управление ею принимал на себя император, который направлял туда чрезвычайного комиссара; так было в Вифинии во времена Траяна: Плиний Младший долгое время был ее губернатором по повелению государя, и его переписка показывает, сколь мало инициативы он мог проявить на своем посту. Проконсул Африки, напротив, внешне сохранял полунезависимость губернаторов времен республики. Сойдя в июле на берег в Карфагене, он первым делом шел приносить жертву Целесте, покровительнице города, и советовался с ее оракулом, еще даже до того, как вселиться в свой дворец, стоявший близ Капитолия, на нынешнем холме Сен-Луи (Святого Людовика); впрочем, он был волен покидать эту резиденцию в дни сирокко¹, чтобы найти прохладу на окруженной садами загородной вилле в Агер-Сексти. Он получал очень неплохое жалованье в миллион сестерциев (приблизительно 30 миллионов современных франков). Ему помогал целый штаб из офицеров и чиновников, набранных на месте или из привезенных с собой его друзей и родственников; когда он выезжал в город, перед ним шагали ликторы с фасциями и топориками, символами высшей политической власти в Риме. На кладбище императорских чиновников, расположенном у северных городских ворот, были найдены два больших украшенных орнаментом мавзолея, должно быть служившие усыпальницами приближенным губернатора. На одном барельефе изображен легат проконсула верхом на коне, борода и волосы подстрижены по моде середины II в., а перед ним

¹ С и р о к к о — сильный жаркий ветер в странах средиземноморского бассейна.

двое сигниферов¹: один несет, очевидно, знамя городской когорты, составлявшей обычный гарнизон административного центра провинции; другой — вексиллум, небольшое кавалерийское знамя, привязанное перпендикулярно к древку, на которое нанесен титул чиновника и которое должно быть его личным значком. Церемониал подобного выхода копировал торжественные выезды императора.

Но жизнь проконсула состояла не из одних праздников; среди множества лежавших на нем обязанностей важнейшей являлась должность судьи по большинству крупных гражданских и уголовных дел. Защитная речь Апулея, протоколы судов над христианскими мучениками показывают нам, как он отправлял свои функции в окружении «друзей», по обычаю окружавших его, и советников. Ему приходилось ездить на процессы из города в город, останавливаясь в преториях, которые муниципии содержали для него; прения проходили в базилике, дворце правосудия, который каждый город должен был возвести как можно ближе к форуму. Самым величественным из дошедших до нас этих зданий, несомненно, является то, что по повелению Каракаллы было построено в 216 г. в городе Лептис в Триполитании, колыбели его семьи. Погребенное под песками, оно было обнаружено почти не поврежденным итальянскими археологами. Это огромное сооружение длиной около 100 м и шириной около 40 м. Центральный неф заканчивается с каждой стороны абсидой, в которой располагался суд и по бокам которой симметрично размещались секретариаты, отделенные коринфскими колоннами красного гранита, привезенными из Египта; на втором этаже находились боковые галереи, а деревянный потолок, вознесенный на высоту 28 м над землей, поддерживался другой колоннадой, поставленной на первую. По обеим сторонам от входа находились столбы с барельефами, иллюстрирующими подвиги Геркулеса и легенду о Бахусе, в которых лептисанцы видели пуни-

¹ С и г н и ф е р — младший офицер римской армии, носивший сигнум — эмблему воинского подразделения: когорты, манипулы или центурии.

ческих покровителей своего города, Мелкарта и Шадралу. Триполитанцы, имевшие, как и другие африканцы, склонность к сутяжничеству, видели, что их прения проходят под двойным покровительством богов и императора, воплощением которого казался проконсул. Не могло быть и речи, чтобы он спихнул на подчиненных ему судей серьезное дело, только мелочевку. В административном плане проконсул должен был контролировать работу муниципий, доводить до их сведения императорские законы и постановления, следить за исполнением таковых; проведение общественных работ большой важности, строительство дорог и акведуков также входило в его обязанности. Но для этих задач у него были помощники: три легата, которых не следует смешивать с императорскими легатами — выбранные им часто из собственной семьи: один из них пребывал в Карфагене, второй в Гадрумете; его юрисдикция распространялась на Бизацену; третий в Гиппоне, его участком был запад провинции. А еще проконсул отвечал за финансы вверенной ему провинции. Он собирал налоги и подати в специальную кассу, санкционировал выплаты, осуществлявшиеся квесторами, и, сдавая должность, передавал остаток своему преемнику. Наконец, в случае необходимости он вмешивался в экономическую жизнь, в первую очередь для того, чтобы обеспечить снабжение продуктами питания Рима, затем, насколько возможно, занимался ликвидацией последствий неурожая и борьбой с чрезмерным повышением цен.

То есть это была важная должность, на которую допускались только опытные люди. Чтобы претендовать на нее, сенатор должен был пройти все ступени служебной карьеры чиновника республики: вигинтивират, квестуру, эдилитет или трибунат, претуру, консулат. И только в среднем через пятнадцать лет после этой высшей должности его кандидатура могла рассматриваться на пост проконсула. Но при империи в течение года обычно сменялись от шести до восьми консулов, тогда как проконсульских должностей имелось всего две (Азия и Африка), то есть не все бывшие консулы могли их получить. В принципе, отбор осуществлялся вытягиванием жребия. Но при случае

судьбе можно было помочь: одно место из Апулея доказывает, что часто учитывались пожелания африканского населения, по крайней мере наиболее видных его представителей, заседавших в Римской курии. Так что в начале исполнения должности высший чиновник Африки должен был считаться с общественным мнением провинции. А провинция имела тысячу разных более или менее скрытых способов оказывать на него давление. Провинциальная ассамблея, состоявшая из депутатов всех муниципальных советов, официально имела право после истечения срока его полномочий проголосовать за вынесение ему благодарности и почестей либо, наоборот, пожаловаться на его действия, а в серьезных случаях даже возбудить против него дело в сенате. Переписка Плиния сохранила для нас отчет об одном таком процессе, где обвиняемым был очень плохой проконсул, Марий Приск, печально известный тем, что за взятки приговаривал невиновных к смерти. За 300 000 сестерциев он приговорил к изгнанию римского всадника, а семерых его друзей приказал казнить; в другом деле взятка в 600 000 сестерциев стоила другому всаднику пытки кнутом и каторжных работ на рудниках; несчастный был убит в тюрьме. Легат Фирмин Гостилий стал его соучастником, приняв от одного взяткодателя подарок в виде благовоний на 10 000 сестерциев; особое негодование следователей вызвал именно легкомысленный характер подношения. В качестве обвинителей сенат назначил двух самых великих писателей того времени — самого Плиния и Тацита. Но Приск нашел ловких адвокатов. Сначала они пытались не допустить, чтобы дело попало в сенат, и просили передать его в специальный трибунал, занимающийся должностными преступлениями. Перед этим судом Приск признался и был приговорен к лишению всех должностей. Но, по мнению назначенного консула Юлия Ферокса, сенат не захотел отказать от преследования преступника. В январе 100 г. начался второй процесс перед всей курией в полном составе, под председательством лично императора Траяна. Было проведено три заседания. Одна только речь Плиния заняла пять часов, и император, всегда заботившийся о

его здоровье, вынужден был несколько раз передать ему через секретарей просьбу побережь горло и грудь. Защитники не пытались отрицать факты; они ограничились призывами к милосердию, то есть к сенаторской солидарности по отношению к одному из своих. В парламентской среде подобные аргументы никогда не остаются не услышанными. В общем, при голосовании выявились два противоположных мнения: назначенного консула Корнута Тертулла, который требовал изгнать виновных, предварительно заставив вернуть наворованное; и Коллеги, предлагавшего утвердить приговор первого суда. Наконец, большинство проголосовало за более суровый приговор, который сам обвинитель Плиний посчитал очень жестоким. Фирмин был лишь исключен из списка кандидатов на губернаторскую должность и сохранил свое место в сенате. Очень печальное впечатление производит снисходительность к преступлениям Приска такого справедливого и доброго человека, как Плиний. В оправдание римскому сенату следует сказать, что процесс был начат не от имени провинции, то есть Африканского совета, а по инициативе одного из муниципалитетов, вероятно Лептиса, и частных лиц. То есть преступная деятельность проконсула оказалась ограниченной рамками единственного города, если только его сообщники не оказались достаточно влиятельными, чтобы с самого начала замять значительную часть преступных деяний.

Право судить деятельность проконсулов принадлежало не только провинциальной ассамблее. В каждом городе муниципальные советы и народные собрания могли при истечении полномочий проконсула провести дебаты, которые не обязательно заканчивались составленными в преувеличенных выражениях похвалами, многочисленные образчики которых дошли до нас.

Исследователь христианской эпохи Проспер Тиро пишет, не без пафоса, об излияниях, которым жители Карфагена предавались в подобных обстоятельствах: «В этот торжественный день народ славил своих проконсулов в трибунале. Их имена записывались на таблички из слоновой кости. Тому, кто управлял провинцией с талантом и

честностью, воздавались хвалы и почести, даже если они отсутствовали, тех же, кто в свое правление проявил себя неспособным и алчным, освистывали и громко выражали свое недовольство». Африканцы, люди темпераментные и импульсивные, не знали середины между неумеренными восхвалениями и безудержной бранью. Веспасиан, бывший проконсулом Африки до того, как стать императором, был не слишком популярен из-за своей бережливости или, как говорили злые языки, скарденности. По приезде в Гадрумет он был встречен дождем из репы, которую римляне использовали для тех же целей, для каких мы помидоры. Как мы видим, жизнь общества империи была гораздо демократичнее, чем мы себе представляем. Магистратам приходилось улаживать тех, кто оказывал влияние на общественное мнение, например жрецов местных культов, к которым население оставалось сильно привязанным и которые представляли собой наиболее живую часть наследства Карфагена: другой будущий император, Пертинакс, вступил в конфликт с прорицателями Целесты. Это давление языческого «духовенства» не раз вынуждало принимать против христиан гораздо более суровые меры, чем хотели бы власти. Но в первую очередь следовало по мере возможностей бороться с удорожанием жизни и обеспечивать народ развлечениями. В 366 г. проконсул Гиметий взял из хранилищ зерно, предназначенное для отправки в Рим, чтобы не допустить чрезмерного повышения цен на хлеб. В периоды процветания губернаторы поощряли строительство зданий для развлечений толпы: терм, театров, цирков и амфитеатров, а главное, поощряли зрелища, устраивавшиеся там под их эгидой.

Задача их была тем труднее, что излишняя популярность у народных масс могла стать причиной больших неприятностей: когда политика императоров входила в противоречие с политикой сената, а в I и III вв. такое происходило весьма часто, проконсул, видный член высшей ассамблеи, априори попадал под подозрение в нелояльности государю. Действительно, пример Гордиана I, вознесенного на трон империи африканскими горожанами, восставшими в 238 г. против социальной политики Максимиана, показывает, что

проконсул с легкостью мог стать вождем грозной оппозиции. Хотя со времен Калигулы он больше не располагал значительными вооруженными силами, контроль над главным источником снабжения Рима продовольствием давал в его руки рычаг, способный потрясти всю империю. Поэтому государь принял в отношении его меры предосторожности, доказавшие свою эффективность, поскольку, хотя многие проконсулы Африки впоследствии достигли трона империи, ни один не овладел им непосредственно в период губернаторства, за исключением Гордиана I, который почти сразу же был убит.

Во-первых, проконсул оставался на своем посту всего год. Лишь в исключительных обстоятельствах его полномочия продлевались на второй или третий срок. Так что ему не хватало времени обрасти в провинции прочными связями, необходимыми для организации мятежа. Кроме того, он находился под плотным наблюдением. В самом Карфагене у императора имелся личный агент, чье влияние чуть ли не равнялось власти губернатора; прокуратор, чиновник из всаднического сословия, в принципе занимался финансовыми делами государя в провинции. На первый взгляд его обязанности трудно отличить от обязанностей квестора; по идее, именно он должен был под руководством проконсула управлять казной (*fiscus*) провинции, куда поступали прямые налоги. Прокуратор должен был руководить управлением поместьями и взимать косвенные налоги, по крайней мере один: двадцатину на наследство, которая шла в военную казну, находившуюся в прямом ведении императора. Но скоро различия стерлись в пользу прокуратора, карьерного чиновника зрелого возраста, определенно более опытного и компетентного, чем его соперник, юный сенатор, для которого должность в магистратуре была не более чем одной из нижних ступенек карьерной лестницы. С другой стороны, прокуратор уже в давние времена получил часть судебных полномочий, без которой римляне не представляли себе политической власти; ограниченная в принципе финансовыми вопросами, его юрисдикция постоянно расширялась за счет губернатора. Со II в. финансист стал вторым человеком в провинции и все больше

сплавлял чисто технические задачи на своих более профессионально подготовленных коллег, управляющих поместьями и сборщиков косвенных налогов. Теперь, в случае если место проконсула оставалось вакантным, его обязанности временно исполнял прокуратор. Он в любое время контролировал деятельность своего начальника, и эффективности его контроля способствовало то, что этих двоих разделяло всё: социальное происхождение, ибо прокуратор, как мы увидим, зачастую происходил из провинциальных горожан; уровень жизни, поскольку чиновник всаднического звания получал лишь 200 000 сестерциев, одну пятую жалованья проконсула; постоянная взаимная враждебность почти неизбежно усиливалась из-за их профессионального соперничества.

Другой противовес власти высокого чиновника из числа сенаторов был более далеким, но еще более грозным: он находился в руках легата легиона Третьего «Августа», пребывавшего со времен царствования Адриана в Ламбезисе. Генерал, как и проконсул, происходил из высшей аристократии, но представителей этого класса разделяла вражда, порождаемая различиями социального и регионального происхождения, характером избранной карьеры, военной или гражданской, различием в политических симпатиях, так что было нетрудно подобрать на две должности тех, кто друг друга не переносит. В 238 г. мятеж горожан Тисдруса и Карфагена, покончивший с прокуратором и облачивший волей-неволей в императорский пурпур восьмидесятилетнего проконсула Гордина, был утоплен в крови солдатами вспомогательного легиона Карпеллиана. Между карфагенским прокуратором и ламбезским легатом неизбежно возникали прямые связи, поскольку в число обязанностей первого входила выплата жалованья войскам.

Города

Какими бы широкими ни были полномочия губернатора и императорских чиновников, значительная власть в период ранней империи оставалась в руках избранных го-

родских магистратов. Было бы большой ошибкой считать римские города неким эквивалентом наших коммун; те могли обладать некоторой автономией, но их юридическое лицо принадлежало государству, административными единицами которого они являлись. В письменных источниках муниципии часто называются *respublica*, что можно вполне правильно перевести как «республика». Вся империя предстает как федерация, совокупность маленьких республик, соединенных между собой отношениями международного права.

Если использовать биологическое сравнение, то она похожа не столько на организм, клетки которого не могут существовать независимо друг от друга, сколько на соцветие мать-и-мачехи или, если угодно, на улей или муравейник, где жесткое подчинение общине каждого ее члена не отменяет полностью их индивидуальности. Но если все пчелы, и даже матка, практически одного размера и обладают одинаковой силой, один из городов, объединенных в Римскую державу, подавляет все прочие своими гигантскими размерами и один образует голову и сердце всей системы.

Развитие очень специфического типа общества, каковым являлись города, отличает средиземноморский мир от всех прочих человеческих объединений, и нет никаких сомнений в том, что именно его совершенство является главной причиной превосходства нашей классической цивилизации над ее соперниками; легко доказать, что город предложил особо благоприятные условия для морального идеала, основанного на любви к свободе, чувстве справедливости и ценности человеческой личности; вместе с тем его экономическая структура помогла направить деятельность человека к техническому прогрессу и овладению силами природы; наконец, кривая западного могущества на протяжении истории полностью совпала с той, что знаменует прогресс и регресс организации городской жизни и общественных классов, в некотором смысле порожденных ею.

Общепринято мнение, что полис возник довольно рано: в IV в. до н. э. в Греции, двумя или тремя столетиями поз-

же в западной части Средиземноморья. Известно, что в эллинистический период большие автономные города V в. постепенно поглощались более крупными образованиями, обычно управляемыми монархом. Но следует добавить, что эти царства или империи, по крайней мере до конца III в. н. э., не были государствами, сравнимыми с государствами современной Европы, и что активный и творческий элемент в них порождался все теми же городами, включенными в них и лишившимися независимости, но по-прежнему живыми.

Это особенно верно для Римской империи, единственного из таких образований, которое смогло выжить после гибели несовершенных обществ, вроде македонской монархии и греческих, этрусских и пунических союзов. Сначала город Рим на протяжении пяти веков рос и достиг гигантских размеров: в 241 г. он занимал площадь в 250 000 км², в три раза больше, чем Спарта в момент ее наивысшего расцвета: расширяться дальше он не мог.

Но с этого момента его развитие приобретает новый двойной аспект: с одной стороны, он присоединяет или окончательно покоряет чужие города, с другой — он разбрасывает по всем провинциям свои колонии, которые вклиниваются между периферийными городами, влияя на них, в некотором смысле управляя ими до такой степени, что они, в свою очередь, превращаются в новые римские ячейки.

Эта двойная работа наконец завершилась только в начале III в. н. э. Империя к этому времени сформировала множество похожих друг на друга городов, из которых происходили универсальные общественные классы и которые служили базой для системы общих, все более совершенствующихся государственных и общественных институтов.

В Африке и во всех вообще западных провинциях — Италия случай особый — эта биологическая трансформация человеческой среды прошла с наибольшим успехом. В волосатой Галлии на территории каждого из приблизительно шестидесяти племен, покоренных Цезарем, появился город, ставший важным центром обширного сельского округа.

В Африке, напротив, мы наблюдаем настоящее скопление городов; несмотря на то что мы располагаем древними картами, знаменитой Пейтингеровой скрижалю¹ и Итинерарием Антонина², картами, составленными такими географами, как Плиний Старший и Птолемей, десятками тысяч надписей, многие из которых позволяют локализовать город, а особенно соборными листами, где перечислены епископы и руководимые ими церкви, установить точное количество городов невозможно. Не менее 500 по всей Римской Африке, более 200 в одной только проконсульской провинции. Это означает, что каждый из них имел очень ограниченную площадь: в среднем 500 км², четверть французского округа.

Эта необычайная плотность наверняка стала одним из важнейших факторов социальной структуры античной Африки. Рассмотрим хотя бы только политический аспект: надо помнить, что в римском мире именно город являлся главным центром политической деятельности. Так что общественная жизнь в Африке была гораздо более оживленной, чем в других западных провинциях. Значительный процент ее жителей активно участвовал в управлении своими делами и мог участвовать в работе правительственных органов провинции и всей империи: мы увидим, что в конце II в. н. э. африканцы действительно управляли средиземноморским миром. Это стало результатом вековой эволюции. В республиканский период африканская провинция не обладала никакими привилегиями. На ее земле еще не было ни единого города, управляющегося по римскому праву; всего семь городов, все финикийские по происхождению и организации, пользовались автономией, зачастую ставившейся под вопрос общественными повин-

¹ Пейтингерова скрижаль — копия древнеримского дорожного чертежа мира, созданного, предположительно, не позднее V в. н. э.

² Итинерарий Антонина — книга-указатель, в которой перечисляются все дорожные переходы и расстояния каждой из существовавших на тот момент римских дорог; составлена во время правления Каракаллы, предположительно, переделана и дополнена в конце III в.

ностями; три на севере: Утика, имевшая опасную честь служить резиденцией пропретора, Теудалис и Узалис, даже местоположение которых остается неизвестным. Четыре в Бизацене: Гадрумет (Сусса), Лептис-Минор, Тапс и Ахолла. Все прочие города, и такие важные, как Гиппон-Диаррит (Бизерта), и маленькие полудеревни-городки, вроде Тубурбо Майуса, были покоренными городами, в которых римские власти лишь терпели традиционные институты, без какой бы то ни было юридической гарантии. Не располагая кадрами, чтобы заполнить все вакансии в провинции, губернатор считал для себя удобным иметь дело с ответственными магистратами, чья власть полностью зависела от его благорасположения. Каким бы ни был их статус, африканские города продолжали управляться на финикийский манер, избирая двух суффетов¹, которым помогал совет нотаблей.

Цезарь и, особенно, Август мало-помалу ломали эту традицию; первый, очевидно, был суров с вольными городами, которые в большинстве своем поддерживали республиканскую армию Катона и Сципиона. Многие на время потеряли свои политические свободы и окончательно лишились иммунитетов, благодаря которым не подлежали налогообложению. Но, вернувшись к неудачному проекту Гая Гракха, диктатор решил создать в Африке колонии, куда следовало переселить часть ставшего слишком многочисленным римского плебса. Четыре из этих городов, Карпи (Мраисса), Курубис (Корба), Клупеа (Келибия), Неаполис (Набуль), были основаны на мысе Бон, где находились наиболее процветающие поместья карфагенской аристократии. Другие были соединены со старыми финикийскими городами: Гиппон-Диаррит (Бизерта), очевидно, Гадрумет и Тисдрус. Самый крупный должен был занять место Карфагена. Название он получил в честь Цезаря в 43 г. до н. э., но по-настоящему город возник в 29 г. благодаря присылке Октавианом новых колонистов, а до этого ему пришлось пережить трудные годы и, в част-

¹ Главные должностные в финикийских городах: верховные судьи и, во время военных действий, главнокомандующие.

ности, немало претерпеть от неприязни Лепида, которую он проявлял все четыре года своего правления Африкой.

Август продолжал политику своего приемного отца, расселяя в Африке демобилизованных солдат и разорившихся италийских собственников, чтобы очистить место для преданных себе людей. Но в отношении местного населения он проводил более либеральную политику. Час уравнивать их в правах с коренными римлянами, квиритами, еще не настал. Впрочем, Август не был сторонником политики массовой натурализации и предпочитал сотрудничество, уважая различные местные традиции. Он подтвердил или даровал трем десяткам африканских городов автономный статус *civitas libera*. Одна лишь Утика была возведена в ранг муниципии, что автоматически давало всем ее магистратам и сенаторам римское гражданство.

Но главным результатом колониционной политики Цезаря и Августа, продолжаемой их преемниками, стало принуждение иммигрантов — в большинстве своем италийцев по национальности или, по меньшей мере, по культуре — и местных жителей к совместному проживанию и тесному взаимодействию. Разбросанные по территории провинции маленькие колонии должны были жить общей жизнью с ранее возникшими городами местного населения. Группы римлян, еще немногочисленные, расселились в других городах, вроде Тугги (Дугги); там они нашли римлян, поселившихся раньше, потомков Гракховых колонистов или ветеранов Мария. Эти колонисты образовали нечто вроде небольшой муниципальной ячейки, *pagus*, административно привязанной к колонии Карфаген, но, совершенно очевидно, поддерживавшей наиболее тесные связи с африканцами, с которыми делили тяготы и радости повседневной жизни. Успех этого сосуществования людей, разделенных политическими традициями, верованиями, интересами, обычаями, является настоящим чудом, в которое трудно поверить, особенно зная ситуацию в современной Северной Африке с ее этническими группами, разделенными непримиримыми предрассудками. Позднее мы подробно рассмотрим социальный и экономический аспекты проблемы, которые, несомненно, пре-

допределили ее счастливую судьбу. А на данный момент ограничимся констатацией факта отсутствия сопротивления местного населения, как открытого, так и приглушенного недовольства, которое наверняка оставило бы следы либо в исторической традиции, либо в письменных источниках, и подчеркнем необычайную важность этого согласия, каковое можно было бы назвать уникальным в человеческой истории, если бы в то же самое время мы не наблюдали бы такое же, только менее интенсивное, в Галлии. Жители Гигти, возвышавшейся напротив Джербы в заливе Габес, во II в. н. э. поставили на форуме своего города статую Согласия, которую наделили атрибутами всех богов, чтобы показать, что видят в ней лучшее воплощение Высшего Божества. Статуя, хранящаяся ныне в Музее Бардо¹, не красива, но ценность ее заключается в ее очень точном символизме. Рог изобилия, который она держит, напоминает нам о замечательном процветании Римской Африки, которым она пользовалась — увы! — слишком недолго, которое было продуктом тесного союза, установившегося с I в. между итальянскими иммигрантами и африканцами пунического и ливийского происхождения.

У императорского правительства хватило мудрости не поддерживать расовую дискриминацию, к которой некоторое время, похоже, склонялся Август. С начала II в., когда итальянская иммиграция почти иссякла, города-перегрины², становившиеся все более многочисленными, получили статус муниципий, что натурализовывало их политическую аристократию, или колоний, что уравнивало всех их жителей с квиритами. Итак, понятие колонии приобретало совершенно новый смысл: речь уже шла не о поселении иностранцев, а об общине совершенно ассимилировавшихся местных жителей. По этой трансформации можно оценить гибкость ума народа, которому его

¹ Музей Бардо — тунисский национальный музей римских и вообще античных произведений изобразительного искусства, расположенный в пригороде г. Тунис, Бардо.

² Перегрины — категория населения в Древнем Риме; лично свободные подданные империи, не имевшие прав римского гражданства.

правовое сознание и привязанность к традициям не мешали понимать необходимость эволюции человеческого общества. Крупные порты Бизацены и Триполитании, Гадрумет и Лептис, первыми были повышены до статуса колонии при Траяне. Его преемник Адриан распространил эту милость на главные центры Нумидии. Даже у полукочевых племен с границ Сахары, вроде чинитиев и сиртских нибгениев, первостепенная знать была возвышена даже более статуса муниципалов — до ранга всадников. При Марке Аврелии, Коммодe и Септимии Севере большинство городов, задержавшихся в статусе peregrini, нагнали опередивших; так что, когда Каракалла в 212 г. решил даровать римское гражданство всем свободным людям в империи, еще не имевшим его, похоже, что, по крайней мере, в Африке, он лишь закрепил положение, охватывавшее почти всех жителей провинции.

Необходимо подчеркнуть для тех, кто воображает, будто империю раздирали непреодолимые обиды и националистическая ностальгия, которые и были причиной требования африканцами предоставления им римского гражданства. Греки, жители Востока, и особенно евреи сожалели о прошлом величии своих народов и утраченной свободе и оставались тесно привязанными к своим традиционным институтам. В Африке, как, впрочем, и в других западных провинциях, ничего подобного не наблюдалось. Мы увидим, как только в религиозной сфере несколько жрецов-фанатиков долгое время поддерживали угодные пуническим богам обычаи, зачастую варварские. Огромное большинство жителей Африки всех классов проявляли по отношению к Риму лояльность, пережившую даже гибель империи. Надписи донесли до нас память о демаршах, предпринятых жителями Лептис-Магны в Триполитании, Гигти на берегу залива Габес или далекого марокканского Волюбилиса, чтобы получить для их общины право римского города, и в них видна радость, испытываемая на противоположных концах Африки от возможности сменить традиционные пунические установления на муниципальные римские. Это рвение было столь велико, что император Адриан счел нужным однажды умерить его; Утика

пользовалась статусом муниципии со времен Августа, и большинство ее жителей, если не все, имели римское гражданство, получая его либо по автоматической натурализации для членов совета, либо в индивидуальном порядке, по особой милости. Теперь они просили для своего города статуса колонии. Император рассмотрел просьбу с тем большим вниманием, что испанский город, откуда он был родом, Италика, находился в таком же положении, и обратился с аналогичной просьбой. Он напомнил авторам петиций, что статус колонии, не давая никаких дополнительных привилегий, заставит их перейти на римское право, в то время как они до сих пор сохранили свои традиционные законы. Ничего не подействовало: колония была престижнее муниципии, и утикийцы, как и италийцы, все-таки добились для себя бесполезной чести, что доставило им большую радость.

Надо сказать, что подобные переходы облегчались большой схожестью в устройстве городской жизни между пуническими городами и римскими муниципиями. И в тех и в других источником власти являлось народное собрание; оно проводилось на мощеной площади в центре города. В Лептис-Магне и Мактаре археологи нашли две такие площади, относящиеся к I в. н. э. и, возможно, появившиеся одновременно с самими городами. Неровные, лишённые портиков, они обладают беспорядочностью и шармом старинных агор греческих городов и римского форума времен республики. Но градостроительное искусство очень скоро преобразило их; у каждого африканского города, крупного или совсем небольшого, имелась более или менее просторная — от 700 м² до гектара, — но всегда мощеная площадь, окруженная крытыми галереями, предоставлявшими укрытие от дождя и солнца и дававшими доступ к необходимым дополнениям демократической жизни: лавкам, торгующим напитками. Вокруг стояли одно или несколько святилищ, обычно Капитолий и храмы римских богов, обожествленных императоров, богов-покровителей города. Сама площадка была уставлена памятниками: статуями выдающихся личностей, императоров, губернаторов, благотворителей. В городах, имеющих

статус колонии, на крестообразном постаменте стояла статуя волчицы, кормящей своим молоком двух близнецов, символ римской матери-родины, и изображение сатира Марсия с флейтой, символизирующего городскую автономию. Часто на входе возвышалась монументальная арка, посвященная какому-либо императору. На той, что была построена в Тигиббе, маленьком городке в древней области Массилия, на одной из правых опор имеется надпись, говорящая о том, что жители не испытывали какого-то сверхпочтения к величию места: *si quis hic urinam fecerit, habebit Martem iratum!*¹ Богатейшие города не довольствовались одним форумом: Лептис, Мактар, Куикул, Тубурсикум Нумидийский, Калама и, очевидно, другие построили второй, более просторный и роскошный, чем первый, в связи с каким-то успехом, которые города переживают, как и отдельные люди.

Собрание не было беспорядочной толпой горожан; как и все римские институты, она имела свои кадры и свою иерархию. В античных республиках граждане осуществляли свои права не как отдельные личности, а как члены промежуточных объединений, обычно обозначаемых названием племени. В римских муниципиях эти организации именовались куриями, чтобы отличать их от римских племен, в которые граждане тоже были записаны, если входили в число квиритов. Но африканские курии представляют собой особое явление. Поставленные, как и всё в империи, под покровительство бога или влиятельной персоны, они вели очень активную внутреннюю жизнь; это были настоящие клубы со своими управляющими, своими жрецами. Они собирались на пиры в честь праздников или погребения одного из своих членов. Правило было просто: любой проступок оплачивался амфорами с вином, добавленными к обычной норме. Самым серьезным считалось дурно отозваться о фламинe или, того хуже, поднять на него руку. Некоторые курии, как, например, курия Арриа в Теметре, маленьком городке в тунисском Сахеле, устраивали свои собрания в термах. В эти

¹ Если кто захочет здесь помочиться, он разгневает Марса! (лат.)

общества нельзя было вступить запросто, даже будучи гражданином: члены курий образовывали аристократию, и их голосования влияли на решения муниципальной ассамблеи, ведя не состоящие в куриях массы. В этих чертах мы узнаём реликты пунических учреждений. Еще Аристотель отмечал, что политическая жизнь Карфагена определялась клубами, собиравшимися на совместные трапезы.

Поставленная в такие рамки, политическая власть граждан могла осуществляться через посредство наиболее влиятельных лиц. Ее основная функция заключалась в избрании декурионов и магистратов, но выбор был строго ограничен: выбирать можно было только из кандидатов, обладающих состоянием, достаточным, чтобы выполнять возлагаемые на них должностью обязанности, к тому же соискатель должен был быть представлен своими предшественниками. В остальном народ имел право голосовать только за похвальные адреса и почести; правда, такое право, при всей своей внешней невинности, давало им больше власти, чем считают. Отличия, которые кажутся нам скромными, — титул, статуя, воздвигавшаяся обычно удостоенным этой чести, если это не был император, проконсул или некий важный вельможа, за свой счет, ценились не меньше, чем ордена нашими современниками. Чтобы получить их, раздавались, причем совершенно официально, подарки деньгами либо натурой, и нередко очень дорогостоящие: термы, театры, фонтаны, рынки и т. д. Основная часть монументальных строений африканских городов возведена благодаря таким вот усилиям нотаблей. И наоборот, неприязнь, даже в адрес высокопоставленного деятеля, тоже выражалась весьма шумно, и ее очень боялись.

Так что нет ничего удивительного в том, что африканцы сохраняли свои комиции до конца IV в., в то время как в других местах народные собрания давным-давно канули в Лету. Объяснение этого долгожительства, удивляющего историков, очевидно, следует искать в высокой степени урбанизации провинции: в маленьких городах не существовало большой разницы в уровне между декурионами и куриалами, составлявшими сенат, и массой граж-

дан, образовывавших собрание. Небольшой размер территории позволял всем жителям легко собраться в главном городе. Не менее интересно отметить, что в Африке наиболее широко из всех западных провинций были распространены политические права.

Реальное управление городом принадлежало муниципальному сенату, или ордо (*ordo*), и магистратам. Именуемый «блистательным», совет обычно включал в себя сотню членов, называемых при ранней империи декурионами, а в IV в. куриалами. До наших дней частично сохранился *album*, то есть список куриалов Тимгада, приблизительно за 364 г. В муниципиях и колониях организация была скопирована с римского сената. Декурионы были разделены на классы в соответствии с их достоинством; сначала шли почетные члены, патроны города, римские сенаторы или всадники, затем бывшие ординарные декурионы, бывшие эдилы и квесторы, наконец, простые декурионы, именуемые *pedani*. Этот ранг определялся их местом в курии, почти квадратной залой со ступенями, на которых стояли складные «курульные» стулья, в соответствии с обычаем, пришедшим из Этрурии. Курия чаще всего примыкала к форуму. Председательствовал на заседаниях один из действующих дуумвиров. Сначала он представлял *relatio*, то есть отчет о событиях, сделавших необходимым созыв совета; затем приглашал членов совета в соответствии с иерархическим порядком высказывать свое мнение. Некоторые излагали его в форме проекта резолюции, подкрепленного речью; большинство ограничивалось выражением согласия с точкой зрения одного из выступивших ранее. В случае неопределенности относительно результата проводилось раздельное голосование. Так, в консульство Лолия Авита и Статилия Максима, V ноябрьских календ (28 октября 144 г. н. э.) ордо маленького города Сала, ныне Шелла в Марокко, собралось под председательством дуумвиров Гая Валерия Рогата и Публия Постумия Гермесандра, чтобы обсудить очень огорчившее всех событие: отъезд префекта Сульпиция Феликса, командира местного гарнизона. Один из декурионов, К. Корнелий Капелла, произнес хвалебную речь в адрес уезжающего:

его достижения превысили сделанное его предшественниками, он был скромн, добр, целомудрен, уважителен к ордо, друг народа, ревностно исполнял свой долг. Прилегающая к городу территория была опустошена набегами непокорного соседнего племени бакатов; дипломатией и силой Сульпиций Феликс возвратил горожанам свободный доступ к их лесам и полям, защитил тружеников патрулями, укрепил городские стены. Наконец, как и наши офицеры колониальных войск, он был судьей и управленцем, вел самые сложные процессы и восстанавливал баланс муниципальной казны. Все эти и многие другие прекрасные деяния перечислены в длинной надписи всего в одной фразе, сложные синтаксические конструкции которой делают честь профессору риторики, распространявшему латинскую культуру среди жителей этого далекого муниципия.

В некоторых городах меньшего размера и менее романизированных иерархия членов совета была организована иначе: узкий комитет из десяти или двенадцати членов, избавившийся от массы декурионов, действовал под председательством своего рода старейшины, «князя» или «приора», обладавшего основной властью. «Десять первых» встречались также и в других провинциях начиная с III в.: они образовывали комитет, ответственный перед государством за сбор налогов на территории общины. Но в Африке они появились раньше и, очевидно, имели другое назначение. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с еще одним пережитком пунических институтов: сенат Карфагена делегировал исполнительную власть ограниченному по численности комитетам, самый крупный из которых имел тридцать членов. К сожалению, нам неизвестна точная структура советов крупных неопунических городов, таких как Лептис.

Все античные города, финикийские, греческие или римские, возникают как экономические сообщества с тесной солидарностью. Личная собственность существует, но неравенство ее распределения исправляется постоянными призывами к щедрости богачей, которые не могут их игнорировать, не нанося тем самым удара по своим политическим амбициям. Для получения должности в магистратуре

необходимо не только платить налоги, впрочем весьма умеренные, но и взять на себя определенные общественные расходы и устраивать для народа дорогостоящие развлечения. Эта система, напоминающая «потлач» индейских племен — большой праздник, на котором нотабли соревнуются в щедрости, чтобы получить власть, — очевидно, достигла совершенства при Римской империи. Городские чиновники не получали никакого жалованья, напротив, должны были при вступлении в должность внести в городскую казну сумму, варьировавшуюся в зависимости от ранга должности и значительности города. Эта «почетная» или «законная» сумма зачастую превышала средний годовой доход горожанина. Но популярность он приобретал лишь тогда, когда намного превышал обязательный тариф и, главное, добавлял различные щедроты: один преподносил в дар городу памятник, храм, театр, термы, другой устраивал игры, пиры, раздавал нотаблям деньги, а доброму люду выставял бесплатную выпивку. На это уходили значительные суммы, и уровень жизни простых людей был весьма высоким, при условии что они жили в городе.

Пунические города в этом плане не отставали от римских; они даже придумали санкционировать дары, получаемые за громкие титулы: друг родины, друг граждан, украшатель отечества — создалась целая иерархия почетных наименований.

Была ли власть магистратов достаточно важной, чтобы окупить подобные расходы? В колониях и муниципиях должности копировали существовавшие в Римской республике: после принятия в ордо можно было получить квестуру, дававшую управление муниципальной казной, и всадническое звание, сопряженное с осуществлением контроля за общественными работами и рынками. Пост «мэра» был разделен между несколькими чиновниками: в колониях между двумя, в муниципиях часто между четырьмя. Эти дуумвиры и кватуорвиры, настоящие консулы в мини-масштабе, разбирали обычные уголовные дела, правонарушения, совершенные рабами, и гражданские дела на мелкие суммы. Они определяли, на что тратить городскую казну, обеспечивали общественный порядок с помощью

«коллегии юных», применяли в жизнь законы и постановления центральной власти. Мы располагаем протоколами процессов времен Диоклетиана по нескольким городам Центрального Туниса: по постановлениям дуумвиров производились разрушения базилик и уничтожение священных книг, аресты духовенства. Раз в пять лет дуумвиральная коллегия получала очень важную миссию — провести цензовую перепись, то есть определить размеры состояния каждого гражданина и поместить его на соответствующее место в иерархии: на первом месте стоял список членов ордо. Эта перепись была важнейшей гражданской обязанностью. От нее зависело надлежащее исполнение главных функций муниципии: сбор налогов для центральной власти. Губернатор сообщал дуумвирам общую сумму налога, которую должен был уплатить город, десятину с урожаев и личную подать на peregrinos. А они затем раскладывали эту сумму на всех граждан.

Данная фискальная функция в перспективе погубила муниципии. Уже во II в. финансовое положение многих было не блестящим, и императорское правительство вынуждено было назначать специальных финансовых комиссаров. Это были важные чиновники, чаще всего римские сенаторы, которым приходилось заниматься многими городами, в которые они наведывались лишь проездом. Как бы то ни было, это стало первым ударом по автономии городов, первым шагом к централизации, усилившейся в III в.

Впрочем, города часто бывали вынуждены обращаться к императору с просьбой об отмене для них налогов — Каракалла даровал такую жителям Волюбилиса в 216 г. — или повышения их юридического статуса. Успех демарша во многом зависел от посланца, отстаивавшего интересы города. Поэтому старались заручиться поддержкой влиятельных патронов; в самом благоприятном случае это мог быть местный уроженец, достигший статуса римского сенатора. Он никогда не забывал земляков и защищал их от чиновников, как наши депутаты своих избирателей. Несколько лет назад в Тене (Тина, в 10 км к югу от Сфакса) нашли основание возведенной горожанами крупной конной статуи некоего Эмилия Пуденса, их земляка. Сначала

этот человек сделал не слишком выдающуюся карьеру в армии: достигнув чина центуриона, он последовательно служил в четырех легионах, в том числе и в Третьем «Августа» в Ламбезисе. Но его брат Лет, намного более удачливый, чем он, получил золотое кольцо — символ всаднического достоинства, а затем достиг высшего звания в кавалерии: префекта претория, который являлся не только командующим гвардией, но и первым министром империи. Этот важный пост был вовсе не безопасен: царствовавший тогда Коммод имел капризный и мнительный характер, делавший императора страшным для его приближенных; уже многие префекты впали в немилость и были казнены. Но на данном посту офицер оказался очень полезен жителям Тены; очевидно, он принимал у себя тех, кто приезжал в Рим по делам, был их проводником в уже запутанном лабиринте ведомств и лиц, ведавших управлением провинциями, представлял их прошения императору и старался доставлять им выгодные места. Надпись не сообщает нам детали оказанных им услуг, но объединяет их в следующей красноречивой формулировке: *ob in singulos universosque examinatam affectionem* (за взвешенную симпатию, которую он проявлял к каждому и ко всем). Муниципальный ордо попросил его войти в дуумвират, и он не отказался. Важные особы, даже сам император, часто соглашались принять эту скромную должность, как и наши видные политики пост мэра какого-нибудь небольшого городка. Разумеется, они не исполняли обязанностей лично, а делегировали их своему представителю, который носил титул «префекта для выступлений по праву». Но все зависело от карьеры Лета, основывавшейся на его близости к императору и его окружению, его любовнице Марции и его камергеру, египтянину Эклектору. К сожалению, Коммод погружался в замешанное на мистицизме безумие, родившееся из безграничной власти императора и окружавшего его благоговейного поклонения. Подражая Геркулесу, образцу спасителей человечества, он все чаще организовывал странные церемонии, которые общественное мнение оценивало как экстравагантные и скандальные. Лет и его друзья пытались его отговорить, за что он

решил их убить. Марция узнала о замысле императора и опередила его, приказав убить его самого. Лет с его преторианцами стал властелином империи. Сначала он вручил императорский пурпур Пертинаксу, но не сумел удержать свои войска в повиновении. После Пертинакса императором стал Дидий Юлиан, который избавился от ставшего слишком могущественным префекта. Септимий Север, заняв престол, сумел наконец восстановить порядок, и лептисанцы, его земляки, получили милости, которыми в течение уже некоторого времени пользовалась Тена. Между городами сохранялось острое соперничество, и каждый пользовался изменениями в имперской политике, чтобы получить для себя преимущество перед конкурентом; тогда, как и сейчас, сторонники партии власти спешили извлечь максимум выгод из своего положения, прекрасно зная, что новый переворот в любой момент может лишить их этих благ.

Так, в империи, управляемой абсолютным правителем, автономные сообщества сохраняли некоторую свободу, и политическая нестабильность, несмотря на привносимые ею неудобства, даже казалась необходимой для морального здоровья жителей западных провинций. При ранней империи правительство не противилось этой деятельности, лишь бы она оставалась строго в рамках муниципий. И принимало меры, чтобы отбить у независимых групп желание выходить за эти рамки; в Африке, как и в других провинциях, мы не находим профессиональных корпораций. Чтобы избавить жителей провинций от искушения нарушить *Lex Julia* о незаконных коллегиях и не быть обвиненными в руководстве вооруженным мятежом, муниципальная организация изощрялась, чтобы своими силами удовлетворить желание объединения, такое сильное у жителей империи. Курии, как мы уже убедились, были не просто секциями для голосования, а настоящими клубами, занимавшимися как досугом живых, устраивая для них пиры, так и проводя в последний путь умерших, организовывая погребения. Также была признана необходимость охватить молодежь, которая в силу возраста склонна демонстрировать свою независимость и буйный нрав. Ювентусы, или юно-

шеские коллегии, поставленные под непосредственный контроль муниципальных магистратов, отвечали этой цели и одновременно образовывали милицию, поддерживавшую порядок всюду, где не были расквартированы воинские подразделения. В Мактаре мы обнаружили здание, в котором на протяжении трех столетий проходили собрания этих ювентусов. В своем последнем виде, предположительно датированном началом III в., но отреставрированное при Диоклетиане, оно включало большой зал собраний — базилику — и гимнастический двор, окруженный портиками и различными служебными помещениями. Общество функционировало уже в царствование Домициана, в 84 г. н. э. Оно объединяло, очевидно, на год всех молодых людей города, достигших определенного возраста: около семидесяти в год, когда был выгравирован текст. Под покровительством Марса они, скорее всего, получали военную подготовку, а также, вероятно, образование. В этот переходный период ювентусы, похоже, сильно способствовали романизации Мактара; после тридцати лет деятельности кружка городские нотабли, сформированные им, получили от Траяна права гражданства. Ювентусы объединяли представителей всех классов, без различий: в них состояли даже вольноотпущенники. В более поздние времена они стали более аристократическими, а в период кризиса III в. члены ювентусов с оружием в руках отстаивали привилегии городской буржуазии, которым угрожали некоторые императоры. Члены юношеской коллегии из Фисдруса совершили революцию 238 г., облачившую в императорский пурпур Гордиана I. Вместе со своими товарищами из Карфагена и других городов они безуспешно пытались противодействовать репрессиям легионеров Капелиана. Вероятно, именно тогда городок Мактар был razoren и возродился лишь полвека спустя.

Духовное единство

В то же самое время, когда организовывались ювентусы, в Мактаре действовало еще одно общество, совсем иного типа. Это было религиозное братство под покрови-

тельством карфагенской богини Хатхор Мискара, храм которой оно воздвигло. Имперское правительство не могло устранить этих «мизрахов», необходимых для отправления культа Ваалимов, остававшегося господствующим в Африке. Но не могло и без подозрений смотреть на эту сеть обществ, в которых не состоял ни один квирит, которая противостояла жрецам официально разрешенных культов, коханизм, члены которой собирались в предместьях, в закрытых храмах, и упрямо продолжали использовать финикийский язык. Их подозревали в ритуальных убийствах детей, чем печально прославился Карфаген. Проконсул II в. по имени Тиберий приказал по этому обвинению жрецов священного дерева повесить на том самом дереве, под которым они и совершали свои преступления. Во время первого кризиса, потрясшего империю в царствование Марка Аврелия, пророки, часто посещавшие храм Целесты в Карфагене, рассредоточились по городу, призывая к мятежу. Будущий император Пертинакс, бывший тогда проконсулом, с большим трудом сумел усмирить их. Вероятнее всего, эти фанатики начали действовать не только под влиянием политических и экономических трудностей момента, но и из-за новшеств, введенных в культ их богини. В тот период действительно происходили крупные трансформации, окончательно романизовавшие африканскую религию: пунический язык вышел из употребления, старые временные святилища сменились классическими храмами, и, главное, богослужения теперь осуществлялись римскими жрецами, принадлежащими к муниципальной аристократии. Когда выходцы из Африки пришли к власти в империи, бог Ганнибала занял место в ряду покровителей Рима. Короткий взлет уроженца Гадрумета Клодия Альбина привел к тому, что статуя культа Ваала Хаммона, восемь веков стоявшая в храме этого города, послужила образцом для имперских чеканщиков монеты. Триполитанец Септимий Север взял в качестве покровителя Мелькарта-Геркулеса и Шадрапу-Бахуса Лептийского, его внучатый племянник Элагабал привез в Рим Целесту, чтобы сочетать ее браком с Ваалом из сирийского Эмеза, жрецом которого он был. Эти новшества могли

шокировать римлян-традиционалистов, но они подтверждали, что пунические боги заняли место в толпе олимпийских божеств, еще правивших над старым Капитолием под верховенством Юпитера, должно быть удивлявшегося порой внешнему облику и нравам своих новых компаньонов.

К тому времени духовная оппозиция, представленная пуническими кружками, сменилась в африканских городах другой, более активной и опасной: христианской. Мы с удивлением отмечаем взрывной рост в Африке числа христианских общин в конце II в. Еще ничто не предвещает евангелизации при Антонинах. Сменяется поколение, и Тертуллиан показывает нам христиан, заполнивших улицы, площади, курии, оставивших язычникам только их храмы. Еще более поразительная вещь: акты сцилийских мучеников в 180 г. и святых Перпетуи и Фелицитаты и их товарищей в 203 г. показывают, что первые африканские христиане не были, в отличие от, например, галльских, иммигрантами с Востока, обосновавшимися в крупных городах, а, напротив, являлись местными уроженцами, жителями небольших городков. Имя Намфамо, означающее на пуническом языке «Правильная нога», прославлено мученичеством. Невозможно поверить, что вера в Христа с такой молниеносной быстротой распространилась среди поклонявшихся Ваалу тысяч простых людей, которые уже не находили утешения в храмах римского Сатурна.

Эта замена последних мизрахов первыми церквями способствует расширению сложной проблемы причин конфликта между империей и церковью; почему хорошие императоры с такой суровостью, доходящей до крайней жестокости, преследовали своих лояльных подданных, просивших всего-навсего позволить им молиться их богу по-своему? Говорят, дело в том, что христиане отказывались исполнять обряды императорского культа. Мы же, напротив, склонны считать, что эта излишняя категоричность в неприятии церемоний, не имевших большого религиозного значения, соответствует приблизительно отказу от воздания почестей государственному флагу или неизвестному солдату. В гораздо большей степени христианам вменялось в вину не их индивидуальное поведение, а принадлежность к объедине-

нию, не подчиненному властям империи и конкурирующему с ними. Очевидно, епископы никогда не пытались, во всяком случае до Константина, подменять своей властью юрисдикцию гражданских чиновников. Но опорой и оправданием политической системы была концепция мира, человека и богов, в самом своем основании противоположная христианской теологии; отказ от этой идеологии неизбежно вычеркивал поклоняющегося Христу из политической жизни, превращая его тем самым в плохого гражданина, неверного солдата. Этим и объясняются усилия императоров III в. заставить всех своих подданных засвидетельствовать недвусмысленным актом — жертвоприношением богам империи — свою верность духовным принципам режима.

Действительно, длительное время существовало заблуждение относительно важности в греко-римской культуре религиозных элементов и теснейшей связи этой культуры с имперской политической системой. Критика мифологии эллинистическими философами и их латинскими наследниками, рационализм и материализм, провозглашенные многими школами, могли заставить поверить в смерть политеизма с началом империи. Многие историки рассматривали усилия по реставрации, предпринятые Августом, как тщетную реакцию; «вольтерьянство» Лукиана подтверждало во II в. после Рождества Христова смерть классического политеизма, не способного как вытеснить народные верования, наследие примитивных обществ западных провинций, так и бороться с восточными мистическими культами. Христианство не нашло в этих культах серьезного соперника. Что же касается имперской религии, она представляла собой чисто политическую попытку замаскировать духовную пустоту, заполнить которую смогла только победа христианской церкви.

Сегодня, в свете целой серии исследований, выводы которых совпадают, представляется, что, напротив, греко-римский спиритуализм в два первых века нашей эры был живым и активным. Сами юристы отмечают, что анализ конституционной власти государя, в том виде, в каком его провел Моммзен, не позволяет сделать вывод об основе автократии, которая, избавив Августа от законодательных

ограничений, поставила его над всей республиканской государственной машиной. В конечном счете эта автократия частично основывалась на милости богов: через нее император, даже отсутствуя в армии, обеспечивал победы своих генералов над варварами; государь, посредник между Провидением и Миром, давал фелицитас, материальное изобилие и мир. Но эта «харизма» должна была оправдываться героическими добродетелями Цезаря: смелостью, справедливостью, милосердием и, главное, благочестием. Римский император отождествлял себя с василевсом философов, пастухом стад, врученных его охране Зевсом. Все императоры II в., даже «стоик» Марк Аврелий, прекрасно осознавали этот идеал риториков, философов и мистиков, Дион Кассий и Элий Аристид непрестанно напоминали им принципы. Но эта философия нераздельна с пайдеей, гуманизмом, сформулированным в Греции, в который оказывается включенным все мистическое наследие, интерпретируемое символически, чтобы примирить его с моралью. Эта культура — подлинная душа империи; отказаться от нее, как делали иудеи и христиане, значит поставить себя вне закона. Отстающие, сохраняющие разнородные традиции, не допускаются в римскую общину, не усвоив эти принципы, не проникнувшись этим идеалом; ведь это он обеспечивает правильное функционирование городских общин, поддерживает порядок, согласие и гармонию среди их членов. Каждый гражданин прилагает все усилия, чтобы на месте, отведенном ему судьбой, исполнять закон Зевса по наставлениям Клеанта, то есть жить, по мере возможности, в добродетели, пример которой подает сам император. Города и коллегии образовывали такое же количество церквей, кружков на службе пайдеи: высшей должностью был не думвир, а жреческий сан фламينا. Над каждым форумом, освященным в соответствии с авгуральными правилами, доминировал Капитолий — святилище, где находилась римская триада, высший символ мировой гармонии; святилищами были курии и даже рынки, где царствовал Меркурий, термы, чей декор, скульптурный или живописный, воспевал богов и мифы о них, театры, представления в которых являлись настоящими богослужениями. Боги и герои

присутствовали в повседневной жизни, не были холодной абстракцией: великие благодетели человечества, Церера, Аполлон, Бахус, Геркулес, создавшие своей борьбой и страданиями космический порядок и ежедневно продолжавшие обеспечивать регулярную смену времен года, являлись для каждого человека образцом, которому тот старался следовать, как в Средние века христианин подражал святым. Солдат-защитник империи — почитатель Марса и Геркулеса; охотник, отслеживающий хищника, повторяет подвиги Ипполита и Мелеагра; даритель, жертвующий часть своего состояния на украшение города, заслуживает таких же почестей, как героические основатели городов; а мудрец, изучающий священные книги и распространяющий содержащиеся в них знания, обучая людей, однажды станет блаженным, как Гомер, Платон и Вергилий. Конечно, жестких догм не существовало; каждый человек оставался свободным в выборе религии, при условии, что его секта принимает имперский идеал. Так, вакханки, последовательницы восточных культов, долгое время находились под подозрением; но затем их очищенные обряды получили одобрение понтификов и включены в римскую религию. Аналогичный феномен объясняет уже отмеченную трансформацию пунической религии: начиная с конца II в. Сатурн и Целеста, Шадрапа-Либера и Мелкарт-Геркулес заняли место на Олимпе, как и кельтская Эпона. Эта натурализация стерла их первоначальное варварство. Но взамен некоторые формы греческой философии, излишне рационалистические, слишком мало проникнутые божественным смыслом, эпикурейство и особенно кинизм начинают терять своих приверженцев. А главное, христиане и иудеи, презирующие и отвергающие классическое наследие, тем самым сливаются с врагами империи, этими варварами, чья разрушительная нечестивость повторяет бунт титанов и, подобно ему, навлекает молнии мщения Юпитера.

Теперь становится понятно, что противовесом вполне реальному либерализму империи была не менее реальная нетерпимость: очень широкая свобода внутри города-церкви, ячейки империи и одновременно духовной общины, главой которой является Август, как в качестве великого

понтифика, так и в ипостаси государя и императора; при этом абсолютная непримиримость в отношении тех, кто хотел бы создать вне города группировки, выпадающие за рамки городской общины и культивирующие другой идеал. Такая суровость оправдывается не столько страхом перед политическими беспорядками, сколько ощущением абсолютной необходимости единодушия, без которого прекрасное единение Вселенной и человека, обеспечивающее мир и процветание во всемирной рамке империи, перестало бы существовать.

Но это единодушие было возможно лишь в том случае, если бы все жители империи имели возможность вносить свою лепту в общий идеал, то есть если бы все могли эффективно участвовать в жизни города. В эдикте 212 г. отнюдь не пустыми словами является фраза преамбулы, объясняющая, что права гражданства даруются peregrini из желания привлечь их к отправлению культа римских богов. С учетом высокой плотности городов мы лучше поймем успехи империи в данной провинции. Их многочисленность позволяла большинству жителей Африки пользоваться политическими и материальными выгодами режима и более плотно приобщаться к своему идеалу. Тем не менее в этой привилегированной провинции сохранялись районы, не затронутые общественной жизнью. Историки вслед за Ростовцевым¹ увидели в этом противостоянии между деревней и городом главную слабость империи, причину крупного системного кризиса, потрясшего ее основы в III в.

В следующей главе мы рассмотрим численное соотношение городского и сельского населения. А сейчас отметим, что, несмотря на большое количество городов, второе превосходило первое. Однако это не значит, что сельские жители оставались чужды городам. Те, кто жили на принадлежащей городу территории, часто приезжали в него продать продукты своего хозяйства, приобрести ремесленные

¹ Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952) — российский и американский историк и археолог, специалист по социально-экономической истории эллинизма и Древнего Рима, а также по античному Причерноморью.

изделия, уплатить подати, вынести на суд магистратов свои тяжбы. Многие маленькие центры с небольшим постоянным населением жили главным образом за счет приезда крестьян. Так что те могли участвовать в общественной жизни, в политических собраниях и празднествах и, следовательно, приобщаться к интеллектуальному, религиозному и моральному идеалу, который пропагандировали эти мероприятия. Если город находился слишком далеко, рядом всегда оказывался *викус* или *кастеллум*¹, копировавшие в уменьшенном размере его организацию. Надписи, памятники, обнаруженные в этих малых центрах, подтверждают, что там думали совершенно так же, как в соседних городах. Проблема духовного диссидентства существовала только для колоннов, живших в императорских или частных поместьях, да для членов ливийских племен, оставшихся верными унаследованной от предков организации общества и проживавших в своего рода резервациях. Мы располагаем многочисленными документами, показывающими, что и те и другие старались в меру своих возможностей копировать городскую организацию и часто, при содействии властей и хозяев, им это удавалось; так, мы видим, что колонны императорского поместья выбирают магистрата, чтобы тот представлял их интересы, и строят триумфальную арку в честь императора. Многие колонны имели римское гражданство. М. Ростовцев предположил, что императоры II в. стремились организовать крестьян своих поместий в отдельный класс, защищали их от городской буржуазии и напрямую контролировали через своих прокураторов. На наш взгляд, не существует ни одного доказательства этой гипотезы. Императоры знали, что города лучше кого бы то ни было поддерживают их политику, и всеми способами старались увеличивать их количество и благосостояние. Так что нет никаких оснований подозревать наличие идеологического противостояния между деревней и городом. Упорствующие элементы, «пунические» реакционеры, а затем христиане,

¹ В и к у с — торгово-ремесленное поселение, не имеющее статуса города; к а с т е л л у м — небольшое отдельно стоящее укрепление, форт.

похоже, пополняли свои ряды в первую очередь в самих городах. Причины их диссидентства будут рассмотрены позднее.

Так мы лучше поймем подлинные причины успеха Рима в Африке. Трансформация ливийско-пунического населения, искреннее и полное принятие большинством его римского имперского порядка не были навязаны административными или военными мерами. Они стали следствием изменений этих народов в результате спонтанных действий свободных и живых организмов, внедрившихся внутрь их и поглощающих их окружение, подобно клеткам, завоевывающим биологическую среду и трансформирующимся в организм высшего порядка. Власть Рима над другими городами не стала причиной их смерти, как часто полагают. Напротив, она придала им новую жизнь, до бесконечности увеличила их мощь, позволила привлечь человеческие элементы, задержавшиеся на более низкой ступени культурного развития. Римский мир основан не на силе, а на согласии людей, объединенных в городскую республику и обращенных ею в цивилизаторский гуманизм. Но эта великая революция совершилась не только в результате духовной притягательности; ей пришлось обратиться также и к выгоде; подданные империи были не теми людьми, кто готов пожертвовать материальным благополучием ради соблазнительной утопии. Рим заслужил их любовь в первую очередь повышением уровня их жизни, богатством, которое им доставил. Его политический успех основывается на экономическом прогрессе, причины и этапы которого мы сейчас рассмотрим.

Глава 2 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Население

Одна из фундаментальных сложностей изучения Античности — это редкость или ненадежность статистических данных. Раньше, когда историки считали явления

экономической жизни второстепенными, это было не так важно; сегодня мы совершенно уверены в том, что они, напротив, являются одной из основных движущих сил в развитии человечества. И мы сталкиваемся с очень неприятной альтернативой: разумеется, трудно делать выводы на основании недостоверных или слишком скудных данных. Но систематический отказ от всякого анализа грозит вызвать еще более тяжелые ошибки. Мы полагаем, что, за неимением точных цифр, можно определить порядки величин, позволяющие отбросить хотя бы совершенно нереалистичные предположения.

Во-первых, что касается численности населения античного мира. Древние, особенно римляне, разумеется, не пренебрегали переписями, необходимыми для организации армии и, главное, установления налогообложения. Но их результаты лишь в редких случаях дошли до нас: тех, что относятся к Африке, у нас нет вообще. Поэтому современные историки вынуждены строить предположения и догадки, результаты которых, естественно, в значительной мере являются гипотетическими или спорными. Мы возьмем за основу те, что недавно предложил трагически погибший К. Куртуа; их достоинство в том, что они стали результатом метода, который автор подробно изложил. С одной стороны, Куртуа представляет оценку в глобальном масштабе, с другой — аналитический расчет; Ю. Белох в своем общем труде о населении греко-римского мира, вышедшем в 1886 г.¹, оценивал численность всего населения империи на момент смерти Августа (14 г. н. э.) в 54 000 000 человек; эта цифра соответствует средней плотности 16 человек на км², которую Куртуа выводит для Африки. Значит, наибольшего размера она достигла при Северах, 5 600 000 человек. Но Куртуа считает данную цифру слишком завышенной, в сравнении с 8 000 000 магрибцев, живших на этой территории век назад. Поэтому

¹ Б е л о х Карл Юлиус (1854—1929) — немецкий историк и экономист, специалист по истории Древнего Рима и Греции. Речь идет о его работе *Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt* («Население греко-римского мира»).

он определяет число жителей провинции в 4 000 000 со средней плотностью порядка 10 человек на км².

Вместе с тем мы знаем, главным образом по епископальным спискам, около 500 африканских городов; Куртуа попытался высчитать их среднюю площадь, плотность застройки и, следовательно, численность населения. Первая не превышает 40 га для важных городов, провинциальных столиц и крупных портов; другие, скромнее размерами, но более многочисленны, занимают в среднем по два десятка гектаров. Плотность их населения может быть оценена в 250 человек на гектар. То есть мы выходим на среднюю цифру 5000 жителей, что дает 2 500 000 горожан по всей провинции. В таком случае получается, что более 60% римляно-африканцев проживали в городах.

Возражения, выдвигаемые против этих рассуждений, многочисленны и очевидны. Работа Белоха появилась семьдесят лет назад; ее автор, один из лучших знатоков Античности, которых породила немецкая школа, не свободен от некоторой предвзятости. После него другие специалисты пришли к совершенно иным результатам: например, Тенней Фрэнк насчитал в Италии 14 000 000 жителей во времена Августа, в то время как Белох всего лишь 6 000 000. И если уж сравнивать его с Белохом, то надо идти до конца: не 8 000 000 африканцев, а 14 000 000. Впрочем, он очень плохо знал эту провинцию.

Куртуа полагает, что численность африканского населения во времена империи увеличивалась очень незначительно, если вообще не снижалась. Это утверждение противоречит всем археологическим данным, равно как и общепризнанному факту развития экономики: не было ни одного африканского города, который бы не расширил заметно свою площадь в течение II в. и в первой половине III в.; Тимгад разросся вчетверо. Разумнее признать, вслед за Ростовцевым, значительный рост населения наших африканских и многих других провинций, что с лихвой восполнило убыль населения, отмеченную в Италии и Греции. Это стало результатом экономической децентрализации империи, к которой мы еще вернемся.

Наконец, расчет населения территории с применением коэффициента средней плотности для всей территории средиземноморского мира не подходит: получим ли мы число жителей департамента Нор, умножив его площадь на среднефранцузскую плотность в 75 человек на км²?

Расчеты по городам также не внушают доверия. Во-первых, мы знаем не все африканские города. Во-вторых, среди них, как мы увидим, имелось несколько значительных агломераций, которые одни могут поднять цифру на многие сотни тысяч. Расчеты площади основаны всего на двух городских центрах; однако повсюду, где раскопки охватили значительную площадь, было обнаружено существование предместий, порой весьма протяженных. Плотность городского населения в 250 жителей на гектар, выведенная Куртуа, рассчитана по европейским городам; но мы увидим, что устройство средиземноморского жилища полностью отличалось от того, что навязывают климат и образ жизни на севере. А главное, невозможно поверить в то, что в стране, чья экономика основывалась в основном на сельском хозяйстве, в деревнях проживало всего лишь 40% населения.

В расчетах К. Куртуа мы должны изначально отвергнуть оценку в глобальном масштабе, как ни на чем не основанную. Численность городского населения в 2 500 000 человек может рассматриваться как минимум для II и III вв.; а для I в., когда еще не наступил расцвет городов, она, вероятно, слишком завышена.

Конечно, в данном вопросе критиковать легче, чем создавать. Тем не менее существует определенное количество конкретных сведений, которые еще не были задействованы. Сначала следует рассмотреть распределение жилищ. Первый очевидный факт, на который мы уже обращали внимание, — это плотность городов. Нам известно более 500 по всей Африке, более 200 только в проконсульской провинции, площадь которой следует определить приблизительно в 100 000 км². Таким образом, очевидно, что города эти стояли очень близко один к другому. Античные дорожные карты, таблица Пейтингера и Итинерарий Антонина, дополненные археологическими раскопка-

ми, позволяют нам оценить разделявшие их расстояния. В районе Тугги мы находим десять городов в радиусе 10 км, приблизительно по 30 км² каждый. Предположив, что среднее число жителей каждого было 5000 человек — города вместе с пригородами, — мы получаем плотность 160 человек на квадратный километр. На дороге из Карфагена в Тевест, в районе Мусти, среднее расстояние между городами равняется примерно 10 км. Можно предположить, что во всей Зевгитане, за исключением горного массива Крумирия, площадь городов не превышает 80 км².

Вместе с тем в этом регионе далеко не вся земля принадлежала городам. Нам известно о существовании императорских имений, весьма обширных. В частности, в районе, где города стояли наиболее тесно друг к другу, между Меджердой и ее притоком Силианой, письменные источники указывают на наличие семи сальтусов¹. Было бы чудом, если бы до нас дошел полный их список. С императорскими соседствовали поместья, принадлежащие сенаторам, например сальтус Бегенсис, которым в 138 г. владел сенатор Луций Африкан, и поместья Валерии Атициллы. Два эти поместья раскинулись на южных склонах Тунисской Дорсали, недалеко от императорского поместья, сальтус Массипанус фискальный документ IV в. перечисляет рядом с городами фундусы², которые кажутся столь же многочисленными. По имени одной из них, фундус радитанус, мы можем локализовать их в Верхнем Телле. Крестьяне поместий по большей части там же и жили; их дома объединялись в деревню, как в уже упоминавшейся Каза Бегенсес, или в Каза Нигре, родине знаменитого Доната, по имени которого была названа секта IV в.

Даже на территории городов значительная часть населения жила не в самом административном центре. Все дома, раскопанные в городах, являются относительно роскошными *domus*³, явно принадлежавшими людям обеспеченным. Земледельцы были рассредоточены по вику-

¹ С а л ь т у с — крупное поместье.

² Ф у н д у с — ферма.

³ Д о м у с (лат.) — городской особняк на одну семью.

сам, кастеллам или изолированным фермам. Обочины дороги, соединявшей Тубурнику, Туггу, Агбию, Аунобари, были застроены во всю ее длину домами с садами, так что эти четыре общины практически образовывали единую непрерывную агломерацию. Мактар, который мы знаем достаточно хорошо, на юго-западе граничил с Мидиди, отстоящей от него на 14 км; на юго-востоке с Чусирой, в 16 км; на северо-западе с Тигиббой в 10 км; на севере с Цивитас А... в 10 км; на северо-востоке с Узаппой в 14 км. Только к югу его территория простиралась, не встречая преград. Трудно себе представить, что в таких условиях он мог иметь максимальную площадь в 100 км². При Антонине Пие он включал 62 кастеллы. Броутон¹, впечатленный этой цифрой, предположил, что в ту эпоху соседние города еще не получили автономии и поэтому их включали в число кастелл. Данная гипотеза маловероятна: форум Тигиббы выглядит построенным одновременно с форумом Мактара, при Траяне. Археологический атлас указывает на наличие в радиусе примерно 15 км 132 видимых руин; многие включают крупные строения, храмы или большие дома, укрепленные в позднюю эпоху. Их принадлежность следует разделить между Мактаром и его соседями. В Константине А. Бертье и его соратники исследовали зону в 110 км на 40, соответствующую коммуне Айн-Млилла, и часть прилегающих земель; сегодня это один из наиболее отсталых районов Алжира, один из тех, где бербероговорящее население численно превосходит арабоговорящее. Выявлены руины 250 объектов, римских по внешним признакам, в большинстве своем относящихся, вероятно, ко II в. н. э. Эти развалины, растянувшиеся в среднем примерно на 4 км и имеющие плотность $1/_{1680}$ га, отмечают места, на которых стояли довольно значительные городки: их площадь варьируется от 6 до 25 га; четыре центра достигают размеров настоящих городов: Сила,

¹ Броутон Томас Роберт Шэннон (1900—1993) — канадский историк-антиковед, видный латинист, автор классического справочника *The Magistrates of The Roman Republic* («Магистраты Римской республики»), 1951—1952, 1960.

Сигус, Тигисис и самый крупный, чье древнее название остается неизвестным, в Бу Такрематене. Можно до бесконечности продолжать приводить примеры и внимательно изучать карты из археологических атласов Алжира и Туниса. Надо еще отметить, что бригады топографов, собиравшие данные для этих сборников, имели гораздо меньше возможностей, чем те, что дает ныне аэрофото-съемка. Шевалье и Кайемер в своих исследованиях римских кадастров, основанных на этом новом методе исследований, отмечают, что на каждой 50-гектаровой центурии обычно имелся населенный центр.

Мы просим прощения за сухость этого анализа, остающегося (повторим еще раз) очень и очень неполным; но он был необходим, чтобы показать хрупкость баз, на которых основывается большинство делавшихся до сих пор общих выводов о населении Римской Африки.

Сегодня вырисовываются две убежденности, абсолютно противоречащие тезисам К. Куртуа: население Африки местами достигало невероятной плотности, превышающей 100 человек на км²; несмотря на огромное число городов, большинство жителей жили рассеянно по сельской местности, на фермах, в деревнях или небольших поселках. Ростовцев, между прочим, четко отметил это преобладание сельского населения.

Наверное, эти выводы поразят многих читателей, которые сочтут их несочетаемыми с природными условиями и возможностями страны. Поэтому необходимо показать, что контраст между античным процветанием и нынешним прозябанием вызван не оскудением природы, а вырождением людей.

Сегодня Берберия — опустошенная страна. С XI в. набеги арабов племенной конфедерации Бану Хиляль, с красноречивой точностью описанные Ибн Хальдуном¹,

¹ Абу Зейд Абдуррахман ибн Мухаммад ибн Хальдун аль-Хадрами, более известный как Ибн Хальдун или Ибн Халдун (1332—1406) — арабский мусульманский философ, историк и социальный мыслитель, автор труда «Книга назиданий и сборник начал и сообщений о деяниях арабов, персов и берберов и тех, кто были их современниками из числа носителей высшей власти», 6-я и 7-я части которого описывают народы Северной Африки.

систематически уничтожали сельское хозяйство и оседлую жизнь во внутренних областях Туниса и Западного Алжира. Еще в середине XIX в. во всем Верхнем Тунисском Телле существовал единственный населенный пункт, с трудом заслуживающий название города: Кеф. В редких деревушках, уцелевших благодаря особенно удачному географическому положению, сохранились дома и небольшие оливковые рощи: такова Кессера, прилепившаяся к скале и защищенная византийской башней. Все остальное было брошено на произвол разорительной анархии кочевников; каждое лето степные племена пригоняли свои стада вытаптывать жалкие поля горцев, укрывшихся в своих крепостях. С XIV по XIX в. страна находилась в более жалком положении, чем то, из которого во II в. до н. э. ее вывела цивилизаторская энергия Масиниссы¹. Первые постоянные поселения начали возникать, чаще всего вокруг античных руин, лишь во второй половине XIX в. благодаря относительному порядку, наведенному династией Хусейнидов. Процесс возрождения пошел серьезно только в начале XX в., при французском протекторате. За пятьдесят лет увеличилась площадь обрабатываемых земель, были основаны новые деревни, в старых построены более комфортабельные дома, магазины, общественные здания. Но дело еще далеко от завершения, предстоит отвоевать у пустыни новые земли, внедрить новые культуры, а способы ведения сельского хозяйства остаются примитивными.

К счастью, эта печальная история не стала общей для всей страны. Самой большой приятной неожиданностью при посещении Туниса становится открытие настоящей страны лесов, внезапно сменяющей голую степь, стоит лишь отправиться на восток по автостраде Сус—Эль-Джем—Сфакс. Целая сеть дорог вьется между изгородей из кактусов, за которыми прячутся любовно возделанные сады и особенно оливковые рощи, представляющие собой не выстроенные по линейке угрюмые леса, окружающие Сфакс, а вековые, возможно даже, тысячелетние деревья, чьи уз-

¹ М а с и н и с с а (Массинисса; ок. 240 до н. э. — ок. 149 до н. э.) — первый царь Нумидии.

ловатые ветви укрывают своей тенью поля овса и бобов. И при каждом повороте дороги путешественник натывается на крупную деревню с запутанными улочками, с ревниво закрытыми домами, но при этом кишашую крестьянами, ремесленниками, ребятишками. Этот сахельский феномен, который изучал историк и географ Ж. Депуа, является просто частичкой выжившей доарабской Африки.

За исключением района Сфакса, где деятельность П. Бурда¹ и его последователей возродила античные оливковые рощи, своим процветанием и выживанием эта страна и ее население ничем не обязаны Европе. Производители оливок, садовники и земледельцы районов Сус и Махдия, джербийцы, дополняющие торговлей доходы от своих плантаций, просто сохраняют и поддерживают в течение двух тысяч лет экономические условия пунической и, главное, Римской Африки. Так что именно у них следует искать необходимые для нашего исследования сравнения; и мы сразу же отмечаем, что плотность населения у них крайне велика: кайдат Джеммаль, граничащий со степью, насчитывает 62,3 жителя на км²; в кайдатах Сус и Махдия она превышает 74; в Монастире, наконец, достигает 300. Как и в античной Африке, это перенаселение вызвано в первую очередь близостью крупных населенных пунктов: на полосе приблизительно в 260 км в длину на 200 в ширину, составляющей собственно Сахель, мы находим шесть городов с населением, превышающим 10 000 человек (Сус, Калаа-Кебира, Мсакен, Мокнин и Ксур-Эссай) и еще семь, включая Махдию, с населением от 5 000 до 10 000, а также полсотни деревень; приморские шайхаты имеют крошечные территории, и земельные участки там раздроблены до крайности. Все это прекрасно соответствует условиям, которые мы можем реконструировать для античной Африки; лишь в одном пункте данные расходятся: сегодня, вне деревень, в сельской местности нет рассеянной жилой за-

¹ Бурд Поль Антельм (1851—1914) — французский литератор и колониальный администратор. Автор адресованного генеральному резиденту (губернатору) Франции в Тунисе Шарлю Рувье доклада о выращивании оливок в Тунисе во времена римского владычества.

стройки. Но Депуа убедительно доказал, что данная концентрация — результат исключительно заботы о безопасности. Ни рельеф, ни климат, ни вопросы водоснабжения не навязывают ее. Разумеется, набеги кочевников не обошли и этот привилегированный район. Для противостояния им приходилось собираться в неприступных городках с узкими извилистыми улочками. После восстановления порядка вновь отмечается тенденция к рассеянию. Во всяком случае, крупные города окружены предместьями из садов и «вилл», которые, должно быть, очень похожи на античные *suburbia*¹.

Перенаселение Сахеля тем более примечательно, что не вызвано какими-то особо благоприятными природными условиями. Средняя цифра атмосферных осадков колеблется между 300 и 400 мм, то есть меньше, чем на большей части Верхнего Телла и равнинах Меджерды. Главное: их нерегулярность просто катастрофична. Ирригация настолько бедна, что не позволяет возделывать тяжелые глинистые почвы; так что приходится довольствоваться легкими почвами, бедными гумусом. Близость моря дает сколько-нибудь заметный дополнительный доход от рыбной ловли только нескольким портам. Можно представить, что интенсивное сельское хозяйство, кормившее все население Туниса, существовало на всей территории страны, учитывая, что на границе его распространения чуть севернее Эль-Джема и Кайруана проходит изогия, спускающаяся к юго-западу, вдоль горной гряды, проходя через Кассерин. Зона может использоваться для разведения засухоустойчивых культур, как показывают успехи сфаксийской колонизации и расширение джербийских плантаций вокруг их первоначального очага. С тех пор, как был восстановлен порядок, сахельская экономика там и тут вгрызается в степь и страну кочевников: за семьдесят лет площадь оливковых посадок увеличилась вдвое. А ведь вся история античной Африки основана на расширении до крайних пределов интенсивного сельского хозяйства и порождаемой им городской жизни. Карфаген начал эксплуатацию

¹ Пригород (*лат.*).

северо-восточных равнин и Бизацены. Рим продолжил его дело и расширил до границ пустыни. Так что Римскую Африку следует считать начинающейся с Сахеля, Сахеля гигантского, покрывающего всю теллийскую зону Туниса и Западного Алжира.

Возможность точнее определить пределы этой экспансии и ее этапы, восстановить карту относительной плотности населения Римской Африки дают нам археологические атласы, какими бы несовершенными они ни были; при первом взгляде кажется, что пропорции античных руин, обозначенные на них, значительно различаются от одной карты к другой и что эти различия связаны с географическими условиями. Поразительный пример можно найти на листе с Джебель-Бу-Дабу, покрывающем два абсолютно разных сектора: на северо-западе — последние гряды Дорсали с долиной Уссельтии, на юго-востоке — кайруанская равнина. В первом сосредоточены 90 выявленных руин, во втором ни одной. У нас появилось искушение нарисовать карту плотности руин в Тунисе. Сразу становится очевидно, что район наибольшей их концентрации находится на северо-востоке и востоке; он охватывает район Бизерты, заметно расширяется к западу, вдоль Меджерды, охватывает практически всю ее долину, как и западную часть долины Милианы, затем сужается в направлении побережья в районе Загуана и следует параллельно ему до Сфакса. Зона средней плотности покрывает весь Верхний Телл, то есть фактически всю Дорсаль и ее последующую впадину. Сведения о районах южнее отсутствуют, атлас не был завершен. Но анализ обычных карт показывает, что число древних построек остается пропорционально очень слабым.

Теперь сравним нашу карту с картой плотности населения современного Туниса. Мы убедимся, что в целом границы зон совпадают. Более 80 жителей на км² выявлено только в Сахеле, Джеммале и Монастире, в Керкенне и Джербе. Но их от 40 до 80 по всей полосе между побережьем и большими солеными озерами, от точки, расположенной в 20 км севернее Сфакса до мыса Бон включительно. Менее населенный коридор соответствует оконечности Дорсали.

Далее мы находим цифры выше 40 на равнинах к западу от Милиану и Меджерды, вокруг города Тунис, Тебурды и Бизерты. Другое пятно высокой плотности населения соответствует средней и верхней Меджерде, богатым районам Беджи и Сук-эль-Арба. Весь Верхний Телл и кайруанская равнина держатся в границах от 20 до 40. Южные степи и юго-западные горы вдоль алжирской границы — от 8 до 10 человек. Плотность населения увеличивается только в оазисах вокруг Габеса и больших Чоттов.

Итак, ясно, что сегодня человека привлекают те же регионы, что и 2000 лет назад; однако раньше горы ценились больше, а вот кайруанская равнина, напротив, оставалась относительно пустынной и своим расцветом обязана династиям раннего Средневековья. Наконец, мы вправе предположить относительно средненаселенных зон, что в Античности плотность их населения была выше, чем после всего нескольких десятилетий относительной рецивилизации.

Мы не думаем, что северо-восточная полоса достигала той же плотности, что в современном Сахеле: 75 человек на км². Ее площадь порядка 20 000 км², что дает 1 500 000 жителей. Для зоны Верхнего Телла цифра равняется 400 000. Остаются две трети тунисской территории: заросшие лесом горы Крумирии, восточные степи с крупными промышленными центрами посреди пустых полей, занятых пастбищами; сухие горы юга, где таблицы Альбертини¹ показывают нам присутствие в V в. возделывателей оливок, пытавшихся извлечь максимальную выгоду из своей неплодородной почвы; наконец, окраина Сахары, где отдаленные оазисы вели однообразную жизнь. Обоснованно предположить для всего этого района плотность в 10 жителей на км², то есть еще 600 000 человек. Ядро проконсульской провинции, соответствующее Тунису, могло иметь население приблизительно в 2 500 000 человек. К этой цифре следует приплю-

¹ Таблицы Альбертини — деревянные таблицы, составляющие комплекс относящихся к V в. н. э. нотариальных актов продажи земли; ценный источник по аграрной истории Древнего мира. Названы по имени Эжена Альбертини (1880—1941), французского историка и археолога, обнаружившего их в 1928 г.

совать Триполитанию, узкую, но сильно вытянутую, с тремя ее крупными портами, с ее широко возделываемой западной Джефарой: возможно, 500 000 жителей. Диоцез Нумидии, приблизительно соответствующий нашему департаменту Бон, богатый городами, но также изобилующий дикими лесистыми горами, «резервация» слаборазвитых племен, очевидно, имел не более 357 000 жителей на площади примерно 14 000 км². Итак, всего под властью проконсула находилось приблизительно 3 500 000 африканцев. А. Бертье оценивает в 25 плотность населения в сельской местности Циртейской Нумидии, и эта цифра может быть принята как общая для всей провинции, в которой города встречались реже, чем кастеллы: считаем поверхность около 60 000 км², 1 500 000 жителей. Наконец, очень предположительно, определяем цифру населения длинной полосы Мавретании, протянувшейся на 2000 км в длину и сотню в ширину, использование экономических возможностей которой сильно ограничивала небезопасность этой местности.

Мы приходим к тому, чтобы оценить общую численность населения Африки в период наивысшего ее процветания, то есть между серединой II в. и первой третью III в., в 6 500 000 жителей; эту же цифру предложил Э. Альбертини, который, к сожалению, не опубликовал, на каких данных основывал свои расчеты. Очевидно, читатель удовлетворится этим совпадением и попросит нас впредь избавить его от статистики. Позволим себе все-таки дать в заключение две ремарки, которые, возможно, успокоят тревоги некоторых скептиков. Мы не выделяли сельское и городское население, за исключением тех случаев, когда считали плотность большей в тех местах, где больше городов. Нам представляется невозможным четко разделить город и деревню из-за существования предместий, и округ Дугга дает нам тому поразительный пример. Изучая вопросы урбанизма, мы вернемся к вопросу населения главных городов. А сейчас просто примем факт существования метрополии со многими сотнями тысяч жителей, Карфагена, и десятка городов, чье население превышало 20 000 душ. Что же касается второстепенных центров, несмотря на

престижные наименования колоний и муниципий, которыми они себя украшали, мы полагаем, что многие из них в собственно городском своем ядре не достигали тех 5000 жителей, которые им приписывает К. Куртуа.

Так же следует непременно подчеркнуть значительный рост населения, который Африка переживала во II в. и особенно в первой половине III в. Фундаментальная ошибка К. Куртуа заключается, на наш взгляд, в том, что он не учел демографический рост, на который определенно указывают все признаки: увеличение числа и размера городов, умножение мер, принимаемых императорами для устранения земельного голода среди крестьян, красноречивые свидетельства современников. Тертуллиан написал в *De Anima*, 30, эту фразу, великолепно резюмирующую экономическую и демографическую эволюцию страны: «...восхитительнейшие поместья вытеснили из памяти образ пользующихся раньше дурной славой пустошей, пашни подчинили себе леса, домашний скот обратил в бегство диких зверей... городов столько, сколько раньше не было хижин... повсюду дома, везде народ, везде государство, везде жизнь... нам едва хватает средств к существованию, и нужда стала сильнее, и жалобы у всех, и это при том, что природа нас уже не выдерживает!» Мы скоро увидим, что, когда Нерон в начале второй половины I в. окончательно зафиксировал участие Африки в поставках зерна в Рим, численность населения провинции, налогоплательщиков и потребителей, не должна была еще превышать трех с половиной миллионов человек. За век она практически удвоилась, как случилось с населением Магриба после 1830 г. Конечно, К. Куртуа отвергает сравнение, ссылаясь на отсутствие в Античности тех причин, что сделали возможным такой рост населения в современности. Мы не считаем, что он в данном случае прав: очевидно, римляне в меньшей степени, чем французы, улучшили бывшее совершенно плачевным положение с гигиеной в Берберии, но они, как и мы, обеспечили безопасность и более, чем мы, изменили экономические условия жизни населения. Продолжительность жизни ливийской расы сокращают не столько войны, не столько даже болезни, сколько голод.

Так вот, несмотря на капризы климата, эта напасть земледельцу грозит меньше, чем кочевнику. Великим благодеянием Рима, к которому мы еще вернемся, стало поддержанное всей мощью империи распространение на всю территорию провинции аграрной революции, начатой Карфагеном и нумидийскими царями.

Сельское хозяйство

Берберия, которая сегодня не может прокормить собственное население, была одной из житниц античного мира, разделяла с Египтом великую честь снабжать продовольствием Рим, даже была на первом месте по объему поставок. Этот парадоксальный, но бесспорный факт должен стать отправной точкой любого исследования по африканской экономике.

Прежде всего напомним о подчиненном положении, в которое завоевание поставило провинцию по отношению к победителю. Поставляемое в Рим зерно не закупалось, а забиралось в качестве дани и подати. Пуническая земля окончательно стала собственностью римского народа в 146 г., и каждое последующее завоевание увеличивало площадь этой собственности. Разумеется, римский народ не мог сам эксплуатировать это обширное владение; он лишь получил верховную власть, а непосредственно хозяйство вели либо местные жители, либо поселившиеся в провинции римляне. К счастью, до нас дошел фундаментальный труд, просветивший нас относительно распределения и статуса земель в эпоху республики. Это аграрный закон 111 г., призванный ликвидировать нестабильную ситуацию, созданную революционными инициативами Гая Гракха. За исключением территорий свободных городов и нескольких поместий, принадлежащих иностранным собственникам, *ager publicus*¹ делилась на две категории: первая оставалась в руках местных жителей при условии уплаты десятой доли урожаев с нее, вторая передавалась

¹ Общественная земля (лат.).

римским колонистам, которые должны были платить подати, очевидно, меньшего размера. Для обеспечения базы этого налогообложения землемеры проделали гигантскую работу, о которой мы уже упоминали. Предположительно, в четыре этапа они расчертили всю проконсульскую провинцию на квадраты приблизительно по 50 га, оставив свободными лишь горные, лесистые и болотистые районы, непригодные для сельского хозяйства, и участки, неровности которых не позволяли их включить в эту строгую геометрию.

Но квириты, переселенные в Африку, принадлежали, фактически, к двум различным общественным классам; основную массу жителей колоний составляли пролетарии, бывшие солдаты, получившие наделы, обеспечивавшие им пристойную жизнь. Капиталисты же, напротив, купили огромные поместья, ставшие для них финансовыми вложениями. В I в. н. э. шесть сенаторов, по данным Плиния, владели в провинции половиной земли. Нерон приказал их казнить и включил латифундии в императорский «домен». При империи главным в режиме землевладения было не различие между квиритами и перегринами, а между, с одной стороны, городами, римскими и местными, статусы которых имели тенденцию к уравниванию, и крупными поместьями, принадлежащими теперь, главным образом, императору, — с другой. Мы сочли возможным оценить площадь императорских имений приблизительно в одну шестую земель проконсульской провинции — 1500 км²; сюда же следует добавить частные салтусы, вроде принадлежавшей Луцию Африкану Казы Бегенсес, поместья Валерии Аттициллы и многих других.

На первый взгляд эти данные противоречат выводам, изложенным в первой части настоящей главы. Демографический рост в Африке, говорили мы, стал результатом расширения мелкого хозяйства. Однако, если земли городов, очень немногочисленные, были поделены на множество парцелл, крупные поместья занимали огромные пространства. Но противоречие разрешится, как только мы скажем, что крупное поместье в действительности прекрасно сочетается с мелким хозяйством, ведь латифундист

напрямую использовал лишь малую часть своих земель, а остальные сдавал в аренду издольщикам.

Экономисты древности всегда колебались между двумя способами хозяйствования: прямым управлением, требующим целой армии наемных работников или, чаще, рабов, за которыми следят управляющие, и арендаторством. Они без колебаний признали превосходство второго метода над первым, одновременно потому, что он давал большую доходность, и потому, что концентрация тысяч рабов или пролетариев, непременно подчиненных железной дисциплине, почти неизбежно приводила к опасным социальным кризисам. Урок крупных рабских войн II в. до н. э. не прошел даром. Империи удалось избежать их повторения благодаря системе сотрудничества, равно выгодной господину и держателям.

Об этой системе мы превосходно информированы из прекрасных надписей, сохранивших для нас статут императорских поместий долины Меджерды за II и III вв. Устройство их было очень сложным. Иерархизированная система управления представляет владельца-императора; центральный офис возглавляется прокуратором-всадником, пребывающим в Карфагене и контролирующим районы; прокуратор отдает распоряжения подчиненным ему прокураторам, имеющимся в каждом поместье. Задача этих чиновников ограничивается контролем за надлежащим исполнением предписаний и контрактов. Эксплуатацию обеспечивали откупщики (*conductores*), бравшие в аренду каждое поместье; одну часть они эксплуатировали напрямую, другую сдавали субарендаторам (*coloni*). Но те не были отданы в полную власть откупщикам; их статус был определен законом Манция (*lex Manciana*), изданным, предположительно, во времена Веспасиана (70—79); в обмен на треть урожая и ограниченное число дней отработки барщины по возделыванию назначенной для поместья сельскохозяйственной культуры они получали право пользования клочком земли и хижинкой, и право это распространялось при необходимости на продажу и наследование, при условии что новый держатель не станет менять главную культуру в течение двух лет. Так юриди-

ческая изобретательность Рима придумала четверное наложение прав на одну и ту же землю: бесспорное и постоянное право римского народа, право *dominus*, императора или крупного капиталиста; право генерального откупщика; наконец, право колона, сохранявшего две трети плодов своего труда. Оценить гуманность данной системы можно, вспомнив, что еще и по сей день в Африке арендатору причитается лишь пятая часть произведенного им продукта. Аттика знавала еще более жестокие условия, по которым арендаторам оставалась только шестая часть результатов их труда, но их участь была облегчена в VI в. до н. э. благодаря реформам Солона. Так, законодательство, окончательно кодифицированное в конце I в. н. э. благодаря личному вмешательству императоров, избавила Африку от запустения латифундий, погубившего Италию, и превратило конфискованные государем поместья в набор парцелл, обрабатываемых трудом крестьян, которым была обеспечена постоянная безопасность. Появляется там и право хозяина выносить смертные приговоры, не столько как каприз кровожадного деспота, сколько как революционная мера, ужас которой стирается в сравнении с важностью результатов, порожденных ею.

Закон Манция устанавливал правила не только для императорских поместий, но и для частных, и в первую очередь для латифундий аристократии; это вмешательство государства в отношения между собственниками и арендаторами, противоречившее римской концепции, стало возможным благодаря юридической фикции, объявившей римский народ единственным собственником земли в провинции. Так что аграрный закон завоевания не только не навредил местным жителям, но и благодаря мудрости императоров пошел им на благо. Мы ясно видим результаты этой политики на длинном временном отрезке благодаря табличкам Альбертини; эти документы, составленные в V в. н. э., в царствование вандальского короля Гунтамунда, относятся к крупному поместью, принадлежавшему некоему Флавию Геминию Катуллину; его латифундия включала по меньшей мере четыре фермы, поделенные на бесконечное множество парцелл; на одной из ферм, Ту-

ленианос, таковых имелось, по меньшей мере, 50, самые мелкие включали всего лишь одно дерево, самые крупные — 36. Эти поля, слишком маленькие, чтобы с них можно было прокормиться семьей, объединялись и эксплуатировались одним культором¹. И эти крестьяне передавали, через куплю-продажу или наследование, свои земли в силу закона Манция, название которого определяет личный статус и статус имущества (*cultor manciānus, cultura manciāna*). Это дает нам неопровержимое доказательство социального и экономического явления фундаментальной важности: мелкого хозяйства, защищенного юридическими нормами, действительного как в частных владениях, так и на землях «короны»; и его географические пределы достигали границ пустыни (выпадение осадков здесь варьируется от 100 до 200 мм в разные годы). Относительно Южной Нумидии последняя констатация подтверждена исследованиями с воздуха, проведенными полковником Барадом в зоне, простирающейся к югу от Ореса. Мы в очередной раз констатируем распространение в Римской Африке аграрных структур, которые сохранились только в районах, избежавших опустошительного вторжения аравийских бедуинов: Кабилии и тунисском Сахеле, где всего 10% феллахов владеет более 100 оливковых деревьев, а 80% довольствуются участками от 50 до 100. Эпитафия старого Биона (конец IV в.), который, посадив за восемьдесят лет жизни 4000 деревьев, указывает нам, очевидно, на максимальный размер, какого может достигнуть оливковая роща.

Современная археология, благодаря помощи аэрофотосъемки, в полной мере подтвердила условия, изложенные в текстах: 50-гектаровая центурия, базовая земельная единица, разделена на множество парцелл: от 2 до 20 в Северном Тунисе до 100 и даже 120 в районе Суса.

Дробление земли могло бы повредить ее стоимости, если бы «эшелонирование» права собственности, определенное законом Манция, не поощряло, напротив, объединение культоров, руководимых управляющими участков

¹ К у л ь т о р — земледелец.

или поместий. Таковое объединение становилось необходимостью, в частности, для использования редкой и дорогой воды. Надпись в Ламасбе сообщает нам о существовании «Профсоюза» мелких земледельцев и четких правилах распределения между их полями драгоценной влаги. Аналогичные обычаи, до сих пор существующие в оазисах и степных зонах распространения вади, в очередной раз подтверждают неистребимость отпечатка, наложенного Античностью на африканских земледельцев.

Но наиболее интересным результатом имперского аграрного законодательства стало, наверное, то, что оно поощряло освоение целинных земель и внедрение наиболее рентабельных культур. Меры закона Манция в этой области были подтверждены и расширены эдиктом Пертинакса. Колоны получали право селиться на пустующих землях: участках, исключенных землемерами из кадастра по причине их неровности, поросших кустарников, болотистых, степных, первоначально оставленных под пастбище, и даже на землях, где выращивался хлеб, но истощившихся из-за слишком интенсивной эксплуатации. Как и культоры прошлого, они пользовались правом пользования с возможностью уступки и были избавлены от любых податей на количество лет, необходимое для развития их плантации. Стимулируемые этими привилегиями, африканские земледельцы проделали гигантскую работу; на горных склонах были насыпаны террасы плодородной почвы; в недостаточно орошаемых зонах арматура стен, вкопанных в землю, превратила ее в губку, принуждая воду впитываться на месте, вместо того чтобы стекать опустошительными потоками; вади были облагорожены строительством причалов и небольших плотин; избыток воды в них сохранялся в просторных прудах или подземных резервуарах. Некогда заслугу строительства всех этих сооружений приписывали неким обобщенным «римлянам», а порой распространяли ее и на мусульманских земледельцев раннего Средневековья. Но, даже воздавая справедливость труженикам более поздних времен, необходимо признать, что основную часть самых острых проблем африканской экономики решили культоры империи; эту страну в дальнейшем погубила не

нехватка ресурсов, а их неправильное распределение. Вода, которой так не хватает для сельского хозяйства, внезапно проливается бурными потоками, уносящими плодородный слой вплоть до моря, а земля покрывается солончаками. Очевидно, даже в период наивысшего процветания и урбанизации степные вадии не были укрощены полностью, но данные аэрофотосъемки показывают, что соленые озера занимали меньшую площадь, чем в наши дни, поскольку часто видны дороги и разграничительные линии земельных участков, уходящие под воду. А в горах борьба с эрозией позволяла использовать долины, сегодня превратившиеся в почти недоступные ущелья.

Разумеется, другой стороной этого наступления земледельцев стало оттеснение пастухов. Э.-Ф. Готье¹ очень хорошо показал, как историю Северной Африки, в еще большей степени, чем борьба различных держав за политическое господство, определяли противостояние между двумя образами жизни. Разумеется, крестьянин не может жить, если кочевник разоряет его закрома, превращает в пастбища для скота его поля, разрушает его дом. Но пастух обречен на смерть вместе со своими стадами, если не сможет покинуть на лето высушенные степи и перейти в относительно зеленые горы Телла. Еще карфагеняне запретили южанам вторгаться на северо-восточные земли Туниса; Масинисса нанес им еще более серьезный удар, заперев крепостями проходы через Дорсаль и обеспечив тем самым безопасность оседлого населения в бассейне и горах Верхнего Телла. В дальнейшем каждое расширение римской власти влекло за собой сокращение земель, оставшихся у пастухов. В начале нашей эры мятеж Такфарина стал последней попыткой прекратить это безжалостное выталкивание их в пустыню. В эпоху династии Флавиев крупное племя мусуламов, бывшее душой этого выступления, было лишено своих пастбищных земель; в течение всего II в., в эпоху Северов, как мы узнаем из надписей, земледельцам раздавались земли Нумидии до Ходны и Са-

¹ Готье Эмиль-Феликс (1864—1940) — французский географ и этнограф, автор ряда работ о Сахаре и Алжире.

хары. Как и в Северной Америке XIX в., непокорные оказались загнаны в резервации, слишком маленькие, чтобы позволить им выжить: шелльские нумидийцы в тунисском Верхнем Телле, другие нумидийцы к югу от Большой Кабилии, мусуламы у югу от Хайдры. Им пришлось выбирать между голодной смертью и переходом к земледелию. Можно предположить — хотя доказательств нет, — что жители прибрежных районов Шотт-эль-Феджедж и Шотт-эль-Джерид, озера Тритон без особого сопротивления приняли романизацию и сохранили пользование малонаселенными кайруанскими степями для выпаса скота. Но их относительное процветание происходило, вне всякого сомнения, в первую очередь из оазисов. А были ли непокорные, пытавшиеся разорвать железное кольцо и поискать новые пастбища на юге и западе? С. Гселль¹ полагал, что были, и датировал временами империи завоевание берберами Сахары, до этого момента населенной, по его мнению, неграми. Но долгое время принимавшая всеми и подкрепленная энтузиазмом Э.-Ф. Готье гипотеза сегодня сталкивается с все большим скептицизмом. В любом случае точно известно, что сильные ливийские племена: насамоны, гараманты, гетулы, фарусийцы, нигриты — доминировали над всей Сахарой со II в. до н. э., а эфиопы оазисов были их вассалами или рабами. Стабильность имен на протяжении очень длительного периода не подтверждает крупные перемещения народов до конца III в. н. э. Впрочем, пустыня, постепенно высыхая, становилась все менее и менее пригодной для жизни человека и не могла прокормить новых иммигрантов. Напротив, Марокко располагало достаточными ресурсами, чтобы Адриан мог вытеснить туда бакатов, попытавшихся захватить Картенас (Тенес). Но это остается единичным примером; к тому же не стоит преувеличивать значение проблемы. Кочевнику для выживания нужны огромные просторы; это фундаментальное наблюдение объясняет необычайно крупные размеры ливийских царств. Численность гетулов была,

¹ Г с е л л ь Стефан (1864—1932) — французский историк и археолог, специалист по Римской Африке, в первую очередь по Алжиру.

должно быть, пропорциональна численности современных туарегов, поэтому нельзя признать правоту К. Куртуа, когда тот полагает равной плотность населения по обе стороны границы Римской империи в Африке. То есть империи не было необходимости выгонять со своей территории огромные людские массы; ей достаточно было заставить несколько десятков тысяч пастухов осесть на земле, изменить образ жизни, влившись в аграрное сообщество, или вымереть. Наверняка операция проходила не без сложностей: еще в III в. одна надпись сообщает нам о конфликте между пастухами и земледельцами в районе Тубурбо Минус, в каких-то 30 км от Карфагена. Но большинство бывших кочевников вынуждены были смириться с поисками работы поденщиков в поместьях. Мактарская надпись «жнеца» показывает нам такого работника, бродящего в поисках найма от Загуана до Цирты. В период муссонов они ставили вокруг полей свои шалаши, мапалия, форма которых не менялась тысячелетиями: мы видим на мозаике доминуса Юлия в Карфагене коническую соломенную хижину, охраняемую кабийской собакой. Во времена засухи эти люди, как современные бедуины, очевидно, приходили искать счастья в предместьях крупных городов. В Карфагене существовал свой квартал мапалий, предок наших «бидонвилей». Эти трущобы, чье население постоянно росло благодаря плодovitости ливийских матерей, к IV в. превратились в острую социальную проблему. Но при Антонинах и Северах возможности расширения сельского хозяйства еще позволяли наиболее упорным и экономным, вроде жнеца из Мактара, скопить достаточно денег, чтобы приобрести небольшой земельный участок, преодолеть порог в 5000 сестерциев, отделявший *honestior* от *humilior*¹, и занять под старость место в муниципальной курии.

¹ *Honestior* (благороднейший, достойнейший, *лат.*); *humilior* (ничтожнейший, смиреннейший, *лат.*) — категории граждан Римской империи в II в. н. э. К первой относились сенаторы, всадники, куриалы, высшие гражданские чины, отставные военные; ко второй — плебеи, колонаты. Различия проявлялись в сфере гражданского и уголовного права. Четкой непреодолимой границы между категориями не было, существовала возможность перехода из одной в другую.

Это расширение стало в первую очередь результатом внедрения более рентабельных культур, чему благоприятствовали закон Манция и дополнявшие его законы Адриана. Мы не станем подробно излагать предлагаемые в этих текстах меры по поощрению виноградарства и оливководства, но невозможно сомневаться в том, что именно они произвели настоящую сельскохозяйственную революцию, которая глубоко отличает Африку времен Антонинов и Северов от Африки Юлиев-Клавдиев.

С V в. до н. э. карфагеняне и некоторые ливийские племена, перешедшие к оседлой жизни, выбирали между двумя типами хозяйствования: почти безраздельное выращивание зерновых или же садоводство и животноводство. И тот и другой, в зависимости от района, могли принести весьма интересные результаты. В долинах Меджерды и вادي Милиана, так же как в лощинах Бизацены, злаковые культуры давали изумительные урожаи при условии достаточного количества осадков. Плиний Старший указывает на урожайность 100 и даже 150 к одному, и нет оснований подозревать его в преувеличениях: такие урожаи наблюдаются и сейчас; они объясняются тем аккуратным севом на легких почвах Сахеля и степи, где кушение просто невероятное: управляющий одним имением Августа послал императору куст пшеницы с 400 побегами, проросшими из одного зерна. Однако благородные карфагеняне, которые очень тщательно ухаживали за хорошей, сельским предместьем города, предпочитали оливковые деревья, виноградники и скотоводство, а растить хлеб предоставляли своим ливийским подданным. Знаменитый труд Магона почти полностью посвящен садоводству и разведению скота. На мысе Бон солдаты Агафокла и Регула нашли только сады и пастбища, богатство которых вызвало у них восхищение.

Римское завоевание принесло регресс, если не уничтожение «магонической» экономики. Очевидно, сами оливковые рощи и виноградники были вырублены во время войны. Их даже не пытались восстановить: разрушение карфагенской агломерации уничтожило потребителя мяса, вина и масла. Впрочем, в этих продуктах на рынке тог-

да доминировала Италия, которая старательно устраняла конкурентов. А вот хлеба она требовала в огромных количествах. Ливийский земледелец предпочитал поля, засеянные зерновыми, плантациям, требовавшим больших трудов и, главное, вложения больших финансовых средств, которых у него не могло быть. В общем, все складывалось в ситуацию, описанную Саллюстием и Плинием: Африка, говорит первый, это поле, плодородное в муссоны, превосходное для скота, но бедное деревьями. Природа, говорит второй, полностью уступила эту землю Церере. Она не желает ни масла, ни вина и полностью довольствуется славой своих муссонов. Пшеница и ячмень, очевидно, покрывали и сам мыс Бон, хотя тот не слишком благоприятен для них: тамошние деревенские святилища рубежа нашей эры посвящены Церере. Цезарь видел в Бизацене только пшеничные поля; лишь в Триполитании сохранялись крупные оливковые рощи.

Можно приблизительно подсчитать объем африканского производства зерновых; во времена Цезаря, *Africa nova*, то есть бывшее Массильское царство Западного Туниса, давало в среднем по 840 000 центнеров зерна в год. Век спустя, при Нероне, вся провинция в целом, включая Триполитанию и Нумидию, поставляла в десять раз больше этой цифры. Прогресс, разумеется, объясняется умиротворением центра и юга в результате разгрома Такфарина.

С этого времени император, наложивший руку на крупные поместья сенаторов, счел возможным ежегодно требовать от Африки две трети выращенного ею зерна для снабжения Рима. До того времени такое количество импортировалось из Египта. Важным преимуществом замены стало значительное сокращение транспортных расходов — фрахт от Александрии до Остии увеличивал цену зерна вдвое — и рисков от кораблекрушений, кроме того, ускорилась оборачиваемость судов. С тех пор и, очевидно, до середины IV в. 1 260 000 центнеров африканского зерна ежегодно отправлялись на склады Остии; это была как десятина, наложенная на все провинции, так и треть урожая, собираемая с императорских колонов.

Сбор осуществлялся либо управляющими поместьями, либо муниципальными властями, которым помогала в этом сформированная из членов ювентусов милиция. Склады зерна, возвышавшиеся то посреди поля, то в самих городах, были оборудованы так, чтобы налогоплательщики могли проходить мимо окошек, за каждым из которых находился каменный желоб, куда они ссыпали свою долю. В апсиде сидел чиновник, руководивший операцией; его подчиненные, поставленные в окошки, контролировали процесс сдачи, выдавали квитанции и по мере заполнения складов перевозили зерно в общественные амбары. Оттуда его отправляли на почтовые станции, далее на крупные портовые склады в ожидании отправки в Остию.

Общий объем зерна во времена Нерона оценивается в 9—10 миллионов центнеров. То есть обязательные поставки отнимали значительную часть урожая, что было тем более обидно, поскольку они являлись бесплатными. Если допустить, что тогдашнее африканское население насчитывало от 3 до 4 миллионов человек, на их долю оставалось совсем немного; очевидно, немалое число крестьян было вынуждено питаться просом и овсом, а засушливые годы неизменно вызывали голод. Однако ситуация в скором времени изменилась к лучшему благодаря завоеванию новых земель в Нумидии и Мавретаниях, которые были относительно замиренны. Большое количество эпитафических надписей подтверждает активную деятельность в этих провинциях комиссий, призванных распределить «поля, пастбища и источники воды». Начатые в царствование Августа в окрестностях Цирты, эти работы привели при Септимии Севере к границе Сахары в районе Ходны. Далее, в течение первой трети III в., войска лимеса получили приказ закрыть путь в Мавретанию Цезарейскую для непокорных кочевников с высоких равнин и сахарского Атласа Орании, чтобы обеспечить мир для оседлых земледельцев.

Это значительное увеличение обрабатываемых земель, очевидно, объясняет тот факт, что Африка могла без усилий удовлетворять новые фискальные требования, которые при Септимии Севере привели к трансформации

военной контрибуции в регулярный налог. Нагрузка на старую провинцию не только не возросла, но даже уменьшилась, а в самой Мавретании Волюбилису в 216 г. были списаны задолженности прошлых лет.

Демографический рост, уже отмеченный нами, не мог бы состояться без этого постоянного увеличения продовольственных ресурсов. Наконец, и это главное, проконсульская провинция, избавленная от части лежавших на ней тягот, смогла уйти от зерновой монокультуры и вернуться к экономике, лучше адаптированной к условиям почвы и климата.

Первая цель, которую преследовали императоры с начала II в., даруя исключительные привилегии земледельцам-плантаторам оливок, было освоение земель, непригодных для пахоты, тех самых лесистых и болотистых участков, которые землемеры исключили из переписи. Возможно, часть земель, используемых под пшеницу, истощилась из-за чрезмерно интенсивной эксплуатации: они также были засажены виноградниками и, главное, оливковыми деревьями. Наконец, районы, расположенные южнее изогиеты¹ 200, могли прокормиться только с тощих полей овса; поселившиеся там колонны вынуждены были тоже просить разрешения посадить оливы, дававшие бы им средства к существованию. Этим объясняется наличие в Алжире и Тунисе, в горах и в степях, расположенных через равные промежутки пятен с молодыми деревьями, большими каменными столбами, удерживавшими на месте рычаги давлений оливок и часто настоящими маслоделательными заводами, на которых одновременно работали многие десятки прессов.

Мозаики с I по IV в., изображающие поместья, показывают нам степень развития африканского сельского хозяйства. Самые древние, эпохи Флавиев, происходят из Злитена, на крайнем востоке Триполитании; они делают нас зрителями сцен молотьбы, приготовления сыра, садо-

¹ *Изогиета* — изолиния, характеризующая количество атмосферных осадков, выпавших за определенный период времени. (*Примеч. ред.*)

вых работ, выполняемых женщинами, вооруженными мотыгами; однако нельзя сказать, что деятельность поместья ограничена только выращиванием зерновых, скотоводством и садоводством, потому что до нас дошли всего три картины из двенадцати, вне всяких сомнений изображавших сельский календарь. В Удне мы, напротив, имеем полное изображение жизни поместья приблизительно середины II в. в долине к западу от вадии Милиана. Художник, не отказываясь от использования шаблонов, — изображая охотника на вепря, он явно вдохновлялся классическим Мелеагром, а набросок охоты на пантеру мы находим на антиохийской мозаике IV в. — сумел очень хорошо передать характер региона, включающего весьма богатую плодородную равнину и поросшие лесом холмы. На равнине раскинулись пшеничные поля и выгоны для скота, составляющие основу хозяйства; изображен конец осени или начало зимы, и уже проводятся пахотные работы при помощи деревянной сохи, в которую впряжены два вола. Высокий сарай принимает быков и баранов, возвращающихся с пастбища, которым служит поле под паром; это единственное строение: хозяин живет не на ферме, а в соседнем городе; колоны проживают, возможно, в сарае, имеющем два этажа, а поденщики, вероятно, довольствуются шалашами. Снабжение водой осуществляется из глубокого колодца, поскольку, чтобы напоить лошадей, из него черпают рычагом; осел везет продукты в город. Горы на заднем плане засажены оливковыми деревьями и служат пастбищем для коз и баранов, остающихся вместе со своим пастухом на открытом воздухе; также сохранились нетронутые кусты, населенные не только перепелками, которых замаскировавшийся под козьими шкурами охотник ловит сетями, но также кабанами и даже пантерами. Итак, мы имеем дело с типичным хозяйством, зерноводческим по преимуществу, которому, однако, побочные занятия приносят некоторый дополнительный доход. Поместье Куттина в бассейне Силианы было еще более эксклюзивно ориентировано на зерновые; на поставленной в последние годы III в. в благодарность за хороший урожай стеле в честь Сатурна показаны жатва серпом и покос

трав. Принесение в жертву быка и барана свидетельствует о наличии животноводства, которое наверняка использовало сады. В имении доминуса Юлия мы, напротив, встречаем превосходно уравновешенную разнонаправленность: что объясняется не столько датой мозаики (приблизительно середина IV в.), сколько расположением поместья в ближайших пригородах Карфагена; пшеничное поле с хижинкой и кабийской собакой занимает относительно скромное место; остальная площадь поделена между оливковой рощей, виноградником, садом и пастбищами; впрочем, немало места занимают сады для отдыха, засаженные кипарисами или розами, а также охотничьи угодья, поскольку здесь мы впервые имеем дело с хозяином, живущим среди полей. Здесь присутствует очень важная общественная трансформация, которая выходит за хронологические рамки данной работы. Мозаики Табарки, примерно современные этим, переносят нас в приморский район, где не позволялось высаживать новые виноградники и требовали вырубить половину уже существующих. Эта политика была отменена революцией 96 г., впервые приведшей на трон империи выходца из провинции; главные выгоды из нового порядка получили Испания и Африка, чьи представители получили преобладание в сенате и всаднической администрации. Италии пришлось довольствоваться мерами благотворительности, компенсировавшими последствия ее упадка, не замедляя его темпов. Проконсульская провинция, напротив, получила частичный перенос налогового бремени на вновь завоеванные земли Нумидии и Мавретании, что позволило ей уделять все больше и больше места выращиванию оливок за счет зерновых. Милости, которыми они пользовались, еще более увеличились при Коммодe, чье окружение буквально кишело африканцами; купцы и судовладельцы из нее держали всю Остию и милостью императора имели прямой доступ в курию. Когда же на трон взошел уроженец триполитанского Лептиса Септимий Север, его земляки были освобождены от подати растительным маслом, некогда наложенной на них Цезарем в тот момент, когда военные контрибуции утяжелили положение других провинций.

После падения его династии Максимин Фракиец безуспешно пытался требовать возврата императорской доли в оливковых плантациях Бизацены. По его указаниям прокуратор Африки перенес свою резиденцию в Фисдрус, оливковую столицу, дерзко выставлявшую напоказ свое богатство, построив амфитеатр почти такой же величины, как римский Колизей, в январе—феврале 238 г., то есть в период изготовления масла и переговоров о его продаже. Но чиновник столкнулся с ожесточенным сопротивлением не только крупных собственников, против которых поначалу были направлены его действия, но и сельского пролетариата: он был убит, и революция, возникшая из этого бунта, унесла и императора, и его политику; владыка империи мог пасть, как простой чиновник, необдуманно замахнувшийся на крупные интересы своей империи.

Промышленность и торговля

Выращивание оливок и производство из них масла занимало в Африке такое место, что доминировало над торговлей и производством, провоцируя настоящую «горизонтальную» концентрацию сопутствующих видов деятельности. Часто отмечалось малое значение в этой провинции ремесленников и рабочих, особенно в сравнении с Италией и Галлией. Эпиграфика очень редко сообщает нам об их существовании и еще реже о существовании их профессиональных корпораций, столь многочисленных в Италии и других провинциях. Очевидно, редкость профессиональных ассоциаций объясняется политическими мотивами: римляне редко позволяли их создание в стипендиальных городах, а большинство африканских городов долгое время имели именно этот статус. При этом список ремесел, наличие которых мы видим, весьма краток. Он включает в себя прежде всего ткачей, валяльщиков, производителей одежды, которые одни образовывали, например в Мактаре, корпорации, имевшие хоть какое-то влияние. Добавим кожевников и башмачников, также работавших с продуктами скотоводства; в пригороде Ти-

пасы обнаружили очень хорошо сохранившиеся мастерские по выделке кож. Карфагеняне ввели покраску тканей благодаря использованию мурексов, дающих пурпур: это стало источником богатства Менинка на острове Джерба и Шуллу (Колло) на побережье у Константины. Над созданием дошедших до нас самых прочных памятников римско-африканской цивилизации трудилось много работников; однако лишь немногие надписи упоминают время от времени архитектора, «строителя», всего на нескольких надгробиях христиан выгравированы рабочие инструменты каменщика; единственная мозаика, тоже христианского периода, в наивном стиле изображает постройку церкви. Рабочие по дереву представлены единственным братством дендрофоров, плотников, находившимся под покровительством Кибелы; время от времени упоминаются работавшие с металлами: кузнецы, иногда ювелиры. Обоженная глина во всех формах — кирпичи и, главным образом, посуда — может считаться «ключевой» отраслью античной промышленности; во всяком случае, именно по ней мы можем лучше всего проследить эволюцию, благодаря относительной живучести предметов из нее и относительной легкости их классификации. Мы не без удивления констатируем, что пунийцы отказались от производства люксовой керамики; их горшечники, весьма многочисленные, довольствовались производством грубой посуды, обрабатываемой все менее и менее тщательно, и все ценные сосуды оказываются приобретенными за границей, в первую очередь в Греции, во вторую — в Южной Италии. Римское завоевание лишь довело до завершения эту зависимость: деревенскую керамику сменила произведенная в Аретцо, которая при Августе и Тиберии продавалась от Шотландии до Индии. Во всех африканских захоронениях того времени находят изящные лампы с круглым резервуаром, с носиком, окруженным двумя завитками, глина которых легка, прочна и звонка, как металл, и красные глазурованные вазы, покрытые арабесками и накладными фигурами; они соседствуют с грубыми кувшинами, слепленными деревенскими гончарами, сохранившими пунические техники и формы посуды, вырабо-

танные в мапалиях бедуинскими женщинами, и технология их производства остается неизменной с доисторических времен до наших дней. Однако во второй половине I в. фабрики Ареццо стали отступать перед своими галльскими конкурентами; руэргские мастера из Грофезанка и Лезу завоевали значительную часть рынка и даже стали доминировать в Тоскане. Произведенная ими и их лотарингскими и рейнскими последователями во II и III вв. продукция во множестве экземпляров представлена в захоронениях в обеих Мавретаниях: очевидно, ее импортировали через Шершель. А вот в проконсульской провинции они, наоборот, редки. Крупные предприятия по производству светильников, похоже, появились в начале II в. в Гадрумете. Их владельцы, Домит и Новий Юст, находили покупателей не только в Африке, но также на Сицилии и Сардинии, и даже в самой Италии. Похоже, что распространение этих светильников связано с распространением масла, которым они заправлялись. Керамисты Бизацены также выпускали статуэтки, предназначенные для помещения в домашние святилища и, главным образом, в могилы. В основном они изображали популярных богов, особенно Венеру, но иногда и живописные сюжеты, взятые из повседневной жизни: например, сидящий на верблюде ливиец с характерной кудрявой прической. В течение II в. численность и значение африканских ремесленников увеличивались. Влиятельные семьи, такие как Пуллени из Ухи Майус, добавляли к доходам от своих земельных владений прибыли от мастерских, разбросанных по крупным городам. В этот момент по всему Западнему Средиземноморью развивается светло-оранжевая керамика, борющаяся с кирпично-красными гончарными изделиями из Северной Галлии; центры ее производства локализовать не удалось, но некоторые, очевидно, находились в Испании. Другие же в скором времени появятся в Африке, даже в кайруанской равнине, в Эль-Аудже и Хаджеб-эль-Аджуне. Этот регион, окруженный оливковыми рощами Тисдруса и Суфетулы, а также плодородной Уссельтийской долиной, имел, как мы убедились, мало сельскохозяйственных ресурсов; тамошние землевладельцы проявили изобрета-

тельность и нашли способ победить бедность, организовав промыслы, продукцию которых могли сбывать одновременно с плодами своих плантаций. Из светло-оранжевой глины, аналогичной той, что использовалась в других мастерских Средиземноморья, горшечники Навигия, Олитресия, Сатурнина, Септия производили помимо светильников интересные вазы в форме человеческой головы — часто в качестве модели использовались типажи местных жителей — и украшенные рельефами маленькие амфоры. Мало-помалу импорт керамики из-за границы прекратился даже в Мавретанию. Так Африка избавилась от своей экономической зависимости; вероятно, в III в. продажа ремесленных изделий приблизительно равнялась импорту, который, главным образом, составляли изделия из металлов: керамика все более расширяла свои рынки сбыта, а цена дорогих тканей, особенно из пурпура, была очень высокой.

Но это выравнивание торгового баланса стало следствием развития возделывания оливок и производства оливкового масла, с чем гончарное производство оставалось тесно связано. Спрос на масло требовал массового, поистине промышленного, производства; в простирающихся от Тевеста (Тебессы) до Суфетулы (Сбейтлы) сельских местностях, сегодня почти пустынных, в горах Нумидии высились настоящие маслозаводы. Лучше всего известен тот, что находился в Хербет Агубе близ Сетифа: на нем одновременно работал 21 давяльный пресс.

Продажа масла давала крупные доходы и судовладельцам. Разрушение Карфагена не уничтожило морские традиции, привнесенные некогда выходцами из Тира. Но при империи римская техника предоставила в распоряжение мореплавателей средства, намного превосходящие имевшиеся у финикийцев. Те никогда не представляли себе порт иначе, чем место, откуда корабли отплывают и где по прибытии их вытаскивают на сушу. Поэтому они довольствовались обычным песчаным берегом, по возможности прикрытым каким-нибудь островком или устьем вади. В самых крупных городах они брали на себя труд выкопать внутри суши искусственный бассейн, называе-

мый котон; но даже в этом случае корабли по прибытии ставились в отстойники, расходившиеся лучами от порта. Решительный прогресс был достигнут греками, оборудовавшими первые огражденные молами рейды на глубокой воде; в эллинистическую эпоху порты Александрии и Родоса послужили римлянам образцами, которые они стали копировать во всех уголках своей империи. Вместе с тем изобретение маяка и семафора гарантировало безопасность трафика. Очевидно, что эти достижения способствовали значительному увеличению тоннажа судов.

Таким образом, начиная с середины I в. и по середину III в. африканское мореплавание смогло предпринять большие усилия по оборудованию портов. В нескольких городах, таких как Карфаген и Гадрумет, старые пунические котоны продолжали использоваться из-за их исключительных размеров; в столице ограничились тем, что построили рядом, без смущения захватив значительную часть тофетов¹ Танит и Ваала Хаммона, гигантские склады и хранилища. Но место швартовок в Лептисе в Триполитании было переоборудовано в морской порт благодаря грандиозным работам, начатым при Нероне и завершенным при Септимии Севере; с целью избежать песчаных наносов без колебаний отвели в сторону вади, чье русло поначалу служило укрытием пунической эскадры; огромные молы с поставленными на них складами, портиками, храмами соединили берег со скалистыми островками, первоначально служившими укрытием от ветров. В других городах Триполитании: Эа, Сабрата, Джигти и Менинкс — были проведены работы меньшего размаха, но все-таки значительные. В Бизацене, Ахолла (Бутрия) получила большой мол в форме буквы L, который и сегодня прекрасно виден под покрывающей его водой; в Суллекте (Салате) построили маяк. Рейд Руспины (Монастира), прекрасно защищенный островками, не нуждался в масштабном обустройстве; он представлял собой надежную стоянку, тогда как котон Гадрумета был уже засорен нанесенным

¹ Т о ф е т ы — места жертвоприношений в финикийской религии.

песком и не годился для использования. Если Махдия заняла место древнего Гумми, то, возможно, потому, что ее средневековый порт, настоящий котон в финикийской традиции, был вырыт еще в Античности. На мысе Бон самые важные гавани находились в Клупеа (Келибии) и в Миссуа (Сиди-Дауд); последняя служила местом отправки добытого в карьерах Эль-Хауарии ракушечного известняка, с пунических времен использовавшегося в строительстве Карфагена, но также оттуда экспортировали и продукты сельского хозяйства. Утика, угрожаемая разливами Меджерды, все же сохраняла морскую активность, по меньшей мере, вплоть до III в.; но до сих пор место расположения ее морского порта не обнаружено. Гиппон-Диаррит (Бизерта), похоже, прозябал, несмотря на свое крайне выгодное расположение между озером и морем. Другие порты северного побережья Туниса, которые карфагеняне основывали в среднем через каждые 30 км на всем маршруте своего каботажного плавания, теперь служили только рыболовецким судам. Исключение составляла Табрака (Табарка) — место, откуда вывозили мрамор, добытый в карьерах Симитту (Шемту). Далее шли Туниза (Ла Калье) и, главное, Гиппон-Регий (Бон); устье Убуса (Сейбуза) укрывало его порт, который, должно быть, походил на порт Лептиса до крупной перестройки при Северах. Русикад (Филиппвиль) и Шуллу (Колло) служили гаванями для Городской Нумидии; Цезарейскую Иджиджили (Джиджел) и Салды (Бужа¹), кажется, затмил Мусливий. Далее к западу Цезарея (Шершель) с легкостью удерживала первенство благодаря рейду, пирсы которого существуют по сей день. Но Типаса сменила свое место стоянки пунических времен на искусственно вырытый бассейн, расположенный перед холмом Сент-Сальса; Гунугу (Гурайя), Картенна (Тенес) сохранили свои традиционные связи с Испанией. Также на Испанию были ориентированы Портус Магнус (Сен-Лё), Портус Дивини (Мерс-эль-Кебир) и, естественно, города Тингитана, как со средиземноморской стороны, так и с атлантической.

¹ В колониальные времена. Ныне — Беджайя.

Итак, морская эволюция в Римской Африке характеризуется концентрацией деятельности в относительно небольшом числе городов, хорошо оборудованных и, главное, имеющих удобные связи с внутренними районами, благодаря обслуживавшим их дорогам. Это объясняется как техническими причинами — увеличением тоннажа и дальности перевозок — так и экономическими. Очевидно, что императорская власть не стала бы проявлять такую заботу и тратить такие большие суммы на модернизацию африканских портов, если бы предварительно не позаботилась об обеспечении лучших из максимально возможных условий транспортировки натуральных податей.

Работы начались в царствование Нерона, который первым навязал Африке крупные ежегодные поставки продовольствия. Так что африканские судовладельцы были связаны главным образом с Остией. В этом городе, по соседству с театром, обнаружили широкую площадь с портиками, по краям которой стояли небольшие ларьки, служившие офисами различным мореходным компаниям, представленным в городе. Эти конторы могут быть идентифицированы благодаря мозаикам, которыми их украсили при Коммод; девять из них принадлежали африканским компаниям из Карфагена, Миссуа, Курубиса, Гумми, Суллекта и Сабраты. Символическая эмблема многократно указывает объекты перевозки, каковыми обычно были зерно, масло и вино для Мавретании Цесарейской (две амфоры), слоновая кость для Сабраты (слон). Африканские купцы и судовладельцы в ту эпоху отличались посвящениями, которые делали магистратам и чиновникам, занимавшимся экономическими вопросами. Они действительно все больше и больше подпадали под контроль государства и считались исполняющими общественные обязанности. Уже Клавдий начал даровать им некоторые привилегии. Адриан освободил их от муниципальных повинностей. Наконец, Коммод придал карфагенскому флоту такой же статус, каким уже обладал александрийский.

Эта хватка государства не слишком стесняла интересы судовладельцев: в IV в. они, предположительно, получали от 9 до 10% стоимости перевезенного зерна в качестве

платы за фрахт. Однако результатом, очевидно, стало увеличение доли Италии в африканской торговле в ущерб другим провинциям. Долгое время Африка сохраняла с Азией отношения, которые некогда принесли богатство Карфагену и нумидийским царям. Но эта торговля находилась в руках азиатов, которые, как в Африке, так и везде на Западе, образовывали активные колонии. В портах довольно часто находят эпитафии выходцам с Востока, морякам, умершим во время стоянки судна, или торговцам, перебравшимся туда по своим делам. В Карфагене египетская колония обогатила своими дарами Серапеум¹, где множество посвящений написаны на греческом языке. На кладбище Утика одна эпитафия рассказывает нам греческими стихами биографию человека, родившегося в Абонотике, в Пафлагонии; в Русикаде были погребены два моряка, прибывшие из Эгейи и Корикиоса в Киликии, и одного уроженца Кирен по имени Филипп. В Волюбилисе торговля, видимо, находилась в значительной мере под контролем финикийцев, игравших там, очевидно, такую же роль, какую их ливанские потомки играли в Западной Африке.

А вот торговые пути в Италию, напротив, оставались в руках африканцев. В Русикаде мелкий купец по имени Антоний напоминал в своей эпитафии поездку в Рим, ставшую крупным событием в его жизни: «Мир ему; Антоний при жизни воздвиг сей алтарь; купец, родившийся в этом городе, он имеет жену и детей; плавая по морям и занимаясь своим ремеслом, он прибыл в Рим, свою мать, и прошел священным путем». Другой Антоний, по прозвищу Донат, возможно, его сын, умерший в шестилетнем возрасте, успел дважды побывать в столице.

Нет более распространенного сюжета для африканских мозаик, чем морские сцены. Океан, изображенный в виде одной гигантской головы с бородой и перепутанными волосами, торжествующие Нептун и Амфитрида на своей колеснице, посреди нимф и морских чудовищ, украшают

¹ С е р а п е у м — храм или иное религиозное сооружение, посвященное эллинистическому египетскому богу Серапису.

не только дно бассейнов и фонтанов, но и полы в общественных зданиях и частных домах; это предпочтение имеет много причин; в случае бассейнов и терм речь идет не об обычном элементе декора; суеверие приписывало защитную функцию изображению рыб и, вероятно, некоторых морских божеств, но многие собственники таким путем символически показывали источник своего богатства. Для одних Нептун был владыкой не только морей, но и пресных источников воды, в которых зародилась растительная и животная жизнь: вероятно, в этом качестве он предстает на шедевре II в., прекрасной плитке на полу в Шеббе, где торжествующий бог окружен временами года, круговорот которых выражает плодородную силу Природы. Но когда боги окружены кораблями, мы явно имеем дело с судовладельцами, вложившими свои капиталы в рискованную морскую торговлю.

Одна из таких мозаик, найденная в Альтибурсе, знаменита именно великолепным каталогом античных судов. Выполненная, как мы предполагаем, при последних Северах, незадолго до катастрофы, пошатнувшей процветание провинции, она не без наивности представляет 25 судов, из которых 22 названы по именам. Среди них имеются парусные «круглые корабли», с приподнятыми носом и кормой, как корбита; у других заостренный нос, как у галеры, понто, кладивата; шаланды, предназначенные для перевозки амфор или, как *гинпаго*, специально оборудованные для транспортировки лошадей; боевые корабли, парусные и весельные; баркасы, вроде *ратиса*, служившие паромами между Гулеттой и Максудой; простые лодки и рыбацкие барки. Этот уникальный памятник сравним с полом в недавно раскопанных М.Л. Фуше термах Готт Марии; хотя типов кораблей там меньше, зато видно портовое строение: странная башня очень сложной конструкции, снабженная зубцами, балконами, флагами, которая, очевидно, не является маяком, а скорее семафором, вроде того, что стоял на южном моле порта Лептиса.

Мозаики дают нам более-менее точное представление о форме и оснастке судов, но ничего не могут нам сообщить об их тоннаже. На сей счет мы располагаем другими

документами: например, мы знаем, что крупные торговые суда брали на борт 10 000 амфор, то есть приблизительно 250 тонн полезного груза. Именно к этой категории принадлежит корабль из Махдии; в 80 г. до н. э. Афины, в июле взятые Суллой, находились во власти италийских дельцов, приобретавших по дешевке всевозможные произведения искусства и переправлявшие их в Рим. Один из их кораблей, тяжело груженный бронзовыми предметами — в числе которых оказалась скульптурная группа, подписанная великим мастером начала II в. Боемом Халкедонянином, — и мраморными — 60 ионических колонн из пентелийского мрамора, кратеров и монументальных светильников, — попал в шторм и был отброшен к тунисскому побережью. Получив пробоину, он сразу пошел ко дну в 5 км от берега, на широте Махдии. Обнаруженный в 1907 г. греческими ловцами губок и исследовавшийся до 1913 г. под руководством М.А. Мерлена, корабль был с трудом найден вновь в 1948 г. капитанами Тайезом и Кусто и, по инициативе Г. де Фрондевиля и П. Сирье, полностью изучен в 1954 и 1955 гг. Тунисским клубом подводных исследований. Эти последние экспедиции мало что прибавили к находкам художественных ценностей, но благодаря использованию специально сконструированного оборудования для откачивания ила удалось с большой точностью изучить конструкцию корабля, в первую очередь корпус, многие фрагменты которого смогли поднять на поверхность: это был результат прекрасной работы эбениста, скрепленный деревянными заклепками, сделанный водонепроницаемым благодаря свинцовым прокладкам, а щели между досками борта были проконопачены тканью.

Такие крупные транспортные суда позволяли перевозить габаритные грузы: монолитные мраморные колонны для терм Антонина, весившие более 75 тонн, были привезены по морю, очевидно, с Корсики или Сардинии, что показывает, что проблема тоннажа не представляла больших трудностей. Но корабли оставались трудно управляемыми: их кормовое весло-руль было не так плохо, как утверждают, но квадратный парус вынуждал плавать только при попутном ветре. Во избежание слишком больших

рисков зимой, с ноября по март, корабли без крайней необходимости в море не выходили. В таких условиях не слишком долгое плавание могло занять много месяцев, как путешествие святого Павла из Иудеи в Рим.

Тот факт, что мозаики на морскую тематику часто встречаются в городах, далеких от побережья, показывает, что не только жители портов вкладывали капиталы в судоходство. Морская торговля, хотя и была сопряжена с крупными рисками, именно в силу этих самых рисков приносила огромные прибыли. Многие землевладельцы инвестировали в нее получаемые доходы, и, наоборот, судовладельцы приобретали землю, вкладывая в нее свои сбережения. Мы уже видели, что и те и другие добавляли к своим основным видам деятельности промышленность, осуществляя тем самым «горизонтальную концентрацию» экономики.

Торговля зерном, в значительной степени контролировавшаяся государством, больших прибылей не приносила, равно как разработка шахт и карьеров: нумидийский мрамор, добываемый в Симитту (Шемту), продавался по всей империи, но карьеры принадлежали императору, как и шахты. Слоны и дикие звери, в больших количествах требовавшиеся для игр в амфитеатрах, в большинстве своем отлавливались армией. Оставались текстиль и масло. Выдвигалось предположение, что оно не находило внешних рынков сбыта; это мнение основывается на небольшом количестве африканских амфор, найденных в Риме на Монте-Тестаччо, где сосредотачивались отходы мегаполиса, и на одном тексте Ювенала, очень несправедливого к африканскому маслу: поэт жаловался на жадного хозяина, который, приглашая гостей в баню, мучал их запахом этого отвратительного масла, который обратил бы в бегство даже черных змей. Но как раз из этого свидетельства следует, что африканское масло широко использовалось, по крайней мере, для освещения, потому что несчастные гости вынуждены именно вдыхать его запах. Следует добавить, что в начале II в. африканские плантации и производственные предприятия только начинали; возможно, в дальнейшем рафинирование улучшилось. Наконец, злословие Ювенала, без сомнений, отражает недовольство

итальянских производителей, постепенно разоряемых конкуренцией из провинции: тот факт, что мы не высоко ценим алжирские вина, не мешает продавать их в большом количестве во Франции. Что же касается амфор, Африка не производила тяжелой керамики; все кирпичи, обнаруженные в проконсульской провинции, произведены на итальянских предприятиях, принадлежавших императору или виднейшим сенаторам; мы готовы поверить в то, что те предприятия имели почти официальную монополию на работу на африканском рынке. Поэтому возможно, что африканское масло экспортировалось в таре, произведенной за границей и привезенной на обратном пути судами, доставившими в Остию натуральную подать. Очевидно, африканское масло всегда ценилось ниже испанского, но, за исключением стола и бань богачей, оно широко использовалось в питании и освещении менее состоятельными гражданами.

Внутренняя торговля не давала такой прибыли, как экспортная. Крупные капиталисты оставляли ее мелким торговцам, которые тем не менее образовывали влиятельную часть муниципальной буржуазии. В самой простейшей форме эта деятельность приобретала форму сельских ярмарок, напоминавших, должно быть, торжища современной Берберии. Известно, что большинство магрибских деревень происходит из этих еженедельных ярмарок, позволявших кочевникам продавать свой скот, крестьянам — свой урожай, а тем и другим — приобретать немногочисленные необходимые промышленные товары. Многочисленные надписи показывают нам крупных собственников, устраивающих еженедельные ярмарки на своих землях, таких как Луций Африкан в своем имении Каза Бегенсес в 138 г.: для них это был еще один способ упрочения своей власти над колонатами, которые на этих ярмарках влезали в долги. В тексте из района Константины видно, что городки одного региона старались устраивать свои ярмарки в разные дни недели, чтобы не мешать друг другу. Точно то же самое происходит и сегодня, и многие деревни называются по дням проведения в них ярмарок: Сук-эль-Арба означает «Рынок в среду», а Сук-эль-Хемис — «Рынок в четверг». В городах деловым

центром обычно являлся рынок. У пунийцев, как и у греков, а также в первоначальном Риме, одна и та же площадь обычно служила как для торговой, так и для общественной деятельности. Но очень скоро они захотели избавить форум от пятнавшей его коммерции; к тому же купцы оставляли свои товары на ночь в лавках, не имевших запора; для этого требовалось запирать здание, в котором они располагались. Поэтому каждый город принялся строить мацеллум, площадь с расположенными по краям портиками, под которыми открывались лавочки. Самый крупный из таких комплексов, дошедших до нас, находится в Лептисе и датируется эпохой Августа; в центре мощеной площади стояли два киоска, в которых располагались эдилы, на которых возлагался контроль за честностью сделок; в их распоряжении были образцы мер длины; они могли оперативно решать любые споры. Апулей очень живописно рисует нам одного из таких чиновников при исполнении им служебных обязанностей:

«Желая приобрести все необходимое для нашей трапезы, я иду на рынок за продуктами; там вижу великолепную рыбу; спрашиваю цену: 100 сестерциев; я отказываюсь и за 20 денариев покупаю целую корзину. И уже на выходе встречаю Пифия, моего соученика по Афинам...

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю. — Да вижу, тебя можно поздравить: при тебе ликторы, фасции, в общем, весь набор, полагающийся чиновнику.

— Нам поручено заниматься сбором натуральной подати, и мы исполняем обязанности эдила; если хочешь что приобрести из продуктов, я к твоим услугам.

Я благодарю его: купленной мною рыбы с лихвой хватит на ужин; но Пифий, заметив мою корзинку и перетряхнув рыбу, чтобы лучше ее рассмотреть, спрашивает:

— А эту мелочь почему брал?

— Еле уговорил рыбака, — отвечаю, — продать мне ее за 20 денариев.

При этих словах он тотчас хватается меня за руку и снова ведет на рынок, где я только побывал.

— Так у кого, — спрашивает он меня, — ты купил эту дрянь?

Я показываю на маленького старичка, сидящего в углу. Он тотчас набрасывается на того, грубо отчитывая в силу своих эдильских полномочий.

— Вот, стало быть, как, — кричит он, — вы обращаетесь с нашими друзьями, да и вообще с приезжими иностранцами! Назначаете немыслимую цену за ничего не стоящих рыб! Да вы этот город, цвет Фессалии, дороговизной еды доведете до того, что он превратится в пустыню, голую скалу! Но даром вам это не пройдет, я покажу, как под моим началом наказывают мошенников!

И, высыпав содержимое моей корзины на землю, приказывает своему помощнику стать ногами на рыбу и всю ее растоптать. Затем, довольный своей строгостью, друг Пифий приглашает меня уйти и добавляет:

— Мне кажется, Луций, для старикашки такой позор достаточное наказание!»

Рынки Гигти, Тубурбо Майуса, Дугги, Тибилиса, Тимгада воспроизводили в уменьшенном размере тот, что существовал в Лептисе. В Тимгаде на нем имелось тринадцать лавок, в Тубурбо Майусе два десятка; а в Лептисе их число превышало сорок. Это были узкие чуланчики, закрывавшиеся спереди откидной ставней, превращаемой в прилавок; должно быть, они сильно походили на лавочки в Тунисе. Часто, как, например, в Дугге, храм Меркурия, бога торговли, покровительствовал поклонявшимся ему. Впрочем, не вся деловая активность сосредотачивалась на рынке: кабатчики, банкиры и менялы остались на форуме. Другие имели магазины в городе: в Мусте (Эль-Криб), маленьком городе в окрестностях Дугги, сохранилась улица, застроенная лавочками. Владельцы больших городских усадеб, как и в Италии, с охотой обустраивали в передней части своих домов торговые помещения. В Тимгаде, рядом с рынком, построенном в начале III в. всадником М. Плотием Фаустом Сертием, другой видный персонаж, Публий Цецина Альбин, приказал в конце IV в. построить рынок для торговли тканями (*basilica vestiaria*).

Неудобством при транспортировке товаров в Африке было отсутствие удобных речных путей сообщения, какие имелись в Галлии, но это отсутствие компенсировалось

для большинства крупных африканских городов близостью к морю. Наряду с дальними морскими перевозками, очень активным благодаря целой флотилии баркасов и шаланд было каботажное плавание. И все же основная часть грузов внутри страны перевозилась по суше. Плотная сеть дорог, достигавших в общей сложности 20 000 км, покрывала всю Африку. Нам она отлично известна благодаря дорожной карте, называемой Пейтингеровой скрижалю и датируемой концом II в., Итинерарию Антонина, скомпилированному во времена Тетрархии, и, главное, многочисленным военным столбам, поставленным через каждые 1500 м, с выгравированной на них надписью, содержащей имя императора, в царствование которого они были установлены, и указателю до ближайшего города. Широкая прибрежная дорога протянулась без перерыва от Марокко до Триполитании. Еще одна, в равной степени стратегическая и коммерческая, обозначала южную границу римских владений. Двух этих дорог было почти достаточно для двух провинций, расположенных по краям и вытянутых вдоль. Но в Проконсульской провинции и Нумидии они пересекались перпендикулярными дорогами: артерия Карфаген—Тевест оказалась в центре паутины второстепенных дорог, соединявших Бизацену с Нумидией. Из Тевеста, главного транспортного узла, по прямой линии можно было добраться до Гиппона-Регия; еще одна дорога вела с севера на юг, из Рустикады в Ламбез, через Цирту.

Основной целью императорского правительства при строительстве этих дорог, либо силами военных, либо городов в рамках наложенных на них повинностей, было обеспечение перемещения войск и перевозки податей. Но ими широко пользовались купцы и путешественники. Конечно, путь не всегда был комфортным, особенно в повозке, чьи подушки не компенсировали отсутствия рессор. Апулей в двадцать первой речи «Флорид» набросал живописную картину всех неудобств поездки в таких экипажах: «Путешественники, которым нужно поскорее добраться до места: они предпочитают скакать верхом, а не сидеть в повозке, чтобы не связываться с обременительной покла-

жей, неуклюжими телегами, неторопливыми колесами, ухабистыми дорогами; прибавь сюда еще груды камней, выступы корней, ручьи среди лугов, склоны холмов». Оратор рекомендовал воспользоваться верховой лошастью, потому что Африка уже тогда славилась своими быстрыми берберскими скакунами не меньше, чем ловкостью нумидийских наездников, управлявших своими конями без удил, с помощью недоуздка и прута. Но еще лучше, если путешественник желал удобств и не слишком спешил, было передвигаться в носилках, которые несли либо люди, либо, на длинных этапах, мулы. В общем, в этом плане римляне устроились не хуже наших далеких прадедов. Но оставались далеко позади них в смысле перемещения по дорогам грузов, если верить выводам майора Лефевра де Ноэта. Заслуга этого кавалерийского офицера состоит в том, что четверть века назад он привлек внимание к одной технической детали, до тех пор ускользавшей от внимания ученых: древние, включая римлян, знали только один способ запрягать лошадей — накладывая им на грудь мягкий хомут, соединенный ярмом с дышлом повозки или, реже, носилок. Когда лошадь тянула груз, хомут давил на трахею и душил животное, что мешало ему выкладываться в полную силу. Капитальная перемена произошла в X в. благодаря изобретению жесткого хомута, надеваемого на плечи животного. Опираясь на регламенты общественных перевозок, сохраненные в кодексах, Лефевр де Ноэт пришел к выводу, что античная повозка могла перевозить максимум 500 кг груза. Свыше этого предела приходилось использовать человеческую силу. Поэтому рабство представляло собой неизбежную необходимость. П. Салама недавно подверг этот тезис энергичной критике, представив солидные аргументы. Похоже, что наплечные хомуты не были совсем неизвестны в Риме, равно как и лошадиные подковы, которые Лефевр де Ноэт считает средневековым изобретением. К сожалению, африканский воздух, в отличие от галльского, редко сохраняет средства транспорта. Нам известны всего два памятника, к тому же поздних времен: стела Больо конца III в., на которой три повозки, используемые для перевозки урожая, изображены слиш-

ком схематично, чтобы с их помощью можно было решить проблему. И мозаика в Сент-Мари-дю-Зит, датируемая концом IV в., которая может сильно скорректировать выводы Лефевра де Ноэта: на ней изображена стройка, аналогичная современным тунисским арбам легкая повозка, запряженная парой лошадей, а на ней рабочий и вертикально стоящий бочонок, размеры которого можно предположительно определить в 1,70 м высоту и около 0,3 м в диаметре. Его вес достигает примерно 200 кг, к которым следует приплюсовать 70 кг веса рабочего. Таким образом, общий вес следует оценить между 250 и 300 кг, что примерно соответствует грузоподъемности современной арбы. Вся разница в том, что эту повозку тянут две лошади, а сегодня достаточно одной. То есть верно, что древние не в полной мере использовали энергию животных, а исправляли этот недостаток увеличением голов в упряжке. В целом можно оценить грузоподъемность их повозок в половину от наших. При перевозке более тяжелых грузов, как и при пахоте, лошадей меняли на волов. Видимо, именно так перевозили до Табраки по горной дороге, наклон которой превышает 8% многотонные бетонные блоки, извлеченные из симиттуйских карьеров.

Африканские дороги не имели той солидной прочности «вкопанных в землю стен», какой обладали многие европейские. Римские инженеры в своей деятельности очень гибко приспосабливались к особенностям конкретного региона: когда земля была достаточно тверда, они зачастую ограничивались простой тропинкой; на скалистых участках путь прокладывался киркой, и шоссе с вырубленными колеями нередко представляло собой настоящие рельсы, по которым катились колеса повозок. Мощеными были только самые крупные дороги: дорога Карфаген—Тевест была вымощена лишь при Адриане стараниями легиона Третьего «Августа». Но, в случае необходимости, строители не избегали крупных сложных работ: дороги на карнизах или насыпях, водопропускные трубы, мосты, часто величественные, вроде того, что был перекинут через овраг из Руммеля, чтобы соединить скалу с Циртой, даже шоссе через рукав моря, вроде связавшего

Джербу с континентом или того, что соединило два острова Керкенна.

В обмен на эти удобства торговцы платили весьма умеренные подати. Римляне, как и прочие народы древности, не догадались использовать таможенную в качестве средства регулирования торговли, она была для них только источником финансовых поступлений. Каждая провинция образовывала один округ. В Африке порториум¹ объединялся с тремя другими косвенными налогами (5% на освобождение рабов, 5% на наследство, 4% на продажи с аукциона) в так называемый *Quattor Publica Africae*. При первых императорах эти налоги отдавались на откуп частной компании, собиравшей их с налогоплательщиков; государи II в., в первую очередь Траян, а затем, после частичного возврата к откупной системе при Адриане, Марк Аврелий, заменили этот режим прямым обложением. До нашего времени сохранился тариф, применявшийся на таможенном посту в Зарае, на границе Мавретании Цезарейской и Тингитаны в 202 г. Это важнейший документ по существовавшим в то время ценам и характеру торговых обменов между западными и восточными областями Берберии. Перечислены такие товары, как рабы, скот, шкуры, ткани, вино, гарум², сухофрукты (финики и фиги), наконец, клей и губки; можно отметить отсутствие масла и зерна; похоже, тарифы варьировались от 3/1000 за рабов и 3/800 за скот до 2% за текстиль и 2,5% за продовольственные товары. Более обременительными, чем тарифы, для торговли были реквизиции и повинности, накладываемые на города почтовой службой (*cursus publicus*), передававшей правительственные распоряжения провинциальным и местным властям, доставлявшей их отчеты в Рим, обеспечивавшей поездки чиновников, перевозившей собранные в качестве натуральной подати продукты. Она повсюду располагала собственными станциями, амбарами и использовала, помимо гонцов, на-

¹ П о р т о р и у м — пошлина, взимаемая при ввозе и вывозе товаров.

² Г а р у м — рыбный соус, популярный в различных слоях римского общества.

стоящие военные отряды. Эта требовательная, всепроникающая служба была не популярна, и многие императоры старались уменьшить тяготы, накладываемые ею на население. Но почта была необходима для жизни империи, и значение ее все более возрастало, когда внутренние и внешние проблемы требовали укрепления административной централизации.

Надо упомянуть и о транссахарской торговле, игравшей большую роль в пунической экономике. Гвинейские россыпи завораживали уроженцев бедного золотом Средиземноморья; карфагеняне добирались до них либо караванами, доходившими до Нигера через Феццан и Хоггар (Ахаггар), либо по морю, вдоль западноафриканского побережья. Хотя экспедиция знаменитого Ганнона достигла Камеруна в V в. до н. э., обмен обычно производился на острове Серне, на Рио-де-Оро, с караванами, пришедшими через Мавретанию. В римскую эпоху этот второй золотой путь пришел в полный упадок из-за прогрессирующего высыхания Сахары, сделавшего невозможным каботажное плавание вдоль берега: режим ветров вынуждал команды кораблей проходить основную часть пути на веслах, что, разумеется, требовало достаточных запасов пресной воды. Жители же Триполитании, напротив, сумели сохранить торговый путь, из которого извлекали большую выгоду, заменив верблюдом лошадь, которая не могла ходить по пустыне из-за палящего зноя. Риму неоднократно приходилось принимать меры против притязаний ливийцев, предков туарегов. Самое могущественное племя, феццанские гараманты, в конце I в. вынуждено было принять протекторат империи: отряд под командованием Юлия Матерна дошел до севера Судана, страны Агисимбы, где встретил носорогов. Раскопки, проведенные итальянскими археологами в Феццане накануне Второй мировой войны, показали, что гараманты испытали сильное влияние римской цивилизации. В эпоху Северов отряд легионеров постоянно занимал Гадамес. Этой эпохой датируется часть повозок и лошадей, выгравированных или нарисованных на скалистых склонах сахарских гор, в частности, в Тассилин-Аджере и Хоггаре; на них повлияли мозаики, изображающие сцены в цирке.

Эти граффити имеются на маршрутах, ведущих из Триполитании к Нигеру, и показывают, что движение через пустыню было очень оживленным. В Абалессе, в самом сердце Хоггара, существует загадочный памятник, который туареги почитают как могилу мифической прародительницы их народа, царицы Тин Хинан. Франко-американские раскопки, проводившиеся в 1920 г., показали, что речь идет об укрепленном замке. В самом большом зале нашли могилу Тин Хинан; в ней лежали оружие и драгоценности, среди которых был золотой листок с отпечатком монеты императора Константина. Древняя царица, чей скелет сегодня хранится в алжирском Музее Бардо, была похоронена, очевидно, в IV в. н. э. Но замок более старый; в соседнем зале была брошенная римская лампа, изготовленная в начале III в. Другие элементы декора, вероятно, суданского происхождения. Замок наверняка был резиденцией некой мелкой династии, контролировавшей караванный путь на Нигер. Эта река, носившая почти то же название, что сейчас (Нигрис), была хорошо известна римлянам. Царь Юба II, пославший экспедицию, чтобы ее исследовать, намеревался соединить ее с сахарскими вади, вроде Игаргара или Мессауда, чтобы достичь верхнего течения Нила.

Помимо золота, Черная Африка давала слоновую кость, заменявшую становившуюся все более редкой из Берберии, страусиные перья, рабов и хищных зверей. Любопытная мозаика IV в., украшавшая господскую виллу в Пьяцца Армерина на Сицилии, изображает полуфантастическую охоту, где, среди других пойманных зверей, фигурирует носорог. В Сахаре даже собирали драгоценные камни: изумруды и карбункулы. Взамен римляне поставляли местному населению вино, металлические и стеклянные изделия и, главное, эмалированный жемчуг, который сегодня в огромных количествах находят в древних захоронениях в Судане и Нигерии.

Баланс африканской экономики между серединой I в. н. э. и серединой III в. однозначно положительный. Производимая продукция, которая первоначально чуть ли не

вся изымалась в виде податей и контрибуций, с середины II в. стала оставаться в провинции, излишков становилось все больше, благодаря распашке новых земель, развитию виноделия и, главное, оливководства, расширению ремесленного производства, удовлетворявшего местные потребности и заместившего часть импорта, и, наконец, благодаря выгодам морской и сахарской торговли. Мы можем проследить за этим прогрессом благодаря надписям, сообщающим нам о различных дарах, сделанных частными лицами. Их сумма составляет порядка 400 000 сестерциев для периода, предшествующего 138 г., примерно равна этой сумме для 138—193 гг., но в эпоху Северов вырастает в три раза. Легко заметить, что основное большинство общественных зданий в городах было построено в период от восшествия на трон Траяна до смерти Александра Севера. В Дугге, например, малый храм Сатурна, расположенный к западу от форума, датируется царствованием Тиберия, а рынок — Клавдия; но храмы Конкордии, Юпитера Плодоносного, Либер Патера, Нептуна, Венеры и Фортуны были построены при Адриане; портики форума при Антонине; портик, называемый Дар-эль-Ашеб, Капитолий, дополняющая его экседра, театр — дело рук подданных Марка Аврелия; при Коммоде были возведены храм Сатурна и триумфальная арка; при Александре Севере — еще одна триумфальная арка и храм Целесты. Во второй половине III в. были построены только малый храм в Теллусе и термы. Аналогичные наблюдения можно сделать и в большинстве других городов.

Стало быть, на протяжении полутора веков африканцы располагали крупными средствами; куда они их вкладывали? Только что приведенные примеры показывают, что значительная часть уходила на пожертвования. Другие надписи, очень многочисленные, сообщают, что крупные суммы тратились на пиры, подарки, спектакли в театре и цирке, на все разновидности античной рекламы, которая отличается от нашей больше по форме, чем по содержанию. К этим общественным расходам, которыми хвастались, следует прибавить расходы частные, немалые, по крайней мере, в периоды процветания, когда неприлично было вы-

глядеть скупым: стол, одежда, драгоценности, рабы, лошади, предметы искусства; смерть не становилась окончанием транжирства, совсем наоборот: к щедротам, изложенным в завещании, добавлялась стоимость гробницы, которая, как мы увидим, часто принимала размеры монумента. В общем, видимо, африканцы II и III вв. не знали, как потратить деньги, и это в тот самый момент, когда увеличение населения должно было призвать их быть предусмотрительными и делать выгодные инвестиции.

Впрочем, такое поведение объясняется не беззаботностью и жадой удовольствий, а экономической структурой эпохи. Главным источником богатства, как мы видели, являлось сельское хозяйство. Раздробление хозяйств не позволяло владельцу повышать свое благосостояние, разве что путем поиска свободных земель в зоне лимеса, которая играла приблизительно ту же роль, что западный фронт в США в XIX в. Разумеется, некоторые в этом не нуждались: в Нумидии, в сотне километров от Тибилиса, существовало поместье Соротенсис, очевидно обязанное своим именем богатому гадруметянину, жившему в начале III в., Сороту, заводчику скаковых лошадей и владельцу роскошной виллы. Можно было фрахтовать корабли, финансировать караваны, даже создать фабрику по изготовлению глиняной посуды или мануфактуру по производству одежды, использовать свои капиталы для увеличения энергетических ресурсов общины.

Здесь мы касаемся фундаментальной проблемы истории Римской империи. Представляется очевидным, что одной из причин ее быстрого упадка, последовавшего сразу же за апогеем, стала слабость возможностей инвестиционных вложений в реальный сектор, что заставляло бездумно тратить прибыли до первого серьезного кризиса — вторжения германцев в 170 г., — который разом вызвал финансовый крах и разладку всей экономической системы: это бессилие породит новые источники богатства, порожденные, в свою очередь, самой медлительностью технического прогресса. Принимая эту теорию в целом, следует все же избегать преувеличений: ситуация в империи ничем не отличалась от существовавшей во всем комплексе

человеческих обществ до XVIII в.; египтяне, греки, европейцы в Средние века и даже в XVI—XVII вв., точно так же, как римляне, «замораживали» свои излишки в монументальных постройках, которые с точки зрения экономики были, при всем своем великолепии, бесполезными. Кроме того, технический прогресс мог несколько замедлиться начиная с конца II в. н. э.; но он никогда не останавливался полностью: труд IV в., *De Rebus Bellicis*¹, автор которого выражает тенденции окружения императора Юлиана, предлагает для экономии человеческих ресурсов очень интересные технические решения, из которых самое примечательное — корабль с гребными колесами, приводимыми в действие животными. Невозможно согласиться с тем, что германцы превосходили римлян в техническом плане, пусть даже таковое проявлялось в единственной сфере — вооружении. В Античности единственным видом деятельности, где были возможны масштабные работы, являлась переработка сельскохозяйственной продукции: мы видели в Африке значительное увеличение производства масла и текстиля: по крайней мере, в этой области технический прогресс очевиден, он внедрил более совершенные прессы, рычажные и винтовые, взамен старых угловых систем. Наряду с вложениями исключительно в роскошь мы отметили много случаев очень полезных инвестиций; такие, как гидравлические работы, более важные для водоснабжения городов, чем для ирригации сельской местности, улучшение движения за счет строительства дорог и портов, увеличения тоннажа судов, что вело к снижению цены. Другие объекты, не имеющие экономической пользы, вроде библиотек, терм и зрительных залов, по крайней мере, давали бедным классам возможность занять досуг, развлечься, приобщиться к культуре. Рим в этом плане показал себя более великодушным в сравнении не только с восточными империями ранней Античности, но и с европейскими обществами Средних веков и начала Нового времени, которые занимались почти исключительно религиозными нуждами бедняков. Перечис-

¹ «О военных делах» (лат.).

ляя недостатки экономики империи, не следует забывать и про ее бедность благородными металлами, не позволявшую создавать валютные резервы и способствовавшую девальвации.

Но все эти необходимые оговорки не должны помешать признать фундаментальный закон, управлявший имперской экономикой: ее развитие стало главным образом результатом завоевания средиземноморской культурой новых территорий. Примечательно, что Африка легко пережила кризис 170-х гг., такой тяжелый для европейских провинций: она продолжала в течение полувека колонизировать Нумидию и Мавретанию Цезарейскую. Кризис резко проявился в 238 г. столкновением армии, игравшей главную роль в этом завоевании Дикого Запада, с населением проконсульской провинции. Объяснение конфликта, по нашему мнению, следует искать в одном политическом и экономическом факте, который мы уже отмечали: по мере того как осваивались новые провинции, старая Африка, всемогущая в сенате и императорских советах, перекладывала на них все возрастающую долю давившего на нее налогового пресса; она заставляла новых колонов выращивать зерно, чтобы самой заниматься более прибыльными оливками. При этом между земледельцами окраинных районов, в большинстве своем отставников, и солдатами на действительной службе существовала известная солидарность. Этим объясняется зверский характер расправы легата Нумидии Капеллианам и его войск над жителями Карфагена и других городов. Проблему можно было решить иначе, новым продвижением границы на Запад. В Орании и особенно в Марокко еще оставались огромные пространства, очень хорошо пригодные для колонизации. Септимий Север и Каракалла, очевидно, думали об их завоевании: в эти два царствования впереди лимеса повсюду были установлены передовые посты, вроде Кастеллум Диммиди, где мы проводили раскопки в 1939—1941 гг. Но римляне сталкивались с воинственными племенами, которые, пользуясь благоприятствующим им рельефом местности, объединялись, готовясь выдержать удар. В Марокко, например, бакаты, которых Адриан вы-

сел с их прежней территории Автодолеса к югу от Волюбилиса и принудил принять выбранного им правителя, в конце II — начале III в. составляли настоящую конфедерацию с соседними племенами маценитов и баваров. Чтобы окончательно подавить эти народы, потребовались бы военные усилия, по меньшей мере равные тем, что в середине II в. предпринял Антонин Пий. Ни военная ситуация на границах империи в Бретани, Германии и Сирии, ни, главное, экономическая ситуация не позволяли пойти на подобную авантюру. Но политический фанатизм побудил Гордиана III к самой абсурдной репрессивной мере, которая могла лишь ухудшить положение: распуску легиона Третьего «Августа», ядра Африканской армии. Странная вещь, но данная мера, которая должна была бы удовлетворить обиды жертв Капеллиана, наоборот, спровоцировала новый мятеж в проконсульской провинции и Нумидии, на сей раз возглавленный проконсулом Сабинием. Для восстановления порядка пришлось привлечь мавретанскую армию. Можно предположить, что африканцы посчитали, что руководители переворота, инспирированного ими, недостаточно им заплатили: разве Гордиан III не отказался вернуть им налоговые привилегии, отнятые Максимом? Во всяком случае, чаяния жителей Тисдруса, очевидно, были удовлетворены, потому что они чествовали императора, как «более снисходительного (в налоговом плане), чем все прошлые государи». Сокращение численности войск дало, конечно, экономию средств, но экономию разрушительную. Империя отказалась от любых попыток экспансии: передовые посты, вроде Диммиди, были покинуты. Очень скоро появились плоды этой политики: внутри лимеса начались волнения; Галлиену пришлось сражаться с племенами Большой Кабилии, квинквегентаниями и фраксиненсами, и одновременно с баварами Орании. Почти полное прекращение всякого строительства в течение полувека (235—285 гг.) показывает, насколько пострадала экономика городов, не напрямую от военных действий, которые не затронули проконсульскую провинцию, а из-за их экономических последствий.

Глава 3 СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Иерархия

Первый вопрос, который ставит изучение того или иного общества, это вопрос иерархии: что предопределяет место человека — его социальное происхождение, этническая принадлежность, его религия или, наконец, его личные достоинства, определяемые по различным критериям.

Если мы посмотрим с этой точки зрения на Римскую Африку, то, прежде всего, убедимся, что первые из перечисленных факторов, на которые индивид может повлиять лишь очень ограниченно, — социальное происхождение, этническая принадлежность, религия — играли относительно второстепенную роль в его положении на социальной лестнице. Прежде всего, примечательно, что в этом обществе, которое мы назвали бы колониальным, которое возникло в результате завоевания, различия между завоевателями и завоеванными были настолько слабо выражены, что нам зачастую крайне затруднительно определить этническое происхождение того или иного человека.

Это утверждение особенно справедливо, очевидно, для периода начиная со II в. н. э. и для восточной части Африки: проконсульской провинции и Нумидии. В царствование Августа и императоров его династии в провинции сосуществовали три народности, различающиеся между собой по правовой системе, которым они управлялись, по языку и обычаям: римляне-переселенцы, пунийцы и ливийцы. Первые, как мы сказали, образовывали свои отдельные общины — колонии, *oppida civium romanorum*, *pagi* — обособленно жившие среди двух остальных народов, от которых они отличались своими привилегиями и чувством превосходства. Пунийцы по большей части проживали в городах, имели некоторые привилегии и сохраняли сильную привязанность к национальным традициям, самой сильной из которых оставалась религия. Наконец, коренное население зачастую тоже сохранило национальное самосознание, порой побуждавшее их к жесткому

противостоянию с завоевателями: самым мощным из этих восстаний было возглавленное Такфарином.

Тем не менее примечательно, что даже в эти времена между тремя группами не существует абсолютно непреодолимых преград, и их не разделяет жгучая ненависть. Пунийцы и ливийцы стремились интегрироваться в римский народ, и некоторым из них это удалось. Очень характерно в этом плане прошение Такфарина, адресованное в 21 г. Тиберию, поскольку оно исходит от открытого мятежника против императорской власти: в нем требование не независимости, а позволения поселиться в провинции на уступленных землях. Предложение было неприемлемо, поскольку Такфарин и его люди не желали отказаться от своего образа жизни, несовместимого с римской цивилизацией. Тем не менее оно выдает их желание найти решение проблемы. Эта привлекательность всего римского еще более заметна у жителей городов; изучение нумидийского города Мактар показывает, что ливийцы стремились пунизироваться, а пунийцы — романизироваться. Мы можем проследить эту эволюцию, в частности, по ономастике; еще не получив прав римского гражданства, африканские перекрины часто меняли свои ливийские или пунические имена на латинские. Так, три этнические группы, вместо того чтобы сохранять обособленность, уже представляли как бы поставленные один на другой этажи единой пирамиды, на верхушку которой горячо желали попасть местные жители.

Ситуация в Африке в этом плане глубоко отличается от той, что можно наблюдать в ту же эпоху в Палестине и Греции. Влиятельные элементы среди евреев и эллинов были убеждены в превосходстве собственной национальной культуры над римской, навязываемой им силой, и терпеливо ждали политических потрясений, которые позволили бы им восстановить независимость.

Основная причина такой ситуации заключается в том, что этническая иерархия стремится наложиться и даже подменить ее собой, на иерархию, создаваемую богатством, которая не всегда с ней точно совпадала. Очевидно, что римляне в большинстве своем принадлежали к богатым классам и даже составляли малочисленную касту крупных

плутократов-латифундистов. Но нотабли больших городов, таких как Тапапии и Лептис, не чувствовали себя ниже декурионов Карфагена. И наоборот, мелкие римские колонны, разбросанные по городам внутренних областей, сохраняя и защищая национальные традиции путем объединения в ассоциации, жили той же жизнью, что собственники и простые жители тех городов, в которых они обосновались. Еще более важным для нас является присутствие в самом низшем общественном классе, классе рабов, латиноязычных индивидов: в списке ювентусов города Мактар вольноотпущенники носят латинские имена, а их бывшие хозяева — пунические; многие латинские имена свободных людей выдают их рабское происхождение. То есть представитель коренного населения не испытывал никакого чувства ущербности, ущемленности по отношению к римлянину; кстати, опыт современных колониальных государств показывает, что местные жители тем легче адаптируются к порядкам завоевателей, чем меньше испытывают по отношению к ним «комплекс неполноценности».

Этой эволюции способствовали политика императоров I в. и экономическое развитие империи в данный период. Казнь шести латифундистов по приказу Нерона устранила верхний этаж богатого класса, в который не могли попасть африканцы; отныне Африка станет, как мы скоро увидим, страной относительно средних состояний. Косвенным последствием этого устранения стало сокращение количества рабов в пользу свободных тружеников. Но даже без подобных радикальных мер сильная экономическая нестабильность второй половины I в. часто приводила к тому, что состояние старинных семей уходило к нуворишам, нередко очень скромного происхождения, вроде Трималхиона Петрония¹. Некоторые африканские семьи, занимавшие со времен Флавиев первые места в римском обществе, несомненно, пользовались этим способом разбогатеть.

¹ Т р и м а л х и о н — персонаж древнеримского романа «Сатирикон» Петрония — разбогатевший вольноотпущенник, неотесанный и невежественный.

Еще один факт капитальной важности — это прекращение итальянской иммиграции. Г-н Ростовцев, напротив, думал, что Италия разорилась из-за того, что на всем протяжении II в. слишком щедро рассылала свое население в провинции. Но эта гипотеза опровергается изменением характера колониальных поселений начиная с царствования Адриана. В проконсульской провинции полностью прекращаются выделения участков для поселения ветеранов, а те, что еще производятся в Нумидии, делаются отныне в пользу солдат, набранных в африканских городах; это скорее соответствует внутренней колонизации, чем заморской иммиграции. Изучение состояния африканских квиритов II в. подтверждает нашу точку зрения: каждый римский гражданин был записан в одну из 35 триб, образовавших каркас республиканского города. Когда основывалась колония или муниципия, всех ее жителей заносили в списки одной трибы: так, жители Карфагена были приписаны к трибе Арненсис. Однако в африканских надписях упоминается очень малое число триб: так, в проконсульской провинции встречаются только Арненсис, Папирия, Горация; почти все включают жителей городов провинции. Одного этого факта достаточно, чтобы доказать, что проживавшие в Африке квириты были потомками колонистов, переселившихся туда либо в республиканский период, либо в I в., во время крупных переселений времен династии Юлиев-Клавдиев, либо натурализовавшимися коренными жителями. Анализ родовых имен и когноменов¹ с меньшей точностью подтверждает это заключение; первые в большинстве принадлежат императорам, патронировавшим создание колоний и дававшим имена в индивидуальном порядке при натурализации; также находятся заимствованные у проконсулов и легатов; наконец, некоторые были образованы, очевидно, в большей или меньшей степени нелегально, от личных и родовых имен и прозвищ коренного населения. Что же касается

¹ К о г н о м е н ы — в Древнем Риме индивидуальное прозвище, данное одному из представителей рода и перешедшее на потомков, став названием семьи или ветви рода.

когноменов, они часто свидетельствуют о приверженности своих носителей религиозным традициям страны. То есть невозможно предположить, чтобы такое огромное количество италийцев обосновалось в Африке после начала II в. И напротив, мы видели, что в приморских городах имелось немало уроженцев Востока. Очевидно, в первую очередь это были купцы, привлеченные возможностями делать бизнес, о чем мы уже говорили; они могли оказывать общественное и культурное влияние и способствовать поддержанию связей, соединявших со времен тирской колонизации Берберию и Ближний Восток. Но с демографической точки зрения их значение было ничтожно мало.

Таким образом, африканцу II в. не приходилось бороться с конкуренцией природных римлян, поселившихся на его территории. Что же касается старых иммигрантов, они уже давно сблизились с коренным населением благодаря ассоциациям и бракам. Вот типичный случай: Флавии из Цилиума (Кассерина). Чистокровный ливиец, Масул, сын Алурусы, имел двух сыновей, Марака и Сатурнина. Сатурнин, чье имя напоминает о приверженности семьи Ваалу Хаммону, именуемому на латыни Сатурном, женился на римлянке, Флавии Фортунате; отец девушки, ветеран, при вступлении в легион получил, согласно обычаю, римское гражданство и имя императора, а после демобилизации земельный участок в военной колонии Циллиум. Рожденный от этого брака сын сохранил латинские имена матери: Флавий Фортунат. Здесь мы имеем дело с любопытным примером соединения римского права с местными обычаями: действительно, ливийцы иногда вели родословную по материнской линии, что позволяет считать, что у некоторых их племен сын принадлежал к клану матери. Но для того, чтобы Флавий Фортунат получил это имя, делавшее из него квирита, не подвергаясь очень серьезному наказанию, полагавшемуся лицам, незаконно присвоившим себе права гражданства, требовалось, чтобы дед по матери, очевидно не имевший наследников мужского пола, официально усыновил его. Благодаря этому приему брак местного жителя-постороннего с римлянкой дал рождение романизированной семье. Сегодня же, как известно, дети, рожденные от весь-

ма распространенного брака мусульманина с европейкой, почти всегда получают отцовский статус.

Теперь мы понимаем, как полностью романизированные видные деятели эпохи Антонинов могли гордиться пуническим или ливийским происхождением. Фронтон из Цирты, наставник Марка Аврелия, о блистательной карьере которого мы расскажем в свое время, хвалился, что происходит от «ливийских кочевников», то есть нумидийцев, хотя происходил он, очевидно, от соратника Ситтия. Апулей, воплощение самого несносного снобизма, объявил себя полунумидийцем-полугетулом. Тертуллиана несколько не смущал его финикийский акцент, и он без стеснения представлял на придворных приемах свою старую тетушку, про которую злые языки говорили, будто она так никогда и не сумела выучить латинский язык. В высшем обществе II в. считалось хорошим тоном демонстрировать равнодушие и презрение к этническим предрассудкам. «Человека следует оценивать не по месту рождения, — заявлял Апулей, — а по характеру; важно не то, из какой страны человек, а по каким принципам он живет». Сегодня «европеец», живущий в Северной Африке, скорее умер бы от стыда, чем назвался арабом или бербером; алжирский еврей или испанец, натурализовавшийся во Франции, считает себя потомком галлов. Тунисские мальтийцы с гордостью называют себя британцами.

Разница между народами больше не соответствовала степени их богатств и уровню жизни. Вся городская буржуазия окончательно романизовалась благодаря распространению колониального и муниципального права. Многие современные ученые полагали, что городской и особенно сельский плебс сохранил статус peregrini. Но документы, на которых основывается это заключение, — стелы с посвящениями в святилищах и эпитафии — показывают, напротив, быстрое изменение нравов и обычаев именно среди самых низших классов; вплоть до приблизительно середины II в. авторы посвящений тофетов Тигники, Дугги, Кактара носят пунический костюм кипрской традиции. А потом появляются в тогах и туниках, а латынь сменяет в надписях финикийский язык. Богомольцы,

приносящие в конце II в. жертвы Сатурну Балканскому, носят римские имена и тогу. Петиция колонов сальтуса Бурунитанус, надпись жнеца из Мактара, посвящения вальяльщиков из того же города Либер Патеру доказывают, что большое количество крестьян и рабочих получили в конце II в. права римского гражданства. Эдикт Каракаллы от 212 г. завершил ассимиляцию, успешно продолжавшуюся в течение века. Произошла унификация в религиозной области. Римлян и коренное население никогда не разделяли догмы, неизвестные античным религиям, и с самого начала победители не отказывали в почитании пуническим богам, которых рассматривали как хозяев африканской земли. Впрочем, синкретизм позволял узнавать Сатурна в обличье Ваала Хаммона, а Юнону — в обличье Танит. Плохо изученные духи, которым поклонялись ливийцы, тоже получали свою долю поклонения под расплывчатым определением «боги мавров». Но различия в ритуалах, таинственность, окружавшая финикийские культы, сохранение духовенства, поддерживающего традиции коханизма, и тайных обществ последователей стали самым серьезным препятствием на пути романизации из всех, с которыми столкнулись римляне в Африке. Однако мы констатируем полную трансформацию богослужения и организации храмов в конце II в., произошедшую одновременно с принятием латыни в качестве литургического языка. Эта реформа иногда провоцировала всплески насилия: Тертуллиан сохранил для нас память о совершенной по приказу проконсула Тиберия казни жрецов, продолжавших, в соответствии с обычаем молк, приносить в священном лесу близ Карфагена в жертву младенцев. Другой проконсул, будущий император Пертинакс, напротив, долгое время терпел недовольство прорицателей культа Целесты, очевидно протестовавших против изменений в культе, являвшихся делом рук романизированных горожан-африканцев, не желавших отказываться от богов своих предков, но намеревавшихся поклоняться им единственным образом, казавшимся им совместимым с цивилизованностью. Те, кто не хотел принимать новую форму африканских культов, оказались отброшены к новой форме

религиозной оппозиции, которую представляло собой христианство: всего за несколько лет церковь приобрела многие тысячи последователей, особенно в бедных классах. Из этого в конце II в. родилась новая проблема, создавшая властям много крупных сложностей. Христиане, с большей решительностью и непреклонностью, чем пунийцы, отвергавшие философские концепции, лежавшие в основе имперского порядка, не замыкались в узком национализме и поддерживали контакты со своими братьями в других провинциях. Тем самым христианство способствовало окончательному исчезновению последних следов африканского партикуляризма.

Итак, африканское общество эпохи Северов не знало этнической дифференциации. Все его члены, от сенаторов до самых ничтожных крестьян, смотрели на себя как на римлян и одновременно на африканцев. Определения Пуникус, Афер, Маурус, Нумида теряют в это время свое точное значение; их используют без разбора, как для обозначения тех, кто оставался верен местным традициям, так и тех, кто без зазрения совести объявлял себя потомком переселенцев времен республики или эпохи Юлиев-Клавдиев, а свою более смуглую кожу объяснял происхождением от смешанных браков.

Совсем иная ситуация сложилась в Мавретаниях: если в городах и в колонизованных сельских районах произошло смешение народов, в горах и степях сохранялись довольно многочисленные полумятежные племена кочевников и грабителей, варваров, которые станут берберами, продолжавшие противостоять римлянину, руми, горожанину или земледельцу. Впрочем, и на этом марокканском Диком Западе римская цивилизация проникла даже в суровые племена бакатов и маценитов. Даже после отступления империи, на которое вынужден был пойти Диоклетиан, у них продолжалась и завершилась христианизация и романизация, каковую не могли навязать силой и самые могущественные государи II и III вв. Когда в 664 г. н. э. всадники Укбы¹

¹ У к б а ибн Нафи аль-Фихри (ок. 622—683) — военачальник и государственный деятель Арабского халифата, завоеватель Магриба.

достигли океана, они нашли в Волюбилисе римлян, упрямо хранящих верность латинскому языку, римскому праву, а сверх того и христианству, как будто Рим окончательно победил их, отказавшись от планов завоевать.

Теперь посмотрим, не сохранилась ли в Африке жесткая иерархия наследственных классов. При взгляде на пирамиду сословий создается впечатление, что да: сенаторы, всадники, декуриалы; у двух первых, по крайней мере, статус определялся цензом и находил зрительное выражение в символах, в латиклаве, то есть широкой пурпурной полосе, вышитой по краям тоги и обуви у сенаторов, и в ангустиклаве и кольцо у всадников. Перед серединой II в. распространяется обычай титуловать их и членов их семей светлейшими, а самих их именовать *vir egregius*¹. Декурионы, стоявшие ниже, могли называться лишь *honestus*, почтенный, как наши парламентарии. Но если такую милость не даровал в особом порядке император, всадником и, тем более, сенатором можно было только родиться. Требуемый для того и другого сословия ценз был необходимым, но недостаточным условием для вступления в него. И напротив, вступление сына в сословие, к которому принадлежал отец, было правовой нормой, если только кандидат не был уличен в вопиюще недостойном поступке. Однако изучение личных карьер, доступных нам по историческим текстам или, в более точном варианте, по надписям, показывает быстрое обновление этой аристократии. Среди сенаторов II в. едва ли одна десятая могла похвастать предками, сидевшими в курии веком раньше. Первым африканским консулом из коренных жителей стал Квинт Аврелий Пастумей из Цирты, сделанным сенатором при Веспасиане. Сто лет спустя сотня его земляков составила крупную группу, которая по численности шла сразу за природными италийцами. Первый римский всадник Африки, Л. Юлий Крас из Мисты, получил золотое кольцо от Тиберия. При Адриане всадников в проконсульской провинции и в Нумидии можно считать сотнями. Тексты там показывают постоянное пополнение

¹ Благородный муж (лат.).

этих привилегированных классов за счет выходцев из горожан-декурионалов, чьи ряды непрерывно пополняли разбогатевшие популяры. Аристократия императорской эпохи была более открыта не только по сравнению с нашей аристократией времен старого режима, но и с нобилитетом республики. Карьера того же Пертинакса, сына вольноотпущенника-торговца, выскочки, ставшего консулом и императором, была бы невозможна во времена Цицерона. Эта ситуация объясняется двумя основными причинами: императоры, наученные жестокой борьбой своих предшественников I в. с наследниками республиканской аристократии, совершенно не стремились позволить восстановить замкнутую олигархию. Демонстрируя большое почтение наследникам древних патрицианских родов, таким как Корнелии Доллабеллы, Корнелии Сципионы Орфити, Ацилии Глабрионы и еще нескольких, кому удалось пережить репрессии Калигулы, Нерона и Домициана, они тщательно избегали назначать их на важные посты, отдавая в этом предпочтение новым людям или недавно вошедшим в состав аристократии. С другой стороны, относительное уравнивание состояний, экономическая нестабильность и, главное, обеднение Италии, в которую обязательно должна была быть вложена треть их состояния, не способствовали долгожительству сенаторских фамилий, чьи доходы, какими бы значительными ни были, быстро съедал роскошный образ жизни; финансовые заботы Плиния были заботами большинства его коллег, и многим знатным родам удавалось справиться с ними, лишь позолотив герб оскорбительным браком с дочерью какого-нибудь выскочки или усыновлением некоего провинциала, имеющего больше денег, чем предков. Наконец, следует учитывать солидарность, объединявшую в Риме всех тех, кто приехал туда за карьерой и богатством из одной и той же провинции. Мы уже видели, что эти землячества приводили к созданию настоящих политических партий: испанцы получили преобладание в первые годы II в., потом уступили первенство африканцам, которые, совершив глупость и разделившись на сторонников гадруметянина Альбина и лептисанца Септимия Севера, окажутся, в свою очередь,

вытесненными сирийцами, затем панноннийцами. Члены одного клана, устроившись, начинали способствовать карьере родственников и друзей, оставшихся на родине, чтобы окружить себя преданной клиентелой. Даже царствующая династия не могла избавиться от этой солидарности и оказывалась обреченной, когда высокое положение слишком удаляло ее от провинциальных корней. Так, Антонины, выходцы из Бетики, вынуждены были уступить место Северам, поддерживаемым африканцами, которых Марк Аврелий и, особенно, Коммод расставили на ключевые посты. Северы, несмотря на поддержку своих земляков из Триполитании и Бизацены, а также сирийцев, друзей Юлии Домны, не смогут устоять перед натиском дунайских солдат, которым Септимий своей реформой преторианских когорт настежь открыл двери в штаб. Некоторые провинции, вроде Галлии, видя, что система фаворитизма систематически отодвигает их в сторону, зайдут в своих обоснованных обидах даже до попыток отделения.

Но в большинстве провинций римская аристократия была заменена местной знатью, чье преобладание укрепили республика и первые императоры, очень почтительные к богачам. В Галлии бывшие кельтские «князья» и «всадники» сохранили в стране, долго сохранявшей аграрный характер, экономическое и общественное влияние, благодаря которому расширяли свои владения. В бывших эллинистических царствах потомки греческих и македонских колонистов, благородные жреческие и сеньориальные дома, происходящие от мелких местных династий, сохранили в полукрепостной зависимости крестьянские массы, несколько не эволюционировавшие со времени персидского завоевания. Один из основных азиатских помощников Траяна и Адриана, Гай Юлий Квадрат Басс, происходил от князей Анкиры. Антоний Зено, консуляр времен Антонина, происходил от царей Понта. В Греции огромного разрыва в благосостоянии оказалось достаточно, чтобы обеспечить почетные должности всего несколькими семьями миллионеров, таким как Эроды в Афинах, Эвриклы в Спарте. Африка находилась на особом положении; действительно, в ней не было аристократии местного проис-

хождения. Карфагенская знать была устранена в 146 г., а великие фамилии свободных граждан оставались на своей исконной территории. Нумидийские князья потеряли свои огромные владения при завоевании страны Цезарем. Среди сенаторов и всадников II в. к «древней знатной семье» можно отнести только Лузия Квета, чей случай совершенно особенный, и Л. Меммия Паката, «вождя» сиртских чинитиев. Остальные происходили из муниципальной буржуазии, чьи недавно полученные состояния являлись результатом большого экономического подъема, начавшегося при Флавиях. Африканское преобладание совпадает с апогеем среднего класса, отличавшегося от сенаторской знати I в. так же, как французская буржуазия XIX в. отличалась от дворянства старого режима.

Буржуазное общество признает почтенность приобретенного богатства в зависимости от норм своей морали и культуры. Так было и в Африке при Антонинах и Северах. Если верить Апулею, это высокоцивилизованное общество не очень высоко ценило деньги, ставя мудреца выше богача. Если посмотреть на карьеру самого Апулея и тех, о ком мы скоро будем говорить, великих ораторов и юристов, Фронтон, Сальвия Юлиана, мы убедимся, что Рим, как и Китай эпохи Хань, с которым его роднит множество черт, действительно старался создать связь между культурой и политическим влиянием. Позднее мы рассмотрим характер этого римско-африканского гуманизма, который, как мы уже показали, являлся цементом и рычагом имперского общества. Отметим только уже сейчас, что преклонение перед этой культурой не ограничивалось высшими классами, проявлявшими его в убранстве своих домов и декоре гробниц; посредственные, но трогательные стихи, украшающие ныне многие надгробия в провинции, показывают, что образованность распространилась и в среднем классе. Но, какими бы уважаемыми ни были духовные ценности, общество не может абстрагироваться от материальных потребностей. Философы могли произносить речи во славу бедности, а толпа им рукоплескать; сами они не брезговали извлекать максимальную выгоду из своих знаний и таланта. Земледельцы, купцы и даже политики и чиновники, есте-

ственно не уступая им в силе жажды богатства, проявляли в этой области меньше лицемерия и больше изобретательности. Эпитафии, передающие нам моральные концепции эпохи, речи адвокатов, торжественные речи, надписи, выгравированные на зданиях, все хором говорят, что именно богатство рассматривалось в качестве подлинного признака жизненного успеха. Сами юристы не считали, что богатые и бедные обладают равными правами, и, хотя при случае брались защищать бедняков против злоупотреблений сильных мира сего, но в случае аналогичного правонарушения без колебаний грозили им самыми суровыми карами. Чтобы понять общественную структуру Римской Африки, нам следует вернуться к экономическим вопросам, и в первую очередь изучить деньги и их распределение.

Цены. Уровень жизни. Общественные классы

Единственными монетами, имевшими официальное хождение в Африке в период империи, были, разумеется, римские; тем не менее в сельской местности в ходу оставались монеты, выпущенные пуническим Карфагеном или нумидийскими и мавретанскими царями. Напомним, что денежной единицей был сестерций ($2\frac{1}{2}$ асса), денарий равнялся 4 сестерциям.

В течение двух первых веков нашей эры монетная система сохраняла стабильность. При Марке Аврелии большая германская война привела к девальвации, которая шла по нарастающей весь III в. Но повышение цен стало особенно заметным после 250 г.

Правда, следует принимать в расчет местные и сезонные колебания, гораздо более значительные в Античности, чем в наши дни, особенно на продукты питания в связи со слабым развитием средств коммуникации. Нередко случалось, что цена на зерно варьировалась от 1 до 10 денариев за модий¹, в зависимости от того, урожайный выдался год или нет.

¹ М о д и й — древнеримская единица объема, используемая в первую очередь для измерения объема зерна. 1 модий составляет 8754 см³.

Нормальный процент на вложенные деньги был 5%.

Мы располагаем достаточно многочисленными данными по ценам: наиболее полные сохранились в таможенном тарифе Зарая. Помимо него, многочисленные надписи напоминают нам, сколько стояли здания, статуи, какая сумма требовалась для получения должности в магистратуре. Другие данные сохранились в литературных текстах, особенно в «Апологии Апулея».

Прожиточный минимум можно высчитать по надписи из Сикка Венерия (Эль-Кеф) о создании продовольственного фонда для детей бедняков от трех до пятнадцати лет; 300 мальчиков должны были получать по 10 сестерциев в месяц, а 300 девочек по 8 сестерциев. Впрочем, возможно, что данная сумма была призвана не покрыть все содержание детей, а лишь дополнить их доходы; действительно, ее хватало только на оплату питания младенцев.

По положениям закона, всякий, не имевший хотя бы 5000 сестерциев, считался бедняком. Действительно, речь идет о небольшом капитале: с 200 сестерциев в год паупер мог лишь с трудом выживать в одиночку. Если у него на шее была жена, он попадал в зависимость от другого лица.

На противоположном краю социальной лестницы сначала находились римские сенаторы. Никто не мог быть принят в их курию без ценза в миллион сестерциев. На самом деле это лишь необходимый минимум, от вновь принимаемого требовалось иметь много больше. В конце II в. в Африке имелось с сотню семей, достигших этого высшего звания.

Те, кто получил золотое кольцо и узкую пурпурную кайму всадников, были еще более многочисленны; не было ни единого города, где не нашлось бы троих или четверых, а в крупных городах их насчитывалось намного больше, всего более тысячи; так что не будет дерзостью оценить среднее состояние представителя этого сословия между 400 000 и миллионом сестерциев. Впрочем, всаднический ценз, едва позволявший в Риме вести более-менее приличную жизнь, часто превышался, и даже среди всадников имелись люди, которые вполне могли бы получить сенаторское достоинство. Так, отец Апулея, простой декурион

из Мадавры, оставил по миллиону сестерциев каждому из своих сыновей; оратор изрядно растратил свою долю за время поучительной, но бурной юности. Прибыв в Эа всего с тремя рабами, в те времена это был минимум, необходимый для сохранения лица, он быстро прельстился четырьмя миллионами, которыми владела богатая вдова Эмилия Пудентиллия, мать его соученика, но был очень счастлив, получив хотя бы 300 000 сестерциев в приданое, которое она оставила себе, выходя за него, а остальное оставила сыну от первого брака. Эта семья Сициниев принадлежала к триполийской плутократии, разбогатевшей на сельском хозяйстве и, очевидно, также на транссахарской торговле. В этой среде все были мультимиллионерами, владели сотнями рабов. С 150 г., если Африка еще не достигла апогея своего политического влияния, эти нотабли вынуждены были вступать в римские курии или, по меньшей мере, в судебные декурии. Однако в Риме они выглядели весьма скромно на фоне старинных фамилий, владевших десятками, если не сотнями миллионов. Этот класс набобов, чье богатство, впрочем, имело тенденцию к сокращению, был представлен в провинции лишь последними латифундистами, избежавшими императорских репрессий и конфискаций.

Ниже сенаторов и всадников находится толпа горожан: многие десятки тысяч семей. Их материальное положение, что естественно, варьировалось в зависимости от того, жили они в столице, например Карфагене, или в захудалом городишке вроде Альтибурса. Мы можем оценить эти уровни различий по суммам, требовавшимся в каждом городе за вступление в сенат и магистратуру. В Карфагене эта «почетная сумма» составляла 38 000 сестерциев. В Цирте доходила до 20 000. В Гиппоне снижалась до 10 000, а в большинстве средних городов, вроде Булла-Регия и Тевест, не превышала 4000—5000 тысяч. Самой низкой среди настоящих городов она была в Альтибурсе: всего 2000 сестерциев. Какую долю этот обязательный взнос составлял в имуществе соискателя? Мы можем рассуждать, отталкиваясь от двух крайних точек шкалы: 38 000 сестерциев за пост декуриона в Карфагене представляли со-

бой три четверти дохода сенаторского ценза; при этом многие магистраты административного центра провинции носили сенаторскую кайму на одежде, но были такие, кто не имел всаднического кольца. Если предположить, что все они обладали всадническим цензом в 400 000 сестерциев, сумма взноса за должность поглощала два годовых дохода наименее зажиточных из них: невозможно себе представить большую пропорцию; ведь плата должна была повторяться минимум трижды за карьеру, не говоря уже о жреческих должностях, стоимость которых была выше. В Альтибурсе 2000 сестерциев представляли доход с капитала в 40 000; допустив, что пропорция была такой же, как в Карфагене, декуриальный ценз составил бы 20 000 сестерциев, то есть всего четыре минимальные суммы, обозначающие границу легальной бедности. В средних городах тот же ценз варьировался от 50 000 до 100 000 сестерциев. Фактически, большинство африканских буржуа должны были иметь, по меньшей мере, 50 000 сестерциев: «маленькое поместье», купленное Апулеем после женитьбы и стоившее 60 000, очевидно, обеспечило ему базу, необходимую для того, чтобы он мог жить на ренту.

Итак, на первый взгляд нам представляется, что распределение богатств в провинции было куда удачнее, чем в Италии и в большей части империи: не было кричащего чрезмерного богатства, зато имелась весьма значительная масса людей, живущих в определенном достатке. Но наше оптимистичное представление сразу уменьшится, если мы попытаемся подсчитать — а сделать это можно только приблизительно — число лиц, принадлежащих к этой элите, прибавив к ним их ближайшие связи. При самом благосклонном подсчете — миллион максимум. Значит, пять шестых населения жили в относительной или полной бедности. Очевидно, в демографических, экономических и социальных условиях Античности, еще сохранявшихся на большей части Средиземноморского бассейна, иначе и быть не могло. В одном городке на территории современного Туниса, Джеммале, в 1937 г. исследователи обнаружили, что очень немногие семьи получают доход с земли и арендную плату за сдачу недвижимости в городах и сель-

ской местности: домов, лавок и маслоделательных предприятий. Относительно обеспеченных семей было не более 10%. Ежегодный доход одной из таких семей, взятых для примера, равнялся 26 000 франков, что составляет примерно ту же сумму в сестерциях: как видим, это приблизительный всаднический ценз римлян. Треть населения имела средний доход менее 9000 франков, но половина была бедной; она состояла из мелких собственников, привлекавшихся также в качестве батраков и поденщиков. Десятая часть была просто нищей; они работали прислугой или жили подаванием. Продукты питания поглощали половину бюджета зажиточной семьи и от двух третей до трех четвертей у людей среднего достатка; у бедняков — три четверти; частым явлением было недоедание. Такая ситуация наблюдалась в Сахеле, где условия жизни остались близкими к тем, что существовали в Античности; возможно, она дает нам достаточно точное представление о социальной структуре Римской Африки.

Массе бедняков помогали справиться с нищетой два фактора: в городах она в значительной мере смягчалась и скрашивалась жизнью в коллективе; напряженный труд всюду помогал человеку подняться выше. Термы, театры, даже храмы, число и стоимость которых экономист сочтет чрезмерным по отношению к ресурсам страны, компенсировали отсутствие комфорта в домах, позволяли бедняку тратить все свои скудные доходы на питание и одежду, не ведя при этом совсем уж животную жизнь; подачки, раздаваемые богачами, пиры, устраиваемые корпорациями, публичные жертвоприношения, где мясо жертвенных животных раздавалось участникам, нередко разнообразили повседневное меню; дома богачей каждый день открывались для их клиентов, которые участвовали в жизни хозяев. Так что различия в богатстве не выражались различиями в образе жизни так резко, как сегодня.

Этими преимуществами пользовались в основном жители городов; но недостатком их жизни было то, что бедняки привыкали к своему положению, у них ослабевало желание выйти из него. При этом хватало людей, которые не сдавались, много работали и экономили свои скудные

доходы. Знаменитая надпись в Мактаре воспроизводит карьеру простого сельского рабочего, добившегося своим трудом должности муниципии: «Я родился в бедной семье; мой отец не имел ни дохода, ни собственного дома. С самого рождения я возделывал свое поле. Ни моя земля, ни я сам совсем не знали отдыха. Когда приходила пора сбора урожая, я первый жал свои колоски; когда на полях появлялись группы жнецов, нанимающиеся на работы в окрестностях Цирты, столицы Нумидии, или в долинах, над которыми господствует гора Юпитера, я первым заканчивал жать свое поле, а потом, покидая родину, я двенадцать лет под палящим солнцем жал для других; одиннадцать лет я руководил бригадой жнецов и убирал хлеб на полях Нумидии. Работая, я научился довольствоваться малым, наконец, я стал собственником дома и поместья: сегодня я живу в достатке. Я даже достиг почетной должности: меня пригласили заседать в сенате моего города, и из мелкого крестьянина я стал цензором. Я видел, как рождаются и взрослеют вокруг меня мои дети и внуки; я прожил жизнь в покое и всеобщем уважении».

Эта образцовая карьера, датируемая, очевидно, первой половиной III в., ставит нас перед конкретным фактом. По рождению жнец принадлежит к многочисленному классу бедных крестьян, чей капитал составляет небольшое поле, стоящее, очевидно, меньше 5000 сестерциев; у его отца не было дома, и ему приходилось спать в хижине, предоставленной в его распоряжение зажиточным собственником, либо, скорее, в простом шалаше, построенном на своей земле. Тем не менее он уже был римским гражданином, ибо его сын, не имея он прав гражданства с рождения, не преминул бы похвастаться их получением. Для объяснения этого даже не надо углубляться до эдикта Каракаллы 212 г., поскольку надпись в сальтусе Буританус доказывает, что со второй половины II в. в африканском сельском плебсе имелось немало граждан. Кроме того, возведение около 180 г. Мактара в статус колонии повлекло за собой натурализацию всех постоянных жителей города. Наш жнец, если ему верить, своим состоянием обязан исключительно труду: в юности он спешил закончить жатву на своем участке, что-

бы затем работать по найму. Потом он счел более прибыльным покинуть родину, сдав свою землю в аренду, либо ее продолжали обрабатывать члены его семьи. Сам он уехал в Нумидию, где освоение новых земель требовало, как мы уже видели, большого притока рабочей силы. Здесь мы видим подтверждение влияния колонизации Запада на рост благосостояния старой провинции. Двадцать три года работы, двенадцать батраком, одиннадцать бригадиром, позволили жителю Мактара скопить что-то около 50 000 сестерциев, которые, как мы видели, составляли ценз декуриона. Допустив, что отцовское поле, наверняка увеличившееся за счет удачных покупок земель, обрабатывалось женой и детьми, родившимися достаточно рано, чтобы отец успел увидеть их обзаведшимися семьями после приобретения им муниципальной должности, и им самим в период межсезонья, надо, чтобы наш жнец с каждого своего трудового сезона привозил по много сотен сестерциев. Стало быть, труд поденщика очень неплохо оплачивался в те времена, когда легионер, которого можно принять за образец особо высокооплачиваемого наемного работника, получал в год от 1500 до 2000 сестерциев.

Этот случай со жнецом не уникальный; в том же Мактаре Пинарий Мустул, умерший в возрасте семидесяти пяти лет, хвастается, что «прожил достаточно долго, рожден счастливо и сколотил почтенное состояние с небольшой прибылью, никогда не прибегая к мошенничеству. Возвышенный собственными и моих сыновей почестями, я, умирая, оставляю вечную блестящую репутацию». Один из обвинителей Апулея, Сициний Эмилиан из Зарата в Триполитании, хоть и принадлежал к зажиточной семье, в юности владел лишь небольшим полем, на котором в сезон дождей он работал с ослом; богатство, по словам оратора, пришло к нему с эпидемией, после которой он стал наследником целой толпы родственников; но, если бы до нас дошла его эпитафия, она наверняка не отличалась бы от той, что составил мактарец. Конечно, везение, наряду с трудолюбием, играло свою роль в успехе. Для нас главное то, что экономическая и социальная конъюнктура делала возможным его добиться.

Высшие классы и исключительные судьбы

Земляк и современник Апулея, Л. Элий Тиммим из Мадавра, оказался еще большим везунчиком: «терпеливый в труде, экономный, бдительный и трезвый, он собрал для своей семьи приличное богатство и ввел свой бедный дом во всадническое сословие». Эта бедная семья имела ливийское происхождение и романизировалась совсем недавно: когномен Тиммим еще не утратил берберского звучания, а имя Элий дано в честь Адриана, Антонина, Луция Вера или Коммода. Тем не менее, возможно, что уже отец Тиммима достиг уровня декуриона, с которого его сын поднялся до всаднического ценза в 400 000 сестерциев. Та же удача сопутствовала сотням африканцев; так, в Тубурсикуме Нумидийском (Хамиссе) К. Ветидий Ювеналий, «добрый землепашец и знаток законов», стал отцом трех римских всадников. В Дугге семейство Габиниев, к доходам которого от собственных земель добавлялись прибыли от эксплуатации взятых в аренду соседних императорских поместий, получило золотое кольцо от Траяна; Марции, жертвовавшие при Марке Аврелии на театры и Капитолий, удостоились той же чести при Антонине; К. Кальпурний Рогатиан, очень красноречивый адвокат, защитник деревень и городов, получил достоинство всадника от Марка Аврелия и Луция Вера.

Вступление во всадническое сословие позволяло тем, кто чувствовал призвание к воинской службе, сделать блестящую карьеру офицера и администратора: так, Веттий Латро из Тубурбо Майуса, которого сделал всадником Домициан, получил при Траяне должность командира 1-й конной когорты альпийцев; его отвага в войне против даков была отмечена наградой: он получил копье без наконечника и стенной венок, штандарт с посеребренным древком и был произведен в военные трибуны Второго вспомогательного легиона, расквартированного в Паннонии, а затем в префекты «кавалерийского крыла». Эти военные должности открыли ему двери к гражданским должностям; сначала он возглавил службу продовольственного снабжения столицы в порту Остии с жалованьем в 60 000 сестерциев, в дальней-

шем поднялся до поста прокуратора Сицилии, что приносило ему по 100 000 сестерциев в год, и, после управления Котскими Альпами, завершил карьеру в 128 г. н. э. губернатором Мавретании Цезарейской с жалованьем в 200 000 сестерциев. Подобные доходы могли вызвать зависть у людей, чьи поступления с поместий не превышали в принципе 50 000 сестерциев. К сожалению, подобных постов было немного: еще в начале III в., несмотря на определенное обесценивание должностей, во всей империи насчитывалось не более 170 прокураторов-всадников. Африканцы, занимавшие 25 или 30 мест, отхватили себе львиную долю: даже такой второстепенный город, как Мактар, насчитывал среди своих сынов двоих столь высокопоставленных чиновников, столько же, сколько вся Галлия.

Веттий Латро, впрочем, достиг хорошего, но среднего положения. Мы уже упоминали об удивительной фортуна Эмилия Лета из Тины, префекта претория и делателя императоров в конце II в. Одна семья Аттиев из Ухи Майус возле Дугги дала империи даже двух префектов претория. Но наиболее мудрыми, пожалуй, были те, кто делал карьеру в самой провинции, блюдя свои личные интересы. Т. Флавий Мацер из Аммедары (Хайдры), бывший у себя на родине дуумвиром и постоянным фламинем, получил от Траяна поручение закупить зерно для продовольственного обеспечения Рима. Ловкость, с которой он выполнил свою миссию, принесла ему назначение прокуратором императорских поместий в округах Гиппона и Тевеста. Затем он стал интендантом Сицилии. В городке Мараси, присоединенном к колонии Зама, нотаблями были Юлии Викторы. Один из членов этой семьи сделал военную карьеру от унтер-офицера до центуриона в первой городской когорте, расквартированной в Карфагене; другой, носивший когномен Модиян, получил от Северов должность управляющего императорскими поместьями в округе Нумидия. При Септимии Севере лептисанцы-земляки императора, естественно, вошли в фавор: один из них, Д. Клодий Гальба, был прокуратором поместий в Нумидии, а затем в Эмилиии, в Италии. Как мы видим, если в I и в начале II в. управители императорских поместий были

вольноотпущенниками императора и являлись, главным образом, уроженцами Востока, то начиная с времен Адриана они все больше и больше набирались из местных собственников. В этом была важная социальная эволюция, внимание к которой справедливо привлек Ростовцев. Один и тот же общественный класс поставлял кондукторов, то есть откупщиков поместий, в чьих интересах, разумеется, было выжимать из колонов как можно больше, и интендантов государя, которые должны были защищать крестьян. Таким образом, возникали столкновения между прокураторами и кондукторами, на которые жаловались колоны сальтуса Бурунитанус; русский историк видел их причину в крахе политики императоров II в., направленной на то, чтобы уравновесить муниципальную буржуазию классом «крестьян императора». Скоро мы назовем причины, не позволяющие полностью принять этот тезис; тем не менее влияние африканского среднего класса на администрацию императорских поместий очевидно; с относительным снижением податей, расширением посевов прибыльных культур и возрождением промышленности оно способствовало экономическому освобождению Африки и, следовательно, должно быть отнесено к причинам ее процветания.

Итак, земля оставалась фундаментом африканского общественного здания и основой всех состояний, всех карьер. Но она не была ни единственным, ни самым важным источником богатства. Хотя тексты не говорят этого точно, самые крупные состояния в провинции наверняка принадлежали торговцам и фабрикантам, владевшим, помимо прочего, и земельными угодьями. Действительно, можно отметить, что наиболее высокими суммы за почетные должности были обычно в приморских городах; а с другой стороны, их развитие было более быстрым, и повышение цен для должностей их нотаблей предшествовало тому же явлению во внутренних областях: со второй половины II в. Лептис, Гадрумет, оба Гиппона, Утика, не говоря уже о Карфагене, достигли ранга колоний и имели представителей в сенате. В Мавретании Цезарея была единственным по-настоящему важным городом. Эти фак-

ты следует сопоставить с упомянутыми в предыдущей главе мозаиками, показывающими даже жителей городов в глубине территории владельцами кораблей, извлекающими выгоду из морской торговли. Портовую буржуазию карьера в администрации привлекала меньше, чем буржуазию внутренних районов, и она часто попадала в сенат, не имея предшествующего опыта исполнения общественных обязанностей. Эта жила за счет собственных поместий, откупа императорских имений и службы управляющими; та, напротив, испытывала стремление к военной службе, и наиболее выдающиеся ее представители получали доступ прямо в курию, без необходимости задерживаться на промежуточных этажах всаднических должностей. Так, М. Асиний Руфин из Ахолы, записанный в сенат Коммодом с прерогативами почетного претора и почти тут же возвышенный до звания консула, похоже, был как раз одним из судовладельцев Бизацены, чьи корабли сын Марка Аврелия реквизирует для обеспечения продовольственного снабжения Рима, нарушенного большим экономическим кризисом 170-х гг.

Тем не менее африканцы, которые с середины II в. поднялись на первые места в обществе империи, были не крупными земельными собственниками, не коммерсантами, даже не солдатами или чиновниками, а интеллектуалами, если точнее, ораторами и юристами.

Любовь к праву и красноречию была распространена в городской цивилизации вплоть до малейших городков Африки. Можно быть практически уверенными, что уже пунийцы культивировали и ту и другую и что лептийские или мактарские нотабли, прославленные как «друзья и украшатели своей родины», «основатели согласия меж гражданами», выступали на агорах своих городов с составленными по всем правилам речами на финикийском языке. Но распространение латинской культуры, основанной в первую очередь на изучении Цицерона, зародило среди африканцев страсть, возможно даже чрезмерную, к классической риторике. С другой стороны, правовые знания были необходимы и самому беднейшему крестьянину, желавшему подняться выше своего положения. Можно пред-

положить, что само развитие сельского хозяйства, освоение новых земель, очень сложные проблемы, создаваемые наложением друг на друга различных прав собственности и владения, способствовали распространению увлечения правоведением. Даже простые колонны императорских поместий были знакомы с имперским законодательством, на котором основывались их скудные права; они испытывали к этим текстам поистине религиозное благоговение и, не ограничиваясь сохранением их в своих архивах, гравировали на алтарях, на которых поклонялись богам. Тем, кто достигал уровня декуриона, к знанию частного права приходилось добавлять знание права общественного. Каждый из них должен был быть как Ветидий Ювеналий из Тубурбона Нумидийского: «добрым землепашцем и знатоком законов». Но, какими бы знатоками они ни стали, им не обойтись было без советов профессиональных адвокатов, выполнявших ту же роль учителей для молодежи. Весь город, вроде Тевеста, узнавал своих юристов по манере ношения тоги. Эти специалисты, разумеется, не могли получить профессиональную подготовку в маленьких городках; как минимум учились у адвокатов Карфагена, в котором со II в. существовал настоящий университет. Но самые способные искали место приложения своих талантов за пределами провинции, в Риме или на Востоке; и некоторые отличились достаточно, чтобы самим стать наставниками, которые, не порывая связей с родиной, поселились в столице и приобрели мировую известность.

Самым видным африканцем середины II в. был, несомненно, Марк Корнелий Фронтон из Цирты. Хотя он, находясь в зените славы, любил, рисуясь, называть себя «ливийцем, происходящим от ливийцев-кочевников», он, очевидно, происходил из итальянской семьи, обосновавшейся с Ситтием в прежней столице Массилии. Нам, к сожалению, не известна история его предков; существует предположение, что через свою мать, происходившую из греческой семьи из Беотии, он состоял в дальнем родстве с Плутархом. Во всяком случае, именно на Восток юный Фронтон, родившийся между 100 и 110 гг., поначалу отправился завершать образование, начатое в Африке. Де-

ловые отношения еще прочно связывали бывший пунический народ и Египет; Фронтон это течение понесло в Александрию, где он слушал лекции самых знаменитых риторов своего времени: Афинодора, которого он считал своим «духовным отцом», и Дионисия Младшего. Он сдружился с историком Аппианом. Но греческий язык для него, как позднее для Августина, остался иностранным, и он не совсем свободно владел им; в своей переписке с Марком Аврелием, много лучшим эллинистом, чем он, Фронтон извиняется за ошибки, которые могли проскочить в его трудах на этом языке. Точно так же он никогда не испытывал влечения к философии. Его подлинное призвание проявилось в возрасте двадцати двух лет, когда он поселился в Риме; он тогда открыл для себя прелести старой латинской литературы II и III вв. до н. э., не только Плавта, Теренция и Энния, но Катона, Гракхов, анналистов — предшественников Тита Ливия. Это не был его личный каприз: интеллектуальное и эстетическое движение, оживленное и новаторское, отметившее первый век существования империи, иссякало в одно время с породившим ее общественным классом. Экономический и даже политический упадок Италии отразился и на духовности: латинская культура оказалась под угрозой, в то время как эллинизм возрождался, полный сил. Люди, которые, как Фронтон, оставались глубоко привержены римской традиции, пытались противодействовать, вернувшись к истокам национального гения. Поэтому архаизм Фронтоня быстро оказал очень глубокое влияние: его дом в Риме стал центром интеллектуального кружка, куда даже аристократы приходили не только за профессиональной помощью адвоката, но и за духовным и художественным вдохновением. Упражнения этих фронтоновцев нам известны благодаря любопытному труду одного из них, Авла Геллия: его «Аттические ночи» являются беспорядочным нагромождением коротких рассуждений по грамматике, истории, юриспруденции и морали, собранных по большей части в окружении Фронтоня, его друга, философа галла Фаворина, или соперника, грека Ирода Аттика. Сборник непременно разочарует современного человека, кото-

рый сразу отметит его педантизм и формализм: для решения проблемы из естественной истории — воспроизводства львов — Авл Геллий цитирует противоречащие друг другу высказывания Геродота и Гомера, а решает вопрос, прибегнув к авторитету Аристотеля, ни на мгновение не подумав использовать опыт охотников или зрителей зверинцев своего времени, которые должны были хорошо знать львов. Самая примечательная с исторической точки зрения тенденция — это несправедливость к предшествующему поколению: Тацит, Лукан, Ювенал, Плиний Младший, Квинтилиан систематически игнорировались; Сенека и оба Плиния служили объектом сильной критики. Дело в том, что школа Фронтонана заменила школу Плиния, а пишущие люди во все времена не отличались снисходительностью по отношению к своим предшественникам. Но не щадили даже Цицерона. Фронтон восхищался его перепиской, но упрекал за слишком простой словарный запас, лишенный неожиданных и удивительных слов, которые, словно сокровища, можно найти у очень древних писателей и которые привлекают внимание читателя. К сожалению, автор, поглощенный этими поисками слова, не находил больше времени для разработки своих идей. Его красноречие казалось легковесным, сухим и сдержанным, в сравнении со временами Плиния, характеризующимися пышностью и украшательством. Еще не достигнув тридцати лет, Фронтон считался лучшим адвокатом Рима; города и провинции доверяли ему ведение своих дел. Естественно, первыми помощи от него потребовали африканцы: он официально являлся патроном своего родного города Калама (Гельма); он последовательно прошел все ступени карьерной лестницы сенатора: вигинтивират, квестуру на Сицилии, всадничество, претуру. Эти высокие должности, естественно, открыли ему путь в императорский дворец. Адриан разделял его любовь к архаике, к редким и изысканным выражениям. Но с годами коронованный любитель этих диговин все больше погружался в высокомерную мизантропию, доведшую его, в конце концов, до жестокостей. Фронтон видел его в образе сурового Марса Гравида; так что он, возможно, был не только

польщен, но и встревожен, когда император поручил ему воспитание паренька, с которым, возможно, был связан тайным родством и которому в любом случае предназначал трон империи: Вера, будущего Марка Аврелия. Ребенку было всего семь лет, а Фронтон не имел привычки работать с такими юными учениками; но он очень быстро обнаружил в нем ум и благородство сердца, значительно упростившие ему задачу.

Очевидно, у Марка была слишком возвышенная душа, чтобы он долгое время довольствовался уроками риторики, которых было достаточно его наставнику. Фронтон испытал сильное разочарование, когда ребенок, в возрасте двенадцати лет, объявил ему о своем намерении посвятить себя той самой философии, от которой молодой африканец в свое время отвернулся в Александрии: это было больше, чем интеллектуальный выбор, настоящее обязательство. Юный принц надел греческий плащ и подчинился аскетической дисциплине. Но продолжал следовать техническим советам оратора и, главное, по-прежнему испытывал к нему, как к человеку, по-настоящему сыновнюю любовь.

Фронтон обладал моральными принципами и чувством гуманности, которые не пострадали от наносного влияния риторики. По-настоящему либеральный духом, он поставил себе в качестве основной задачу избавить своего ученика от нравственных опасностей, связанных с его положением: «Я обязан ему, говорил Марк, тем, что не узнал, что такое злоба, вероломство и лицемерие тиранов, он показал мне, насколько черствы сердцем и жестоки те, кого у нас обычно почитают за благородных». Учитель и ученик обменивались письмами, часть которых сохранилась до нас: мы часто находим в них трогательную, иногда несколько деланую привязанность, весьма напоминающую наш стиль XVIII в.; старый оратор, посетив внуков своего ученика, ставшего императором, умилялся их очарованию, целуя ручки маленькой принцессы Луциллы.

Когда был назначен новый наследник империи в лице Луция Вера, Фронтон стал заниматься и его воспитанием тоже. Оба принца были совершенно разными: Вер — весьма посредственным сластолюбцем, хотя, в целом, похоже,

добрым малым. Впрочем, у наставника хватило дипломатичности не требовать от него больше, чем он мог дать.

После смерти Адриана Фронтон оказался в прекрасных доверительных отношениях с новым императором Антонином, как и он убежденным в том, что для решения стоящих перед руководством страны проблем требуется обращение к древним римским традициям. Эти либеральные консерваторы не могли испытывать по отношению к христианству ничего, кроме антипатии, доходящей до отвращения: Фронтон считал необходимым писать речи, направленные против этой секты. В 143 г. он был консулом; примерно через пятнадцать лет судьба привела к его назначению на пост проконсула Азии, от которого он был вынужден отказаться по состоянию здоровья.

Почетным должностям сопутствовало богатство; несмотря на то что он, как Плиний, находил свои доходы скромными, но смог купить на Эсквилинском холме роскошные сады, некогда принадлежавшие Мecenату; Авл Геллий показывает его нам обсуждающим с архитектором его девиз на термах, которые он хотел построить и которые должны были стоить 350 000 сестерциев. Кроме того, он владел виллой в предместье Рима, виноградником в Кампанье, землями в Африке.

Но эта столь блестящая карьера была омрачена домашними огорчениями и проблемами со здоровьем. Фронтон женился на Грации, ближайшей подруге Домиции Луциллы, матери Марка Аврелия. Она родила ему шестерых дочерей, из которых пять умерли в раннем возрасте: детская смертность была ужасной даже в богатых семьях, даже в императорском дворце. Фронтон нашел утешение в единственной выжившей, названной тоже Грация; она вышла замуж за одного из лучших учеников отца, Ауфидия Викторина, чья блестящая административная и военная карьера в полной мере удовлетворили амбиции старого консуляра. У молодой пары было много детей, в том числе несколько сыновей. Но один из мальчиков умер в возрасте трех лет в Германии, губернатором которой был его отец. Фронтон не знал этого внука, но был сражен его смертью, как и многими иными несчастьями. Вскоре он потерял

свою любимую Грацию. К горестям и одинокой старости прибавились болезни; он всю жизнь страдал от подагры и ревматизма, теперь боли распространились по всему телу, заставляя оставаться в постели, лишая сна. Тем не менее он и лежа продолжал принимать друзей и обсуждать с ними самые тонкие и сложные ученые вопросы.

Антонин умер много лет назад, и ученики Фронтоната царствовали совместно. Чтобы прославить их подвиги, особенно Восточную кампанию, возглавлявшуюся Луцием Вером, оратор превратился в историка. Но Луций Вер, в свою очередь, преждевременно умер в 169 г. Фронтон пережил его на несколько лет и успел увидеть, как младенец Коммод стал соправителем отцовской империи.

Фронтон был воплощением типичного ратора, одновременно литератором и юристом, вдобавок немного философом и, главное, светским человеком; его современник и соотечественник Сальвий Юлиан, напротив, предстает чистым технократом права и профессором, близким уже к современным концепциям. Л. Октавий Корнелий родился около 98 г. во всаднической семье, жившей, вероятно, в Гадрумете. В ранней юности поселившийся в Риме, он был усыновлен бездетным сенатором П. Сальвием Эмилианом, чьи имена с того момента присоединил к своему родовому. В столице в то время существовали две крупные соперничающие школы, происходившие и получившие имя одна от Сабина, другая от Прокула. Сальвий присоединился к первой, возглавляемой Яволеном Приском, и отличился в ней так, что, в свою очередь, стал ее руководителем около 120 г. Благодаря своей репутации он быстро попал в сенат; в качестве квестора он оказал большие услуги Адриану, который вознаграждал исключительной милостью — двойным жалованьем. С этого момента он заседал в императорском совете, которому в реальности принадлежала законодательная власть. В составе этой ассамблеи он совершил дело, прославившее его. Претор-перегрин, на которого возлагались процессы между гражданами и проживающими в Риме иностранцами, ежегодно при вступлении в должность публиковал эдикт о правовых принципах, которым он собирался следовать; разумеется,

каждый старался более-менее точно повторить эдикт своего предшественника. Адриан посчитал правильным раз и навсегда установить положения этого текста, сделав их более логичными, более удобными, и для реализации своего замысла избрал Сальвия Юлиана; кроме того, он приказал ему зафиксировать содержание эдиктов городских префектов и, возможно, курульных эдилов. Юрисконсульту пришлось работать лет пятнадцать или двадцать над этой задачей, которая, вместе с преподавательской деятельностью, поглощала его почти полностью. Лишь завершив ее, он согласился покинуть Рим, чтобы занять пост губернатора сначала Германии, потом Испании. Однако он не забывал свою родину; около 144 г. Фронтон приехал в Цирту, где заболел и послал известие о себе Марку Аврелию. Он был рад в июле 168 г. вернуться в Карфаген с проконсульскими фасциями. Африканцы, наверняка желавшие, чтобы на эту должность был назначен их знаменитый соотечественник, поспешили установить его статуи: мы обнаружили постамент той, что воздвигли в его честь жители скромного города Пуппут на мысе Бон. В период его губернаторства Сальвий, наряду с другими церемониями, возглавлял освящение Капитолия в Тубурбо Майусе, мощный подиум которого, увенчанный колоннами из каррарского мрамора, до сих пор господствует над форумом небольшого городка. Надпись, сделанная в честь этого события, была найдена и хранится в Музее Бардо. Но на камне, в конце текста, имеется провал в месте, где должно находиться имя легата, сопровождавшего проконсула. По предположению ученых-эпиграфистов, восстановивших этот документ, гг. А. Мерлена и Л. Пуэнсо, там должно было стоять имя печально известного в истории империи персонажа, Марка Дидия Юлиана, который в смутах, последовавших за смертью Коммода, не побоялся купить себе императорскую корону, выставленную на аукцион преторианцами, но всего лишь несколько месяцев наслаждался приобретенной столь недостойным путем властью. Действительно, возможно, что Дидий был внуком или племянником Сальвия, как утверждает «История Августов»; потомство великого юрисконсульта оказалось не-

везучим: Коммод приказал казнить его сына после того, как якобы безуспешно пытался вовлечь его в свои оргии.

Противоположностью этим мирным и ученым карьерам является драматическая и кровавая жизнь Лузия Квиета. Фронтон и Юлиан, несмотря на верность своей родной провинции, были прежде всего римлянами, и прожили бы такую же жизнь, родись они в каком-нибудь муниципии в Италии, Провансе или Бетике. Лузий Квиет был, напротив, чистокровным бербером, мавром; по сведениям Фемистия¹, он происходил «не из покоренной Ливии, но из огромной неизвестной пустыни». Любопытный текст, описывающий его падение, называет его «человеком из Кврни», и загадка этого названия не разгадана до сих пор. В действительности он был князем, сегодня мы бы сказали «вождем», какого-то племени, находившегося в той или иной степени под покровительством империи и кочевавшего на границах Мавретании; даже под сенаторской тогой и в курульном кресле он оставался воином-варваром, кровожадным и безжалостным, как дикий лесной зверь.

Этот мавр, однако, не имел черной кожи, как Отелло; он принадлежал, как говорят, к той довольно светлокожей расе, что и в наши дни еще довольно распространена в Марокко и в Алжире; но маленькие, глубоко посаженные глаза придавали его физиономии зловещее выражение, способствовавшее созданию его репутации. Полемон из Траллеса, специалист по «физиогномонии», хвалится, что рассмотрел на его лице мрачные замыслы и расстроил их своим искусством.

На колонне Траяна мы видим всадников с кудрявыми волосами, ниспадающими им на плечи длинными, закрученными штопором прядями; вооруженные короткими дротиками, они управляют своими конями без удили, при помощи только недоузdkов и палочек: это «гуммы» Лузия Квиета. Еще его отец поставил их на службу империи во время Эдемонской войны² и получил права гражданства

¹ Ф е м и с т и й (ок. 317 — после 388) — государственный деятель Римской империи, греческий ритор и философ.

² Э д е м о н — вольноотпущенник, лидер восстания в Мавретании, поднятого в 40 г. после убийства в Риме по приказу императора Калигулы последнего мавретанского царя Птолемея.

от префекта претория Клавдия, Лузия Геты, передавшего ему свое имя. Сначала Квиет служил под командованием Домициана, который возвел его в ранг всадника и в звание «префекта союзников»; но нарушение дисциплины привело его к опале. Лишенный чинов, он был с позором отправлен в родную пустыню. Живя в отставке, он в один прекрасный день узнал о смерти Домициана и почти сразу о восшествии на трон империи Траяна. Очевидно, ранее он уже встречал испанского военачальника, который, отказавшись, в отличие от других сенаторов, покинуть армию после смехотворной годичной службе в штабе, в качестве военного трибуна и легата участвовал в трудных рейнских и дунайских кампаниях Домициана. Во всяком случае, Траян знал о беспорных стратегических талантах мавра и понимал, какую пользу тот может принести ему в задуманных великих походах. Лузий Квиет, восстановленный в звании, получил приглашение созвать своих воинов для войны против даков.

Может вызвать удивление то, что император, сформированный в среде жесткой дисциплины легионов, взявший для себя за образец великих полководцев республики, без колебаний обратился к офицеру, разжалованному за нарушение субординации. Но Траян, скорее всего, размышлял о причинах тяжелых поражений, нанесенных даками армии Домициана. Основной силой варваров была их кавалерия, состоявшая из конных лучников и тяжеловооруженных всадников, облаченных с головы до ног в кольчужный комбинезон вроде тех, что носили рыцари XI в. Впрочем, на всех границах, кроме Рейна, римляне теперь сталкивались с народами-наездниками, в схватках с которыми их великолепия пехота часто демонстрировала свою неэффективность. Но традиции римской армии противились созданию национальной конницы, а из всех подданных или союзников империи мавры были чуть ли не единственными, способными выставить конные контингенты. Разумеется, требовались не только рядовые, но и командиры, способные применять в боевых действиях кавалерийские подразделения. Лузий Квиет предстает таким прототипом нового римского командира, который в

следующие два столетия полностью вытеснит офицера классического периода: кавалерийский генерал варварского происхождения, не получивший образования в штабах и не изучавший трактаты по военному искусству, в общем, некий аналог наших офицеров десанта и спецназа.

Он покрыл себя славой. Его дивизия, разделенная на три колонны, отважно бросилась вперед через дикие горные ущелья Трансильвании, полностью окружила и уничтожила последнюю дакскую армию. Эта победа, значение которой отмечено скульптором на колонне Траяна, решила судьбу войны. Лузий получил высшую военную награду — знаки отличия триумфатора.

Нам неизвестно, что с ним происходило в мирный период, последовавший за завоеванием. Возможно, он вернулся на родину с каким-нибудь официальным поручением: его положение во всадническом сословии позволяло назначить его прокуратором Мавретании. Но он сохранял контакт с двором, при котором началась острая борьба фракций. Испанская партия, вначале поддерживавшая Траяна, теперь была обеспокоена его имперскими планами, осуществление которых тяжелым бременем ложилось на экономику старых провинций. И напротив, амбиции императора привели в возбуждение две могущественные группы: первую составляли генералы, вторую — богатые восточные собственники, увидевшие открывшийся для них путь в курию и к высоким должностям. И те и другие подталкивали императора к войне с парфянами, которая должна была предоставить военным возможность отличиться, а сирийским коммерсантам обеспечить пути к богатствам Средней Азии. Лузий, естественно, принадлежал к этой партии.

В 113 г. император решается на войну, но в то же время стремится разделить ответственность между представителями обоих направлений. Адриан, лидер партии осторожных, получил вместе с губернаторством в Сирии и командование самой многочисленной армией. Но Лузий Квиет в первый раз назначен командовать не только своими кавалеристами, но и регулярными войсками, очевидно фланговыми и вспомогательными когортами. Мы видим его действующим

сначала в Армении против мардов, живших северо-восточнее озера Ван. Затем он направляется в Северную Месопотамию и внезапно овладевает крупным городом Сингарой, столицей небольшого арабского государства, царь которого, Манн, бежит в Адиабену.

Относительная легкость этих успехов, похоже, побудила Траяна безраздельно поддерживать империалистическую политику. Если лично Адриан не пострадал, то некоторые лица из его окружения, вроде легата Бруттия Презента, попали в опалу и лишились командных постов. Лузий же, напротив, получил невероятное повышение: племенной «вождь» был принят в сенат в ранге бывшего претора. Отныне он мог командовать легионами. Подобной революции в обычаях, регулирующих пополнение высшей ассамблеи, не видели со времен Цезаря. Разумеется, данная милость вызвала живейшее недовольство консерваторов. Квиет оказался окружен завистью и ненавистью. И не делал ничего, чтобы их как-то умиротворить.

Наступление возобновилось, Ктесифон, парфянская столица, наследница Вавилона, пала, вся Халдея завоевана до Персидского залива. Покоренные народы были так многочисленны, что сенаторы, находя в победных реляциях их незнакомые названия, не знали ни как их читать, ни где их поместить на карте. Но на завоеванных территориях многие жалели о парфянах, которые готовили реванш. Мятеж разразился неожиданно, когда император, сев на корабль в Персидском заливе, разведывал путь в Индию. Римские гарнизоны повсюду были вырезаны; армии, лишившейся этих баз снабжения и изнуренной климатом, могли отрезать дорогу назад. Два корпуса, которыми командовали Квиет и консуляр Максим, получили приказ выступить на север и любой ценой восстановить коммуникации. Но Максим подвергся внезапной атаке, был разгромлен и убит. Судьба императора и всей армии зависела теперь от мавра. Двигаясь ускоренными маршами, заставая врага врасплох ночными маневрами, он неожиданно появился перед Нисибисом и взял его. Потом обратился против Эдессы, царь которой Абгар VII изменил Риму. Древний город, столица утонченной цивилиза-

ции, был разграблен и сожжен, его жители истреблены; среди них было много христиан, и память о страшном Лузии как о безжалостном гонителе сохранилась в их мартиролагах. Тут стало известно, что в Киренаике взбунтовались евреи; Траян испугался, что их единоверцы в Вавилонии, потомки переселенных при Навуходоносоре, объединятся с противником, и приказал Лузию депортировать их в империю. Мавр исполнил приказ по-своему: улицы были забиты десятками тысяч трупов, дома сожжены. Террор позволил старому императору, удрученному и больному, вернуться в Сирию. Лузий, прикрывавший его отступление, был назначен, в качестве легата-пропретора, губернатором Палестины, на которую начал распространяться мятеж. Его служба была вознаграждена новыми знаками триумфатора и должностью консула.

Но неудача завоевательного похода повлекла новый поворот в римской политике. Адриан без труда доказал разумность своих рекомендаций; Траян оставил за ним верховное командование и, слабея с каждым днем, впал в полную зависимость от императрицы Плотины и префекта претория Ацилия Аттиана, полностью преданного испанской партии. Во время пересечения Киликии здоровье монарха еще более ухудшилось. Камарилья, возглавляемая императрицей, повсюду расставила своих людей и объявила, что он перед смертью усыновил Адриана. Новый август был без труда признан армией и сенатом.

Думал ли Квиет о том, чтобы овладеть императорским престолом? Похоже, такие мысли пришли в голову жителям Востока, которые, несмотря на внушаемый им ужас или же благодаря ему, увидели в нем воплощение имперского могущества. Адриан не мог себе позволить рисковать: сразу после признания императором он направился в Палестину, сместил мавра и распустил его конницу. Опала была прикрыта назначением в имперский штаб, но никто не сомневался, что с Лузией будут обращаться не столько как с соратником, сколько как с заложником.

И тут произошла темная история: мавретанские всадники, вернувшись домой, взбунтовались. Приказал ли им это тайно Лузий в надежде бежать и возглавить восстание?

Если так, то он был разочарован, поскольку порядок быстро восстановили; возможно, он вместе с другими лидерами партии войны участвовал в заговоре с целью убийства императора; окружение Адриана распространило слух, будто консулар Авидий Нигрин и бывший губернатор Палестины подготовили покушение во время охоты в Малой Азии. Как раз по этому поводу «физиогном» Полемон из Траллеса и хвастался, будто расстроил заговор, о котором узнал по мрачному лицу мавра. Тем не менее против так называемых заговорщиков сразу не было принято никаких мер. Напротив, им разрешили покинуть двор. А потом внезапно стало известно, что они были арестованы, как и еще два генерала Траяна, Корнелий Пальма и Публий Цельс, и казнены после спешно проведенного суда. Все были в дороге или в деревне. Эта жестокая акция вызвала всеобщее осуждение, проявившееся в резкой реакции сената; застигнутый врасплох Адриан имел весьма жалкий вид: он свалил всю вину на претора Аттиана, которому пришлось уйти в отставку, попытался утверждать, будто курия одобрила казни, и, в конце концов, дал обещание больше не казнить сенаторов.

На протяжении всей истории Берберии мы часто видим крупных вождей, происходящих из коренного народа, которые ставили на службу более цивилизованной державе свои военные таланты, верность, власть над соотечественниками и достигали высокого положения на приемной родине. Пример Лузия Квиета доказывает, что такая практика существовала в Риме задолго до начала его упадка. Но драматический крах карьеры Квиета также высвечивает важнейшую трудность, встававшую на пути успеха таких людей: вождь оставался близок своим варварским корням и не мог полностью ассимилироваться в цивилизованном обществе, службе которому посвятил себя. Обычный конфликт между гражданской и военной властями здесь усугублялся проблемой общественной адаптации. Мавретанский генерал Траяна был чужд сенатской аристократии из-за той же несовместимости, которая помешала маршалам Наполеона быть принятыми в лоно французского дворянства. В Римской империи, как и в нашем обществе XIX в., воз-

вышение какой-либо семьи имело прочную основу, если растягивалось на несколько поколений, каждое из которых вносило свой вклад, не только материальный, но также культурный и социальный.

Благодаря надписям мы можем проследить историю этих африканских семей; К. Титиний Сабиниан, родившийся в начале II в., был богатым горожанином из Тевеста (Тебессы); когда он умирал около 166 г., то завещал городу сумму в 35 000 сестерциев, чтобы возвести храм Сатурну и поставить его статую, дабы призвать покровительство великого африканского бога на императоров Марка Аврелия и Марка Вера. То есть речь идет об одном из тех нотаблей, кому романизация не мешала сохранять верность верованиям предков, но при этом стараться совместить старую пуническую религию с принципами греко-латинской цивилизации. Его сын и исполнитель завещания, К. Титиний Север, справился со своей миссией великолепно: храм был украшен позолоченными панелями, потолок лепниной, мраморной отделкой; в день освящения члены курии и августалы пировали за счет донатора, который также развлекал их театральным представлением. Эти празднества поглотили, помимо завещанной суммы, еще 15 000 сестерциев, которые Север потратил на получение понтификата, и еще 13 000 сестерциев на дополнительные расходы. Север стал обладателем самых высоких муниципальных должностей: квестора, юридического префекта, дуумвиром и, наконец, понтификом. Он упрочил свое положение женитьбой на девушке, чье богатство заставило забыть о ее происхождении: Элии Бенеаукс, которая, очевидно, была дочерью грекоязычного вольноотпущенника Адриана, удалившегося в Тевест после того, как он занимал некую руководящую должность в управлении поместьями или налоговом ведомстве, и, очевидно, состоявшего в братстве августалов. От этого брака родилась единственная дочь, Титиния Юлия, которая вышла замуж за римского всадника К. Роя Петрониана. Следующее поколение преодолело новый этап: Роя Титиния, дочь Петрониана и Юлии, удостоилась чести выйти за Пуллаена Флоренция Цельсина Пупиана, отпрыска богатого семейства земле-

владельцев и промышленников, чьи поместья раскинулись вокруг Ухи Майус, но, главное, владевшего крупными фабриками по производству керамики, продававшими свою продукцию по всему римскому Западу. Двое детей, родившихся в этом браке, Флоренций Титиан Пупиан и Пулла-ен Петрониан Децим, были приняты в сенат.

Некоторые семьи поднимались еще выше. Антистий Адвент из Тибилиса (Аннуны) был одним из лучших генералов Марка Аврелия; за отличия в войнах против парфян и германцев — с 169 по 174 г. он командовал Альпийской армией — получил наивысшее отличие, достижимое для римлянина, — звание патриция; его сын, Антистий Бурр, женился на дочери Марка Аврелия; к сожалению, быть женатым на сестре императора — весьма опасная честь, когда императора зовут Коммод: Бурр, замешанный в заговор, был казнен в 187 г.

Если мы попытаемся проанализировать факты, которые только что рассмотрели, и еще много аналогичных им, перед нами встанет некоторое число общих выводов об эволюции высших слоев африканского общества во II и начале III в. Несколько семей — Фронтон, Сальвия Юлиана, Антистии — начиная с первой половины II в. поднялись на вершину имперского общества. Разумеется, все они породнились с другими сенаторскими домами через браки, усыновления, общность интересов и, хоть не забывали о своих корнях, все же неизбежно отдалились от них. Однако непрерывно идущее по нарастающей экономическое развитие Африки побуждало другие семьи, вышедшие из городской буржуазии, а то и из простого народа, стремиться сначала к всадническому званию, а затем в сенат. Эта новая прослойка была достаточно многочисленна, если в одном весьма скромном по размерам городе Мавретании Цезарейской, Салды, сегодня Бужи, римские всадники образовали настоящий класс, сформировавшийся параллельно с декурионами. Сенаторы, чьи семьи имели это достоинство на протяжении двух-трех поколений, не могли благосклонно взирать на амбиции этих новичков, которых упрекали за их слишком поверхностные образование и культуры, недостаточно хорошие манеры.

Уже Ювенал насмехался над африканцем Бокком, потому что используемое им масло из его родных краев отвратительно воняет. Можно себе представить досаду этих провинциалов, бродящих по улицам столицы, их враждебность по отношению к приехавшим ранее и преуспевшим землякам, делавшим вид, что не узнают их при встречах в дворцовых приемных или на модном пляже Остии; но ведь и в министерских канцеляриях, и в штабах были чиновники и офицеры недавнего африканского происхождения, пусть занимавшие скромные должности, но встречавшие новичков, напротив, с распростертыми объятиями, проталкивавшие их на выгодные места и стремившиеся усилить ими свою клиентелу. Не стоит недооценивать историческое значение этих разделений и этих фракций, несмотря на всю мелочность их возни. Они помогают объяснить карьеру и политику величайшего из африканцев — императора Септимия Севера.

Он родился в 146 г. в Лептисе, в семье, которая уже в течение века была одной из первых в городе. Все указывает на ее древнее пуническое происхождение. Но ее глава получил права римского гражданства приблизительно в середине I в. н. э. Один из его сыновей воспользовался этим, чтобы поселиться в Италии и приобрести поместье возле древнего этрусского города Вейус. На этом примере мы видим, что начиная с того времени в Италии находилось место для провинциалов, чья иммиграция компенсировала, хотя бы частично, пустоты, оставленные последними переселениями италийцев в заморские колонии. Из этой итализированной ветви происходит первый Септимий Север, уже римский всадник, друг поэта Марциала, который с некоторой тяжеловесностью прославляет его полную ассимиляцию: «Ни в языке твоём, ни во внешнем облике твоём нет более ничего пунического; твой ум не есть ум чужака; ты италиец, италиец». Тем временем двоюродный брат нашего италийца, тоже Септимий Север (II), на родине занимал первые места: при Траяне он сыграл главную роль в преобразовании города-пегрина в колонию; будучи суфкетом, он в ранге префекта участвовал в конституционной реформе, затем получил первую

должность дуумвира; позже император назначил его присяжным столичного трибунала. Эта почетная должность возвысила семью до всаднического сословия. Тем не менее Септимий Север II умер, не успев получить этого звания. В следующем поколении семья снова разделяется на италийскую ветвь и вторую, сохранившую верность родной земле. Двое сыновей Севера II, Апер и Север III, входят в сенат и возвышаются до консульского звания. Третий, Септимий Гета, похоже, не участвовал в общественной жизни; от его брака с Фульвией Пией из всаднической семьи Лептиса родились трое детей: будущий император, еще один сын, по имени Гета, и дочь. То есть происхождение не предназначало Севера IV к особенно блистательной карьере; по нашим источникам, начал он во всаднической по статусу должности адвоката налогового ведомства. Тем не менее авторитет кузенов-консулов позволил ему в молодом возрасте войти в сенат одновременно с братом. Но, несмотря на то что он сразу же обратил на себя внимание своей огромной работоспособностью, неукротимой энергией и огромной аккуратностью в делах, лишь после сорока пяти ему открылись почетные, но относительно скромные должности: легата в Лионской области и проконсула Сицилии. В первые годы правления Коммода ему даже пришлось покинуть Рим, и он, воспользовавшись опалой для повышения своего весьма среднего культурного уровня, посещал Афинский университет. Звание консула он получил в 190 г., и это не было каким-то невероятным карьерным взлетом: руководство Римской республикой в том году было разделено между 24 «суффектами». Реальная же власть находилась в руках префектов претория: Перенна, поначалу испытывавшему к Северу личную неприязнь, потом Клеандра, вольноотпущенника сирийского происхождения, который опирался на выходцев с Востока, чье количество и влияние в сенате и администрации уравнивали число и влияние африканцев.

Первый шанс Септимию Северу дала настоящая революция, отметившая как раз год его консульства. Экономический кризис и инфляция затруднили продовольственное снабжение Рима; народ обвинил во всем Клеандра, и

разразился кровавый бунт, который гвардейская кавалерия не смогла подавить, люди добились отставки и головы префекта, чью должность занял Лет из Тены, о карьере которого мы уже рассказывали; очевидно, его восхождение к власти было связано с экономическими мерами, увеличивавшими вклад Африки в поставки продовольствия Риму. Как бы то ни было, первой его заботой стало создание собственной клиентелы из земляков. В то время у империи имелось три основные армии, каждая численностью в три легиона: Британская, Верхнепаннонская и Сирийская. Лет сумел назначить командующим первой Клодия Альбина из Гадрумета, а второй — Септимия Севера. Губернатором Сирии был италиец по имени Песценний Нигер, скромное происхождение и удаленность сил которого позволяли его не бояться. Таким образом, Лет считал себя достаточно могущественным, чтобы играть роль «делателя королей»; свергнув Коммода, он использовал честного Пертинакса и способствовал постыдному занятию трона Дидием Юлианом, о гадруметском происхождении которого мы уже упоминали, как и о родстве со знаменитым юрисконсультom Сальвием. Но тут на свет вылезли общественные противоречия, ослабившие африканскую партию: Юлиан, как и Клодий Альбин, представлял старую сенатскую знать; Север и Лет принадлежали к всаднической буржуазии. Юлиан сразу же почувствовал, что не может полагаться на префекта; он сумел избавиться от него, но не был признан командующим ни одной из трех армий. Внешний компромисс позволил Северу и Альбину избавиться от Юлиана и Нигера; но это соглашение, которое поддержал легат в Британии с титулом цезаря и надеждами на наследование трона, не могло быть прочным и искренним между двумя людьми практически одного возраста, из которых как минимум один имел сыновей. На деле знать и богачи подталкивали Альбина к конфликту; когда он был побежден, на сенат и наиболее видных муниципальных аристократов обрушились репрессии. Как во времена Нерона, имущество казненных обогащало императорское казначейство, где для управления им был создан новый отдел. Тем не менее, несмотря на

меры, принимавшиеся Севером и государями его семьи, мы не считаем, что их политика была направлена против высших классов в целом. Скорее наоборот, она выражала чаяния класса всадников, из которого они вышли. Значительно выросло количество мест прокураторов, особенно высшей категории, с солидным жалованьем в 300 000 сестерциев. Меры, принятые против сенатской плутократии, способствовали возвышению новых семей: рассмотренная нами история Титиниев подтверждает общее движение возвышения, сохранявшееся всю первую половину III в. Никогда еще число всадников в Африке не было таким большим, и именно к этой эпохе, несомненно, относятся карьеры вроде той, что сделал жнец из Мактара. Усиливающаяся муниципальная децентрализация также способствует борьбе против концентрации политической власти и, как следствие, богатств. Не будет преувеличением сказать, что никогда еще Римская империя и средиземноморский мир в целом не были такими демократичными, как при правлении лептисанских императоров.

Низшие классы

До сих пор мы исследовали лишь высший слой африканского общества, тот, что лучше всего освещен документами; пора вспомнить, что по меньшей мере $\frac{5}{6}$ населения оставались за его рамками. В этих низших классах мы рассмотрим в первую очередь два элемента: свободных людей, ремесленников или крестьян, и рабов. Первая проблема — определить, если это возможно, относительную важность тех и других.

Все историки уже давно пришли к согласию относительно того, что число и роль рабов в римском обществе с начала установления империи постоянно снижались. Данный факт подтверждается в первую очередь прекращением крупных рабских восстаний, сотрясавших республику в последние два века ее существования. Это явление объясняется сокращением количества войн, бывших крупными поставщиками рынков, и большим числом отпущенников.

Смягчение нравов все-таки сыграло в изменении института рабства второстепенную роль, хотя оно немало способствовало улучшению правового статуса рабов.

Это смягчение проходило не одинаково в разных частях империи. Если анализировать надписи в Риме, на первый взгляд создается впечатление доминирования в нем в имперский период рабов и вольноотпущенников. Среди жителей столицы отмечено наличие до 80% лиц рабского происхождения. Анализ текстов, выгравированных на камнях в Африке, приводит к противоположным выводам. Во-первых, упоминание рабов в них встречается редко, даже в самых бедных эпитафиях. Очевидно, в данном случае археологу следовало бы предостеречь эпиграфиста, поскольку в большинстве своем самые скромные гробницы из двух плиток, сложенных домиком над урной с прахом, зачастую даже не содержат имени несчастного, останки которого в ней хранятся. Молчание, окутывающее африканских рабов, может объясняться особой тяжестью их существования; но нет оснований считать, что отпуск на волю в этой провинции практиковался реже, чем в Италии; либертины (вольноотпущенники) в Африке отнюдь не занимали того положения, каковое имели не только в Италии, но и в большинстве европейских муниципий. Сословие августалов, набиравшее из них своих членов, в этих городах стояло сразу за декурионами. В Африке же августалы встречались всего в трех городах: Аммедара, Тевест и Тимгад; все три были военными колониями, служившими последовательно местом расквартирования легионов, а впоследствии — резиденциями важных имперских органов управления. Вполне правдоподобно, что августалы вышли не из рядов бывших рабов, а из императорских служителей, которые, даже до их освобождения, являлись чиновниками, ведшими вполне респектабельный образ жизни. При этом мы не находим августалов в Карфагене, где канцелярия проконсула и другие административные структуры, где трудилось много официалов¹, эпитафии

¹ Официалы — в Римской империи чиновники, находившиеся при каком-нибудь высшем магистрате; сначала назначались из рабов и отпущенников, потом — из всадников.

на могилах которых сохранились. Эволюция вольноотпущенников в Карфагене весьма примечательна. В первые годы жизни колонии мы видим их на наиболее важных муниципальных должностях; они встречаются даже в Юлиевых колониях на мысе Бон. Данная ситуация прекращается в 24 г. по закону Визелия, по которому Август, вопреки политике Цезаря, зарезервировал доступ в магистраты лишь для свободных людей. Отказ организовывать сословие августалов в большинстве городов проконсульской провинции объясняется, возможно, реакцией на слишком важное положение, которое прежде позволялось занять отпущенникам. В любом случае те никогда не были рабами в Африке и получили свободу в Италии, задолго до внесения в списки колонии. Еще можно отметить, что число когноменов восточного происхождения, позволявшее в Риме бывшим рабам скрыть их прежний статус, в Африке относительно меньше: их носило около 8% населения; в случаях, когда мы можем установить происхождение их обладателей, зачастую оказывается, что они были императорскими отпущенниками.

Итак, эпиграфика ясно показывает, что в интересующей нас провинции рабство не приобрело того же значения, как в метрополии. А подтверждается ли это литературными текстами? На первый взгляд некоторые из них противоречат такому выводу. Так, персонаж «Сатирикона» Петрония утверждает, что на полях Нумидии трудилось столько рабов, что они могли бы захватить Карфаген. Апулей знал в Триполитании середины II в. два конкурирующих друг с другом способа производства: некоторые владельцы обрабатывали свои поля с помощью рабской силы; другие обменивались работниками с соседями. Его жена владела 400 сельскохозяйственных рабочих-рабов; но городская домашняя прислуга четы насчитывала всего лишь 15 слуг, что является очень скромной цифрой для богатой семьи: Плиний Младший по завещанию отпустил на волю сотню таких, что было максимумом, разрешенным законом. Сам Апулей до брака приехал в Эа с единственным слугой, потом приобрел еще двоих и освободил всех троих, когда брак принес ему целое состояние.

Очевидно, мы можем увязать эти факты с выводами, сделанными из экономической истории провинции. Вплоть до нероновских конфискаций африканские латифундисты, как и итальянские, очевидно, в основном использовали труд рабов. После введения закона Манция правовое различие между прямой эксплуатацией рабов и сдачей земельных участков в субаренду издольщикам, начиная со второй половины II в., становится скорее внешней, нежели реальной. Поместье Пудентиллы находилось в 150 км от Эа, где она жила; очевидно, навещалась она туда не часто. Но, как женщина, разбирающаяся в таких делах, изучала отчеты фермеров, рабочих и конюхов. Значит, эти рабы были ответственны за определенные отрасли хозяйства, доверенные им. Они имели право сохранять для себя часть прибыли, увеличивавшую их сбережения. На практике их положение не отличалось от положения свободных арендаторов. Почти всюду их место заняли свободные колоны. Кондуктор, очевидно, должен был сохранять семью для эксплуатации части поместья, отведенной ему; но суровость, с какой он требовал отработки от колонов, показывает, что этой рабочей силы было недостаточно для выполнения задачи. В то время сколько-нибудь значительные контингенты имелись только на землях крупных городских собственников. Но, как мы видели, самые крупные состояния в ту эпоху оставались весьма скромными, а площадь земельных угодий была неизбежно ограничена; естественный прирост населения предоставлял во множестве в их распоряжение свободных поденщиков; и, напротив, рабы на рынке становились все более редкими, а цены на них, соответственно, росли. Эволюция нравов и законов делала их содержание более дорогостоящим, а прибыль, приносимая ими, никогда не могла сравниться с прибылью, даваемой свободными работниками. Поэтому позволительно предположить, что с конца II в. наметилась тенденция к сокращению количества рабов, занятых в сельском хозяйстве. Что же касается домашних слуг в городах, их число оставалось, как мы видели, относительно невысоким в сравнении с тем, что было в Риме.

Разница в положении между метрополией и Африкой объясняется совершенно естественно: здесь огромные состояния и нехватка рабочей силы; там, напротив, относительно равномерное распределение богатств и демографический рост, выбрасывавший на рынок труда массы свободных работников.

Откуда же поступали африканские рабы? Следует различать домашнюю прислугу и сельскую рабочую силу. Слуг поставляли специальные торговцы, дававшие им профессиональную подготовку, прежде чем его продать. В I в. главные невольничьи рынки Запада находились в Южной Италии. Надпись в ювентусе города Мактар доказывает, что товар на них поставляли африканские буржуа. Позднее закупки, очевидно, производились напрямую на Востоке. Работники для сельского хозяйства, напротив, закупались, должно быть, прямо на месте. Операции, проводившиеся против непокорных племен Мавретании, доставляли пленных; но это были трудно дрессируемые работники. Транссахарская торговля доставляла негров; мы уже упоминали гермес, изображающий одного из них в термах Антонина. Мозаика в бане Тимгада, к сожалению слишком непристойная, чтобы ее можно было воспроизвести, представляет чернокожего раба, занятого поддержанием огня в печи. Тариф Зарая упоминает рабов среди провозимых товаров и требует уплаты таксы в $1\frac{1}{2}$ денария, что, видимо, соответствует цене в 500 денариев.

Сокращение числа рабов способствовало смягчению условий их содержания. Хуже всех по-прежнему обращались с теми, кто работал на полях и чьего бунта можно было опасаться. Карфагеняне, пережившие много подобного рода выступлений, научились их подавлять, но им никогда не приходилось жаловаться на недостаток верности своих домашних слуг. В эпоху империи эргастулы, очевидно, не исчезли, и, располагая двумя предметами, свидетельствующими о том, что для пытавшихся бежать существовали жестокие наказания. В развалинах храма Аполлона в Булле-Регии нашли скелет женщины лет сорока, носившей на шее свинцовый ошейник с выгравированной на нем следующей надписью: *Adultera meretrix*,

tene quia fugiva de Bulla Regia («Адультера, куртизанка; арестуй меня; я сбежала из Булла-Регии»). Стало быть, бедняжка пыталась бегством избавиться от постыдного ремесла, к которому ее принуждал хозяин, который к тому же в насмешку дал ей имя Адультера¹; наверняка ее били кнутом, а затем надели ошейник, выдавший бы ее в случае новой попытки побега. Другой ошейник происходит из Ламбезиса; хозяин, офицер Деутерий, согласился немного смягчить наказание, наложенное на беглеца — в этот раз речь идет о мужчине, — и надел на него медное «украшение», которое меньше весило; хорошо выполненное, оно могло показаться сделанным из золота.

Отдельные места в «Золотом осле» также свидетельствуют о суровости, даже садистской жестокости некоторых хозяев. На мельнице, где он некоторое время работал, превращенный Луций встречает несчастных, с которыми обращаются так же плохо, как со скотиной, наравне с которой они трудятся: через дыры их лохмотьев видны следы от ударов, на обритых головах клейма, оставленные раскаленным железом. Там присутствует жуткая история раба, обмазанного медом и съеденного муравьями на дереве, к которому его привязал хозяин. Повар, у которого собака стянула козью ногу, которую он намеревался приготовить, собирается повеситься, чтобы избежать ожидающей его пытки. Такие преступления, в принципе запрещенные законом, очевидно, еще случались в сельских усадьбах, владельцы которых легко ускользали от контроля чиновников.

К счастью, другие документы показывают нам жизнь рабов в менее мрачном свете. Мозаика пира в Тисдрусе, предположительно, изображает праздник Сатурналий, во время которого рабы менялись местами с хозяевами и свободно веселились. Если не принимать эту остроумную гипотезу, мы в любом случае видим здесь пастуха, который держится весьма вольно, поскольку без церемоний требует от пирующих соблюдать покой его животных. «Тихо! — кричит он. — Волам надо спать!» Причастные к развлечениям своих хозяев, домашние слуги разделяли и их беды.

¹ Неверная (лат.).

Из двух больших святых африканской церкви, мучениц 202 г., Перпетуя принадлежала к муниципальной буржуазии, но Фелицитата была рабыней, как и один из ее товарищей-мужчин, Ревокат. Неудивительно, что церковь, для которой социальные различия отступали перед иерархией духовных ценностей, поставила их в один ряд. Но очень примечательно, что на процессе над ними, который вел прокуратор Илариан, временно исполняющий обязанности проконсула, к служанке в целом относились не более сурово, чем к госпоже. Очевидно, чиновник, побуждаемый семьей, больше давил на Перпетую, требуя от нее отречения. Но все христиане были брошены в одну тюрьму, и Перпетуя, несмотря на то что, в принципе, принадлежала к привилегированному сословию, была, наравне со своими товарищами, брошена на съедение диким зверям в амфитеатре, очевидно, по религиозным соображениям: казнь была настоящим человеческим жертвоприношением, призванным умиловить жестоких африканских богов Сатурна и Цереру, оскорбленных нечестивостью христиан.

То есть положение рабов не слишком отличалось от положения самых неимущих слоев свободного населения; некоторые из них, в первую очередь принадлежавшие императору, городам, коллегиям, даже выглядели нотаблями. Таким образом, рабство, представляющееся нам великим пороком античных обществ, для современников не представляло по-настоящему серьезных проблем. Оно занимало философов куда меньше, чем неравенство богатств, и это, можем сказать, было справедливо. Потому что человек, лишенный свободы в результате несчастного стечения обстоятельств или от рождения, не обязательно оставался вплоть до смерти в невольничьем состоянии, жестокости которого к тому же смягчались переменами в нравах и законах.

Похоже, что большинство рабов, тех, кто были дисциплинированными и работающими, рано или поздно получали свободу либо через выкуп, либо по милости хозяина. В некоторых случаях рабство даже было возможностью преуспеть в жизни. Один из сотрапезников Трималхиона восклицает: «Отцов не выбирают. Ты носишь тогу рим-

ского всадника, а я — сын царя. Почему я стал рабом? Я сам пошел в рабство, потому что предпочитал стать римским гражданином, чем оставаться трибутарием». И это не пустая болтовня: нам известно, что, по крайней мере, на Востоке родители часто продавали своих детей не только ради улучшения собственного материального положения, но и в надежде обеспечить им менее жалкую жизнь в городах, которые в глазах этих бедняков казались каким-то раем.

Самым очевидным недостатком общества империи в действительности была диспропорция между сельским населением и городской буржуазией, порождаемая его организацией. Что отмечают все историки, начиная с Ростовцева, который определил это противоречие как главную причину большого кризиса, разрушившего империю.

Мы уже видели, что сельский пролетариат составлял значительную долю населения и включал разные категории: лучше всего известны колонаты, которыми императоры, начиная с царствования Нерона, заменяют рабскую рабочую силу в поместьях, конфискованных у латифундистов. За ними следуют колонаты частных поместий, также защищаемые законом Манция — что подтверждают таблицы Альбертини — и всем основанным на нем правом. Самые мелкие собственники, владевшие, как отец мактарского жнеца, земельным участком, таким крошечным, что с него невозможно было прокормиться, также зависели от императора и помещиков, на чьих землях они находили необходимые подработки. Далее следовали поденщики, у которых из имущества имелись только собственные руки. Наконец, мы подозреваем наличие, по крайней мере в некоторых городах, еще более обездоленного класса, инкол, лишенных политических прав, но представлявших собой человеческий капитал, высоко ценимый теми городами, к которым они были приписаны; можно предположить, что сохранившееся пуническое право держало их в очень тесной зависимости, граничащей с крепостным правом и бывшей ничем не лучше рабства.

Археология подтверждает невысокий уровень жизни многих из этих людей, чей труд, однако, обеспечивал эко-

номическое процветание страны. В их могилах нет иного инвентаря, кроме грубой керамики, слепленной женщинами без помощи гончарного круга и едва обожженной, которая так мало изменилась с доисторических времен до наших дней, что порой ее даже невозможно датировать. В городах они жили не в тех исследованных домах, чья роскошь свидетельствует о принадлежности буржуазии. Некоторые теснились в убогих предместьях, вроде квартала мапалий в Карфагене, застроенного, очевидно, глинобитными хижинами, очень схожими с теми, что и сейчас стоят в окружающих Тунис нищих кварталах. Большинство оставалось на полях, в соломенных хижинах, какие мы видим на мозаике доминуса Юлия, или в простых палатках, узнаваемых на сельских мозаиках Удны. Их одежда состояла у одних из более-менее выделанных звериных шкур, у других из простой туники. Большинство питалось плохо, ячменем или просом, а главное, продуктами животноводства; когда дождей оказывалось недостаточно, прибегали к тем жалким ресурсам, которые поддерживали людей в доисторическую эпоху, использовались в Средние века и даже в новейшие времена: собирали улиток, кузнечиков, выкапывали корешки или варили чертополох. Нет необходимости говорить, что интеллектуальная жизнь их находилась на самом низком уровне: большинство не знало иных языков, кроме ливийских наречий или, в некоторых местностях, близких к древним пуническим городам, испорченного финикийского. Из богов они поклонялись духам родников, лесов, гор. Погребальные обряды не изменялись: многие дольмены использовались в качестве гробниц минимум вплоть до II в. н. э.; практиковалось захоронение лишенного мягких тканей скелета, скрюченного, как зародыш, и засыпанного красной охрой, будто текущей кровью, чтобы символизировать быстротечность жизни.

Бедность большинства сельских рабочих не осталась незамеченной Апулеем. Рассказ о злом богаче и трех добрых молодых людях повествует о господине, который использует всевозможные подлости, чтобы изгнать бедного соседа, чьей землей хочет завладеть. Жертва, не найдя

никакой поддержки у властей, обращается с призывом о помощи к возмущенным соседям, на которых тиранчик безнаказанно натравливает своих собак и рабов. После смерти доброго хозяина его пастухи, встревоженные ожидающей их участью, бегут со всем, что имели, в поисках нового убежища. У беглецов возник конфликт с другими крестьянами, которые приняли их за грабителей. В целом этот роман и все иные произведения того же жанра создают такое впечатление, что, выйдя из городского предместья, попадаешь в дикий мир, где нет никаких правил и законов, где единственной властью являются помещики, чью власть ограничивает лишь страх перед разбойниками и крестьянскими восстаниями.

Эта мрачная картина применима ко всем эпохам истории Магриба. Некоторые обычаи, вроде поедания улиток, очень живучи и могут встречаться как в доисторическую эпоху, так и в раннем Средневековье. Удивительному цивилизационному обновлению в высших классах населения Берберии противостоит не менее примечательная стабильность условий существования бедняков, неизменно погруженных в свою нищету.

Было бы абсурдно и несправедливо винить Рим в том, что он не смог устранить эти плачевные условия: этого не позволили бы материальные ресурсы, имевшиеся в наличии у древних. Но нужно определить, помогло ли римское владычество хоть в какой-то мере улучшить условия жизни бедных или же еще более усугубило трудности их существования.

Ответ на заданный таким образом вопрос, естественно, следует искать в выводах нашего экономического исследования. Обеспечив мир, заменив экстенсивную систему пастбищного скотоводства разведением оливок, имперское правительство, бесспорно, уменьшило для немалого числа африканских крестьян тяготы доставшейся им от предков нищеты. Взамен оно сначала требовало дань, ложившуюся на них одних: многие феллахи, очевидно, выращивали пшеницу исключительно для обязательных поставок властям, не имея возможности притронуться к ней самим, питаясь вместе с семьями второстепенными зла-

ковыми культурами: так, еще недавно румыны или венгры, выращивавшие пшеницу на экспорт, сами питались кукурузой. Тем не менее, как мы видели, эта повинность, поначалу очень тяжелая, затем облегчилась благодаря расширению базы налогообложения, что стало результатом увеличения площади обрабатываемых земель. В качестве компенсации значительно выросло количество городов: и каждый из них требовал от деревни продовольствия, предлагая взамен лишь ничтожное количество товаров, поскольку промышленность оставалась еще относительно слабо развитой, а бедность крестьян не позволяла им много покупать. Другая причина, помешавшая пролетариату воспользоваться экономическим прогрессом: перенаселение, особенно увеличившее класс безземельных поденщиков, численность и нищета которых возродятся в IV в., угрожало социальной революцией, забытой с пунических времен. Мы уже цитировали капитальный текст Тертуллиана в трактате «О душе», где подчеркивается острота этой угрозы, нараставшей с начала III в.; колонизации Запада и возвращения в хозяйственный оборот неиспользуемых земель в старой провинции было уже недостаточно, чтобы поглотить избыток наличной рабочей силы.

Если бы могли составить график этих противоположных сил, их кривые линии позволили бы увидеть эволюцию африканского сельского пролетариата. Около 60 г. н. э. нероновские конфискации открыли поле для деятельности местным латифундиям, до сих пор пользовавшимся почти исключительно рабской силой; это стало первоначальным толчком, в дальнейшем поощрявшимся политикой Антонинов и особенно освоением земель Нумидии и Мавретании. Похоже, что кривая производства и, следовательно, относительного обогащения, затронувшего, хотя бы частично, крестьянство, поднимается круче, чем та, на которой отражен рост повинностей. Максимальный разрыв приходится на 160—180 гг. К сожалению, само процветание вызывает развитие сил, которые будут ему вредить, спровоцировав излишне бурный всплеск рождаемости и ненормальный рост городов. Одновременно смягчаются налоговые требования. Уже при Коммодe пе-

тиция колонов сальтуса Бурунитанус и надпись в Ксар-Мезуаре показывают, что между колонами поместий и кондукторами велась борьба, имеющая все признаки современного трудового конфликта с забастовками, бунтами, репрессиями, осуществляемыми местной властью, и, наконец, арбитражем центрального правительства.

Примечательный факт, который следует поставить в заслугу имперскому правительству, — то, что крестьяне не остались предоставлены сами себе, лишенные средств защищать свои права и возможности обращения к верховным властям. Параллельно с улучшением природных условий, которыми они пользовались начиная с последней трети I в., произошло также улучшение их правового положения. Романизация муниципальных хартий способствовала исчезновению инкол, чей статус происходил из пунического права. Многие колоны получили статус римских граждан, закон Манция позволял им создавать легальные объединения, различные профсоюзы, комитеты которых ловко поддерживали их требования справедливости и ходатайствовали от их имени в различных учреждениях. К сожалению, нам неизвестно, существовали ли аналогичные структуры среди работников частных владений, относившихся к городской территории; но это возможно, поскольку закон Манция, как мы уже видели, применялся к земельным владениям различных форм собственности.

Отправной точкой конфликта в сальвусе Бурунитанус стала попытка кондуктора Аллия Максима увеличить количество дней барщины, которую должны были отрабатывать колоны и их скот. Очевидно, это требование объяснялось дефицитом рабской рабочей силы, что не позволяло кондуктору с прибылью эксплуатировать ту часть поместья, что оставалась под его прямым управлением. Также колоны обвиняли его в желании незаконно увеличить натуральный оброк, который они должны были вносить. К огромному их разочарованию, прокуратор поместья, который должен был обеспечивать соблюдение статута, стал на сторону Аллия. Если верить крестьянам — а нам известна только их позиция, — их реакция была умеренной и строго в рамках закона: они ограничились

отправкой жалобы императору. А вот крестьяне Ксар-Мезуара без колебаний пригрозили более решительными действиями: мы закроемся в своих домах, где можем быть спокойны, говорили они. Речь идет об особой форме забастовки, давно уже практиковавшейся египетскими феллахами, анахоресисе: когда требования государства-собственника казались чрезмерными, целые деревни убегали в пустыню или в болота, бросив свою землю необработанной, и властям часто приходилось идти на переговоры под угрозой потери доходов и, особенно, утраты оборудования, без которого земля вновь стала бы пустыней. Во всяком случае, прокуратор сальтуса Бурунитанус обвинил колонов в том, что они написали непочтительное письмо императору; надо признать, что выражения, в которых оно составлено, действительно могли ему не понравиться, ибо в них он недвусмысленно обвинялся в должностном преступлении. Очевидно, поддержанный своим начальством, чиновник задействовал армейское подразделение, очевидно, часть одной из карфагенских когорт, представленное в его распоряжение проконсулом или прокуратором провинции. Солдаты разогнали бунтовщиков, нескольких зачинщиков арестовали и отправили в тюрьму, где их, по приказу прокуратора, поколотили розгами и палками, не принимая во внимание наличие у некоторых статуса римского гражданина. Но колоны не признали себя побежденными и сумели послать императору новую петицию. Вместо того чтобы пустить дело обычным порядком по инстанциям, что он, очевидно, сделал в первый раз, монарх решил его лично, рескриптом столь же кратким, сколь и точным: «Прокураторы, применяя правила и условия изданного мною статута, не будут требовать более трех раз двухдневной барщины; никто не станет незаконно требовать нарушения вашей вечной хартии». Нам неизвестно, какие конкретные меры сопровождали в данном случае это напоминание принципов; но если колонам было позволено публично демонстрировать не только императорский рескрипт, но и собственное письмо, в котором поведение прокуратора было открыто заклемено, очевидно, что данный чиновник был как минимум снят с

должности. Большинство историков, изучавших это дело, обращали внимание, главным образом, на первую фазу, на злоупотребления и насилие, жертвами которых становились колоны. Они видели в этом первые признаки эволюции, которая превратит свободных крестьян в крепостных. Финальный успех колонов кажется им исключительным фактом. Г-н Ростовцев не останавливается перед предположением, что Лурий Лукулл, получатель императорского рескрипта, был представителем крестьян при императоре. Он даже идентифицирует его как солдата, служившего в императорской гвардии, *eques singularis*¹ или *frumentarius*². Вряд ли стоит пояснять, что это чисто умозрительная гипотеза, не подкрепленная фактами: по всей вероятности, Лурий Лукулл один из прокураторов, которым императорский рескрипт направлен для исполнения. Надпись из Ксар-Мезуара, во всяком случае, подтверждает, что в аналогичном и современном тому деле, крестьяне также одержали верх в споре с администрацией и кондуктором. Похоже, что политика Коммода в целом была особенно внимательна к народным требованиям. Сам префект претория не мог воздвигнуть для них преграды. Клеандр был свергнут не мятежом преторианцев, а бунтом жителей Рима, направленным против его политики. Император, которого поначалу держали в неведении относительно происходящих событий, подверг его опале и казнил, едва узнал об их серьезности от своей сестры Аррии Фадиллы. Эту же политику продолжали Северы: в то время, когда великие юрисконсульты Папиниан, Ульпиан, Павел настаивали на необходимости сохранения равенства всех перед законом и защиты бедных от вымогательств богатей, фундаментальные тексты африканского аграрного законодательства, начиная с закона Манция, были переизданы и торжественно вывешены во всех поместьях, дабы колоны постоянно имели возможность на них ссы-

¹ С и н г у л я р и с — индивидуальный всадник, воин конного подразделения личной охраны императора.

² Ф р у м е н т а р и й — в римской армии военный, исполняющий функции фельдъегеря или занимающийся политическим сыском.

латься. Даже в Египте, где крестьянство традиционно подвергалось безжалостной эксплуатации, и в крупных императорских поместьях в Малой Азии власти постоянно вмешивались, чтобы удовлетворить требования бедняков против богачей.

Ростовцев объяснял эту политику солидарностью армии с крестьянством, из рядов которого она черпала пополнения. Императоры, чья власть зависела от солдат, якобы действовали таким образом, чтобы снискать их расположение за счет муниципальной буржуазии и сенаторской аристократии. Данная гипотеза представляется, по крайней мере, в отношении Африки крайне спорной. Нет никаких доказательств набора в войска крестьян, особенно из императорских поместий. Почти все солдаты легиона Третьего «Августа» и вспомогательных формирований, чье происхождение нам известно, были сыновьями ветеранов либо происходили из городов Нумидии, большинство населения которых составляли отставные солдаты; родиной тех, кто приезжал из проконсульской провинции, были старые римские города, и у нас имеются все основания полагать, что они вышли из муниципальной буржуазии. Эта военная каста, которая все больше стремилась образовать в обществе особую группу, скорее происходила из среднего класса, чем из деревенского пролетариата. Следовательно, ее интересы были противоположны интересам крестьян, с которыми у нее не было ничего общего: мы уже видели, что вся Нумидия целиком вынуждена была защищаться от проконсульской провинции, пытавшейся свалить на нее основную часть налогового бремени, и что этот конфликт объясняется гражданской войной 238—240 гг. Реорганизация продовольственных поставок Септимием Севером заставила земледельцев, каким бы ни было их социальное положение, вносить больший вклад в содержание армии: в конечном счете эта обязанность ложилась в первую очередь на крестьян, мелких собственников или колонов.

Похоже, что армию нельзя все-таки считать вооруженным отрядом революционного пролетариата. Но мы не считаем также, что между «привилегированными» в целом, от сенаторов до городских декурионов, и сельскими

тружениками существовала непреодолимая пропасть. Ни тот ни другой класс, если внимательно присмотреться к фактам, не проявляют ни внутренней солидарности, ни осознания своего единства. Мы уже видели, что старые сенаторские семьи находились в конфликте с всаднической и декуриональной буржуазией, пытавшейся, в свою очередь, возвыситься, и эта борьба объясняет антисенаторскую политику Септимия Севера, выходца из всаднических кругов. Мелкие городские собственники и колонны поместий, гордые полученными привилегиями, очевидно, ощущали свою близость скорее к декурионам и даже всадникам, чем к лишенным земли батракам; прибытие в период уборки урожая армий странствующих поденщиков на обрабатываемые земли не могло не породить конфликтов: надпись 186 г. н. э., найденная близ Тебурбы (Тубурбо-Минус), сообщает нам о ссоре между земледельцами и пастухами; другой текст эпохи Северов показывает, что распределение обрабатываемых земель, пастбищ и водных источников на юго-западе Нумидии было тщательно урегулировано. Эти надписи следует сопоставить с уже цитировавшимся местом из «Золотого осла», где крестьяне встретили своих бродячих братьев камнями и натравили на них собак.

Следует обратить особое внимание на следующий важнейший факт: близость к городу была для крестьян главной гарантией порядка и относительной справедливости. Те, кто жил вдали от городов, не имели защиты от вымогательств соседа — крупного земельного собственника. Злой богач из «Золотого осла» может безнаказанно выживать бедного фермера, чью землю желает заполучить. Один из троих братьев гордо отвечает ему, что закон защищает бедных от богатых. К сожалению, доминус творит в городе, что душа пожелает, и плюет на закон: его пастухи и собаки избавляются от протестующих. Подобные злоупотребления были возможны в общинах, где богатства сосредоточились в руках нескольких плутократов. Но, как мы видели, в Африке в целом существовало определенное равновесие в распределении состояний. Крестьянин-гражданин мог отстаивать свои права перед магистратами, и

давление общественного мнения останавливало их перед слишком уж вопиющими нарушениями закона. Характерно, что мактарский жнец был как раз из таких полугорожан: во время его многочисленных отлучек его семья и добро оставались в безопасности. Сама эта безопасность была немаловажной компенсацией затрат, на которые земледелец должен был пойти, чтобы жить в городе. Высокая плотность городов в проконсульской провинции, которую, на первый взгляд, можно было бы посчитать тяжелым бременем, ложащимся на сельский пролетариат, объясняет, почему его положение в этой провинции, напротив, было лучше, чем во многих других. Так что маловероятно, чтобы земледельцы, привязанные к тому или иному городу, испытывали враждебность к нему и к его населению: закон общины старался установить между всеми ее членами относительное равенство, которое было предпочтительнее кулачного права, единственного закона, регулировавшего отношения латифундиста с его держателями и соседями. Большое число общин удерживали часть собственности, мешая богачам в их попытках злоупотребить силой.

Так что следует соблюдать осторожность, пытаясь понять общественную обстановку в Римской империи с помощью современных фактов. Конечно, некоторые аналогии выглядят просто поразительными, и мы подчеркивали, например, современность звучания трудового конфликта, потрясшего сальтус Бурунитанус. Но основы проблемы различны; как мы видели, общественные классы в нашем понимании в античном мире не существовали. Мы имеем дело с ограниченными группами, общность которых основывается, очевидно, на экономических интересах, но также на этнических, политических и религиозных традициях. Колоны сальтуса Бурунитанус прекрасно осознавали, что, помимо своих собственных прав, они защищают права всех крестьян, рожденных и вскормленных в императорских поместьях. Но нет никаких оснований думать, что они чувствовали солидарность с издольщиками, обосновавшимися на частных землях, которые тоже могли бы потребовать защиты закона Манция, и уж тем более с ремесленниками, солдатами или рабами. Напротив, они за-

щищали свое привилегированное положение, вытекавшее из личных уз, связывавших их с императором, уз, вспоминаемых ими в очень теплых выражениях, пронизанных подлинным мистицизмом: «Это вынуждает нас, ничтожных, вновь умолять Твое Божественное Провидение... Посему просим тебя, Святейший Император, помочь нам... Смилуйся над нами, соблаговоли предписать Твоим Священным Рескриптом, чтобы не велели нам поставлять более, чем мы должны по закону Адриана и указаниям твоих прокураторов, дабы, благодеянием Твоего Величества, мы, крестьяне, рожденные и вскормленные в твоих поместьях, не были бы мы преследуемы от откупщиков облагаемых налогами угодий». Это поведение вполне соответствует духу эпохи: человек старается улучшить свою судьбу, но не собственными усилиями, основываясь на общих для всех людей принципах, а вступая в ту или иную обладающую особым статусом группу, чье могущество зависит не столько от скоординированных действий ее членов, сколько от связи, соединяющей ее с некой религиозной силой. Для колонов поместий, как и для солдат, такой силой являлся божественный император, для которого они были не столько работниками, сколько поклоняющимися ему верующими. Для граждан такое объединение — это *res publica*, общее дело, в котором они участвуют. Христиане думают так же; они являются жителями сверхъестественного города: города Бога, воинами армии под командованием не обожествленного человека, а Бога, сделавшегося Человеком, города, который обладает собственной конституцией, своими особыми законами. Чужаки не представляют для жителей этого города никакого интереса: разве что удастся уговорить их войти в него, и потому насколько не заботятся о реформировании земного общества, в котором живут как временные постояльцы. Общественная жизнь подданного империи, таким образом, может иметь два аспекта: внутри своего сообщества он стремится защитить и, если получится, улучшить свой личный статус, готовый даже вступить в конфликт с другими членами того же объединения: так колонны сальтуса Буруни-танус борются против кондукторов. Или же сообщество

спланивается против того, что ему чуждо, объединяясь при необходимости с другими близкими сообществами.

При этом некоторые люди оставались вне этих рамок и атаковали общество в целом. Кое-кто из них, интеллектуалы, поднимали довольно громкий шум. Тертуллиан слышал на улицах Карфагена этих киников, узнаваемых по изодранным плащам, котомкам и палкам, «брешущих» на богов и даже на императора. Публика веселилась, слушая их выступления, и обращала на них не больше внимания, чем англичане на ораторов в Гайд-парке, власти им тоже не мешали. Эти субъекты были одиночками и, следовательно, не опасны. Они перестали бы быть таковыми, если бы попытались собрать вокруг себя сторонников, перейти от слов к делу. При этом они не предлагали никакой связной программы; безуспешно было бы изучать труды Лукиана, в которых, в числе прочих, отражается точка зрения этих запоздавших последователей Диогена: там невозможно найти ни малейшего следа социальной теории. Рядом с этими поставившими себя вне закона интеллектуалами существовали настоящие мятежники, использовавшие насильственные методы, — разбойники. Их было много, и общественное мнение проявляло к ним интерес, если не симпатию; писатели непременно отводили им заметную роль в сюжетах своих произведений: Апулей весьма снисходительно рассказывает нам о подвигах одной банды, действовавшей в Беотии. Насчитывавшая несколько десятков человек, имевшая надежное логово в таверне, она без страха нападала среди бела дня на крупные города, не боясь ни расквартированных где-то далеко войск губернатора, ни ополченцев ювентусов, которые, вместо защиты сограждан, сами совершали преступления. Жертвы могли рассчитывать только на себя. Юная Харита, похищенная разбойниками, была спасена не полицейскими, а своим женихом, который выдал себя за разбойника, завоевал доверие банды, напоил ее членов и сдал жаждавшим мести горожанам, с которых преступники содрали выкуп. Апулей очень точно отмечает, что разбойники нападали почти исключительно на знатных и богатых, на чиновников, крупных помещиков, банкиров. «К этому ремеслу нас принудил жестокий закон бедно-

сти», — говорят Харите ее похитители. При этом они пользуются симпатией крестьян, которые позволяют им останавливаться на отдых в своих деревнях. Здесь мы находим общие черты со средиземноморскими бандитами любой эпохи, что еще совсем недавно показал пример Джулиано на Сицилии¹; это в достаточной степени объясняется тем фактом, что только у богачей можно было найти интересную добычу, а также тем, что даже при практически полном отсутствии полиции банда не могла бы удерживать под своей властью страну, если бы вызвала к себе враждебность всего населения. Вполне понятно, что разбой свирепствовали в первую очередь в регионах, где существовал огромный разрыв в доходах между различными группами населения и в периоды экономического кризиса. Но симпатии к разбойникам, похоже, вызывала не столько их роль исправителей пороков, сколько всегда существующая в народном воображении привлекательность людей, чья жизнь полна приключений. В эллинистическую эпоху, когда порядок основывался только на удаче и силе, не существовало четких различий между бандитами и наемниками. Удачливый и влиятельный главарь банды ничем не отличался от какого-нибудь царя, чья легитимность основывалась исключительно на его военных успехах. Даже в латинском языке слово *latro* обозначало одновременно и солдата, и грабителя с большой дороги. Теперь понятно, почему главари некоторых банд могли иметь политические амбиции; таков, например, Матерн, который, после того как грабил Испанию и Галлию, попытался убить Коммода, чтобы занять его место. Было бы абсурдом приписывать подобным людям планы реформ или полагать, что ими, подобно анархистам начала XX в., двигало чувство мести по отношению к несправедливому обществу. Просто путем насилия они стремились достичь тех же самых эгоистических целей, к которым «буржуа» стремились легальными способами. Впрочем,

¹ Джулиано Сальваторе (1922—1950) — знаменитый сицилийский бандит, пользовавшийся большой популярностью среди простых людей за то, что грабил в основном богачей и государственные учреждения. Убит карабинерами при попытке ареста.

у нас практически нет сведений о разбойниках в проконсульской провинции; расположение дорог, одиноко стоящих домов и больших населенных пунктов, напротив, показывает, что в этой провинции наслаждались безопасностью большей, чем в других местах. Это спокойствие, вероятно, объясняется относительным равенством состояний, экономическим процветанием, дававшим беднякам возможность преуспеть в жизни, не выходя за рамки закона, а также надежностью общественных кадров. Совсем иначе обстояли дела в Мавретании: в 152 г. некий инженер легиона Третьего «Августа», которому было приказано построить акведук на дороге, соединяющей Ламбезис с Салдаией (Бужи), подвергся нападению разбойников, был ранен и едва удрал, совершенно нагишом; в этом случае феллахи, очевидно, были скорее отрядом мятежников, рискнувшим зайти в качестве авангарда на римскую территорию, нежели шайкой бандитов: как раз в это время полыхало большое восстание мавретанских племен. В римском мире, организованном как большой улей, где у каждого индивида имелось собственное место внутри определенной ячейки, киники и разбойники были наследниками прошлого, продолжавшими традиции анархического индивидуализма, буйного и бескомпромиссного в эллинистическую эпоху. Будущее было не за ними.

Впрочем, нет сомнений в ошибочности их взглядов: в римском мире жизнь для слабых и миролюбивых была определено менее суровой, чем в мире, ставшем добычей наследников Александра Македонского. Пропасть между огромным богатством немногих и страшной нищетой почти всех уменьшилась; раб уже не был двуногим животным, лишенным какой бы то ни было защиты от безжалостной эксплуатации своим хозяином; общественные классы не были разделены непреодолимыми барьерами. И, факт, особо примечательный своей новизной: император признавал лежавшую на нем ответственность защищать самых слабых своих подданных от притеснений самых сильных: на мольбу колонов сальтуса Бурунитанус отвечает рекомендации Ульпиана: «Для губернатора провинции священным долгом является обеспечить, чтобы сильные не

оскорбляли слабых несправедливо и чтобы невинные защитники тех не преследовались клеветническими обвинениями». «Губернатор следит, чтобы люди скромного положения не лишались своего единственного светильника или своего скудного движимого имущества, чтобы они не подвергались несправедливым вымогательствам под предлогом приезда чиновников или военных». Нам представляется, что деспотический провиденциализм проявлял мало уважения к человеческому достоинству; очевидно, что, несмотря на достигнутые улучшения, большинство людей продолжало жить в нищете. Но бывают эпохи, когда человечество, отказавшись от улучшения своего положения, смиряется с ним и ожидает перемен к лучшему и вознаграждения за страдания только в ином мире; а бывают эпохи, когда оно борется, поддерживаемое желанием лучшего; ранняя Римская империя определенно существовала в такой период оптимизма. Даже если ограничиться тысячами надписей, памятников разного рода, где граждане самого разного уровня благосостояния, от самых преуспевающих до самых неимущих, выражают веру в «счастье века», свою признательность «Божественным императорам», невозможно отказаться услышать самого сильного, самого страстного противника религиозно-философской системы, на которой основывалась империя, Тертуллиана, столь непреклонного в отношении невинных слабостей человеческой природы, столь нетерпимого к самым почитаемым традициям римского патриотизма, который в конце концов изолировал себя и от Церкви, и от еретиков: «Насколько изменился мир в этом веке! Сколько городов или вывела, или возвеличила, или возвратила тройная доблесть нынешней власти! А в то время как Бог благоприятствовал стольким Августам, сколько было проведено переписей населения, сколько народов вновь обрели чистоту, сколько сословий обрели достоинство, сколько варваров было отражено! Земля действительно стала обработанной усадьбой этой империи, когда с корнем выдрана всякая волчанка вражды, вырваны артишок и ежевика коварной дружбы, и прекрасен мир над яблоневым садом Алкиноя и розами Мидаса».

Часть вторая

Глава 4

ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ И УДОБСТВА

Города большие и малые

Нашим понятиям «цивилизация» и «культура» соответствует латинское *civilitas*, корень которого *civis*, гражданин, сохраняет все его значение: для римлянина, возможно, даже еще больше, чем для грека, город был единственным местом, где человек мог жить не как животное. Первая часть данного исследования показала нам, что действительно вся политическая, экономическая и общественная организация Африки основывалась на городах и действовала в них; невероятный успех романизации этой страны измеряется в количестве городов, объясняющем роль первого плана, полученную ливийскими провинциями в политической жизни империи в ущерб регионам, по крайней мере, не менее богатым, но оставшимся глубоко сельскими, вроде Галлии.

К сожалению, мы не располагаем ни точными цифрами населения африканских городов, ни даже косвенными данными, вроде списков лиц, имеющих право на бесплатные продовольственные пайки, которые имеются по Риму, ни статистикой домов, включенных в византийские туристические путеводители. Оценочные подсчеты могут основываться на данных двух видов: сравнениях, проводимых древними писателями между Карфагеном и другими крупными городами империи, и, второй, на топографическом изучении городов.

Многие согласующиеся между собой свидетельства, древнейшие из которых восходят к началу III в., а новейшие относятся к византийскому периоду, отводят Карфагену второе место в империи, сразу же после Рима, и ставят его в один ряд с такими восточными столицами, как Александрия, Антиохия, Селевкия на Тигре.

Самый интересный из этих текстов и единственный относящийся к исследуемому нами периоду принадлежит Геродиану, жившему в середине III в. и, похоже, очень хорошо информированному по африканским вопросам. Карфаген, рассказывает он нам, был в 238 г. очень большим и густонаселенным городом, уступавшим лишь Риму и оспаривавшим второе место у Александрии. Текст IV в., известный под названием *Ordo Urbim Nobilium*, подтверждает эту классификацию, ставя Карфаген на третье место после Рима и Константинополя. То есть речь идет не о фантазиях Геродиана, чьи сведения относительно плотности населения проконсульской провинции к тому же совпадают с приводимыми Тертуллианом. Африканец писал для африканцев. Мы имели бы здесь, по меньшей мере, указание на степень величия, если бы располагали точными демографическими данными относительно Рима и Александрии. К сожалению, современные ученые далеки от согласия по этому вопросу; некоторые, вслед за Ф. Ло, согласны, что население столицы едва перевалило за 200 000 душ. Другие, такие как А. Пиганьоль, французский архитектор Ф. Биго и немецкий ученый А. фон Геркан, доходят до 500 000 и даже 700 000 жителей. Но большинство согласно с Ж. Каркопино и Дж. Лульи, считающими, что количество жителей Рима превышало миллион. Недавние исследования, проведенные С. Мазарино, позволяют окончательно отвергнуть первую оценку, которая соответствует числу получаемых бесплатных продовольственных пайков: очевидно, что в списки, составленные для этой цели, не вошла большая часть женщин и детей, а также все перегрины и рабы и даже многие граждане, проживавшие в столице, но не считавшиеся ее жителями. И напротив, они подкрепляют новыми аргументами позицию третьей группы. На нынешней стадии изучения во-

проса мы можем предположить, что при правлении Антонинов и Северов Рим насчитывал, по меньшей мере, миллион жителей. Что же касается Александрии, Страбон приписывал ей полмиллиона жителей во времена Августа, и некоторые данные позволяют предположить, что в дальнейшем их число увеличилось. Антиохия Сирийская была не намного менее многолюдной: во времена Либания, то есть в конце IV в., в ней еще насчитывалось 150 000 жителей, и есть веские основания полагать, что в I—II вв. их было, по крайней мере, вдвое больше. Одна венецианская надпись сохранила для нас численность населения Апамеи, зафиксированную заместителем наместника Сирии Квирина в момент знаменитой переписи, вынудившей Иосифа и Марию ехать записываться в Вифлеем. Со своим сельским пригородом этот относительно небольшой город насчитывал не менее 117 000 обитателей обоего пола, не считая рабов. Селевкия на Тигре имела 600 000 жителей, когда была разрушена армией Луция Вера.

Если не отрицать умения древних проводить демографические подсчеты, а римская администрация аккуратно и точно вела документацию и на людей, и на земли, то получается, что в конце II в. Карфаген насчитывал много сотен тысяч жителей. Этот вывод следует рассмотреть внимательнее, поскольку он явно входит в противоречие с тем, что мы узнаём, изучая кадастры.

Скоро мы увидим, что Ш. Сомань¹ сумел найти на месте древнего Карт-Хадашта очень точный план колонии, составленный при Октавиане в 29 г. Площадь города, подсчитанная землемерами, составляет около 315 га, поделенные на чуть меньше чем 500 лотов. На первый взгляд это намного меньше площади Рима, равнявшейся 480 га в пределах крепостной стены Сервия и более 1386 га в пределах стены Аврелиана; она даже несравнима с площадью Александрии (около 1000 га). Можем ли мы предположительно оценить количество жителей, которые могли ее населять? К. Куртуа попытался рассчитать среднюю численность го-

¹ Сомань Шарль (1890—1972) — французский историк и археолог.

родского населения Африки при помощи статистических данных, относящихся преимущественно к европейским городам XVII, XVIII и XIX вв. Цифру в 250 человек на гектар он считал максимально возможной. Если следовать его рассуждению, население римского Карфагена составляло приблизительно 80 000 жителей.

Но это рассуждение, привлекательное на первый взгляд строгостью расчетов и обширностью исследований, служащих ему базой, представляется нам крайне опасным. Продолжение данной гипотезы покажет, что нет никаких оснований сравнивать использование жилища жителем Женевы, Гренобля, Вьенны, Лиможа, Валанса или Буржа между 1789 и 1830 гг. — а именно эти примеры предлагал К. Куртуа, заимствовавший их у Ф. Ло, — и гражданином Римской империи, проживавшим в Африке! Впрочем, К. Куртуа чувствовал эту разницу, хотя и не ставил вопрос конкретно, поскольку он замечает, что лучше было бы воспользоваться данными по мусульманским городам, более близким к античным, чем наши; но, добавляет он, не хватает цифр. Те же, что ему удалось собрать, показывают коэффициент, заметно превышающий его максимум в 250 жителей на км²: 270 в хавсидском Тунисе, 330 в Фесе в начале XX в. Кстати, сходство между римской и исламской архитектурой жилых домов совсем не очевидно. В мусульманском Магрибе вы не найдете инсулы, многоэтажные дома, наверняка существовавшие, по крайней мере, в наиболее населенных городах имперской Африки и позволявшие разместить в них огромное количество жильцов; представление о таких городских районах дают алжирские касбы и бедные кварталы Неаполя: плотность могла намного превышать 1000 человек на гектар. Легко представить, какие бедствия неизбежно должны были порождать подобные скопления людей в античных городах, когда численность населения превышала определенный предел; притом что отсутствие скоростного транспорта не позволяло до бесконечности расширять агломерацию: в Риме, если предположить, что внутри крепостной стены Аврелиана проживал миллион человек, плотность превышала 700. Карфаген в границах августовского кадастра насчитывал что-то около 220 000 жителей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

План Карфагена

Но рассуждение Куртуа имеет и другое, еще более важное слабое место: он не учитывает предместья. А данные археологии и изучение агломераций современной Африки согласны в том, что они могли быть очень большими и густонаселенными. Вновь рассмотрим пример Карфагена: на севере и западе колонии Августа простиралась Мегара пунийцев, занимаемая сегодня поселениями Сиди-бу-Саид и Марса, еще отделенными, явно не надолго, садами и полями. Точно известно, что римляне не отказывались жить в этой обширной зоне с очень приятным климатом и живописными видами. Ампутация северо-западного угла от идеального квадрата была продиктована существованием там важных объектов: огромных резервуаров, ныне скрытых под деревней Мальга, ориентация которых, определенная Гракховым кадастром, подтверждает, что они принадлежали доавгустовскому Карфагену, снабжая водой его уже тогда многочисленное население. Создание колонии Октавиана не повлекло обезлюдивания этого района; в кадастре зафиксировано переселение сюда императором около 3000 итальянских семей. Несомненно, что большое количество африканцев в очень ранние времена поселилось возле столицы, чтобы найти в ней работу и пользоваться преимуществами городской жизни. Они построили здесь свои мапалии, давшие имя одному из районов за пределами выделенной зоны. По мере роста политической и экономической роли Карфагена должно было расти и значение этих предместий. Начиная с IV в. в северо-западном предместье возводились все большие церкви, начиная с кафедрального собора Дамус Карита. Местоположение этих святынь, очевидно, в первую очередь определялось кладбищами, которые образовывали пояс вокруг города Августа и на которых был похоронен прах мучеников. Но количество и размеры их не увеличивались бы, не проживай по соседству большая часть верующих. Кстати, старые некрополи, существовавшие между городом и пригородом, очень скоро повторили судьбу древних пунических кладбищ, задуренных растущей столицей. Чтобы обеспечить мертвым покой, пришлось искать участки на севере, вплоть до холма Гармат, где хоронила своих умерших ев-

рейская община, и на западе, за нынешним шоссе Тунис—Марса; там в кургане генералом Р. Дювалем был найден прекрасный саркофаг IV в. Итак, к городу Августа была добавлена территория во много тысяч гектаров, рассчитанная на расселение нескольких десятков тысяч жителей; этого, даже при замене многоэтажных домов индивидуальными, было достаточно для размещения населения крупного города. В этом предместье не одни только бедняки строили свои хижины. Богачи находили там недорогую землю под свои сады и загородные резиденции, в которых они спасались от жары и вони перенаселенной агломерации. Протокол процесса мученика, святого Киприана, показывает, что в летний период все, кто мог, оставляли Карфаген, как в наши дни тунисцы проводят жаркие месяцы в Марсе или Гамарте. Епископ был арестован полицией в сентябре 258 г., как раз в период сильной жары, очевидно вызванной сирокко. Сам проконсул Галерий Максим страдал от нее и искал убежища на пригородной вилле, расположенной в Агер Сексти. Там епископ и предстал перед ним; затем его отправили в город, для суда; обратный путь был таким тяжелым, что один из офицеров конвоя предложил ему перед началом процесса сменить мокрую от пота одежду! Городские нотабли, разумеется, последовали примеру первого чиновника провинции. На скалах Гамилькара, чьи склоны из красной глины нависают над морем между Карфагеном и Сиди-бу-Саидом, обнаружены руины роскошных вилл. Они были построены на остатках очень плотной застройки, домов и садов, а на пляже, у мыса Гамарт, на поверхность выступают фрагменты мозаики. Другие богатые жилища были построены в западном предместье, вроде виллы возничего Скорпиана, который, очевидно, пожелал оставаться рядом со своими поклонниками из народа и рядом с цирком, где одерживал свои победы, или на юге, вдоль береговой линии, замыкающей залив. Поселок Галабра, соответствующий современной Гулетте, оказался, таким образом, вписан в предместье. В общем, весь полуостров составлял единую агломерацию, гигантскую для той эпохи, с городским ядром и предместьями, в которых жалкие хижины

чередовались с садами и дворцами. Такова и сегодня структура многих тунисских городов, например Сфакса, где из 130 000 жителей, насчитывающихся во всей агломерации, лишь 16 000 живут в медине¹, 30 000 в европейском квартале и в новых предместьях, а остальные рассеяны по садам и пригородным деревням.

Как мы видим, очень трудно, если не сказать невозможно, с точностью подсчитать население римского Карфагена. Мы, со своей стороны, придерживаемся приблизительной цифры в 300 000 жителей, распределенных более-менее равномерно между описанным в кадастре городом и предместьями. Разумеется, эта оценка годится лишь для периода наивысшего процветания, пришедшегося на 150—258 гг. Колонию Августа изначально сформировали 3000 римских семей, присоединившихся в 44 г. к уже жившим там поселенцам: считая с женщинами, детьми и рабами, это, возможно, 30 000 человек, к которым, разумеется, следует прибавить римлян, ранее поселившихся в провинции и перебравшихся в столицу, а также перерринов. Сомнительно, чтобы это первоначальное ядро превышало 100 000 душ. Быстрый политический и экономический подъем, происходивший с 30 по 150 гг., должен был без труда утроить это число. Во второй половине III в. опустошения Капеллиана и Максенция, без сомнений, вызвали упадок, который в IV в. сменился быстрым подъемом, как минимум вернувшем городу его бывшее влияние.

Те же трудности возникают и в отношении других центров. Лептис во времена Септимия Севера был, безусловно, вторым городом провинции; стена, возведенная для его защиты в то время, когда уже начался его закат, во второй половине III или в IV в., окружает 144 га, но за ее пределами остались некрополи, такие важные строения, как амфитеатр, южный цирк, бани, называемые Охотничьими, на севере. Даже если не думать о том, что расширение при Северах никогда полностью не заняло 408 га,

¹ М е д и н а — в странах Магриба и Северной Африки вообще — старая часть города, построенная во времена арабского владычества.

включенные в крепостную стену I в., защищавшую, помимо собственно агломерации, полусельское предместье, все равно, надо полагать, что город занимал от 200 до 300 га. Цифра 80 000 жителей, предложенная Х. Хайнсом, кажется скорее слишком заниженной, чем завышенной.

Из двух других городов Триполитании Эа почти неизвестен; Сабрата занимала немногим более 30 га, но плотность населения в ней была большой, что подтверждается большим числом многоэтажных домов. В Бизацене масштабом руин отличаются два города: Гадрумет имел, по меньшей мере, такое же значение, как его наследник Сус, в котором сегодня насчитывается более 36 000 жителей. Тисдрус, обогатившийся за счет своих оливковых рощ, играл роль столицы степи, которую в византийские времена будет исполнять Суфетула, а при первых мусульманских династиях Кайруан. Руины, ограниченные приблизительно большим амфитеатром, цирком и южными некрополями, занимают сотню гектаров; допустив, что население в этом городе, где никакие естественные препятствия не мешали росту агломерации, жило не очень скученно, можно оценить его численность в 25 000 или 30 000 человек, как в нынешнем Кайруане, занимающем почти такую же площадь. В Зевгитане, за исключением Карфагена, единственными древними финикийскими городами, превысившими размеры средних, были Утика и Гиппон-Диаррит; особенно первый, долгое время являвшийся столицей провинции и сохранявший процветание до конца III в., не мог быть менее населен, чем Гадрумет. Гиппон-Регий, главный город округа Нумидия, Цирта, выплеснувшаяся со своей скалы, Типаса, возможно, и, главное, Цезарея (Шершель), которая занимала если не 310 га своего укрепленного лагеря, то, по меньшей мере, около 150, и, очевидно, Волюбилис можно занести в разряд средних городов; в целом, в этих 10 или 12 городах проживало от 3 000 000 до 4 000 000 человек, что эквивалентно населению Карфагена.

Далее следует множество мелких городов, население некоторых из которых, возможно, достигало 10 000 жите-

лей, но большинство насчитывало, по крайней мере в своем центре, не более 2000—3000. Было бы затруднительно составить статистику по ним, хотя в одних случаях эта задача облегчается изучением сохранившихся или раскопанных развалин, для других — суммой налогов, естественно рассчитанных в зависимости от богатства населения: она, как мы видели, варьировалась от 2000 сестерциев в Альтибурсе до 38 000 в Карфагене.

В целом, видимо, от четверти до трети 6 000 000 или 7 000 000 жителей, населявших римскую Берберию в период ее апогея, проживало в городах; это весьма значительная пропорция для античного средиземноморского мира, чья экономика была в основном аграрной. Но, более чем своей численностью, городское население обеспечивало себе господство своим политическим, экономическим и общественным влиянием. Можно без колебаний заявить, что во II и III вв. все зажиточные африканцы были горожанами.

Без сомнения, большинство этих горожан получали доходы с земли. Но они никогда не жили в сельской местности: свидетельства текстов и памятников однозначно и недвусмысленно подтверждают это. Так, представляющие поместья мозаики никогда не изображают господский дом вплоть до конца III столетия, а после этой даты их центром является укрепленный замок: примеров Злитена, Удны, Шершеля достаточно, чтобы принять это за правило, не имеющее исключений. Обратимся к литературе. «Апология» Апулея выводит на сцену нескольких нотаблей Эа, живущих со своих поместий, но не живущих в них. Кроме того, эти поместья могут быть расположены очень далеко от города, как, например, поместье Пудентиллы, жены оратора, отстоящее на 100 миль, поездка в которое превращается в настоящее путешествие, занимающее несколько дней.

Очевидно, на полях имелись довольно удобные домики; Апулей и Пудентилла даже уехали в такой после свадьбы, которую, по понятным причинам, хотели отпраздновать в домашней обстановке, что оратор объясняет желанием сэкономить. Некоторые богатые семьи посто-

янно проживали не в городской резиденции, а в викусе, каковой они позаботились украсить и относительно роскошно обставить: так поступили Юлии Викторы в викусе Марациатанус. Но одиноко стоящий в сельской местности замок еще не существовал, за исключением сахарских регионов, где мы встречаем Туррис Тамаллени, Туррис Манилиорум и другие места, в названии которых присутствует слово *turris* — башня, явно возникшие вокруг замков знатных карфагенян, которые, если занимались сельским хозяйством, обычно проживали на своих землях в укрепленных домах, аналогичных современным борхам: как известно, арабское слово «борх» (*borj*) происходит от греческого *πύργος* или латинского *burgus*; Магон даже советовал «джентльменам-фермерам», для которых он писал, продать городской дом, чтобы не подвергаться искушению слишком долго проживать в нем. У Ганнибала была башня в Бизацене, между Тапсом и Ахоллой. В IV в. мы увидим, как эти замки появляются снова; их облик сохранили для нас мозаики доминуса Юлия, Табарки и многие другие; их стали строить даже в городах. Но большинство помещиков того времени будет жить в своих загородных домах, оборудованных со всем возможным комфортом. Африканская аристократия ранней империи в этом смысле отличается и от своих предшественников, и от своих наследников.

Один факт как будто противоречит нашему выводу: в сельской местности в Африке часто встречаются одиноко стоящие мавзолеи, восходящие, предположительно, ко II и III вв., размеры и декор которых показывают их принадлежность богатым фамилиям. Может быть, они жили по соседству? Прежде всего следует отметить, что погребальные башни часто лучше сохраняются, нежели другие объекты, и могут являться просто единственно сохранившимися остатками относительно крупного поселения; во-вторых, в Африке распространился римский обычай хоронить умерших у дорог, и эти сельские мавзолеи зачастую являются следами исчезнувших путей сообщения. Тем не менее не вызывает сомнения, что владельцы строили фамильные мавзолеи на своей земле, где они не жили, а не

в предместьях своего города; к этому их одновременно побуждали религиозные и социальные мотивы. Ливийцы были традиционно привержены культу мертвых; так что было легко убедить свободных крестьян или рабов поместья поклоняться духам предков своего господина, и этот культ укреплял их лояльность. Этим объясняются значительные размеры некоторых из этих сельских мавзолеев, которые, в частности, в районе Мактара нередко приобретали вид небольших храмов, чем форму башен. И в конечном счете находят их в куда меньшем количестве, чем в ближайших пригородах.

Итак, большинство богачей жили в городе; можно добавить, что они составляли наибольшую часть его населения. Действительно, можно удивиться, когда изучаешь полностью раскопанные города, такие как Дугга, Тубурбо Майус, Джемила, Тимгад или Волюбилис, и видишь, что они чуть ли не полностью, во всяком случае их центральная часть, состояли из общественных зданий или относительно шикарных домов. Многоэтажные инсулы существовали разве что в портовых городах, где было много моряков и ремесленников. Правда, пригородные кварталы небольших и средних городов редко становились объектами раскопок; когда же они все-таки проводились, как в Тимгаде, открывались промышленные объекты и бедные жилища. Впрочем, основная часть городского пролетариата проживала, очевидно, в предместьях, в легких постройках, от которых не сохранилось никаких следов. Но эта часть населения в любом случае оставалась относительно немногочисленной; действительно, начиная с IV в. возникло обратное движение: богатые устремились в деревню, а город стал привлекать в большом количестве сельских жителей скромного достатка, не находивших больше в родных краях безопасности. Размещение этих вновь прибывших стало серьезной проблемой, получавшей случайные и часто не слишком изящные решения: их без колебаний селили в заброшенных общественных зданиях; надстраивали, не задумываясь о безопасности, существующие постройки, по многу набивали в тесные жилища, не заботясь о гигиене и комфорте; часто на улицах

наспех строили легкие домишки. В подобных мерах не было бы необходимости, если бы во времена процветания города имели в достаточном количестве недорогое народное жилье.

Планы и памятники

Таким образом, африканский город ранней империи предстает как весьма необычный тип агломерации. Его экономическая функция остается вторичной, за исключением торговли, которая, впрочем, не выходит за рамки местного рынка. Он не отвечает нуждам плотного населения. Кроме того, он, во всяком случае в проконсульской провинции и на большей части Нумидии, не играет военной роли, только как место расположения гарнизона и убежище для окрестных жителей. Его можно рассматривать главным образом как политический центр и место развлечений, которые может себе позволить привилегированное меньшинство, наслаждающееся всем возможным комфортом; также это место, при случае привлекающее предоставляемыми им удобствами и увеселениями более широкие массы, проживающие в окрестностях.

Данное определение не подходит к нескольким портам, самым значительным из которых был, разумеется, Карфаген. Здесь велась активная коммерческая и промышленная деятельность, что, естественно, повлияло на демографию и жилищное строительство: эмпории в гораздо большей степени принадлежали крупным прибрежным средиземноморским городам, вроде Александрии и Остии, чем городам во внутренних районах страны. В целом роскошный облик этих последних объясняет их урбанизм. Архитектор, выбиравший место для них и рисовавший план, не должен был беспокоиться о смене или экономить место, чтобы при минимальных расходах разместить многочисленное население. Напротив, он должен был принимать во внимание приятность места, комфорт и вкладывать большие старания во внешний вид своих построек. Это были особенно благоприятные условия для архитектора классиче-

ской подготовки, ставившие на первое место в его заботах эстетику.

Мы, к сожалению, не знаем имени ни одного архитектора, рисовавшего африканские города. Некоторые представители этой профессии известны по надписям на надгробиях, но невозможно установить, идет ли речь об урбанистах или о простых подрядчиках. Надписи дают нам много информации о деталях зданий, их декоре и стоимости, но не упоминают о тех, кто их возводил: вся слава доставалась тому, кто оплачивал строительство. Тем не менее, очевидно, что планы составлялись настоящими мастерами своего дела, получившими хорошую профессиональную подготовку и явно занимавшими весьма значительное положение в обществе. Большое единообразие, отмечаемое в концепции зданий, доказывает, что планы строительства нескольких городов разрабатывались одним и тем же архитектором, который определенно пользовался широкой известностью.

По крайней мере в некоторых случаях эти специалисты не были уроженцами провинции. Уорд-Перкинс¹, изучая устройство Лептиса Магны, показал, что великолепная программа, осуществленная в этом городе стараниями Септимия Севера и Каракаллы, была задумана выходцами с Востока, вероятно уроженцами Малой Азии или Сирии. Так, главная улица с портиками, соединяющая форум с портом, имеет аналоги в Пальмире, Апамее, Дамаске, Джераше и Иерусалиме, тогда как вне Сирии встречается редко; многочисленные детали декора тоже, похоже, пришли из восточных провинций. Далее мы попытаемся показать, что оригинальная архитектурная школа, использующая эти элементы, работала как минимум с середины II в. Но возможно, что она черпала вдохновение в бывших эллинистических странах и часто получала уроки от вышедших из них мастеров: выходцы с Востока, такие как Аполлодор Дамаский, построивший форум Траяна, пользовались авторитетом по всей империи.

¹ Уорд - Перкинс Джон Брайан (1912—1981) — британский археолог и историк античной архитектуры, проводил важные раскопки в Триполитании (Ливия).

Первой проблемой, которую следовало решить, было местоположение. В этом смысле африканские города естественным образом делятся на три категории: самые древние финикийские обычно занимают на берегу изолированное положение, позволяющее легко обороняться от нападений местных жителей: островки вроде Утики, Ико-сиума, предка Алжира, Могадора; полуостров, который легко перегородить, вроде Карфагена или Руспины, нынешнего Монастира; более современные пунические города, которым приходилось меньше бояться местного населения, с удовольствием использовали устья рек, прибрежные расщелины: так были основаны Лептис, Сабрата, Гиппон. Города, заложенные нумидийскими царями, выросли вокруг крепостей, призванных сдерживать кочевников и охранять сокровищницы монархов: они высились на вершинах гор, надежно защищенные их крутыми склонами. В качестве исключения Саллюстий указывал Заму, «укрепленную людьми более, нежели природой»; самыми характерными в этом плане крепостями являются Цирта, изолированная на своем пике ущельями Руммеля; Сикка Венерия, возведенная на вершине скалы, чье арабское имя (кеф) в конце концов вытеснило традиционное наименование. Когда поселение земледельцев развивалось под защитой замка, оно размещало свои дома и сады на склонах, чтобы пользоваться бившими там источниками воды: так было в Дугге и в любопытной деревне на скале Кусире (Кессере), жители которой, занимавшиеся возделыванием оливок, охраняемые византийской башней, очевидно сменившей нумидийскую крепость, смогли на протяжении веков сохранять свой образ жизни среди пустыни, созданной кочевниками. В Мактаре, напротив, забота о безопасности превалировала над стремлением к комфорту: античная агломерация раскинувшаяся на плато, лишь через колодцы получала доступ к большим запасам воды, имевшимся у ее подножия. Римляне с большим или меньшим успехом использовали эти древние городища, несмотря на неудобства их положения, которое больше не оправдывалось заботой о безопасности; мы не видим, чтобы здесь они принуждали жителей бросать их орлиные гнезда и

переселяться на равнину, как это было в Галлии и Испании. К этому их, очевидно, побуждали соображения комфорта и гигиены, поскольку в горных районах воздух был здоровее, чем на равнинах. Но когда речь заходила о постройке новых городов, для них выбрали место по тем же характеристикам, что для военного лагеря, тем более что многие колонии для ветеранов основывались там, где прежде были лагеря: местность с легким уклоном, над ней господствует высота, которую можно использовать как наблюдательный пункт, достаточно близко река или источник, чтобы не испытывать недостатка в воде, при этом место достаточно ровное, чтобы архитектор мог размещать на нем свои постройки, не будучи стеснен слишком сильными перепадами.

В таких удобных случаях строитель действовал на пустом месте. Самый характерный пример одного из таких городов, построенных по заранее разработанному плану, дает нам Тимгад. В 100 г. н. э. Траян приказал легату легиона Третьего «Августа», М. Мунатию Галлу, поселить к северу от Ореса несколько сот ветеранов и их семей. Город был построен на волнистой равнине, несколько наклоненной с юга на север, между двумя сетями вад, ограничивавшими его с востока и запада. План сохранил геометрическую регулярность военного лагеря, который, очевидно, находился на этом месте ранее: квадрат со сторонами в 355 м (1200 футов) был разделен по медиатрисам на четыре части двумя широкими перпендикулярными улицами, Кардо Максимус с севера на юг и Декуманус Максимус с востока на запад. Каждая из образованных таким образом «центурий» была, в свою очередь, разделена другими, также перпендикулярными, улицами, на тридцать шесть инсул, квадратных островков со сторонами по 20 м; однако на западе, вместо шести рядов инсул, получилось всего пять. В южной половине прямоугольный участок, мимо которого проходила Декуманус, был отведен под форум. Далее к югу было выделено место под театр. Эти монументальные ансамбли отбрасывают на запад вторую половину Кардо Максимус, которая вытягивается стрелой. Несмотря на эти небольшие нарушения, город все равно

являет совершенный пример геометрической регулярности, не лишенной монотонности, которая радовала глаз любящих порядок римлян. В этом городе, строго размеченном главными улицами, выложенными синим известняком, точное место каждого жителя четко определялось колониальной хартией и кадастром, а его роль в обществе устанавливалась гражданскими и прочими законами. Свободный от груза прошлого, архитектор, наверняка военный, сумел до малейших деталей воплотить здесь идеал, придуманный в V в. до н. э. ионийской школой Гипподама Милетского и продолженный в Риме, еще сохранявшем строгую легионерскую дисциплину. Ту же геометрическую регулярность мы находим в колониях эпохи Флавиев, выстроившихся в конце I в. южнее тунисского хребта, как барьер на пути вторжений гетулов: Суфетула, Циллиум, Аммедара, Телепт.

На тех же принципах уже устроена в начале царствования Августа крупная колония Карфаген. Ш. Сомань нашел на земле следы разметки, очерчивающей квадрат в 1776 м по одной стороне, а центр его, или грома, случайно оказался на том же месте, где кардиналом Лавижери¹ был построен собор. Две главные боковые, а также второстепенные улицы здесь имеют ширину 6 м, вдоль них стоят 440 прямоугольных инсул; строители смогли без помех использовать участок, остававшийся незастроенным вследствие проклятья, наложенного в 146 г. до н. э. на землю древнего города Дидоны. Только северо-западный угол оказался частично занят постройками, не вписывавшимися в кадастр, установленный Г. Гракхом. Вместо того чтобы снести их, к ним добавили несколько инсул в северо-восточной центурии вдоль моря. Так столица Африки приобрела, без своих предместий, облик, почти равный пуническому городу, и смогла разместить примерно сотню тысяч жителей.

Дабы не нарушать регулярность своего плана и прямо-ту улиц, римские урбанисты при случае не стеснялись со-

¹ Л а в и ж е р и Шарль (1825—1892) — французский кардинал, первый архиепископ Карфагена (1884—1892).

вершать насилие над природой; крутые холмы Карфагена были безжалостно обтесаны или срыты, чтобы создать ступенчатые террасы, связанные монументальными лестницами. Капитолийский холм, ныне увенчанный собором в честь Людовика Святого, стал прямоугольным плато, окруженным мощными поддерживающими стенами, абсиды которых, поставленные одна на другую, сдерживали напор почвы. Храмы, окруженные грандиозными портиками, венчали холмы, возвышаясь над массой домов: мореплаватель, шедший вдоль карфагенского побережья, стремясь в порт, видел позолоченные крыши Капитолия, поднимающиеся над колоннами большого портика, стоящего на южном склоне холма. Далее к северу храм Эскулапа, преемника Эшмуна, высился над садами театра, занявшего место пунической лестницы, где последние защитники нового Тира дали свой последний бой; абиды подпорок, украшенные мраморными накладками и статуями, приобретали облик часовен.

В целях украшения использовали разрывы в ряду зданий, возникшие по вине рельефа: так, в Лептисе построенные Адрианом термы стоят на другой линии, чем комплекс, возведенный при Северах; чтобы скрыть перекосящую улицу с портиками подвели к другой, боковой, и на образованном ими углу поставили богато декорированную монументальную экседру.

Архитекторы широко использовали второстепенные монументы, чисто восточного происхождения, чтобы нарушить монотонность линий: арки, колонны, фонтаны. Арок в Африке много; они обычно отмечают въезд в город с главной дороги и, в случае расширения городской территории, их ряд, как в Лептисе, показывает последовательные этапы этого процесса. Другие открывают путь в общественные места, в первую очередь на форум. Этот тип монументальных ворот, присущий римской архитектуре, имел религиозное назначение: он был местом обитания бога, защищающего проход от приходящих снаружи злых сил. Многие арки имеют внешне совершенно мирный вид, даже если посвящены Марсу: на той, что на форуме Тигиббы, имеется надпись, грозящая гневом бога

дерзкому, кто забудется и справит на нее нужду! В весьма редких случаях мы имеем дело с настоящими триумфальными арками, декор которых отражает императорскую победу. Самая богатая из них — тетрапилон Септимия Севера в Лептисе Магне. Другая четырехугольная арка, скульптуры которой славят победы Марка Аврелия и Луция Вера, — единственный сохранившийся памятник древней Эа (Триполи). В музее Суса хранится большой рельеф, изображающий императора на колеснице, часть украшения аналогичного памятника. Наконец, арка в Волюбилисе примечательна своими барельефами, показывающими использование популярной техники официальной пропагандой. Арки в проконсульской провинции и Нумидии обычно намного проще: их декор заключался исключительно в статуях, венчающих аттик, которые сегодня исчезли. В Циллиуме (Кассерине) они изображали «инсигнии» — своего рода герб колонии. Многочисленные надписи упоминают посвящения одиночных колонн, которые должны были стоять на украшенном постаменте и нести изображение какого-нибудь бога или маленький символический памятник; та, что в Мактаре посвящена Либер Патеру, несет вылепленное изображение бога. Что касается фонтанов, в них приятное соединялось с полезным; часто изображающая бога статуя выплевывала воду, падавшую в бассейн; в Сбейтле это был скачущий на пантере Бахус; в музеях Суса и Тимгада имеются настоящие «писающие мальчики». Наконец, самые богатые города, вроде Лептиса, приказывали строить монументальные фонтаны, именуемые нимфеями, которые были настоящими водными театрами: вода в большой бассейн, украшенный колоннами и статуями, вырывалась из многочисленных отверстий, поочередно квадратных и круглых, декорированных мозаиками и дорогим мрамором.

Строгая геометрия планов, которая сегодня предстает перед нами в ободранном, ограбленном виде, маскировалась оригинальностью исполнения и богатым декором. Улицы, площади, в наши дни голые, были населены толпой статуй, белизна камней исчезала под пестротой разноцветного мрамора, раскрашенной штукатурки, мозаик,

позолоты. Истоки этого барочного изобилия наверняка на Востоке; но необязательно предполагать, что оно пришло оттуда в Африку путем прямого заимствования, в качестве реакции против упорядоченности и строгости греко-италийского искусства. Сулла, на которого повлияли азиатские города, отнятые у Митридата, первым подал пример крупных архитектурных композиций, использующих даже неровности почвы, выстраивающих этажами на крутых склонах Пренеста портики и храмы святилища Фортуны; так в Италии, в последний век существования республики, родился эклектичный стиль, чье развитие не смогла задушить классическая реакция времен Августа и Адриана. Африканцы, любители театральной пышности, чувствовали большую симпатию к этой тяжелой и патетической эстетике, чьи фальшивость и красноречие ее несколько не шокировали, чем к рассудочной холодной классике. Если они все-таки сохраняли под яркой барочной оболочкой прочные витрувианские основы, то больше из практических соображений, нежели из умственной склонности к абстрактному порядку.

Завершив планировку города, урбанист без особых усилий вписывал в нее основные здания. Ему достаточно было применить наставления классических трактатов, например Витрувия. Форум по возможности должен был занимать центр города, на пересечении Кардо и Декуманус: так сделано в Тимгаде. В Карфагене необходимость найти ровную площадку достаточного размера вынудила поместить площадь дальше к востоку, очевидно, на том самом месте, где сейчас высится дворец бея. Вокруг этого политического центра отводилось место для главных общественных зданий: курии муниципального сената, базилики, где дуумвиры вершили правосудие. Еще любили объединять в одном районе рынок и театр, где народ мог собраться, когда хотел посидеть с удобствами. Но, чтобы сэкономить на работе, последний обычно старались вырубить в склоне холма; если подходящего не находилось, а арена не предполагалась слишком большой, делали трибуны с опорой на ряд ступенчатых сводов концентрической формы: так было в Симитту (Шемту), Альтибурсе

(Мадейне) и в Карфагене с Одеоном¹, построенном в 207 г. для Пифийских игр. Наконец, церемонии официальных культов были неотделимы от политической жизни; для них нужны были храмы, главный из которых посвящался Капитолийской Триаде. Чтобы добиться максимального сходства с римским Капитолием, святилище должно было стоять на самом высоком месте, при этом как можно ближе к форуму; эта маленькая проблема могла иметь различные решения: в Карфагене решили разделить капитолийский форум, который намеревались возвести на самой высокой вершине древней Бирсы; в Тимгаде, из-за отсутствия подходящего холма и, возможно, чтобы высвободить место в центре города, храм построили в западном предместье. Впрочем, в Тубурбо Майусе и Куикуле, например, его возвели на ровной площадке, но приподняв благодаря искусственной насыпи; оборудованные в ней подвалы оказались достаточно вместительными, чтобы стать хранилищем для городских казны и архивов. Когда Капитолий не располагался на форуме, ее место занимало более скромное святилище, посвященное какому-нибудь местному культу, например царствующей фамилии. Так было в Тимгаде. Другие храмы, посвященные богам-покровителям города, располагались по соседству.

Большие термы, предназначавшиеся не только для отдыха и удовольствий, но также, как мы увидим, служившие центрами политической деятельности, по возможности тоже размещали в центральном квартале. Иногда их окружали площадью с портиками, которая могла дополнять форум.

Другие здания, напротив, считалось нормальным вынести в предместье: во-первых, амфитеатр — жестокие зрелища, проводившиеся на нем под эгидой грозных богов, могли нарушить покой гражданского центра; в Карфагене амфитеатр оказался рядом с Западными воротами. Для цирка, требовавшего много места, искали вытянутый

¹ О д е о н — помещение для риторических диспутов, выступлений декламаторов и поэтов, где устраивались литературные состязания.

холм. Наконец, когда во второй половине II в. начали строить официальные храмы африканским богам, то сохранили пуническую традицию, отведившую им возвышенности; или же им посвящали возле городских ворот место, где поселились первые поселенцы; там, за оградой, посвященные могли беспрепятственно проводить свои мистерии.

Но большинство африканских городов не могло себе позволить роскошь полной перестройки. Те, что возникли в пуническую или нумидийскую эпоху, сохраняли свои старые кварталы с кривыми улицами, дома на которых, лишенные комфорта и дурно построенные, заслуживали, чтобы их разломала кирка рабочего, но там же имелись и почитаемые памятники, и полезные постройки. Некоторые муниципии, как Лептис и Сабрата, все-таки сумели, правда не без махинаций, как-то наладить жизнь в своих старых районах, в то время как новые их кварталы выросли рядом абсолютно ровными квадратами, словно на шахматной доске. В Мактаре ограничились небольшими переделками; центр города в I в. н. э. занимала общественная площадь нумидийской эпохи, по западной стороне которой проходила с севера на юг улица, которая далее поворачивала почти под прямым углом на запад. В 116 г. в сотне метров к востоку обустроили регулярный форум, предназначенный, скорее всего, для собраний жителей города, получивших римское гражданство; новая улица продолжила на севере старую площадь, протянувшись с востока на запад; позже она была продлена на север, образовав со старой перекресток. Соединившись, две улицы заменили Кардо и Декуманус. В Тубурбо Майусе две главные улицы шли почти параллельно форуму, построенному при Марке Аврелии, но вились зигзагами, там расширяясь, здесь сужаясь, и не смогли дотянуться до самой площади, закончившись на ее углах неровными тупиками. Даже колония, построенная по всем правилам, но на неровной почве, Куикул, очень отдаленно напоминает безупречную упорядоченность Тимгада. Город вытянулся треугольной шпорой, которая сужается и опускается к северу. С обеих сторон по узким рвам текут вadi. Несмо-

тря ни на что, строители города пытались сохранить центру регулярность и упорядоченность военных колоний, но им это не удалось. Очарование Джемилы создают в первую очередь отклонения от классической прямолинейности, навязанные рельефом местности. Главная улица пересекает город из конца в конец, но не является осью центральной его части. Необходимо потрудиться, чтобы найти в древнейшей части города разметку по квадратам, какая имеется, например, в Тимгаде. Но улица со своей регулярной плиткой, покрывающей в центре канализационную сеть, осталась очень живой.

Это нарушение регулярности, этот причудливый шарм выглядел еще лучше в старом нумидийском городе, таком как Дугга. Построенный на очень крутом склоне горы, он господствовал над долиной вади Халлед, вдоль которого шла главная магистраль проконсульской провинции, дорога из Карфагена в Тевест через Сикку. Со времени установления империи римские граждане, обосновавшиеся в городе, искали место для собраний ассамблеи, управлявшей их общиной. Они выбрали холм, пересекаемый ручьем, спускающимся с запада на восток по плоскогорью, отделяющему нумидийскую крепость от деревни; данное место, без сомнений, уже и раньше служило центром общественной жизни города: на нем стоял храм, посвященный Масиниссе. Разровняв верхнюю часть холма, на нем устроили небольшом форум, а вокруг него святилища императорского культа, которые заменили те, что были посвящены туземным царям. Но только во II в. архитекторы на службе первых фамилий города осуществили там крупный архитектурный ансамбль. В первые годы царствования Марка Аврелия они построили Капитолий, на фронте которого был изображен апофеоз Антонина, уносимого орлом на небо; в нарушение обычая, храм, перпендикулярный оси форума, был повернут к нему одним из своих боков, а не фасадом; а тот был обращен к равнине, открывая путнику, спешащему в город по большой дороге, великолепный вид на долину Мусти с ее утопающими в цветах вилами и полями, чье плодородие обогащало местную буржуазию. Итак, здесь мы имеем замечательный

пример плана, составленного более с учетом эстетики и заботы о живописном пейзаже, чем с мыслями о практической выгоде. Однако фасад храма не мог оставаться без парного строения: поэтому напротив поставили экседру, где гости могли присесть, чтобы полюбоваться видом храма; маленькой площади между ними, слишком узкой, чтобы служить папертью святилищу, была отведена роль обычного прохода между форумом и торговым комплексом, составлявшим ей пару на востоке. В царствование Коммода этот последний ансамбль, уже включавший в себя рынок, был дополнен широкой площадью, плиты которой до сих пор несут на себе розу ветров; она уравнивает форум и открывает доступ к святилищу Меркурия. К группе храмов, возведенных в царствование Адриана в восточной части холма и объединявших сущности, связанные с императорским культом: Священную Пиетас¹, Согласие, Равенство, Фортуну, с романизированными древними пуническими и африканскими божествами: Нептуном, Венерой, Фругифером — который может быть Сатурном или Плутонем, и, главное, Либер Патера. Периболь, посвященная этому богу, нависала над склоном, господствуя над театром, очевидно посвященным ему и служившим для отправления мистерий. Таким образом, город оказался увенчан непрерывным рядом религиозных и политических памятников, выражавших союз традиционных сил страны с привнесенными италийцами под верховным покровительством Юпитера Добрейшего и Величайшего, гаранта и символа имперского порядка. Под ним позволили сохраниться переплетению улочек, срезав под прямым углом склон горы; здесь ничего нет от строгой дисциплины Тимгада, ни даже от относительной прямоугольности Мактара и Куикула. Хотелось бы знать, урбанисты, придававшие между 160 и 180 гг. городу характер цельного ансамбля, решились на такое решение как на крайний случай, от неимения средств, позволяющих боль-

¹ П и е т а с — добродетель, составлявшая одну из основ морали Древнего Рима; включала несколько аспектов: благочестие, уважение и привязанность к богам, стране, родителям и предкам.

шие переделки, вроде тех, что были осуществлены в Карфагене, или же, напротив, понимая, что дают жизнь оригинальной концепции, основанной на использовании волнистой линии, доминировавшей в ту же эпоху в барочном декоре. В любом случае, нельзя отрицать, что они поняли красоту места и попытались сделать так, чтобы жители насладились ею в полной мере; между памятниками, не входящими в главную монументальную группу, тоже открываются многочисленные просветы, в которые видна долина; во-первых, это театр, построенный еще при Марке Аврелии, в стороне от долины форума и иначе ориентированный; сегодня сидящий в кавее зритель видит полную панораму, и эта природная декорация является не последним фактором успеха устраивавшегося там ежегодно вплоть до недавних времен фестиваля Золотых городов; в Античности мешала стена сцены, но открытие дверей в ней открывало и пейзаж через колоннаду портика, откуда гуляющие могли ею любоваться в антрактах. Дальше к югу и чуть ниже фригидарий больших терм был отделен от театра Диониса залом меньшего размера, возможно палестрой, открытой широким окном в сторону прилегающей к городу сельской местности. Над долиной господствовал храм Сатурна с величественным пропилеом. Один лишь храм Целесты, спрятавшийся с краю города на поросшем лесом холме, ревниво закрылся в своей полукруглой ограде, защищая тайны проводившихся вокруг него процессий.

Интересен план построенного на уступах в горах кастеллума Тиддис, зависимого от Циртейской конфедерации. Как в Дугге, римское поселение, оставив укрепленное нумидийцами плато, расположилось на склоне, который здесь еще круче; оно состоит практически из единственной улицы, извивающейся серпантином от возведенной эдилом К. Меммием арки, встречающей гостя внизу, до плоской вершины, на которой собрались главные гидравлические сооружения: водовзводная башня и термы. Скромная площадка, оборудованная в укромном уголке, исполняла роль форума: эта эспланада в 30 на 10 м, еще и заставленная статуями, не могла вмещать многочислен-

ные собрания; три зала, вырубленные в скале, обрамляющие ее по бокам, очевидно, служили местом заседаний магистрата и совета; культы Народного Гения, Святой Фортуны отправлялись в небольших святилищах по соседству. Но, несмотря на римское население, эта горная деревушка сохранила сильное влияние ливийской религии: наиболее посещаемыми священными местами были гроты, устроенные в склоне скалы, где рядом поклонялись богам, пришедшим из Италии, и горным духам.

Итак, упорядоченный дух имперской цивилизации наложил свой глубокий отпечаток даже на небольшие города, не порвавшие со своими пуническими или ливийскими корнями. Следует особо отметить западный характер этого урбанизма Римской Африки. Мы скоро увидим, что античный дом почти без изменений сохранился в старых мекках мусульманского Туниса. Зато, за редкими исключениями, вроде Сфакса, который ставит загадки перед историками исламского искусства, в планах этих городов почти невозможно отыскать даже малейшего напоминания о римской регулярности. Мусульманский город не знает широких прямых улиц, равного расстояния между ними, он образует компактную массу, едва проветриваемую извилистыми темными улочками, часто накрытыми сводами, соединяющими плоские крыши домов; огромное количество таких улочек заканчивается тупиками. В этих городах не найдешь ни площадей, ни общественных зданий; рынки, собрания проходят вне городских стен, у ворот. Некоторые детали кажутся схожими, но это сходство исчезает при детальном рассмотрении: так, мечеть с ее залом для молитв, перед которым располагается широкий двор, на первый взгляд напоминает романо-пунические храмы, вроде храма Сатурна в Дугге; но нет никаких сомнений в том, что образец ее пришел с Востока и ничего не заимствовал из местных традиций, к тому же задолго до его прихода уничтоженных христианством; медресе представляют некоторую аналогию с античными школами, но они появились в Магрибе не ранее XI в., и их восточное происхождение установлено совершенно точно. Только хаммамы, возможно, происходят если не от гигантских

терм римской эпохи, то, по меньшей мере, от более скромных византийских бань. Этот разрыв традиции вполне объясним: римский *urbs* являлся архитектурным выражением *civitas*¹, обслуживая ту концепцию человека и общества, которая будет полностью уничтожена двумя великими революциями IV и VI вв. Этим объясняются аналогии — конечно, условные, — сближающие наши города с римскими более, чем средневековые мусульманские с христианскими. Собранный вокруг собора или мечети, средневековый город всегда был подчинен некоему религиозному идеалу. Римский город, как и наш, предназначен в первую очередь для человека, который стремится построить свое счастье собственными руками, почти не прибегая к помощи сверхъестественного.

Однако, хотя архитекторы африканских городов вдохновлялись главным образом римскими идеалом и техникой, подчиненные им рабочие оставались верны местной традиции, чье пуническое происхождение неоспоримо. Это выражается в первую очередь в выборе основных материалов. Как мы видели, карьеры были открыты и запущены в эксплуатацию карфагенянами. Трудившиеся в них рабочие продолжали рубить блоки по финикийской системе мер, основанной на локте, равном в 0,296 м; нередко обнаруживается, например, в термах, что крупные детали вытесаны в локтевой шкале мер, а мелкие — в футовой. Этот разнобой даже ввел в заблуждение некоторых археологов, заставив поверить в повторное использование римлянами пунических зданий. Каменщики, даже при возведении таких важных зданий, как Капитолий в Дугге, использовали специфическую африканскую технологию, уже применявшуюся пунийцами: она заключается в укладке бутовых камней, «армируемых» через равные интервалы вертикальными блоками, называемыми когтями. Даже в районах, бедных камнем, в Ахолле например, находят роскошно декорированные дома, чьи стены также постро-

¹ *U r b s* — латинский термин, обозначающий город, окруженный стеной, укрепленный город; *c i v i t a s* — совокупность граждан, а также государство.

ены по пунической традиции. Самые бедные жилища должны были быть возведены из необожженных кирпичей, до сих пор широко применяемых арабами, которые называют их «туб». Разумеется, такие постройки находятся в полной власти первого же более-менее сильного дождя; их многочисленные развалины находят в сахарских областях. Примечательно, что данные восточные традиции, принесенные тирскими переселенцами, настолько успешно вросли в местные нравы, что и сегодня почти все используются, в то время как чисто римские строительные технологии полностью исчезли.

Комфорт

Именно своей заботой о комфорте римская архитектура наиболее близка современной, хотя, разумеется, наши представления о нем весьма чувствительно отличаются от представлений древних. Римское восприятие представляется даже более современным и более общественным, если так можно выразиться, чем наше, поскольку занималось комфортом общества, а не отдельных личностей. В Африке прежде всего приходится бороться с жарой и зноем. Но типичная планировка римских городов плохо отвечала этим требованиям: прямые, довольно широкие улицы были открыты солнцу и обжигающему ветру; они были бы невыносимы без укрытия, защищающего также и от дождей, сила которых сравнима с их редкостью. Для исправления этого неудобства вдоль улицы порой, как в Лептисе и Куикуле, ставили портики. Но, главным образом, прогуливающемуся или идущему по делам человеку давали убежище в тени своих колоннад общественные здания, дворы храмов, пристройки театров. Когда жара усиливалась, в дни сирокко например, убежище искали в настоящих подземельях, где было совершенно темно. Весь нижний этаж терм Антонина в Карфагене состоит из лишенных окон и не имеющих банного оборудования залов, которые тем не менее не могли быть простыми складами, поскольку стены их покрыты мраморными плитками: они

представляли собой идеальное укрытие для сиесты тем, кто не спешил после бани домой. Но самую приятную прохладу давала тень деревьев. Римляне если не изобрели, то как минимум сильно развили садовое искусство, и Рим, особенно в период империи, обладал роскошными парками. Столица Африки не могла не попытаться подражать ему: если верить описывающему ее анонимному автору IV в., вдоль прямых улиц росли деревья; очевидно, речь шла только о Кардо и Декуманус Максимус, чья ширина — 12 м — была достаточной, чтобы корни могли развиваться, не вредя соседним постройкам. В общем, эти деревья, создавая тень, играли роль портиков, выполняющих данную функцию на больших улицах других городов. Но в Карфагене имелись также общественные сады. Мы нашли один из них, принадлежавший термам Антонина: прямоугольная эспланада, окружавшая здание бани, никогда не была выложена ни плитами, ни мозаикой. Поскольку невозможно себе представить, чтобы строители этого великолепного здания поставили его посреди пыльной площади, пребывание на которой солнце и ветра делали невыносимым, надо полагать, они высадили на ней один из тех садов, что служили дополнением к банным комплексам. Это был тот правильный сад строгой геометрической формы, который в эпоху Ренессанса находят у итальянских и французских рисовальщиков, он превосходно сочетался с окружающей его архитектурой: за широким прямоугольным портиком анфилада комнат, то квадратных, то закругленных, богато декорированных брызжущими фонтанами и статуями, образующими своего рода водный театр, или нимфей, любимую тему архитекторов империи.

Маленькие провинциальные городки, естественно, не могли себе позволить роскошь создания парков, которые в африканском климате требовали постоянных забот и немалых расходов. Тем не менее сад был обнаружен в Тибессе перед большой христианской базиликой: четыре прямые аллеи сходились в виде креста, вдоль них стояли столбы, поддерживавшие каменный забор, окружавший широкие грядки, на которых уже в наше время были вновь

высажены кипарисы и розы. Сад укрывал вход в катакомбы. Возможно, христиане посадили его по образцу сепотафий, которыми язычники часто устраивали на своих могилах для создания тени. Римский всадник К. Юлий Сильван из Табудеоса, прозванный за свое красноречие Цицероном, посадил сад на кладбище Тимгада, чтобы потомки сохранили память о его благодеяниях. Один житель Цирты в милых стихах описал сад на кладбище, приготовленный им себе: «Часто на мою могилу прилетает из Аттики пчела и, насытившись тимьяном, откладывает мед. Сколько птиц сладко поют для меня в этих зеленых туннелях! Здесь, у нашей могилы, зеленеет делосский лавр, и золотистые грозди винограда свисают с лозы».

У богов тоже были свои священные леса, зачастую оказывавшиеся простыми рощами. Мозаики часто изображают их: фруктовые деревья среди часовен и статуй; хотя сюжеты этих пейзажей заимствованы в основном из Египта, позволительно предположить, что в африканских городах было нечто очень похожее: места, где набожные люди могли исполнять свой долг, наслаждаясь в тени прохладой.

В конечном счете вода оставалась главным источником благосостояния. Поэтому не пренебрегали никаким способом добыть ее. Пунические города и первый Карфаген вынуждены были довольствоваться редкими источниками, колодцами и, особенно, резервуарами. Римляне тоже не обделяли вниманием эти скромные, но эффективные из-за своей многочисленности способы. Во всей Африке не было ни единого дома, который не имел бы хотя бы одного резервуара, часто внушительных размеров. Одни были в форме ванны, закругленной по краям; другие — кувшина. Большинство было прямоугольными и накрывались крышкой в форме колыбели. Общее количество воды, хранившееся только в цистернах Карфагена, предположительно оценивается в 2 520 000 м³. Проливных дождей, обрушивающихся в некоторые периоды года, — на большей части Туниса насчитывается от 65 до 100 дождливых дней, и часто, например в сентябре, отмечаются настоящие ливни с грозой, приносящие более 30 мм осадков за час, — было

достаточно для заполнения большей части резервуаров, благодаря наклонным крышам и водостокам, поставленным всюду для сбора воды. Но существовали еще подземные хранилища воды, монументальные сооружения, оборудованные трубами, по которым в них вливались целые реки. Самые впечатляющие из тех, что сохранились, находятся, пожалуй, в Ругге, древнем Барарусе, к северо-востоку от Тисдруса. Там имеется огромное подземелье, своды которого, поддерживаемые массивными опорами, величественны, как в соборе. Здесь сохранялась вода, которая сегодня, без пользы для кого бы то ни было, теряется в песках Эль-Джема и своей остающейся на поверхности солью делает бесплодными многие тысячи гектаров.

Но гигантские термы и фонтаны требовали регулярной подачи воды под давлением, которую могли доставить только очень крупные каптажи и водоотводные системы. В этой области решающий вклад сделала римская техника, несмотря на свои весьма ограниченные возможности в деле обеспечения подъема воды. Специалисты настойчиво искали дальние горные источники, пренебрегая теми, что били из земли совсем рядом, но слишком низко. Типичный пример показывает нам Мактар: город, как мы уже знаем, был построен на плато, имеющем значительные водные ресурсы, щедро выливающиеся из его боков. Нумидийцы использовали эту воду при помощи колодцев; римляне, не отказываясь от нее, построили девятикилометровый акведук, чтобы брать воду из Хаммады, недалеко от Тигиббы. Современная деревня, наоборот, построена на склоне, недалеко от источников. Такое решение при случае использовалось и в Античности небольшими городами, не располагавшими средствами для постройки акведука. Но, разбогатев, города «на склонах» часто позволяли себе сделать водопровод: так, Тугга, заключив в трубу источник, бывший из земли на плато, господствующем над ней, и собрав воду в резервуарах, расположенных между храмом Сатурна и Цирком, построила акведук из Айн-эль-Хаммам и крупные хранилища для воды со сводчатыми потолками рядом с храмом Целесты.

Когда вода естественным образом выходила на поверхность, для того чтобы использовать ее с удобством и гигиенично, достаточно было оборудовать каменный или цементный бассейн. Но часто приходилось искать источник внутри скалы, пробивать глубокую галерею, устраивая над ней каменный свод. Так было в самом Карфагене с прекрасным фонтаном, называемым «Тысяча амфор». Часто к полезным доработкам добавлялись архитектурные украшения, выражающие религиозные чувства, заслуживающие внимания.

Посреди бесплодных пиков африканских гор появление мощного потока прозрачной воды кажется результатом действия каких-то сверхъестественных сил. Ливийцы селили в источниках добрых духов, дарующих здоровье, плодородность и богатство. Римляне разделяли эти чувства, но идентифицировали силы воды с персонажем из своего пантеона: Нептуном, *Undarium domino Nereidarumque patri*¹, они приносили ему благодарности за благодеяние: чистую свежую воду, бьющую из земли, и за выгоды морской торговли. Наиболее важные источники были оборудованы нимфеями, настоящими храмами воды. Самый величественный, в начале Большого карфагенского акведука, у подножия горы Загуан, высочайшей вершины Северного Туниса, сохранился до наших дней почти не поврежденным; храм бога окружен полукругом колонн, в нишах между которыми стоят статуи нимф. Вода стекает в овальный бассейн, сужающийся в середине. Аналогичные святилища, только меньших размеров, существовали в Булле-Регия, Сикке-Венера, Саре, Мусте, Тубурнике на мысе Бон. Но теперь надо отправиться в Тимгад, чтобы увидеть храм воды, возможно самый красивый архитектурный памятник Африки. В 300 м южнее города возвышается великолепно сохранившийся укрепленный замок, построенный патрицием Соломоном, в тринадцатом году царствования Юстиниана; служба охраны исторических памятников оставила его после нескольких поверхностных осмотров. В 1939 г. археологи заметили, что примерно в

¹ Повелитель русалок, отец Нереид (лат.).

4 м ниже уровня VI в. сохранились очень важные римские конструкции. Проведенные с большой тщательностью раскопки позволили высвободить их почти полностью, сохранив при этом основные византийские надстройки. Толстые стены замка Соломона сегодня обрамляют портик, окружающий огромный бассейн; в глубине три часовни выделяются на полу из розового кирпича своей мраморной плиткой, белой и зеленой, своими белыми и красными мраморными стенами. Посвящение от октября или ноября 213 г. сообщает нам, что бассейн и окружающие его сооружения построены под покровительством Каракаллы, дабы принимать струи Aqua Septimana Felix¹. В действительности все сооружение представляет собой римско-африканское святилище, аналогичное в плане храму Сатурна в Тугге, с той разницей, что здесь двор заменен бассейном. Точно неизвестно, каким богам поклонялись в этих часовнях, есть предположение, что Дее Патриа, то есть персонифицированной Африке, покровительнице города. Во всяком случае, источник рассматривался как настоящая мать города, что совершенно справедливо, ибо именно наличие воды обусловило выбор данного места для постройки здесь города. Через какой-то год после освящения муниципальный совет Тимгада установил статую римского сенатора Флавия Пуденса Помпониана Воконтия, известного грамматика и покровителя города, уроженцем которого он являлся, напоминая тем самым о его тесной связи с Тимгадом, а также снабдив статую в меру замысловатым посвящением, очевидно отвечавшим утонченному вкусу этого писателя: прославив неустанные заботы, которыми он окружил свою родину, напомнив о его военных заслугах и, главное, о его словах, «которые облагородили многие сюжеты литературным красноречием, сочетавшим аттическую строгость с римской роскошью», сословие «жителей фонтана» без колебаний уподобляло своего патрона второму источнику, прозрачного и чистого слова. Аква Феликс проводилась в лечебных целях, что объясняет присутствие статуи Сераписа, египетского бога

¹ Счастливая неделя воды (лат.).

врачевания. Высказывалось предположение, что Септимий Север или кто-то из членов его семьи мог излечиться там во время поездки императора в Африку в 203 г., и великолепное убранство как раз свидетельство августейшего исцеления. Во всяком случае, мысль о том, что вода — первый источник здоровья, присутствует в Африке всюду: некий центурион-поэт из легиона Третьего «Августа» выражает ее в стихотворном посвящении бассейну, подаренном товарищам по оружию, стоявшим гарнизоном на сторожевой заставе в Бу Нджем в Триполитанской Сахаре. На другом таком посту в пустыне, Кастеллум Диммиди (Мессад), священный колодец был спрятан в подвале храма, служившего гарнизону часовней; его воды находились под покровительством Аполлона, Эскулапа и Гигии. Бог-врачеватель и его дочь, впрочем, присутствовали во всех термах, и, наоборот, их святилища, такие, как недавно исследованный круглый храм в Тебессе Халиа, часто имели пристройку, где располагался банный комплекс. В Африке, как и в других местах, римляне тщательно искали и использовали термальные и железистые источники: курорты Наро (Хамман-Лиф) и особенно Карпи (Корбус) возле Карфагена заслужили прозвище африканских Байи¹.

Найденную воду требовалось, порою ценой сложных работ, довести до места потребления, почти всегда отстоявшего от источника на многие мили: в случае Карфагена надо было преодолеть расстояние почти в 80 км. Проблемы решались в соответствии с методиками римских техников, донесенными до нас Витрувием и Фронтином. Основную часть акведука составлял, конечно, крытый канал (спекус), по которому текла вода и размеры которого варьировались от силы используемого источника и потребностей снабжаемого им города: акведук Карфагена был достаточно велик, чтобы в нем мог в полный рост стоять человек. Флобер, перенесший в пунический Карфаген этот памятник, в действительности построенный во II в. н. э., проводит Спендия и Мато по его трубе в самое серд-

¹ Б а й и — древнеримский курорт на берегу одноименного залива, являющегося частью Неаполитанского.

це осажденного города¹. Главное различие между римскими и современными акведуками заключается в том, что из-за отсутствия достаточно мощных насосов необходимо было на всем пути от источника до места потребления создавать легкий наклон. Тем не менее известно, что небольшие ровные участки преодолевались с помощью сифонов. Чтобы сохранять этот искусственный наклон, канал то уходил под землю на участках, где высота почвы была слишком большой, то поднимался на арках в местах провалов. Эти аркады, снабженные пышным декором, самая зрелищная, но при этом и самая хрупкая часть римских акведуков. Те, что позволяли карфагенскому акведуку пересечь долину вади Миллиан, в окрестностях Удны производят впечатление уголка римской провинции. Многократно отреставрированные в ходе истории, они были пригодны к использованию еще век назад. Арабские архитекторы действительно привели акведук в рабочее состояние, и противник Людовика Святого, Хафсид аль-Мустаншир, добавил к нему ответвление, приводившее воду в его сады в пригороде Туниса. Эти высокие арки еще и сейчас видны на дороге из Туниса в Бардо; но они отнюдь не имеют прочности римских свай: их скрытая под парадным декором сердцевина состоит из плохого смешения камней с землей. Сегодня построенный французскими инженерами водопровод приводит в Тунис воду из Загуана; он включает в себя древние подземные участки, но выходит и на поверхность. Попутно отметим наличие крупных, очень уязвимых канализационных систем, чье существование подтверждает наше мнение о полном замирении страны. Если бы, как полагал К. Куртуа, непокорные племена удерживали Загуанский массив, снабжение столицы было бы в их руках. Мы констатируем, что со времен вандалского завоевания акведуки перестали использоваться, не столько вследствие упадка техники, сколько из-за отсутствия безопасности. Вновь пришлось

¹ Имеется в виду роман Г. Флобера «Саламбо», в основе сюжета которого мятеж наемников против правительства Карфагена (ок. 240 г. до н. э.).

возвращаться к проблеме водоснабжения; гигантские термы времен ранней империи были заменены более скромными и экономичными банями, чаще всего бравшими воду из колодцев и резервуаров.

Невозможно перечислить все акведуки Африки. Они были у большинства сколько-нибудь значительных городов, и обнаруженные в сельской местности надписи показывают, что их строили для снабжения водой даже небольших поселков и простых ферм. В Алжире крупнейшим является Шершельский, длиной в 28 км, включавший в себя отлично сохранившийся мост. Прекрасная надпись в Ламбезисе вводит нас в курс трудностей, которые представляло строительство акведука в Бужи между 137 и 152 гг.; прокуратор Мавретании Цезарейской запросил у легата легиона Третьего «Августа» военного инженера для прокладки трассы. Инженерный офицер, на которого возложили эту миссию, Ноний Дат, составил планы, после чего вернулся в Ламбезис. Работы начались в 148 г. Ноний тогда снова поехал в Салды; но заболел и был вынужден возвратиться. Четыре года спустя прокуратор Варий Клеменс срочно вызвал его; направляясь по вызову, инженер, как мы уже рассказывали, попал в руки разбойников, от которых бежал с огромным трудом, ограбленный и раненый. Прокуратора он нашел в сильном смущении: рабочие начали пробивать туннель в скале, стоявшей на намеченном для акведука пути; работали с двух сторон, но, пройдя каждая больше половины пути, две бригады так и не встретились. Ноний без труда вычислил, что обе они сильно уклонились вправо, и наставил их на верный путь. Вскоре после этого акведук был торжественно введен в эксплуатацию, и Ноний, очевидно щедро награжденный за свои труды, смог выгравировать на камне, помимо полной истории строительства, изображения добродетелей, способствовавших его успеху: Терпения, Храбрости, Надежды.

Дошедшая до городских стен вода отдыхала в резервуарах, позволявших ее освежать путем декантации и фильтрации. Иногда, как в Симитту, ее смешивали с собиравшейся в резервуарах дождевой. Эти резервуары, расположенные в верхней части города, иногда искусственно поднятые,

образовывали водовзводную башню, от которой по главным улицам шли водопроводы, снабжавшие в первую очередь термы, затем общественные фонтаны и, наконец, частные дома.

Благодаря системе водоснабжения римские города жили при таком уровне гигиены, которого города европейские достигли в совсем недавнем прошлом. Мы сегодня считаем, что данная тема относится, главным образом, к сфере частной жизни. Древние полагали иначе: они, как мы увидим, не пренебрегали ирригацией частных домовладений, в изоляции снабженных фонтанами, реже банями и уборными. Но только богатые люди могли себе позволить эти дорогостоящие сооружения. Все же прочие жители города находили их аналоги в общественных зданиях, доступ в которые стоил чисто символическую плату — обычно один асс, как сообщают нам многочисленные надписи, — или был вообще бесплатным в определенные дни благодаря щедрости какого-нибудь благотворителя, бравшего расходы на свой счет.

Поэтому термы, объединявшие все эти удобства, являются главным элементом городской архитектуры, и занимаемое ими место соответствует их роли в общественной жизни: мы не можем правильно себе его представить, основываясь на представлении о наших общественных банях и бассейнах, хаммамах мусульманских городов и мыльнях средневековой Европы. Это были центры спортивной деятельности, значительной части интеллектуальной общественной жизни, открытые для представителей обоих полов и любого достатка, а кроме того, политические и религиозные памятники, характерные для «римского образа жизни». Каждый город, каким бы скромным он ни был, имел их несколько, и почти всюду это были самые просторные, наиболее прочно построенные и богато украшенные постройки; их руины сегодня самым точным образом указывают на наличие античной агломерации огромными блоками своих сводов, сделанными из бутового камня, скрепленного цементом, таким крепким, что нередко они остаются на месте, несмотря на разрушение остального здания, вопреки, казалось бы, всем законам равновесия.

Крыша этих огромных залов действительно является шедевром римских архитекторов и позволяет оценить прогресс техники в сравнении с их предшественниками-греками. В середине I в. н. э. Помпеи, курортно-дачный город, довольствовался всего двумя банными заведениями, уже старыми, тесными и темными, где клиентов ждали только большие ванны и бассейны с холодной водой для обливания. После землетрясения 63 г. построили термы на форуме, уже более просторные. Но именно архитекторы эпохи Флавиев, изобретя крестовой свод, образуемый соединением двух перпендикулярных цилиндрических сводов, стали теперь строить большие нефы, вокруг которых отныне группировались, помимо бассейнов с горячей и холодной водой, залы для прогулок, занятий спортом и отдыха, благодаря которым термы могли предлагать жителям городов самые разнообразные и самые приятные виды для проведения досуга, предоставляемого им экономическим развитием и общим процветанием. С начала II в. богатый, но не входящий в число наиболее населенных в Африке, город Ахолла имел две общественные бани, довольно просторные и роскошно декорированные. Термы Траяна, построенные А. Теренцием Феликсом, с их мощением, воспроизводящим сцены победоносной Восточной кампании, состоят из большого зала, по бокам которого расположены просторные бассейны для холодной воды; парилки были полностью перестроены в IV в., занимали очень скромное место, что довольно легко объясняется крайне жарким климатом. Устройство терм Морского Тиаса¹, явно современных Траяновым, аналогично; но здесь речь идет об относительно легких конструкциях, не слишком толстые стены которых не могли выдержать ничего, кроме несущей конструкции. И напротив, термы, построенные в Лептисе в царствование Адриана, с их центральным залом, где восемь коринфских колонн из глазкового мрамора поддерживали тройной крещатый свод, их просторный бассейн под открытым небом, их палестра,

¹ Т и а з — в древнегреческой культуре экстатическая процессия, устраивавшаяся в честь каких-то божеств.

заканчивающаяся двойной экседрой, уже обладают царственным размахом, образец которого являют римские термы Траяна. Формула посвящения пропитана чисто римским величием: «Император Адриан обеспечил вечность воды. К. Сервилий Кандид привел ее за свои средства». Сам Карфаген вскоре обзавелся зданием терм, ничем не уступающих римским; в царствование Антонина Пия пожар опустошил форум и его окрестности, разрушив строения Августовой колонии. Этим случаем воспользовались, чтобы освободить прямоугольное пространство с видом на море, примерно в 300 м в длину на 100 м в ширину; одну часть отвели под уже описывавшийся парк, окруженный портиками. В центре возвышалось массивное здание терм. Оно имело три этажа, первый, как мы видели, полностью занимали темные комнаты для отдыха. Этаж соединял купальни с подсобными помещениями, симметрично расположенными по отношению к продольной линии. Со стороны моря огромные стены заграждения несли бассейн с холодной водой, очевидно открытый, во всяком случае открывавший великолепный вид на залив, так что купающиеся могли наслаждаться радостями пляжа и ванны с пресной водой. Соседние плоские крыши (соларии), скорее всего, позволяли им принимать солнечные ванны. Центральный зал имел пропорции кафедрального собора; его огромные своды покоились на восьми колоссальных колоннах из серого гранита, очевидно доставленных по морю с Корсики или Сардинии; а их капители из белого мрамора были больше человеческого роста. В обоих концах имелись беломраморные двери, поддерживаемые колоннами из красного гранита в палестрах, окруженных портиками из нумидийского мрамора; к западу располагались горячие ванны, сгруппированные в многоугольных залах; по обе стороны гигантской центральной абсиды со срезанными краями, где находился кальдарий (зал с горячей водой), два крыла включали каждое по два многоугольных зала меньших размеров, разделенные прямоугольным бассейном. Все помещения согревались воздухом, который, выходя из печей, проходил между опорами, приподнимавшими пол, и перегородками,

отделенными от каменных стен огромными терракотовыми гвоздями. Таким образом, этот великолепный банный комплекс всеми своими деталями воспроизводил порядок, раз и навсегда установленный для всей Римской империи архитекторами Траяна. Каждый второстепенный город, в свою очередь, стремился подражать Карфагену. Мы не можем перечислить и описать здесь все термы, построенные во II и III вв. Очень часто строили, как, например, в Тубурбо Майусе, Мактаре, Сбейтле, два отдельных здания, одно для лета, другое для зимы. Термы Каракаллы в Мактаре, еще не до конца раскопанные, возможно, сохранились лучше всех: в центральном зале уцелели даже своды, только потолок рухнул и остался висеть в 15 м над мозаикой. В этих провинциальных заведениях привезенный из столицы образец упростился; здание обычно имеет прямоугольную форму, но в центре всегда сводчатый зал, по одну сторону которого холодные бассейны, по другую — калдарий.

Термы посещали не только затем, чтобы помыться, но и для удовлетворения других, более интимных потребностей, для которых, по нашим представлениям, вовсе не нужно такой публичности и такой роскоши. Туалеты, примыкающие к термам Антонина, так просторны, что развалины одного из них поначалу приняли за театр! Сохранились только несущие конструкции, но другие аналогичные заведения, в термах Циклопов в Дугге например, дошли до нас в целости. Речь идет о полукруглой экседре — реже квадратной, — содержащей канал, на котором были установлены сиденья; подлокотники, разделяющие их, часто имеют форму дельфина; постоянный смыв обеспечивался циркулирующей в канале водой, фонтан позволял подмываться. Использованная вода и экскременты стекали в канализационную сеть, туда же уходил избыток дождевой воды при полном заполнении резервуаров.

Не было улицы, под плиткой которой не скрывалась бы труба, диаметр которой был пропорционален ширине улицы. Недавние раскопки на холме Сен-Луи показывают, что подобные удобства были знакомы и пунийцам. Но именно римляне привнесли, и в эту область тоже, свои

более совершенные технологии, заменив покрывавшую каналы тонкую плитку солидными блокирующими сводами. Похоже, что новые города Африки оказались в этом смысле в более привилегированном положении, чем Рим, где сохранение старых нездоровых кварталов и скопление людей в многоэтажных инсулах лишали значительную часть населения возможности использовать проточную воду и пользоваться канализацией. В большинстве городов, во всяком случае, отмечается наличие не только терм и общественных туалетов, но и частных домов с индивидуальным канализационным туннелем, подсоединенным к уличному. Мы еще вернемся к этой маленькой проблеме.

Дома

Римский город строился для человека, проводящего большую часть жизни вне стен своего жилища: это значительно упрощало задачу строителей частных домов. Первая деталь, поражающая в жилых постройках той эпохи — которая сохранилась до сих пор во множестве современных мавретанских домов, — важность водоснабжения и вентиляции; римско-африканский дом совсем не имеет закрытых помещений: все широко открываются, не наружу, а на открытое внутреннее пространство, двор, сад, при случае бассейн. В этом колодце воздуха и света всегда имеется по меньшей мере один бассейн. В первую очередь эти особенности объясняют климатом; но во внутренних районах Берберии бывают сильные холода с заморозками и снегопадами; даже на побережье, где термометр редко опускается ниже нуля, в зимние месяцы страдают от крайне неприятной влажности, и современный европеец с трудом обходится без отопления. Значит, надо обратить внимание на одежду, которая, как известно, была просторной и сделанной из шерсти; вопреки широко распространенному мнению, будто древние ходили почти голыми, римляне у себя дома не раздевались и спали в дневной тунике. Отметим, что сегодня коренные жители Африки, даже

если они отказались от своего традиционного костюма, очень похожего на античный, лучше переносят холод, чем европейцы, и не используют иных средств обогрева, кроме кануна или бразеро, которые применялись и в древности, невзирая на риск отравления угарным газом.

Нам известны тысячи римско-африканских домов, но почти все они похожи друг на друга: их планы различаются только степенью великолепия и размерами или каким-то изменением, вызванным сложностью рельефа почвы или соседства, редко особой утонченностью комфорта или архитектурным изяществом. Достаточно будет привести несколько примеров, чтобы вывести общие законы, управлявшие этим типом здания.

Утика, которая была столицей провинции во времена республики, имеет, как этого и следовало ожидать, самые старые из сохранившихся до нашего времени дома. Город, сегодня утонувший в низкой аллювиальной долине, раньше состоял из выступающего полуострова, от которого отделился остров. Их разделял канал, возможно, древний высохший рукав эстуария Меджерды, использовавшийся финикийцами как кладбище. Римляне построили на разровненных могилах жилой квартал. На берегу полуострова высился дом над прямой улицей, идущей вдоль канавы. Дом этот имел массивный фасад, сейчас тщательно реконструированный; известняковая стена украшена только карнизом, в стене прорублена монументальная дверь. Слева и справа от вестибюля, куда она вела, находились служебные помещения, очевидно, с одной стороны конюшни, каретный сарай — с другой. Вестибюль, почти квадратной формы, выходит в коридор, который окружает, не соединяясь с ней, изолированную прямоугольную комнату; подъем пола разделяет ее на две части: дальняя часть приподнята, она выложена мраморными плитками, подогнанными друг другу так, чтобы образовалось то, что называется *opus sectile* (штучная мозаика); в передней части мозаичный пол; дверь, как и те, что в коридоре, открывается в патио, состоящий из прямоугольного портика, выложенного мозаикой с крупными элементами, который окружает внутренний сад; в центре — большой

фонтан: на обеих длинных сторонах массивной каменной плиты прямоугольного бассейна имеется прямоугольная ниша с округлыми краями, а на коротких сторонах две прямоугольные ниши: мы встречаем здесь архитектуру, подражающую фронтонам театральной сцены, характерным для нимфеев; по обеим сторонам сада располагаются жилые помещения разного размера и комфорта: хозяйское крыло расположено на севере. Оно состоит в основном из просторной, тоже выложенной штучной мозаикой комнаты, окруженной двумя небольшими открытыми двориками, в каждом из которых имеется фонтан; один из них образовывал небольшой каскад, давший название вилле. Главная комната, очевидно, была гостиной для приемов и парадных обедов; по-латыни она называлась экус. Справа, отделенная от нее коридором, еще одна комната, также выложенная мрамором; очевидно, спальня, тоже парадная. Южное крыло делилось на очень узкие комнаты, выстроившиеся вдоль портика; в западном ее конце находились кухни, примыкавшие к конюшне. Разница в стиле между мозаиками, украшающими пол и фонтаны, наложение на стены нескольких слоев окрашенной штукатурки, стратиграфия позволяют реконструировать историю дома: построенный в I в. э., он использовался до конца III в.: жители покинули его внезапно, бросив амфоры, хранившиеся в одном из крыльев перистилия, и лампы на кухне. На территории виллы Каскада стоит и другой дом, намного меньших размеров. В различные времена он являлся отдельным строением или же был дополнительным жилищем по отношению к главному особняку. Несмотря на свою тесноту, он был богато декорирован лепными капителями и украшен изображениями богов.

Самым красивым домом римского Карфагена, пожалуй, является «вилла с вольером», раскопанная в начале XX в. Она занимает площадку, вырубленную на холме, где стоял театр, и в одиночку занимающую территорию целой инсульты из кадастра между Декумани север V и VI и Кардины XIX и XX восток. Разве не был этот квартал возведен в I в.? Или ранние его строения снесли? Как бы то ни было, в нем находят только красивые особняки, построенные в конце

II — начале III в., то есть в момент, когда Тертуллиан присутствовал на раскопках фундамента Одеона и открытии пунических могил под полом. «Вилла с вольером» — это аристократическое жилище: комнаты выстроились вокруг квадратного двора, окруженного портиком из розового мрамора; углы поддерживаются квадратными опорными столбами, украшенными косыми полосами; восьмиугольный сад занимает центр; под колоннадой богатая мозаика изображает на белом фоне разных птиц и животных, резвящихся среди цветов и плодов. На юго-западе двор продолжался другим портиком, террасой доминировавшим над улицей. На западе его защищала от пыли сводчатая галерея, очевидно служившая местом отдыха в часы зноя. На севере располагались помещения для приема гостей, со стенами, выложенными мрамором, с мозаичным полом: гостиная и столовая, где могли разместиться три ложа, на которых возлежали пирующие. Там также находился выложенный плиткой мраморный ларарий, где поклонялись домашним богам. С восточной стороны располагалась комната, прикрытая по периметру ионическим портиком, окружавшим беломраморный бассейн, окруженный цветочной клумбой, настоящее маленькое святилище, посвященное Бахусу, Венере и Амуру: статуэтки этих богов были найдены на месте; вода в бассейн текла по каскаду мозаичных ступеней, на разноцветных боковых стенках которых были изображены пейзажи болот с рыбаками и водными птицами, поле, где идет уборка урожая, сцены охоты. Остальную часть дома занимали бани и большие сводчатые склады; над ними находились жилые комнаты, выходившие на улицу террасой с колоннадой, накрывавшей маленькие подсобные помещения.

В Удне знатная семья, имевшая богатые владения в окрестностях, в конце II в. заказала постройку особняка: личные термы, очевидно относившиеся к нему, сохранили для нас имя владельцев на мозаике III в., изображающей Орфея: их звали Лаберий Лабериан и Лаберий Павлин. Апартаменты выстроились по трем сторонам большого прямоугольного двора, окаймленного портиком. Они включали в себя не менее тридцати главных комнат, не считая

коридоров и подсобных помещений. Выход на улицу был сделан в северо-восточном углу через выложенный плиткой вестибюль. Как в Утике, конюшни и сарай для повозок были собраны вокруг. Рядом с противоположным углом открывался великолепный экус, освещенный большим окном, приподнятым колоннадой. Среди других помещений имеются четыре, в которых накрыт крышей был только периметр, а центральная часть оставалась под открытым небом, между колонами окружающего ее портика. Некоторые исследователи считают их крытыми портиками (atria), но в точности этого определения можно усомниться, хотя одна из них дополняется тремя маленькими помещениями, расположение которых несколько напоминает таблинум и алу¹ классического римского дома; место, занимаемое этими помещениями на общем плане, их многочисленность и форма имплувия², всегда примыкающего к стене, вместо того чтобы занимать центр комнаты, дают основание рассматривать их как оригинальную черту местной архитектуры, привнесенную опять же скорее заботой о вентиляции, а не подражанием итальянской традиции: в любом случае, они не могли исполнять общественную функцию атриума³ в узком смысле, то есть приема пришедших гостей, не открывая им доступа в личные покои.

Но такие большие и роскошные дома оставались исключением; их находят в основном в крупных портах, и это еще одна причина считать, что самые крупные состояния в Африке были основаны на морской торговле: так, в Гадрумете богач Сорот, владелец крупной скаковой конюшни, владел настоящим дворцом из минимум 20 комнат; площадь экуса равняется 130 м². В том же городе, в доме, владелец которого нам неизвестен, построенном в последние годы царствования Септимия Севера,

¹ Т а б л и н у м — помещение в древнеримском доме, служившее рабочим кабинетом хозяину, местом деловых встреч и хранилищем домашнего архива; ала — симметрично расположенные помещения в этрусских и римских домах; ниши для бесед.

² И м п л у в и й — бассейн.

³ А т р и у м — внутренний световой двор в центре римского дома.

где мы нашли портрет Вергилия, экусов было не меньше десятка. В Дугге, в Турбурбо Майусе, в Альтибурсе в удобных, часто расположенных в приятном месте, всегда богато украшенных домах намного меньше комнат вокруг патио и всего одна комната для приемов, экус, который обычно расположен напротив фонтана. В Нумидии, в Тимгаде, обнаружены несколько домов знати II и III вв., больше других выдерживающих классическую планировку итальянского дома; тот, что сохранился лучше остальных, в царствование Северов принадлежал всаднику М. Плотию Фаусту Сертию и его жене Корнелии Валентине Туцциане Сертии, подарившим городу рынок. Фасад выходил на Кардо Максимус портиком, который продолжали маленькие подсобные помещения; вестибюль вел в атриум, украшенный бассейном. В северо-восточном углу располагались бани, дополненные туалетом. На западе таблинум с личными покоями, куда воздух поступал через перистиль, центр которого был украшен большим фонтаном. Соседний дом, называемый домом Гермафродита, построен по почти аналогичному плану.

Стоящий на краю римского мира Волюбилис стремился сохранить ранг столицы, полученный им некогда от Юбы II. Богатые горожане, после того как бессовестно поделили великолепные царские коллекции, построили вокруг бывшего дворца, ставшего резиденцией прокураторов, неизбежные патио с фонтаном, экус и более-менее грандиозный ансамбль из жилых и подсобных помещений.

Африканский дом периода империи, как мы видим, характеризуется наличием центрального двора, вокруг которого располагаются постройки, и экусом, являющимся главной комнатой. Этот порядок, очевидно зародившийся в птолемеевском Египте, распространился в Греции, Азии, а затем и в Средиземноморском бассейне начиная с III в. до н. э. Римляне соединили его со своим национальным атриумом, и получился классический дом помпеянского стиля. Однако атриум оставался в Африке исключительным явлением. Следует задать себе вопрос, а каким путем и в какое время в Африку попал дом с перистилем. Проблема эта тем более интересна, что использование такого

типа дома сохранилось в стране вплоть до наших дней: достаточно сравнить план современного кайруанского дома с одним из только что рассмотренных нами, чтобы обнаружить, что арабский дар обладает всеми элементами античного *domus*: вестибюль с маленькими подсобными помещениями, ведущий прямо с улицы во внутренний двор; во дворе — непременно источник воды; в данном случае простой колодец, но в старых патио Туниса можно встретить и очень симпатичные фонтаны, сильно напоминающие те, что были у римлян, — и вплоть до расположения спален, оборудованных возвышением для кровати, и комнат для приемов, меджилей, меблированных диванами, как античные экусы. Сохранение античной традиции в домашней архитектуре тем более примечательно, что, как мы видели, в области архитектуры общественной таковая совершенно исчезла.

При нынешнем уровне знаний мы можем с большой долей вероятности предположить, что эллинистический дом был привнесен в Африку до римского завоевания, в последний период существования пунической цивилизации, широко открытой греческому влиянию начиная с IV в. до н. э. Редкие карфагенские дома, известные нам, правда, не имеют, похоже, центрального двора. Но декор их стен и полов полностью соответствуют моде, существовавшей в греко-македонском царстве. Похоже, что не Италия ввела в употребление, а, напротив, она сама заимствовала через посредство пунийцев цементные полы, украшенные мраморными квадратиками, которые Катон называл *ravimenta punica* (пунические полы), но которые были в ходу, например, в Делосе минимум с начала II в. Латинские колонны, поселившиеся в Африке после 146 г., очевидно, нашли в стране дома греческого стиля, то есть самой совершенной, по мнению той эпохи, конструкции; им не было нужды заменять их постройками итальянского типа, ибо тот являлся вариацией того же самого типа дома, приспособленной к римским традициям.

Итак, африканский дом кажется прямой адаптацией эллинистических моделей к климату Берберии. Из этого становятся понятны все его оригинальные особенности,

которые почти все предназначены для борьбы с жарой. Но все равно мы можем рассматривать его как особый тип в большом семействе, вышедшем из ойкоса с перистилем. Одну из его особенностей составляют открытые в центре залы, окруженные портиком, которые не следует принимать за атриумы, а рассматривать, скорее, как форму эллинистической скинии. И опять же оригинальность здесь минимальна. Гораздо более смелым было решение, принятое архитекторами Булла-Регии. В средней долине Меджерды, где построен этот очаровательный город, отделенный от моря Крумирийскими горами, отмечаются самые высокие в Тунисе, за исключением районов Сахары, температуры. Для спасения от жары богатые горожане прятались под землю: были обнаружены пять вилл, включающих цокольный этаж и подвал. Тот образует полные апартаменты с двором с портиком, который дает свет, украшенный мозаиками экзус, спальни и служебные помещения. Великолепная сохранность этих домов, названных с некоторым, возможно, чрезмерным энтузиазмом дворцом, позволяет нам узнать надстройки римско-африканского дома, исчезнувшие в других местах. Возможно, это остроумное решение проблемы жары подсказали ливийские традиции; действительно, и сегодня в Матматском массиве, на юго-западе Габеса, существуют вырытые в земле коллективные жилища, состоящие из огромного колодца, в который выходят комнаты. В Ахолле, приморском городе, архитекторы попытались дать двум богатым виллам II в. больше свежести, заменив бассейном двор или сад, обычно окруженный перистилем; элегантное, но, несомненно, дорогое решение, когда вспоминаешь о количестве потребленной воды, и нереализуемое только в очень ровном и очень сухом климате. В Утике мы уже видели, что владелец дома Каскада ограничился увеличением возможностей свободной циркуляции воздуха и количества фонтанов. Похоже, в каждом городе существовали свои предпочтения, определяемые как климатическими условиями, так и местными традициями.

Впрочем, дом с перистилем был не единственным типом, используемым в интересующей нас провинции.

В той же Ахолле «вилла с красными колоннами», явно построенная в I в. н. э., хотя ее декор относится ко времени царствования Марка Аврелия, представляет квадратный двор без портиков, но с двумя площадками; он окружен с трех сторон помещениями: триклиний¹ на северо-западе, комната с абсидой, предваряемая прямоугольным вестибюлем, очевидно выполнявшим функции гостиной, на севере; на востоке находятся спальни; в одной из них имеется фонтан. Этот тип дома часто встречается в Греции до торжества ойкоса с перистилем и, кажется, восходит к очень глубокой древности. Площадки играют роль, которую впоследствии играл портик.

Наконец, находят дома, построенные совершенно беспорядочно, состоящие из комнат, поставленных рядом наобум, освещаемых узкими дворами, не обязательно занимающими центр. Эти нетипичные формы, особенно распространенные в Тубурбо Майусе, встречаются в основном в городах, не охваченных кадастром, где участки земли под застройку не были строго прямоугольными. Действительно, дом с перистилем образует идеальный прямоугольник, прекрасно вписывающийся в геометрические формы. Впрочем, иногда приходилось мухлевать, придавая, например, помещениям фасада трапециевидную форму, дабы восстановить прямую линию: таков случай «дома с красными колоннами» в Ахолле.

Многие дома имели второй этаж, который полностью исчез, но существование его подтверждается ведущей туда лестницей. Примеры этого мы находим в Утике, Карфагене, в Ахолле в доме Асиния Руфина, в Сабрате, Тимгаде, Волюбилисе. На втором этаже располагались в основном спальни, выстроившиеся вдоль периметра перистилия, а свет в них, очевидно, поступал, как в Помпеях, через лоджии.

А вот большие многоэтажные дома, разделенные на сдаваемые внаем квартиры, такие многочисленные в Риме и Остии, в Африке до сих пор не встречались. Возможно, что они все-таки существовали, по крайней мере, в крупных городах. В Карфагене пуническом существовал целый квар-

¹ Т р и к л и н и й — пиршественная зала, столовая.

тал семиэтажных домов, стоявших вдоль улиц, поднимающихся к агоре городской цитадели — Бирсы. Было бы невероятным, если бы строитель римской эпохи отказался от этого типа жилища, позволяющего извлечь максимум выгоды из земельного участка. Однако, когда Тертуллиан хочет привести пример «небоскреба», он выбирает инсулу Феликуты, стоявшую в Риме; это позволяет предположить, что в этой сфере африканцы не могли конкурировать со столицей. Кроме того, верхние этажи этих «домов-башен» делались из кирпича, а в провинции Африка этот строительный материал был редкостью. Кроме того, эти слишком высокие дома, ставившиеся на слишком непрочной основе, легко рушились, что объясняет их полное исчезновение.

У нас нет никаких сведений относительно декора фасадов, который хорошо известен в Италии благодаря раскопкам Помпеи и Остии. На первом этаже окон на улицу обычно не было. Но вот на верхних этажах было совсем иначе. Было найдено большое количество каменных плит, служивших ставнями, закрывавшими эти окна.

Крыша обычно была плоской террасой, поддерживаемой балками. Но относительная редкость дерева заставляла при каждой возможности использовать свод: полукруглый для прямоугольных помещений, крестовый или ступенчатый для больших квадратных залов, сферический для абсид, куполов. Особо удачной комбинацией стало соединение трех абсид вокруг квадратного зала: тем самым достигался план в форме клевера, особенно подходивший для больших обеденных залов. Полностью сохранившийся образец такого мы находим в доме, называемом *trifolium* (клеверном), в Дугге. Для очень больших прямоугольных залов делался ступенчатый свод с двумя полукруглыми по бокам.

Африканские архитекторы считаются изобретателями оригинальной системы строительства сводов с использованием стержней из обожженной глины, вставляющихся один в другой. Этот прием позволил делать постоянную опалубку, отказавшись от деревянных балок, поддерживавших аркаду до завершения, и значительно облегчить мертвый вес: теперь можно было без опаски ставить своды

на относительно тонкие стены. Поэтому он был особенно востребован при строительстве жилых домов, хотя применялся и в термах. Данная техника довольно поздно распространилась в Италии и других провинциях. В Тунисе она сохранилась до наших дней. Применяемый вместе с крестовым сводом, этот прием породил крещатый свод, имитировавшийся впоследствии мусульманскими строителями, от которых его, в свою очередь, узнали строители Южной Европы.

Используя достижения своих итальянских и восточных учителей, африканские архитекторы сумели создать относительно оригинальный тип жилища, удачно адаптированный к климату и к нравам их заказчиков. В этих домах, очевидно, было восхитительно прохладно летом. Нас должно удивить то, что забота о борьбе с жарой заставила пренебречь другими удобствами, которые мы включаем в число самых важных. Роскошь парадных комнат кажется непропорциональной в сравнении с серостью большинства личных покоев и, главное, чуть ли не полным отсутствием служебных помещений. Почти все дома имели подвод воды. Но недавние исследования в Волюбилисе показывают, что обычно они питались из одного фонтана в патио и слив отходов был только там. Ни одна кухня не располагала ни водопроводом, ни удобным очагом: видимо, это объясняется равнодушием хозяев к комфорту рабочей рабочей силы. Как и во многих господских домах Магриба сегодня, повар располагал множеством помощников, которые постоянно таскали воду, разжигали питающиеся древесным углем игравшие роль печей жаровни, часто установленные под открытым небом, и поддерживали в них огонь, выносили мусор. Но сколько роскошно декорированных домов не имели туалета! А ночной горшок, как и сегодня во многих арабских домах, стоял посреди комнаты, и немало нотаблей, вроде Трималхиона, очевидно, имели раба, в чью задачу входило приносить господину этот важный аксессуар по первому требованию. Широкие отверстия, сделанные в стенах, нужны были не только для того, чтобы освежать комнату, но и чтобы рассеивать кое-какие запахи.

Ж. Каркопино решительно и справедливо отмечает контраст между поразительным прогрессом, достигнутым римской цивилизацией в ряде областей повседневной жизни, и стагнацию, наблюдаемую в других. Это необходимо понимать, чтобы избегать идеализированных взглядов на античную цивилизацию, фантазий на тему «языческого мистицизма», модных в конце XIX в. Далеко не все римляне были эстетами в венках из роз, мирно дискутирующими под сенью цветущих рощ, среди прекрасных рабынь и статуй. Но с другой стороны, как ни удивительно, но современники Адриана и Марка Аврелия пользовались в некоторых сферах большим бытовым комфортом, чем наши прадеды. Бесспорно, что империя обеспечила большому числу своих граждан такое материальное благополучие, которого жители Западной Европы сумели достичь и превзойти только благодаря промышленной революции XIX—XX вв. Северная Африка, в которой условия жизни бедных слоев населения сегодня остаются такими примитивными и жалкими, при империи находилась в более благоприятном положении, в сравнении с другими провинциями и даже самой Италией, благодаря умножению городских центров; каждая такая цивилизационная ячейка, как мы видели, делала комфорт доступным не только богатым, но всем гражданам, вне зависимости от скромности их доходов и ничтожности их общественного положения. Следует также отметить, что наследие римской цивилизации, доставшееся населению Берберии, оказалось более живучим, чем интеллектуальное или политическое влияние: несколько городов, сумевших устоять перед штурмами варваров-кочевников, на протяжении семи «темных веков», которые пережил Магриб, оказавшийся во власти анархии и насилия (XI—XVIII вв.), забыли латинский язык, христианство и правовые принципы, но сохранили в расположении домов, в соблюдении правил гигиены привычки, представляющие собой, как нам кажется, лучшее в исламской цивилизации и при этом являющиеся прямыми наследниками греко-римской. Поначалу нам трудно было их узнать, поскольку наша цивилизация, напротив сохранившая античный гуманизм и по-

жавшая его плоды, оказалась вынуждена соединить его с типом жизни, лучше адаптированным к северному климату.

Развалины мертвых городов служат археологам тем же, чем панцири и скелеты вымерших животных палеонтологам: устройство домов пишет по земле основные привычки людей прошлого. История домашней и общественной архитектуры Римской Африки рассказывает нам не только эволюцию эстетических вкусов жителей; она является лучше всего выявляемым показателем трансформации человеческой природы, такой радикальной, что не пощадила этой сферы семейной и частной жизни, которая часто ускользает от воздействия общества и долго сохраняет отпечаток традиций предков.

Глава 5

НРАВЫ

Костюм

Путешественник, прибывающий сегодня в один из портов Северной Африки, сразу же отмечает удивительное разнообразие нравов и обычаев. У мусульман, евреев и христиан свои особые одежда, пища, напитки, правила гигиены. Их семьи организованы по различным правилам, а их этика, хоть и основывается на десяти заповедях и стремится к почти идентичному идеалу, позволяет, например, в сфере секса одним то, что у других запрещено. Э.-Ф. Готье не без оснований утверждал, что ислам противостоит христианству не столько своей метафизикой, сколько увековечиванием всех тех восточных обычаев, которые еще Геродоту казались приметами «варварства». Однако следует добавить, что это разнообразие все более и более стирается в пользу обычаев, привнесенных из Европы. Арабский костюм в городах исчезает, женщины уже не сидят взаперти по домам, и многие ходят по улицам без чадры. Партии, самым энергичным образом боровшиеся против политического доминирования европейцев, способствуют этой эволюции. Такая трансформация, столь

быстрая, что посвященные ей работы устаревают чуть ли не в момент выхода из типографии, аналогична революции, происходившей в Римской Африке. Там тоже существовали различия в одежде, являвшиеся самым наглядным проявлением разницы в нравах и обычаях; чтобы понять их значение, достаточно прочесть любопытную работу Тертуллиана «О плаще» (*De Pallio*). Неистовый апологет, не брезговавший тем, что мы называем скандальной публицистикой, в один прекрасный день, уже на склоне жизни, решился расстаться с тогой, которую прежде носил, как и все жители Карфагена, и сменить ее на гиматий¹. Несмотря на то что в этой одежде не было ничего экстраординарного, она была очень распространена среди греков, и даже римляне охотно носили ее, когда отправлялись в эллинистическую страну или просто делали своей профессией философию, его поступок вызвал недоброжелательное любопытство. Ведь тога была символом римского гражданства; отказываясь от нее, Тертуллиан совершал поступок, сравнимый с публичным отказом какой-нибудь голливудской звезды от американского паспорта. Верный интеллектуальным привычкам, полученным в школах, он, с привлечением многочисленных примеров, доказал, что смена одежда была феноменом естественного развития; в частности, когда-то в Карфагене носили пунические костюмы, которые жрецы Эскулапа сохранили как знак своего священного сана: состояло это одеяние из просторной туники с длинными и широкими рукавами, приподнятой до середины бедер поясом, и прямоугольного плаща, крепившегося на плечах фибулами. Мы не сразу улавливаем его различие с греческим или римским костюмом: только ширина туники и, главное, длина рукавов отличают его от них. Впрочем, речь не идет о настоящем финикийском костюме, который носили в Карфагене вплоть до 146 г. до н. э. и который не включал плаща, ни

¹ Г и м а т и й — вид верхней одежды в Древней Греции, напоминающий большую шаль или плащ. Изготавливался из толстой, обычно шерстяной или льняной, ткани и представлял собой простой прямоугольный кусок плотной некроеной ткани, не снабженный пуговицами или застежками.

фибулы, зато дополнялся головным убором, митрой или скуфейкой, очень похожей на современную феску.

Любопытная вещь: эта мода, очень простая и соответствующая финикийской традиции, похоже, исчезла с независимостью, но другая восточная одежда, намного более сложная, еще долго сохранялась в неопунических городах. На посвятельных и могильных стелах I в. н. э. изображены мужчины в длинных платьях из плиссированного муслина, поверх которых надето нечто вроде расстегнутого впереди редингота, а сверху что-то типа фартука, поддерживаемого бретельками и округляющегося на животе. На женщинах аналогичные платья, украшенные спереди широкой вертикальной узорчатой полосой, которую греки называли парифей, и длинным шарфом. Киприотское происхождение этого костюма кажется бесспорным. Ввезенный в Карфаген, очевидно, с самого основания города уроженцами Кипра, присоединившимися к Дидоне, он без больших изменений продержался в течение тысячи лет, несмотря на сложность, делавшую его дорогим и непригодным для резких движений; следовательно, он свидетельствует о зажиточности жителей финикийских городов, стремившихся, как это принято на Востоке, выделиться роскошью своего одеяния и праздностью, возможной благодаря их богатству.

Ливийцы одевались намного скромнее и даже по-деревенски. Первоначально они довольствовались шкурами домашних и диких животных. В 1942 г. в Телепте была найдена любопытная погребальная статуя, изображающая человека, одетого в плиссированную тунику и застегнутый на плече плащ, изнаночная сторона которого имитирует мех. Речь, видимо, идет о гетульском нотабле, сохранившем верность традиционной моде; использование одежды из кожи действительно продолжалось у жителей Сахары очень долго. Но ливийцы из Телла весьма рано переняли тунику, очень похожую на эллинский экзомис, то есть простой кусок сложенной ткани, удерживаемый на плече фибулой, оставляя голыми другое плечо и руки: в такой костюм одеты мавретанские всадники Лузия Квета на колонне Траяна.

Но начиная с середины II в. большинство памятников изображают людей, облаченных в римский костюм. Главным его элементом являлась туника. При республике это обычно был только что описанный экзомис. Рабы, люди, занимающиеся тяжелым физическим трудом, еще долго носили эту легкую и удобную одежду; например, на знаменитой мозаике из Удны, изображающей рабов, подающих пирующим напитки, Миро и Виктор — так зовут рабов — одеты в простую ткань с бахромой по краю, наброшенную, как перевязь; с виду это напоминает шкуру животного: возможно, их хозяин Фруктус ради развлечения нарядил их сатирами. На почти идентичной мозаике из Дугги один из прислужников носит экзомис, здесь точно сделанный из ткани и зашитый на плече. А на другом только пояс, с которого спереди, между ног, свисает полоска ткани. Обычно это носили под туникой, вместо кальсон. Но работники часто одевались только в это: один из жнецов на мозаике из Злитена и носильщики, занятые разгрузкой корабля, на мозаике из Суса. Полоску ткани можно было завести назад, чтобы получились «трусы». Вообще, названием «туника» обозначаются очень разные виды одежды. Та, что имеет самую простую, после экзомиса, форму, состоит из двух сшитых вместе прямоугольных полосок с отверстиями для головы и рук; ее стягивали на талии поясом, который поддерживал ее над коленями. Таковы костюмы работающих крестьян на мозаике «Нептун и времена года», обнаруженной в Шеббе, и знаменосца на могиле служителей. Геркулес из Массико¹ под львиной шкурой носит нечто вроде рубашки, совершенно похожей, но с настоящими рукавами до локтя. Этот тип индумента обычно дополнял тогу, как показывают портрет Вергилия из Суса и многочисленные статуи муниципальных магистратов. Так одет Фруктус, пьяница из Удны; чтобы чувствовать себя комфортнее, он снял пояс, так что

¹ Мраморная античная статуя (вторая половина III в. н. э.), обнаруженная в 1946 г. в Борх-эль-Амри (Тунис), называвшемся в то время Массико по фамилии французского колониального администратора конца XIX в. Жюстена Массико.

одеяние ниспадает почти до шиколоток и свободно сидит на фигуре. Но гораздо чаще изображенные на мозаиках люди одеты в плащ-накидку, плотно облегающую и очень короткую, с рукавами, украшенными галунами на запястьях и спереди. Эта «далматика», вошедшая в моду, очевидно, в конце II в., быстро вытесняет классическую тунику: она становится обычным костюмом как свободных людей, так и рабов, пирующих, равно как охотников и работников полей. Определенно, все эти виды одежды делались из шерсти.

Из текстов мы знаем, что обычно носили две туники, одну поверх другой. Персонаж Апулея Аристомен одалживает одну своему другу, которого встретил совершенно голым. Святой Киприан перед казнью снимает с себя плащ и далматику, чтобы остаться в одной тунике. Нижняя туника, субукула, в таком случае должна была быть достаточно плотной, чтобы носить ее одну, не выглядя при этом неприлично. Но существовали и настоящие рубашки из льна, очень легкие и прозрачные. Это единственная одежда, которую сохранил на себе один из пьяниц из Тисдруса, который, уже прилично захмелев, приглашает своих приятелей раздеться донага — *nos nudi fīemus* — и подает пример.

Люди скромного достатка не носили иной одежды, кроме туники, даже на улице. Богатые пользовались ею как домашней, а при выходе дополняли плащом, который, в самой простой своей форме, представлял собой большой прямоугольный кусок ткани, застегивавшийся аграфом на плече; это сагум, который крестьяне зимой накидывали поверх своей туники, как показывают мозаики Шеббы и Удны. Он также служил наездникам, охотникам или путешественникам, которые позволяли ему свободно развешиваться за плечами или же кутались в него для защиты от дождя. Труднее всего дать имя зеленому дождевому плащу, которым накрываются два сотрапезника-травести из Тисдруса, — на остальных туники. Что это: паллий, или «комбинезон» (синтезис), специально предназначенный для ужинов, который, как нам говорят, занимал промежуточное положение между тогой и туникой, хотя невозмож-

но обнаружить сходства между двумя столь непохожими одеяниями? Возможно, широкое платье с эффектом драпировки? Некоторые щеголи украшали свой паллий широкой вышивкой по краю. Игроки в кости из Тисдруса также носят поверх далматики что-то вроде широкой блузы без рукавов, надеваемой через голову, украшенной галуном в виде буквы «Y» на груди и плечах. Мы готовы увидеть в ней лацерну или бирр, которые святой Киприан тоже носил поверх своей далматики, а если там имеется капюшон, что возможно, то это пенула. Плащи с капюшонами, пришедшие из Галлии, распространились в Африке начиная со II в. Статуэтка из Суса изображает бизаценского крестьянина, одетого таким образом. Берберы приняли их в последние века Античности и сделали своей национальной одеждой: бурнус, вероятно, происходит от бирра. Так, народная жизнь Магриба сохраняет в одной из наиболее характерных и, в наших глазах, наиболее экзотических черт отпечаток римской цивилизации.

В своих облегающих и украшенных галунами туниках, в плащах разнообразных форм и расцветок, африканцы времен династии Северов, как мы видим, совершенно не походили на величественных римлян классической эпохи. Тога появлялась только на церемониях, где она требовалась по протоколу. Вот тогда квиритов видели такими, какими они изображены на своих надгробиях и своих статуях, закутанные в тяжелую ткань диаметром в 2,7 м, обматывающую их тела, собранную в складки на правом плече, чтобы образовать синус; в начале III в. пришла мода сплющивать это скопление складок, умбо, и придавать ему вид настоящей перевязи: нарядив по этой моде своего Вергилия, автор гадруметской мозаики, работавший около 210 г., нарушил хронологию, чем усложнил задачу археологов по датировке картины.

В то время в costume произошла настоящая революция: уход из повседневной жизни драпирующей одежды, бывшей символом классических средиземноморских цивилизаций, конечно, скромный, но очень показательный признак крупных перемен в античном мире. Новая мода, что следует отметить, пришла не с Востока: далматика —

из Иллирии, как указывает ее имя, облегающий шитый плащ — из Галлии. Можно было ожидать появления в одно время с ними главного элемента нордического костюма — штанов, которые с давних пор использовались в большинстве европейских провинций. Однако лишь в конце IV в. и не ранее африканские мозаики являют нам некоторых персонажей одетыми в облегающие короткие штаны; идет ли речь об охотниках из амфитеатра, о всаднике в длинных штанах с мозаики в Карфагене, которого первоначально принимали за вандала, в любом случае все они не раньше V в. На протяжении всего III в. африканцы с голыми ногами даже ездят верхом на лошади. Отправляясь на охоту или занимаясь сельскими работами, они ограничиваются тем, что надевают на ноги гетры, доходящие до колен.

Обувь можно изучать по статуям, изображающим ее тщательнейшим образом. Ее форма регламентировалась протоколом, и сенатора можно узнать по его «туфлям», фактически своего рода ботильонам, закрывавшим почти всю стопу, за исключением пальцев, и украшавшихся полумесяцем из слоновой кости; впрочем, они отличались от кальцей простых граждан только орнаментом и красным цветом. Но многие обувались просто в сандалии, одни на шнуровке (крепиды), другие полностью открытые, как сахарские найли. На пороге храмов мы часто видим пары этих легких ременчатых сандалий, *soleae*, нарисованных мозаистами или вырезанных из камня; это служит указанием на необходимость для верующего оставить повседневную обувь на пороге, как сегодня делают мусульмане перед мечетью, и переобуться в священные сандалии.

Несмотря на палящее солнце, как в деревне, так и в городе обычно ходили с непокрытой головой. Только рыбаки защищали ее соломенной шляпой с красной головкой и широкими полями.

Бороду и волосы подстригали по римской моде. То есть представители знати и богатых классов гладко брили подборонок вплоть до того времени, когда Адриан не подал пример, отпустив короткую бороду, которая постепенно удлинялась вплоть до середины III в.

Женский костюм известен меньше, чем мужской. Конечно, мы располагаем немалым количеством статуй матрон или их изображений на могильных камнях. Но, как и их супруги в тогах, они хотели быть запечатленными в парадных одеяниях, которые, очевидно, надевали только по большим праздникам: главным элементом является широкое прямое платье стола, очень простого покроя, перетянутое под грудью пояском. Поверх него накидывался плащ, палла, женский род от мужского палий. К сожалению, мозаики, показывающие нам романо-африканцев в повседневных костюмах, очень редко изображают их женщин; мы едва замечаем занятых полевыми работами крестьянок на картинах сельской жизни из Злитена, импрессионистский стиль которых не позволяет различить детали; в сцене ощипывания птицы фермерша, сидящая в тени оливкового дерева, руководит работой рабов; она одета в длинную тунику, перетянутую на талии поясом, но оставляющую открытым одно плечо, и в паллу, обмотанную вокруг ее ног, а на голове у нее нечто вроде берета или тюрбана. В другом месте две работницы, одетые в длинные туники, поливают сад под присмотром хозяйки, у той на голове покрывало, а одета она в очень длинную тунику, перепоясанную двумя поясками: один под грудью, другой на талии, заставляющий вздуваться ткань, приподнятую вокруг бедер. Сцена в амфитеатре Злитена показывает нам органистку, участницу оркестра.

Среди пьяниц-травести из Эль-Джема, как нам кажется, мы узнаем одну, возможно, двух женщин: речь идет о персонажах, сидящих один с правого края стола, другой — второй слева. Их костюм ничем не отличается от мужских: желтая туника с вертикальными коричневыми полосками на одной, зеленый плащ на другой.

Статуэтки III в. из обожженной глины подтверждают, что женский костюм в эпоху Антонинов претерпел те же изменения, что и мужской: на смену драпирующим одеждам, застегивающимся аграфами, приходят облегающие туники, сшитые и украшенные вышивкой. Матрона из Тисдруса, которую коропласт изобразил в момент, когда ее причесывают, одета в нижнюю субукулу без рукавов,

поверх нее широкий суппарум с длинными рукавами, украшенный спереди и на запястьях вышитыми лентами; шея обмотана шарфом, возможно, для того, чтобы волосы не засалили одежду. Фигурка датируется эпохой династии Северов. Впрочем, уже Фотис, красавица-колдунья у Апулея, носила платье, украшенное вышитым галуном, проходившим вокруг шеи и спускавшимся спереди до ног.

Парадоксально, но деталью женского костюма, о которой мы лучше всего информированы, является, пожалуй... бюстгальтер. Во все времена римлянки, как и гречанки, имели обыкновение туго обматывать грудь полоской ткани или льна, которую археологи XIX в., не находя эквивалента у своих современниц, весьма неточно называли корсетом, хотя он куда больше походит на аксессуар, заново изобретенный П. Пуаре. Но в конце II в. появляется концепция «линии», которую донесли до нас мозаики и статуэтки и которая совершенно отличается от классического канона: в моду вошли изящные стройные фигуры с длинными ногами и маленькой грудью, посаженной так высоко, как только возможно. Чтобы приблизиться к этому идеалу, девушкам и молодым женщинам приходилось максимально утягиваться; поэтому они расставались со своими мамиллами или строфиумами только в бане, они в них спали и с трудом отказывались даже в моменты интимной близости. Эта деталь казалась такой необходимой, что скульпторы, ваявшие барельефы, и мозаисты без колебаний снабжали ею богинь и нимф; поскольку те часто изображались полураздетыми, у нас есть возможность изучить различные формы этого предмета женского туалета, которые в те времена были не менее разнообразны, чем сегодня. Те дамы, которым еще не грозила полнота, довольствовались обычной полоской ткани, несколько раз обернутой вокруг груди: мозаика из Гиппона (первая половина III в.) изображает молодую женщину, олицетворяющую весну, которая как раз осуществляет эту деликатную операцию. Иногда лифчик оставался заметен под прозрачной туникой: таков туалет юной Фотис, когда Луций застаёт ее на кухне: «кокетливо одетая в льняную тунику. Ярko-красный пояс обхватывал ее талию на высоте

груди». Из дальнейшего описания следует, что, подобно богиням с мозаик, прекрасная рабыня не носила иного нижнего белья. Для выхода из дома либо набрасывали на первую тунику вторую, более плотную, либо закутывались в плащ, как в большую шаль.

Далее Апулей, не без некоторой склонности к парадоксам, рассказывает нам о своих предпочтениях в области женских атрибутов: «Но что говорить об остальном, когда единственным моим интересом всегда были только лицо и волосы? На них я первым делом смотрел на улице, ими же наслаждался, вернувшись домой... Если для телесных членов радостью является яркая ткань, для головы же украшение естественный блеск волос. Посмотрите: многие женщины, чтобы подчеркнуть свои природные прелести, сбрасывают всю одежду или раздвигают края туники и хотят, чтобы их красота явилась совершенно нагой, рассчитывая понравиться розовым цветом кожи больше, нежели золотом своих одежд. Но если (сама мысль о том святотатство, да сохранят нас боги от малейшего намека на ее осуществление!) лишить волос женщину самой редкой красоты, то, будь она даже самой Венерой, совершенно лысая, она бы не смогла понравиться даже своему Вулкану... [Что же сказать о волосах], умащенных аравийскими эфирными маслами, аккуратно разделенных тонкими зубьями гребня и собранных сзади, которые привлекают взгляды любовника и посылают ему, словно зеркало, его собственное отражение, льстящее ему? Что, наконец, сказать о той, которая, сплетя волосы в тяжелые косы, увенчивает ими макушку, или той, у кого они, распущенные, струятся по спине? Да, таково огромное значение волос, что женщина может предстать увешанная золотом, в красивых тканях, в драгоценных камнях, во всех уловках кокетства: но если она плохо причесана, ее нельзя назвать элегантной». Конечно, этот брагурный фрагмент является упражнением в риторике; но при этом он все-таки заслуживает нашего внимания, поскольку дает представление о тенденциях римской моды. Как мы видим, женщины стремились подчеркнуть свою красоту отнюдь не сложным фасоном одежды. Платья и накидки, очень простые по по-

крою, не имели иных задач, кроме подчеркивания линии тела, которое самые смелые не боялись обнажать. Мы легко находим на памятниках различные ухищрения, на которые намекает романист. Во времена Флавиев знатные дамы и горожанки подражали Юлии, дочери Тита, нося на голове сложную конструкцию из завитых волос. Богатая карфагенянка, умершая в царствование Адриана, на надгробии все равно изображена с прической, которую носила в молодости. Так причесывали даже мальчиков, вроде камиллов, юных прислужников языческих храмов; таков, например, на диске, найденном в Эль-Джеме, помощник Домициана при совершении тем жертвоприношения. Завитки исчезают при Траяне, но волосы продолжают поднимать надо лбом в высокий гребень. Красавица Фаустина, жена Антонина, и Домиция Луцилла, мать Марка Аврелия, предпочитают заплетать косы, закручивая их на макушке в этакую башню, тутулус; данная мода была очень популярна в Африке; надгробные стелы показывают, что она распространилась даже в сельской местности, вытеснив традиционную пуническую прическу, дожившую до тех времен, а мозаики даже изображают с нею богинь. Еще в начале III в. Тертуллиан посчитал нужным припечатать ее своим сарказмом: «Разве не можете вы оставить в покое своих волос? Вы их то завиваете, то развиваете; то подымаете, то понижаете; сегодня их заплетаете, а завтра оставляете волноваться небрежно; иногда обременяете их множеством чужих волос, составляя из них или род шапки, которою покрываете голову, или вид пирамиды, чтобы шея была открыта... накопляя на голове своей пуки волос с кучею украшений, которыми обременяете темя головы, как бы средоточие шлема...» Мы не согласны с часто высказываемым мнением, будто свидетельство неистового апологета можно использовать в качестве доказательства существования в Африке моды, давно исчезнувшей в столице. Он действительно осуждает высокие шиньоны, модные при первой Фаустине, а также накладные шиньоны, введенные в моду ее дочерью, или катоган¹

¹ К а т о г а н — хвост из волос с бантом.

Юлии Домны¹; статуи, статуэтки и мозаики очень точно и быстро отображают изменения в придворных вкусах; разумеется, каждый принимал эти перемены по-своему: Апулей, писавший во времена, когда в моде был тутулус, сообщает, что девушки ограничивались тем, что связывали волосы в «конский хвост». Вместе с императрицами-сирийками вернулась мода на волнистые волосы, очевидно больше подходившие этим в большей или меньшей степени курчавым уроженкам Востока. Коронованная Венера из Эллеса, датируемая серединой века, носит по их примеру «дольки дыни», разделенные срединным пробором; масса волос отброшена назад и собрана в своего рода катоган, оставляющий открытыми уши. Та же мозаика, впрочем, причесывает кентавресс, прислуживающих богине, более свежую моду, введенную женой Гордиана III и сохранившуюся при Константине: катоган, поднятый до темени, чем-то напоминающий тулулус первой Фаустины. Все эти приемы, естественно, дополнялись румянами, духами и прочими косметическими и парфюмерными средствами. Уже карфагеняне пользовались и злоупотребляли всевозможными косметическими и парфюмерными средствами. Венера из Эллеса и другие обязаны блеском своих глаз карандашу, которым они подведены. Пудры делают слишком смуглую кожу светлее, помада и румяна оживляют губы и щеки. Привезенные из Аравии благовония, разведенные в масле или в помаде, пропитывают волосы и умащают тело. Мази для депиляции были тем более необходимы, что обычай предписывал римлянкам, как сейчас арабкам, иметь совершенно гладкое тело без растительности.

Едва ли стоит добавлять, что туалет являлся делом серьезным. Знатные дамы проводили значительную часть утра, тщательно причесываясь и одеваясь с помощью специально обученной рабыни. Оштукатуренная гробница в Карфагене и хранящаяся в Лувре глиняная статуэтка из Эль-Джема изображают такую рабыню — орнатрикс, — занятую причесыванием госпожи; карфагенянка, умершая

¹ Ю л и я Д о м н а — жена императора Септимия Севера.

при Адриане, приказала изобразить себя молодой, когда она следовала моде двора Флавиев. А жительница Тисдруса, имевшая, судя по приплюснутому носу и толстым губам, примесь негритянской крови, приказала изобразить себя с прической, как у императрицы Юлии Домны. Два этих надгробных памятника призваны не столько зафиксировать какой-то конкретный момент из жизни умерших, сколько обессмертить священный убор, предвестник бракосочетания или религиозной инициации.

Мозаики на мифологические сюжеты, посвященные туалету Венеры, позволяют нам присутствовать при завершающей стадии операции: модница сначала рассматривает в зеркале полученный результат, и, если результат этот не соответствовал ожиданиям, орнатрикс могла сильно пострадать. В музеях Туниса и Алжира хранится некоторое количество зеркал римской эпохи, сделанных из бронзы или серебра и хранившихся в коробочках, украшенных резьбой и инкрустациями. У Апулея было такое, и его противники упрекали его за подобное легкомыслие, недостойное философа; обвинение было не пустячным, поскольку в «Апологии» целый абзац посвящен защите данного аксессуара, который якобы служил ему не только при одевании, но и при физических опытах по примеру Архимеда. Но вот появляется доверенная служанка, которой поручено хранение драгоценностей хозяйки. В открытом ларце, принесенном ею, лежат серьги, ожерелья, браслеты, всевозможные кольца. В ювелирные украшения инвестирована значительная часть семейного капитала. В зависимости от размеров богатства мужа дама может украшать себя золотыми изделиями с драгоценными камнями, многие из которых поступили из Сахара или тропической Африки, или же довольствоваться бронзовым барахлом с большей или меньшей степенью позолоты или серебрения. Даже мужчины порой украшали себя совсем не по мужски: на мозаике из Дугги, изображающей виночерпиев, двое слуг атлетического сложения носят не только ожерелье на шее, но и браслеты на лодыжках! До нашего времени сохранилось очень немного металлических украшений времен ранней империи; многие из тех, что нахо-

дятся в алжирских и тунисских коллекциях, найдены в пунических некрополях; большинство остальных относятся уже к христианскому периоду. У предмета из золота или серебра очень мало шансов избежать переплавки, если только он не спрятан в гробнице. И это при том, что Законы двенадцати таблиц, действовавшие вплоть до упадка Рима, категорически запрещали хоронить покойников вместе с драгоценными предметами. В качестве компенсации до нас дошли тысячи римско-африканских интеллий; нет такого античного города, в котором бы их не находили; они блещут под солнцем после даже не слишком сильного дождя, и арабские ребяташки слывут мастерами в деле их собирания; можно догадаться, что их находки лишь в очень редких случаях пополняют коллекции музеев, вынужденных зачастую довольствоваться полуманьями украшениями, не представляющими коммерческой ценности. Эти кольца, между прочим, были не просто украшениями. У каждого мужчины было свое, с личной печатью на шатоне; как правило, на печатке изображался какой-то благоприятный сюжет, призванный принести владельцу удачу: образ доброго бога, например Венеры, Меркурия, Минервы или Бахуса, или, еще лучше, богини судьбы и везения Фортуны либо ее атрибутов: колеса, рога изобилия, земного шара. Самые образованные люди выбирали какую-нибудь мифологическую сцену: Диомед похищает Палладий, Эрот и Психея. Те, кто послужил в армии, предпочитали изображения воинов и военных трофеев, а наиболее привязанные к империи, демонстрируя свою лояльность, избирали эмблемой римскую волчицу или портрет одного из государей. Адепты магических сект выбирали так называемые гностические сюжеты, где образы жутких демонов сопровождались «абракадабрической» надписью. Верящие в астрологию носили изображение знака зодиака, под которым были рождены. Наконец, христиане, потихоньку утверждавшие свою веру, выбирали в качестве эмблемы для печати корабль, якорь или рыбу, которые язычники тоже считали благоприятными, но в глазах верующих имевшие тайный мистический смысл.

Мы видим, что красота и гигиена стояли порознь. Мужчины и женщины, как мы уже видели, мылись у себя дома, только если исключительное богатство позволяло иметь личные термы. Но это дорогостоящее удобство не пользовалось большим спросом, поскольку лишало разного рода развлечений, имевшихся в общественных банях. С тех пор как Адриан, под влиянием усиливающихся тенденций к аскетизму, проявлявшихся и в других сферах, запретил совместное пребывание представителей двух полов в этих заведениях, термы обслуживали женщин по утрам, а мужчин — после полудня. Гигиена была почти такой же, какой вновь стала в Европе лишь в наши дни, несмотря на отсутствие кажущихся нам совершенно необходимыми аксессуаров: мыла, в недостаточной мере заменяемого ароматными маслами, и зубной щетки. Однако во II в. в этой области, похоже, наметился прогресс: Апулей, по просьбе своего друга Кальпурниана достать зубной порошок, посылает его, приложив сочиненное по данному случаю стихотворение:

«Кальпурниан, эти крылатые стихи несут тебе мой привет. По твоей просьбе посылаю тебе чистоту зубов и блеск рта; этот продукт извлечен из растений Аравии, порошок тонкий и благородного происхождения, наилучшее средство отбелить до снежной белизны, вылечить распухшую десну, вымести вчерашние остатки и не оставить ни единого следа грязи, когда улыбка раздвинет твои губы».

Увы, адресат дурно отплатил философу за его любезность! Присоединившись к его врагам, Кальпурниан передал эти невинные стихи адвокату, который, не колеблясь, воспользовался ими, чтобы усилить обвинения Апулея в безнравственности. В своем выступлении он «с горечью порицал чистоту рта и произносил слова „зубной порошок“ с более сильным возмущением, нежели яд». Стало быть, суровые правила запрещали древним римлянам чистить зубы, и этот обычай только-только начинал распространяться при Антонинах. Сами термины, употребляемые Апулеем, доказывают, что посылаемый им порошок воспринимался скорее как лекарство, чем как повседневное гигиеническое средство. Купец, утверждавший, что привез его из Аравии, наверняка воспользовался этим,

чтобы взвинтить цену. У тех, кто не мог себе позволить его купить, был выбор между одним из способов, в шутку предлагаемых Апулеем своим хулителям: полоскать рот чистой водой, протирать зубы углем либо, в соответствии с отвратительным обычаем иберов, о котором рассказывает Катулл, чистить зубы... собственной мочой.

Еда

И вот, чисто вымытый, наряженный в лучшие одежды, украшенный своими драгоценностями, африканец или африканка готовы выйти в свет. Разумеется, первым делом они подумают о том, чтобы поесть.

Проблема питания по-разному стояла перед богачом, владельцем собственного дома и многочисленных рабов, среди которых далеко не последнее место занимал повар, и бедняком, которому приходилось питаться тем, что состряпает квартирная хозяйка, жена или служанка, а нередко одна и другая совместно. Для уменьшения расходов такой без колебаний приготовит себе что-нибудь сам, как Луций, который, как мы видели, самолично отправился на рынок, где произошел конфликт между нечестным торговцем рыбой и слишком ретивым эдилом. Как и сейчас, в мусульманском Тунисе в те времена забота о покупке продуктов была мужским занятием.

Но не наилучший ли способ питаться прилично и не слишком тратиться — напроситься в гости? При чтении античных романов создается впечатление, что население делится на две категории: богачи, держащие открытый стол, и бедняки, ищущие того, кто их щедро угостит. У каждого нотабля имелись свои клиенты, которые толклись у него в доме с утра, с самой церемонии пробуждения хозяина, в надежде, что их пригласят к столу. В те дни, когда патрон был не в настроении принимать или же приглашен куда-то в другое место, оставалась возможность общественных обедов, организуемых бесчисленными братствами, очевидно происходящими от пунических «гетерий», которые регулярно устраивали банкеты. Регламент

курии Юпитера из Симитты тщательно, детально перечисляет взносы, требуемые от членов или взимаемые в качестве штрафа с нерадивых участников: они заключаются в вине, хлебе, соли и сибарии, различных, видимо весьма скромных, продуктах. Бесчисленные фонды, созданные во исполнение завещаний, организовывали на свои средства собственные банкеты в дни памяти основателя. Религиозные церемонии, вступление в должность магистрата, освящение нового здания — все это были поводы для новых пирушек. Надо было быть уж очень неловким или совсем без связей, чтобы при таких возможностях ужинать у себя дома. Приезжий иностранец всегда находил для себя место за столом принимающего его официально хозяина или друга; самое худшее, что могло с ним случиться, — это наткнуться на скрягу, вроде Апулеева Милона, ставившего перед ним скудную порцию.

Памятники и здесь подтверждают и дополняют сведения, сообщаемые текстами: то они позволяют нам полюбоваться в домах знати и штаб-квартирах организаций размахом помещений, предназначенных для пиров; то показывают нам сотрапезников, собравшихся за столом или внимательно разглядывающих поданные лакомства. В большинстве африканских вилл столовая зала не отличается от гостиной: и та и другая смешиваются в экусе, мозаичный или, реже, из мраморной плитки пол которого и сегодня хранит следы банкетных лож, ставившихся перпендикулярно друг другу, напротив входной двери и по бокам. Пространство посередине, занятое легкими столиками, оставалось открытым для пирующих; оно получало самый богатый декор, обычно избираемый так, чтобы соответствовать назначению залы. Вакхические сцены были здесь как нельзя более уместны: так, в Удне центральная картина в экусе семьи Лабериев изображает визит Диониса к легендарному царю Аттики Икарию, которому бог в благодарность за гостеприимство дарит виноградную лозу. В соседнем доме сохранился декор, поражающий своим реализмом: с помощью мельчайших кубиков художник создал иллюзию пола, покрытого объедками, которые пирующие бросали под столы и лежа, проявляя в этом не

больше аккуратности, чем придворные Людовика XIV: яичной скорлупой, рыбьими хребтами и головами, дынными корками, кожурой от лимонов, косточками от маслин, раздавленными горошинами, сухими листьями. Традиция этого асаротос ойкос¹ восходит к эллинистической эпохе, а автор образца, который мозаист из Удны воспроизвел с самой скрупулезной точностью, не кто иной, как один из самых известных мастеров этого жанра, Сос из Пергама. Как мы видим, вкусы древних не всегда обременялись излишней заботой о благородстве. По правде говоря, это увлечение отбросами, так странно сочетающееся с нашей недавней модой, объясняется не философией небытия и абсурдности, а самыми примитивными суевериями, пережитки которых отмечаются в сегодняшнем Магрибе: считалось, что в отходах заключена магическая сила, потому от них и не решались избавиться, пока искусство не предложило остроумную замену, позволяющую избежать неудобств, связываемых с сохранением настоящих отбросов. Аналогичным чувством объясняется явление, именуемое ксения, или подарки гостеприимства. Не имея возможности всегда предлагать гостям богато накрытый стол, древние, по крайней мере, украшали пол и стены комнат, в которых их принимали, картинами, изображающими съестное. Две мозаики из Эль-Джема, одна давно известная, другая открытая недавно, предлагают самые совершенные натюрморты этого рода, пользовавшиеся огромной популярностью: это настоящие иллюстрированные меню. Приглашенные имели выбор между различными видами рыбы, лангустами, перепелами, подвешенными за клювы к кольцу, окороками газели и козы. Самые искушенные гурманы могли заказать себе фламинго, павлина и даже попугая. Из овощей, похоже, особенно ценились артишоки; на десерт предлагались всевозможные фрукты, яблоки, собранные в корзину, финики, огромный виноград, цитроны. Наконец, чтобы запить все это — бутылка вина в своем плетеном одеянии, похожая на те,

¹ А с а р о т о с о й к о с — иконография античных мозаичных полов, изображающая пол, покрытый остатками пиршества, объедками.

что по сей день используют в Италии, но не круглая, а квадратная, и возле нее стакан.

Много хуже, что неудивительно, мы информированы о простой повседневной пище, которую ели в семьях, когда не имелось других вариантов. Ее следует искать на могильных стелах, где скульптор не додумался изобразить райское блаженство лучше, чем в виде семейного ужина. Хозяин дома лежит на ложе, возле него, как предписывают правила приличия, сидит на стуле супруга; на столике корзинка с маленькими круглыми хлебцами, фруктами и какой-то еще едой, которую не удалось идентифицировать. Маленькая служанка наливает вино из кувшина. Маловероятно, чтобы эта семейная сцена была вдохновлена реальной жизнью: она воспроизводит трафарет, использовавшийся по всей империи и даже за ее пределами, например в Парфии; но, возможно, обычаи варьировались столь же мало, сколь и изображение, и картина, какой бы банальной она ни была, должна была казаться заказчикам вполне правдоподобной.

Парадные трапезы изображены с большим пылом и, возможно, достоверностью. По правде сказать, в большинстве случаев речь идет не об ужине как таковом, а о попойках — комсиссационес, — следовавших за обедом (цена). Самой примечательной из посвященных им мозаик, несомненно, является обнаруженный в 1953 г. в Эль-Джеме пир переодетых, к которому мы уже неоднократно обращались. Пятеро сотрапезников сидят за столом в форме буквы С; раб наполняет их стаканы, зачерпывая двумя ковшом из большой амфоры, стоящей возле деревенского табурета, служащего столом. Сцена происходит под открытым небом, в поле: на переднем плане лежат пять спящих горбатых быков, а их пастух бесцеремонно требует от пирующих не тревожить животных. «Тихо! — кричит он. — Дайте быкам поспать!» Действительно, праздник явно проходит шумно и весьма бурно: один из выпивох призывает своих приятелей раздеться и сам подает им пример, оставшись в одной прозрачной тунике. Похоже, что остальные — среди которых, как мы полагаем, две женщины, — возражают: «Мы пришли сюда пить», — говорит одна; «Вы слишком много болтаете», — утверждает дру-

гой; еще один считает, что ситуация ухудшается. «Давайте расходиться», — предлагает он. Его соседка, напротив, предпочитает остаться: «Нам троим и тут хорошо!» Праздник при определенных условиях может перейти в скандал: пастух вполне способен на непристойное замечание в духе «Сатирикона». Кстати, на пороге комнаты изображен фаллос, возможно помещенный туда не просто в качестве украшения. При этом весьма заурядный загул имел религиозный повод, подчеркнутый странными украшениями, надетыми на пирующих: «нудист» размахивает большим листом плюща, знаком служителей Бахуса, а другой вышит у него на тунике или, возможно, вытатуирован на коже. У двух его соседей, возможно образующих пару, на головах венки с острыми зубцами. Это эмблема, с которой обычно изображали солнечных богов и обожествленных императоров, но при этом использовавшаяся и как оберег от сглаза. Однако здесь лучи одного венка образуют таинственный цифровой знак, а в другом над ними помещена рыба или дельфин. Два персонажа справа носят один тростинку или стебель ячменя, другой — нечто вроде скипетра, заканчивающегося полумесяцем: это тоже защита от негативного воздействия, появляющаяся, в частности, на изображениях игр в амфитеатрах. Значит, мы присутствуем при священной пьянке; есть предположение, что это Сатурналии, отмечавшийся в конце декабря знаменитый карнавал, на котором дозволялись различные вольности, в частности для рабов. Но посреди зимы на улице не ужинают, даже в Эль-Джеме, тем более в легких одеяниях. Тертуллиан сообщает, что существовала традиция обязательных празднеств в честь Либеры, или Бахуса, возвращавшегося 17 марта. Согласно апологисту, в этот день давался обильный последний ужин бестиариям, которые черпали в вине смелость для схваток с дикими зверями, которые предстояли им в ближайшие дни. Эта связь между попойкой и играми объясняет странное присутствие на мозаике горбатых быков, которые, возможно, являются боевыми животными: у одного на крупе, в качестве тавра владельца, изображение вооруженного воина, очевидно гладиатора. Тем не менее мы не думаем, что тисдруские

выпивохи сами обречены на страшную битву и пытаются забыться в вине и разврате: скорее, это владельцы стада, желающие посмотреть на бои своих питомцев. Тогда понятно, почему те спят: им надо быть завтра в форме. Амулеты, неотделимые от сцен в амфитеатрах, объясняются так: скоро мы увидим игры, проходящие под патронажем Фортуны и Немезиды, в которых сохранились некоторые пережитки самых древних африканских верований; для простодушного простого народа это был повод выпустить на волю самые темные суеверия, унаследованные еще от доисторических времен. Бахус был не единственным покровителем оргий, для которых благочестие являлось лишь предлогом. Поминальный обед жрицы пунической Цереры представлен сценой банкета, которая долгое время из-за детской перспективы была непонятной. Два персонажа лежат на ложах, разделенных столиками, на которых стоят большие амфоры с острым горлышком; не обращая внимания на прислуживающих рабов, женщина, изображение которой единственное, сохранившееся до наших дней, сохранила на себе из одежды только серьги и тот самый бюстгальтер, с которым, как мы уже знаем, расставались лишь в крайнем случае.

Другие сцены пьянства менее сложны: гости стоят, они еще не успели занять место за столом или уже поднялись из-за него, им щедро наливают крепкие рабы, несущие огромные амфоры. Их подбадривали добрые пожелания на греческом и латинском языках: *Pie zeses* (пей и будешь жить), *Utere felix* (наливай и будешь счастлив).

Те, кто предпочитал пить вне дома, без труда могли найти кабачки: в городах имелось множество питейных заведений, например в Лептисе, где они прекрасно сохранились. Кандидаты на выборах могли излагать там свою программу, и к их услугам имелись аргументы для завоевания симпатий электората. Фреска в одной гробнице Гадрумета изображает интерьер одного из этих термопилиев¹,

¹ Термопилий (от др.-греч. «термос» — «теплый» и «пилес» — «продаю») — древнеримский бар или трактир, где подавали горячую еду и вино с пряностями.

где, вопреки названию, подавались не только горячительные напитки: за спиной хозяина, одетого в широкую тунику с вышитыми рукавами, находился открытый шкаф с многочисленными бутылками, какие во множестве находили в могилах в данном регионе; стояли стаканы, очень похожие на наши, кантары с двумя ручками и бочонок с вином. Клиент готов провозгласить тост, возможно, в честь некой Фортунаты, чье имя, написанное крупными буквами, читается на стене посреди наивных рисунков.

Финальный результат этих экзерсисов красноречиво выражен керамической статуэткой из Музея Бардо: старая пьянчужка, удобно устроившаяся в кресле, прижимает к себе бутылку и заявляет на плохой латыни: «Может быть, я люблю выпить, зато пью теплое, и мне хорошо!» Возможно, было бы упрощением видеть в этом рецепте отражение принципов Асклепиада, великого врача II в. до н. э., который, согласно Апулею, первым придумал использовать вино в качестве лекарства, разумеется принимая его в умеренных дозах.

Болезнь и смерть

Последователи Эскулапа в Африке были многочисленны, и их общественное положение, весьма невысокое в начале империи — большинство было рабами или вольноотпущенниками, — заметно повысилось со II в., одновременно с положением других свободных профессий. В этом виден прогресс нового и благоприятного развития средних классов: использование достижений науки стало доступным не только богачам, которые могли содержать собственного врача, а новые классы уже не довольствовались помощью ворожей и знахарей, которые долгое время пользовали их предков. Апулей их описывает в своих «Флоридах»: «Или вот еще врачи, которые приходят навестить больного. Ни один из них не обнадеживает его на том основании, что видит в доме комнаты, увешанные красивыми картинами, обитые золотом потолки, мальчиков и юношей прекрасной наружности, толпою стоящих

в спальне вокруг ложа. Нет, врач, как только сядет рядом с больным, берет его руку, осматривает ее, щупает пульс и наблюдает силу его ударов; и если обнаружит какие-нибудь неправильности или сбои, объявляет больному, что положение его серьезно. Нашему богачу запрещается принимать любую пищу; его высокое положение ничем не может помочь ему в этом случае». Этот отрывок можно проиллюстрировать прекрасной мозаикой Ламбириди, несмотря на то что она появилась почти на столетие позже, и изображен на ней не человеческий лекарь, а мистический Асклепий герметистов, целитель в большей степени душ, чем тел. Совершенно обнаженный пациент представляет свою жалкую фигурку, истощенную пожирающей его болезнью, доброму богу-врачевателю, который щупает ему пульс и шею. Со своими глубоко посаженными строгими глазами под облысевшим лбом, с короткой, плохо расчесанной бородой, мощной мускулатурой, выступающей под серо-зеленым гиматием, Эскулап выглядит типичным провинциальным доктором, чья нелегкая работа требует в равной степени физической выносливости, научных знаний и преданности делу. Верный реализму своего времени, африканский мозаист сумел избежать традиционной банальности, сохраненной им лишь в самых общих чертах, и создал картину, трогательную своим гуманизмом.

Мы упомянули о медицинской науке. Тогда в понятие вкладывали совсем иной смысл, чем это делаем сегодня мы. Значительную часть составляли религиозные практики. В Африке, как и в остальных частях империи, врачи почти всегда находились под покровительством бога из Эпидавра¹, который ассоциировался с древним пуническим Эшмуном. Но слияние двух образов больше пошло на пользу греческому богу, который навязал в святилищах своего восточного коллеги полунаучные-полумистические практики, бывшие в ходу на его малой родине. У нас есть доказательства этого благодаря очень интересной надписи из Тубурбо Майуса, перечисляющей запреты, которым

¹ То есть Асклепия (Эскулапа), чьей родиной считается г. Эпидавр в Южной Греции (полуостров Пелопоннес).

должен подчиниться верующий, прежде чем быть допущенным в священные стены. Этот регламент действительно имеет аналог в Греции, и только там. Но перечисляемые им предписания: временный отказ от свинины, бобов, целомудрие (также временное), запрет на посещение в течение трех дней парикмахера и общественной бани — весьма хорошо сочетаются с теми, которым должны были постоянно следовать финикийские хоканимы. Весьма правдоподобна версия, что регламент из Тубурбо Майуса является копией того, что бы вывешен в храме в Карфагене и который мы обнаружили под заголовком: *iussi Domini Æsculapī* (по повелению господина Эскулапа). А храм в Карфагене занимал на вершине Театрального холма то самое место, что ранее послужило последним узлом обороны пунийцам — защитникам этого нового Тира. Жрец этого бога избирался из числа самых видных городских нотаблей и в качестве знака своих полномочий должен был носить пунический национальный костюм.

Заслуга жрецов Эскулапа заключается в том, что они сумели совместить свои религиозные практики, которые могли вдохновляться искренним мистицизмом, как у ритора Элия Аристида, но зачастую оставались связанными с шарлатанством, и весьма разумные правила гигиены и диетологии. Большое значение придавалось целебным свойствам воды; как мы уже видели, источник в Тимгаде, колодец в Диммиди были поставлены под покровительство Сераписа, еще одного бога-целителя, и самого Эскулапа. Термальные станции, естественно, привлекали многочисленную клиентуру. У городских ворот карфагеняне имели выбор между Акве Персиане (Хаммам Лиф) и водами Карпи (Корбус): источники с хлорированной содой и радиоактивностью с успехом использовались в лечении дыхательных путей, артрита, кожных заболеваний. Возле Такапе (Габеса) Акве Такапитане (Эль-Хамма) с его сернистыми водами, заключенные в античные резервуары, к которым массово ездят окрестные жители. Прекрасные римские бассейны, вырубленные в скалах, с фонтанами в форме львиных голов, и по сей день сохраняются в Хаммам Меллег, в районе Кефа. В целом, использование тер-

мальных источников в стране сегодня развито не более, чем во времена, когда Апулей искал в Акве Персиане исцеления сложной травмы ноги: слишком энергично занимавшийся в гимнастическом зале в день, когда дождь помешал театральному представлению, оратор так неудачно повредил ногу, что порвал связки. Костоправ, к которому он обратился, еще более ухудшил положение: от ударов по кости с целью поставить ее на место все тело пациента покрылось потом, что вызвало простуду и сильные боли во внутренностях. Апулей уже видел себя мертвым и печально размышлял над историей поэта Филемона, внезапно умершего в тот день, когда дождь также помешал ему читать одну из его пьес. К счастью, Акве Персиане своим мягким теплом, а еще больше своим успокаивающим действием очень скоро привели всё в порядок, и еще прихрамывающий оратор смог вернуться к своей публике, которой счел нужным во всех подробностях поведать о своих злоключениях.

Даже если сделать скидку на изнеженность писателя, энергичность лечения, примененного карфагенским ортопедом, позволяет судить об участи несчастных, попадавших в руки хирурга. Столь же рискованно было обращаться и к окулистам; хотя у тех было немало работы в стране, где яркое солнце, пыль и мухи представляют наибольшую опасность для глаз. В отсутствие какого бы то ни было способа коррекции зрения они пытались победить беду при помощи наркотиков и различных опиатов, качество которых гарантировалось печатью с их именем.

Несмотря на все эти недостатки, природное здоровье позволяло немалому числу африканцев доживать до весьма почтенного возраста. Статистика, которую можно составить на основе надписей на надгробиях, показывает, что в Африке средняя продолжительность жизни была чуть выше, чем в других провинциях. Нередко встречались дожившие до ста лет; возле Тебессы нашли эпитафию Элия Катта, который только в сто четыре года озаботился постройкой мавзолея для себя. Еще вполне бодрый, он самолично верхом на лошади объезжал каменные карьеры и рабочих, возводивших этот памятник, в котором прежде

него упокоились его жена Рогата и его сноха Меммия Севера.

Отношение романо-африканцев к смерти основывалось на тех же принципах, которые регулировали их жизнь. Историки современных религий, интересующиеся развитием мистического течения, восторжествовавшего в христианстве, обращают особое внимание на надгробные памятники, с фигурами или надписями, свидетельствующими о надежде на мир, управляемый по иным правилам, чем этот. Надо отдавать себе отчет в том, что они составляли лишь меньшинство, особенно в период, рассматриваемый в этой работе. В отличие от своего современника-христианина, подданный империи, оставшийся верным гуманистической греко-латинской идеологии, вовсе не считал, что должен менять свои принципы, чтобы обеспечить себе вечные покой и блаженство. Совсем наоборот, именно те самые добродетели, что должны были способствовать спасению его души, делали из него отважного и дисциплинированного солдата, цельного и щедрого политика, оратора, ученого или поэта. Для наиболее позитивных, которых было много, которые, очевидно, составляли большинство, по крайней мере до конца II в., надежда на загробную жизнь оставалась неопределенной и смутной; самую надежную вечную жизнь обеспечивал себе тот, память о деяниях и имя кого сохранялись в памяти живущих. Эпитафия Пинария Мустула из Мактара очень хорошо выражает это широко распространенное наивное представление: «Прожил достаточно долго, рожден счастливо и сколотил почтенное состояние с небольшой прибылью, никогда не прибегая к мошенничеству. Возвышенный своими почестями и моих сыновей, я, умирая, оставляю вечную блестящую репутацию». Этим объясняется характер надписей на африканских захоронениях имперского периода. Карфагеняне, как большинство жителей Востока, вплоть до конца сохранили идею, что умерший продолжает жить в другом мире, где могила составляет его личную собственность; поэтому ее старались обустроить с максимальным комфортом, поместив туда инвентарь, необходимый для потребностей «души»; в большинстве случаев не стреми-

лись привлекать внимание живых к месту своего последнего приюта из-за страха, что те нарушат их покой. Поэтому могилы рылись так глубоко, как только возможно, и чаще всего лишались каких-либо знаков или сооружений на поверхности. Распространение более сложной эсхатологии, на которую одновременно оказали влияние теология жертвенности и греческая философия, привели к появлению начиная с IV в. до н. э. мавзолея восточного типа, наилучшим сохранившимся и одновременно самым знаменитым образцом которого является княжеская усыпальница в Дугге. Декор этого здания подтверждает, что его предназначением, как и посвятительных стел, с которыми он состоит в прямом родстве, было подчеркнуть важность религиозного акта, вырвавшего умершего из общего состояния и введшего в божественный мир звезд. Недавно было доказано, что эти верования, приобретшие популярность у пунизированных нумидийцев, оказали прямое влияние на римлян двух последних веков существования республики: по словам Цицерона, старый царь Массинисса будто бы обучил Сципиона доктрине переселения праведных душ в звездные сферы. Но у римлян, что очень характерно для их менталитета, мистицизм быстро выродился и слился с социальной концепцией культа мертвых, который древние латиняне заимствовали из старых индоевропейских традиций. Уже для Цицерона «катастеризм» — трансформация праведных душ в звезды — есть вознаграждение, обещанное лучшим служителям родины. Как мы констатируем, в имперской Африке эсхатологические доктрины пунического происхождения отступали по мере вымирания кружков верующих, все еще привязанных к финикийской культуре. Подземные склепы сохранялись лишь в регионах, где эта традиция продолжала жить и даже приобретала новый аспект. Так, в некрополях Гадрумета имеются подземные ходы, вырубленные в туфе и окруженные аркосолиями¹, где хоронили умерших. Но росписи, украшающие стены этих комнат и изобража-

¹ Аркосолий — в раннехристианских погребениях арочная ниша для установки урны с прахом умершего или саркофага.

ющие некоторые эпизоды из жизни покойного или, чаще, вдохновленные модной в тот момент религией, в основном культом Бахуса, делают их похожими скорее на современные им погребения в пригородах Рима, чем на глубокие колодцы, в которых хоронили своих умерших пунийцы: легко доступные по лестнице в несколько ступенек, эти гроты служили местом семейных собраний, то есть резкая граница между миром живых и миром мертвых, существовавшая прежде, теперь была упразднена. Как и в Италии, христиане использовали подземные гробницы для того, чтобы без лишних опасений отправлять свой культ; катакомбы Гадрумета и те, что недавно раскопаны в Тебессе, соседствовали с языческими захоронениями и скрывали в лабиринтах своих туннелей символы, которыми верующие выражали свои чаяния. Кроме того, кладбища африканских городов чаще всего находились под открытым небом, у ворот и вдоль главных дорог. Кладбища Аммедары и Тены, если не были обезображены грабителями, в точности походили на некрополи Остии или Ватикана. Различие надгробий выражает разницу в общественном положении; рабы, бедняки довольствовались, как и в Италии, тем, что оборачивали труп близкого человека в два куска ткани. Более обеспеченные люди ставили маленький монумент: наиболее популярной, хотя и не свойственной Африке, формой был цементный прямоугольник, увенчанный полуцилиндром; проход, сделанный в камне, позволял доходить до покойного возлиянием, совершаемым в день очередной годовщины, когда близкие и друзья приходили, так сказать, поужинать с ним на его могиле. Наконец, богачи вкладывали все свое тщеславие в возведение как можно более просторного, роскошного и прочного мавзолея. И им часто удавалось увековечить память о себе, потому что в городских предместьях, возле дорог, а то и просто в чистом поле, возле ферм усопших сохраняются руины десятков погребальных башен; часто лишь одни они указывают на местоположение исчезнувшего города или поселка. Некоторые, вроде Ксар Менара, стоящего возле Энфидавиля на дороге из Гадрумета в Карфаген, это массивные круглые башни, имитирующие в уменьшенном

масштабе гробницу Цецилии Метеллы, или мавзолеи, охранявшие в Риме покой Августа и Адриана. Многие другие внешне представляют собой настоящие маленькие храмы с колоннадой и фронтоном, поднятым на очень высокий пьедестал, и с погребальной камерой внутри. Но большинство сохранило стройную, устремленную ввысь форму, когда-то введенную пунийцами. Обычно они имеют два этажа: стены комнаты на первом изрыты по периметру нишами, где стояли урны с прахом членов семьи и их слуг; на втором этаже ниша, в которой стояли статуи основателя и его жены; весь комплекс накрыт островерхой крышей в форме пирамиды. Своей архитектурой эти мавзолеи напоминают гробницу в Дугге. Но вдохновлялись они совсем иным намерением: их декор очень редко, как, например, в мавзолее Ксар-бу-Крис, украшенный знаками зодиака, выражает надежду на «вознесение на небо»; также очень редко, чтобы в эпитафии упоминались наставления какой-либо религии или делались намеки на иной мир, иначе, чем в общих поэтических фразах, о которых мы не знаем, сохраняли ли они свой первоначальный смысл для читателя. В действительности монумент прежде всего предназначен для живых; он должен привлекать их внимание своей значительностью, а иногда и утилитарностью, так как при случае мог использоваться в качестве маяка, ориентира, даже укрытия для путников, застигнутых дождем. Прохожий мог, а часто его к этому напрямую призывали надписи, прочитать эпитафию, которая стремилась не столько пробудить в нем чувство религиозного благочестия, сколько просветить относительно земных заслуг покойного и, изяществом своей формы, подчеркнуть его культурный уровень. Если оставить в стороне юридические формулировки, строго оговаривающие права собственности умершего на это имущество, обычно исключенное из наследства, данные тексты прославляют исключительно заслуги, оказанные обществу человеком, который, что подразумевалось, является его частью и после своей смерти: они в подробностях описывают его карьеру, его литературные или финансовые достижения, а главное, его щедрость. Если речь идет о женщине, прослав-

ляются ее семейные добродетели, ее целомудрие, реже — красота. Почти никогда прохожего не просят ни молиться за умершего, ни просить его заступничества у богов. Но есть приглашение вспомнить имя покойного и, если имеется такая возможность, принять участие в ежегодном поминовении, которое имело чисто общественный характер, поскольку заключалось в пиршестве профессиональной корпорации или политической группы. Для этих славных буржуа не было бы ничего более приятного, чем знать, с каким старанием мы сегодня стараемся восстановить их историю и популяризировать ее. Они наверняка простили бы археологов за то, что ради достижения этой цели они потревожили покой их праха. Действительно, они не придавали большого значения посмертному комфорту, который составлял важную заботу карфагенян: инвентарь ограничивался одной лампой, иногда дополняемой амулетами или статуэтками-защитницами, — в кругах, сохранивших наибольшую приверженность пуническим традициям, — или несколькими горшками, не представляющими большой ценности. Сохранность самих останков, после их захоронения или кремации, полностью возлагалась на, как бы мы это назвали, общественное попечение.

Нам кажется очень важным отметить силу этой приземленной — неверно было бы назвать ее материалистической — тенденции в Африке. Действительно, она показывает в области, относительно мало чувствительной к изменениям моды, степень влияния римского мышления на очень значительную часть населения, во всяком случае на господствующие классы. В этом плане провинция Африка в период своего наивысшего развития была совершенно латинской и ни в какой мере не пунической или восточной. Очевидно, было бы слишком предполагать полное единодушие в этом вопросе, которое не встречается ни у одного народа ни в одном месте. Мы сами в другой работе подчеркивали живучесть пунического мистицизма и появление идущих ему на смену из эллинистического мира новых мистических религий. Как же сосуществовали или противостояли друг другу эти кажущиеся нам такими различными тенденции? Здесь историк затрагивает одну

из самых деликатных проблем, какие могут перед ним встать. Пример одного человека, относительно хорошо известного, умного и образованного, Апулея, показывает, что следует воздержаться от категорических выводов: сформированный в платоновских кругах Афин, которые в то время отдалялись от новой академии, чтобы вернуться к спиритуализму, посвященный в различного рода мистерии, «мадаврский философ» при случае умеет находить интонации истинно верующего и благочестивого человека. Парадоксально, но можно даже предположить, что он обратился в христианство. И при этом в повседневном поведении он не обременяет себя светскими условностями, как честолюбец, жаждущий добиться, даже сомнительными средствами, богатства и комфорта, а также внешних почестей, доставляемых обществом империи. То он кажется готовым подвергнуть себя строжайшему аскетизму, то бросается в самые доступные, даже низменные удовольствия. Такая противоречивость раздражает нас, и мы часто склонны принять сторону его противника, адвоката Таннония Пудента, выставившего на обозрение это внешнее двуличие и попытавшегося на этом основании дискредитировать Апулея. Тем не менее тот выиграл свой процесс перед проконсулом Клавдием Максимом, одним из сподвижников сурового императора Антонина, который не считал возможным вменить в преступление слишком очевидное легкомыслие. И несомненно, Максим был прав: непостоянство Апулея было недостатком не столько человека, сколько народа и времени: и сегодня в африканцах разных религий находят живость ума и сильные страсти, но также слабость воли, разрушающую все добрые начинания, и непостоянство, мешающее доводить до успешного завершения прекрасные замыслы. Эти недостатки, которые могла сдерживать суровая римская дисциплина, вскоре усиленная суровой христианской моралью, особенно сильно развились в нестабильную и смутную пору, в которую упадок моральных ценностей соединялся с тысячей материальных возможностей, с тысячей источников получения удовольствий, еще не исчезнувших вследствие политических и экономических провалов.

Развлечения

Одной из самых примечательных характеристик имперской цивилизации, как в Африке, так и в других областях, было значение, придаваемое на официальном уровне тому, что мы сегодня называем досугом. Отсюда необходимость сделать акцент на очень современном характере этого явления: действительно, вплоть до совсем недавних времен большинство обществ, вышедших из первобытного состояния, где праздник является главным мероприятием общины, полагали, что индивиды должны сами развлекать себя, как им угодно. Лишь немногие избранные могли использовать общественные ресурсы для своих развлечений, соглашаясь приобщать к ним по особо торжественным случаям более или менее крупные массы народа. Греки же, а вслед за ними римляне, напротив, считали, что власти должны всем гражданам предоставлять возможность расслабиться. Во времена империи этот обычай приобретает первостепенное значение; известна знаменитая формула Ювенала, изложенная в словах *panem et circensis*¹ — выражение чаяний квиритов. Этот официальный гедонизм, ставивший на одну ступень снабжение продовольствием и игры, был доступен не только жителям столицы. Во всей империи в распоряжении городского населения имелись развлечения, одни из которых соответствовали тому, что мы сегодня называем спортом, а другие — спектаклями. Как и сегодня, спорт существовал в двух видах: индивидуальные занятия, которые человек выбирал для себя сам, и выступления профессионалов. Весьма распространено мнение, будто второй вид все больше и больше вытеснял первый, и в этой тенденции видят причину вырождения античного общества. Не следует слишком строго оценивать это суждение, не только потому, что мы сами в этом отношении совсем не безгрешны, как и наши предки, а еще потому, что беспристрастный анализ фактов показывает, что еще во II в. подданные империи не были так уж равнодушны к принципу *mens sana in corpo-*

¹ Хлеба и зрелищ (лат.).

re sano¹, лежавшему в основе гуманистического воспитания, каким его придумали греки. В каждом здании терм имелась палестра — широкий двор под открытым небом, с портиками по краям, где купающиеся могли потренироваться в беге, прыжках или борьбе перед тем, как нырнуть в бассейн. Мы уже видели, что даже такой интеллектуал, как Апулей, перешагнув тридцатилетний рубеж, занимался спортом с таким азартом, что получил серьезную травму. Надо полагать, своим поведением он не выделялся из общей среды; у нас даже есть основания думать, что жители Африки в ту эпоху оставались большими спортсменами, чем жители других провинций империи. Надписи, обнаруженные в ней, чуть ли не единственные, где среди общественных праздников упоминаются гимнасии; известно около сорока упоминаний о них против трех в других регионах. Эти игры занимали значительную часть года: в Тевесте один благотворитель, Корнелий Эгрилиан, оплачивал их проведение в течение шестидесяти дней в году. Но в чем они заключались? Американский ученый У.Ф. Снайдер доказал, что в большинстве случаев речь идет не о выступлениях профессионалов, а о бесплатной раздаче продуктов, в частности масла, необходимых для гимнастов-индивидуалов; в случае необходимости добавлялось вино, чтобы спортсмены могли подкрепить свои силы после выступлений. Эти состязания проходили в термах. Эгрилиан, как бывший офицер², разумеется, был склонен заботиться о хорошей физической форме сограждан, и можно только похвалить его за то, что он тратил свои деньги на поощрение занятий ими спортом, а не на другие, менее здоровые и менее моральные развлечения. Разумеется, данными преимуществами пользовались в первую очередь молодые: те, кто был записан в ювентусы, должны были проходить обязательную подготовку в специальных палестрах; в той, что мы раскопали в Мактаре, несмотря на ее небольшие размеры, имелось все, что Витрувий перечислил в типовом плане, составленном им для этого рода заведений.

¹ В здоровом теле — здоровый дух (*лат.*).

² Гай Корнелий Эгрилиан — бывший префект XIV легиона.

Помимо физической культуры в узком смысле, африканцы, что совершенно естественно, занимались на природе другими видами деятельности, для которых их страна предоставляла особо благоприятные возможности: плавание в бассейнах терм и даже, если судить по мозаикам, иногда в море; а главное, охота в самых разнообразных формах. В лесах и кустах еще скрывались крупные хищники; можно поверить, что львы, чье рычание Флобер слышал ночью во время своего путешествия в Кеф, стали редкими в проконсульской провинции, гораздо более густо населенной и освоенной, чем современный Тунис. Но если направиться на запад, очевидно, встретить их было легко; мозаика из Цинкари, в долине нижней Меджерды, датируемая предположительно III в., изображает одного из этих хищников, пожирающего лошадь; тот же сюжет появляется на любопытной пластине из обожженной глины — предмете, посвященном некоему культу и принадлежавшем члену мистической секты — недавно найденном в Тиддесе. Дикий слон, во множестве встречавшийся еще в пуническую эпоху, в период империи, должно быть, исчез либо потому, что его безжалостно преследовали охотники, либо из-за сокращения кормовой базы вследствие сельскохозяйственного освоения саванны. Однако он еще довольно долго сохранялся в Мавретании; надпись из Волюбилиса упоминает, что во времена Каракаллы «небесные животные» из лесов этой провинции поставлялись в императорские зверинцы; однако среди ученых нет единого понимания этого выражения: одни полагают, что речь идет о львах, другие — о слонах. По предсахарским степям носились стаи страусов, исчезнувшие век спустя. Как бы то ни было, охота на крупных хищников была строго регламентирована; например, охота на львов являлась, в принципе, императорской монополией; фактически, ни один государь так и не воспользовался этим своим правом. Но на солдатах лежала обязанность ловить хищников, предназначенных для схваток в амфитеатрах; надпись, выгравированная возле Жеривиль¹,

¹ Ж е р и в и л ь — название тунисского города Эль-Баяда в колониальные времена.

в сахарском Атласе Орании, сохранила память об одной такой экспедиции, которая увела своих участников за 100 с лишним километров от лимеса. Ради получения экзотических животных не останавливались даже перед переходом через Сахару. Мозаика IV в., найдена в Пьяцца Армерина на Сицилии, изображает охоту в тропических краях, объектом которой являются не только носороги, львы и тигры, но даже грифон! Видимо, среди ее участников был предок Тартарена, а натуралисты того времени слишком доверчиво отнеслись к его байкам. Другая мозаика, довольно поздняя (середины IV в.), найденная в Гиппоне, показывает, как ловили живьем львов и леопардов. Всадники поднимали хищников в горах и гнали к загонам, в которых в качестве приманки были привязаны овцы или козы. Другие охотники, пешие, образовывали стену щитов и, пугая зверей длинными факелами, оттесняли их в сети, спрятанные под кустами. Далее оставалось только поместить пленников в клетки. Рядом изображен всадник с лассо, ловящий дикого осла. Еще одна мозаика, более древняя (начала III в.), найденная в Кефе, изображает ловлю страусов и ланей тем же способом; похоже, что сцена происходит в амфитеатре, в котором решили дать зрителям испытать эмоции большой охоты. А в зарослях кустов, для того чтобы помещики могли развлечься охотой, еще оставались пантеры и кабаны; мозаика сельских работ из Удны изображает всадников, атакующих с рогатиной пантеру и кабана; впрочем, художник явно не вдохновлялся сценами с натуры, поскольку фон для сцены охоты на пантеру позаимствовал с антиохийской мозаики, сегодня хранящейся в Лувре; что же касается охотника на кабана, его нагота, обнаженная развевающейся пелериной, приглашает отождествить его с Мелеагром, греческим героем, ставшим за свою храбрость «святым» в язычестве. Здесь мы попутно видим один из наиболее типичных приемов римского искусства, который лучше всего подчеркивает его народный характер: как и наши иллюстраторы, расписывавшие тарелки в XIX в., художник видит действительность через шаблоны, от которых совсем не стремится уйти, поскольку они обогащают изображаемую сцену

символическим смыслом. Семейство Лабериев из Утины, наверное, успешно охотилось на кабанов и пантер на поросших лесом холмах вокруг их полей; но им нравилось представлять в образах мифологических гермов, чьи сверхчеловеческие способности служили им образцом для подражания. Вот, кстати, сходная сцена, в которой мозаист сумел показать, что не чужд ни наблюдательности, ни чувства юмора: некий человек, очевидно крестьянин, замаскировавшийся под козью шкурой, накрывает перепелок большой сетью, подобной тем, какими некогда ловили в Америке диких индюшек. На основании этого примера можно предположить, что чем более реалистична сцена, тем менее она благородна; растянувшиеся на всем протяжении III в., они определенно слишком близки друг к другу, чтобы их авторы не руководствовались неким «образцом». Но они, по крайней мере, стремились индивидуализировать свои произведения, и не только деталями костюма и вооружения, но и указывая при необходимости имена охотников и даже клички их собак и лошадей: так, слюги¹ Сагитта, прозванная «грозою зайцев», была вместе со своими хозяевами Нарциссом и Палласом увековечена мозаикой в Тубурбо Майусе. Что же касается бесчисленных рыбаков с удочками и сетями, сидящих в своих широкополых шляпах и набедренных повязках на скалах, рядом с корзинкой для рыбы, они ничем не отличаются от тех, что и сегодня оживляют по воскресеньям изрезанную береговую линию Карфагена.

И все же, следуя совершенно естественной тенденции, существовавшей во все времена, современники Апулея часто предпочитали аплодировать профессиональным спортсменам, чем утомляться самим. Удобно устроившись вокруг палестры, они криками и жестами поддерживали боксеров и борцов, крепких мускулистых парней, чей череп, обычно узкий, венчал смешной пук волос, собранных в конский хвост, и чья мускулатура заставляла мечтать дам. Те, кто не мог позволить себе роскошь охотиться сами, переживали эмоции охоты на ступенях амфитеатров, наблюдая, как ве-

¹ С л ю г и — древняя порода борзых собак.

наторы¹, выходя против львов и медведей, преследуют на широкой арене, ловко преобразованной в тропический пейзаж, антилоп и страусов. Магистраты разорялись, выписывая необходимых для этих спектаклей животных, и, желая, чтобы потомство знало об их расходах, заказывали мозаичные картины, на которых был изображен образчик каждого вида с написанной на крупе цифрой, обозначающей, сколько его собратьев уже появлялось на арене.

Каким бы опасными ни были подвиги венаторов, их популярность не могла сравниться с той, что имели цирковые возникшие. Этот феномен описывался уже много раз, мы не станем снова рассказывать о тех страстях, что окружали гонки на колесницах; похоже, со временем они еще более усиливались, даже, возможно, за счет других развлечений. Апулей, очень словоохотливый в том, что касается амфитеатра, ничего не говорит о цирке. Но памятники и надписи красноречиво свидетельствуют о том, что тот занимал огромное место в повседневных заботах масс. В первую очередь это отражается в десятках мозаик, изображающих то возникшего, садящегося на свою колесницу, то лошадей, украшенных яркими именами, сразу напоминающими либо мифологию, либо достоинства этих благородных животных: Амур, Доминатор (Властительный), Адорандус (Обожаемый), Кринитус (Гривастый), Ферокс (Жестокий), Пегас, Амазоний, Титоний и т. д. Вот дорожка, разделяющаяся посередине, вся украшенная статуями, колоннами, небольшими постройками; по ней несутся четыре квадриги; каждая несет цвет одной из конюшен, к которой непременно принадлежит возница: белый, зеленый, синий или красный. Тренер верхом опережает одну из них; мальчик-прислужник с хлыстом размахивает амфорой, которая станет наградой победителю. Но сначала надо семь раз обогнуть обозначающий конец арены опасный столб, увенчанный тремя пирамидами: немало колесниц цеплялось за него,

¹ Венатор (venator, букв. «охотник») — артист древнеримского цирка, специализировался на травле зверей. В отличие от бестиария (гладиатора, дравшегося со зверями) он лишь осуществлял с ними рискованные трюки, то есть был скорее аналогом современного укротителя.

заложив вираж в опасной близости, и разбивалось; кучера волокло за поводья, обмотанные вокруг его тела, если только он не успевал их быстро обрезать бывшим при нем ножом. Станным был мир этих осыпанных почестями и славой возниц, самые известные из которых, невзирая на свое очень скромное происхождение, соперничали с первыми людьми провинции! Во времена Адриана возница Скорпиан заказал постройку в пригороде Карфагена роскошной виллы, мозаики которой теперь украшают музей Лавижери. Их победы прославлялись с таким же энтузиазмом, что и победы императоров, а наиболее фанатичные поклонники без колебаний придавали им религиозное значение; астрологи объясняют, что цирк с его круглой ареной есть отражение космоса, четыре «партии» — это четыре времени года, а возница-победитель — это само солнце. Бесчисленные монументы служат иллюстрацией этих невероятных спекуляций: здесь духи времен года, сидящие на крылатых конях, устроили фантастическую скачку; там духи воды, верхом на дельфинах и гиппопотамах. В Элесе возницы Полистефан и Архей превращаются в кентавресс, венчающих Венеру, богиню обновления. На знаменитой карфагенской мозаике под павлином с распущенным хвостом, символом неба, изображены четыре лошади, раскрашенные в цвета цирковых партий, топчущие растения четырех времен года. Зеленая ест весенние розы, что напоминает знаменитый эпизод из «Золотого осла», когда Луций благодаря этим цветам сумел избавиться от колдовских чар. Чтобы помешать победе конкурента, без колебаний прибегали к магии; какой-нибудь некромант отправлялся ночью на кладбище, чтобы положить в могилу умершего в младенчестве ребенка или человека, ставшего жертвой насильственной смерти, — и те и другие становились страшными призраками — свинцовую пластину с ужасными заклинаниями; варварские боги Египта, страшные демоны иудеев призывались парализовать коней противника или сделать так, чтобы те упали на повороте.

Самое знаменитое из всех римских сооружений в Африке, несомненно, Колизей в Эль-Джеме. Путешественник, следующий по совершенно прямой дороге через поч-

ти голую степь из Суса в Сфакс, вдруг видит, словно гору, взметнувшуюся ввысь среди моря, массивное суровое здание, подавляющее своим величием жалкие арабские хижины, прилепившиеся к его подножию. Приблизившись, различаешь четыре этажа поставленных друг на друга арок и зияющую брешь, пробившую их кольцо на западе: в XVII в. один бей, устав смотреть, как жители Эль-Джема укрываются в амфитеатре, словно в неприступном убежище, при попытке его войска собрать с них дань приказал своим артиллеристам нанести остававшемуся целым сооружению эту дыру; с тех пор края пролома облюбовали добытчики камня, и памятник рано или поздно рухнул бы целиком, похоронив под собой деревню, если бы Департамент охраны культурного наследия французского протектората не пустил в ход все современные технические средства, чтобы стабилизировать пошатнувшиеся арки. Арена, некогда заваленная мусором, сегодня открыла свои вырытые крест-накрест подземные галереи, откуда некогда выбегали бойцы и звери. Но ступени почти все исчезли, разобранные на хозяйственные нужды деревенскими жителями, и только подготовленный альпинист может подняться по циклопической лестнице, точнее, тому, что от нее осталось, до стены, венчающей последнюю аркаду. Обладающий хорошим воображением сторож вспоминает христиан, отдаваемых на растерзание диким зверям, и трактует по-своему символы декора. Признаемся, трудно сдержать фантазию при виде этих огромных руин! Раньше арабы рассказывали, что Колизей служил замком Кахенде, этой ведшей борьбу с исламом мятежной царице, чья полуполегендарная фигура символизирует продолжительное сопротивление берберов завоевателям; и сегодня ходят слухи, будто подземелье соединяет арену с морем. История и археология могут противопоставить этим легендам очень немногочисленные факты. Кое-кто без всяких доказательств попытался приписать строительство Колизея Гордиану III, признательному местным жителям за поддержку, оказанную его деду, вознесенному на эфемерный трон. Хотя недавно открытая надпись подтверждает, что тисдританцы не имели оснований жаловаться на юного

государя, «более милосердного, чем все его предшественники», все же маловероятно, чтобы они в глубоко смутные времена смогли собрать средства, необходимые для такого предприятия. Бесспорным представляется лишь то, что амфитеатр своими размерами свидетельствует о большом процветании, достигнутом в начале III в. Тисдрусом, столицей оливководства, опережавшего по богатству византийскую Шейтлу, аглабитский Кайруан и нынешний Сфакс. Строение получилось скорее мощным, чем изящным; похоже, архитектор намеренно стремился сохранить внешнюю суровость фасада, систематически убирая или упрощая орнамент, вроде коринфских или композитных капителей, чьи листья были оставлены гладкими. Главным было сделать возможным размещение толпы численностью от 40 000 до 60 000 человек, включавшей наверняка не только жителей густонаселенного города, но и приезжих из окрестных городков и поселков — действительно, Колизей оставался довольно редким явлением в провинции. Один лишь Карфаген имел такой же большой, как в Тисдрусе; сегодня мы можем видеть его почти стертые временем руины возле северных городских ворот; но в XI в. здание еще было целым, и аль-Бакри¹ описал его вместе со скульптурами на фасаде, представлявшими, как утверждают, различные профессиональные корпорации. Недавние раскопки позволили установить место мученической казни святой Перпетуи и ее товарищей. Но текст жития как будто указывает на то, что христиане были отданы на растерзание зверям на другой арене, относившейся к казарме городской когорты и находившейся, очевидно, на холме Бордж Джедид. В Тисдрисе имелся еще один амфитеатр, меньшего размера, который не был раскопан. В большинстве других городов ограничивались небольшими аренами, что мы видим на примере Мактара.

Амфитеатры были придуманы римскими архитекторами для проведения там гладиаторских боев, чисто италийско-

¹ Абу Убайд Абдуллах ибн Абдул-Азиз аль-Бакри (1014—1094) — ученый-географ и писатель, автор научного труда «Аль-Масалик ва аль-мамалик» («Книга путей и стран»).

го обычая этрусского происхождения, который постепенно распространился по провинциям. Мозаика из Злитена в Триполитании предлагает нам, очевидно, самое подробное из дошедших до нас изображений этих боев. С. Авригемма устроил гладиаторские бои в Лептисе в конце I в. н. э., чтобы отпраздновать спасение города, отразившего нападение гарамантов: мы видим сошедшихся в поединках бойцов в странных доспехах, в украшенных перьями шлемах, делающих их похожими на павлинов, образующих необычные по снаряжению пары: самнит и гопломах в полном вооружении, ретиарий с рыбацкой сетью и трезубцем, фракиец с легким щитом и кривым кинжалом. Оркестр из причесанной по последней моде женщины, держащей в руках орган, и двух игроков на рожках, должно быть, странно дополнял своими мелодиями крики сражающихся бойцов и зрителей, стоны умирающих. По нашему мнению, совсем недостаточно отмечалось, что эта мозаика, одна из древнейших, сохранившихся в Африке, чуть ли не единственная, посвященная данному сюжету. Гладиаторов довольно часто изображали на лампах, производимых в Италии I в., и много реже на изготовленных в более поздние времена. Вправе ли мы предположить, что смягчение нравов уменьшило любовь к этим жестоким спектаклям? По правде сказать, надписи, упоминающие гладиаторов, в африканской эпиграфике встречаются редко. Разрешения на гладиаторские бои должен был выдавать верховный жрец провинции, ежегодно избиравшийся Африканской ассамблеей; в некоторых случаях это могли делать муниципальные магистраты, но такие разрешения выдавались не слишком щедро, что не преминула подчеркнуть эпиграфика; одна надпись из Сабраты сообщает нам, что К. Флавий Пуденс, живший в конце II в., стал первым, кто организовал пятидневные игры. Во времена Апулея были устроены бои в Эа, и бездельник Сициний Пуденс, пасынок оратора, проводил там все дни. Но эпиграфии бойцов арены, такие частые в других провинциях, в рассматриваемых нами встречаются крайне редко. Причина, очевидно, в том, что эти игры были самыми дорогостоящими из всех: содержание гладиаторской команды

выливалось в круглую сумму; приходилось дорого платить бойцам-добровольцам, потому что массовый приток военнопленных прекратился; свою роль играли и соображения безопасности, поскольку люди, которым нечего терять, могли поставить свое умение владеть оружием на службу какой-нибудь революционной группировке. Поэтому общественные власти не поощряли гладиаторские бои если не из гуманности, то ради сбережения финансов. Марк Аврелий официально регламентировал их. Не надо думать, что удовольствие наблюдать за тем, как люди режут друг друга, было доступно каждое воскресенье; даже большие города устраивали гладиаторские бои только по важным поводам. А между ними садистские наклонности толпы удовлетворялись с меньшими затратами. В городах, где стояли воинские гарнизоны, солдаты иногда устраивали на арене поединки между собой; но там дело не доходило даже до серьезных ран. Охоты, о которых мы уже говорили, возбуждали сильнее, но у хорошо вооруженных венаторов были большие шансы остаться в живых. Поскольку крови животных оказывалось недостаточно, ради развлечения публики устраивались публичные казни осужденных. На мозаике в Злитене двух закованных в кандалы на маленьких тележках пленных гарамантов, узнаваемых по их бронзовой коже, служители подталкивают к хищникам, которые их разрывают. Глиняные статуэтки и лампы изображают аналогичные сцены, позволяя предположить, что подобные зрелища были довольно распространены. Игра, описываемая Апулеем в конце его романа, видимо, являлась гвоздем развлекательной программы и была отвратительна вдвойне, потому что в ней женщину отдавали на совокупление с ослом; правда, тот был не кем иным, как заколдованным героем, и мы имеем возможность узнать его переживания! Очень похожая сцена проиллюстрирована лампами, изготовители которых, возможно, вдохновлялись романом. Тертуллиан не дает нам усомниться в том, что карфагенские спектакли довольно часто сдабривались пикантной приправой смерти осужденного; он рассказывает, что лично видел, как сожгли живьем беднягу, которого заставили играть роль Геракла на горе Оэта,

а другого, изображавшего Аттиса, кастрировали. Всему миру известно мученичество святых Перпетуи, Фелицитаты и их товарищей, казненных в Карфагене 7 марта 203 г.; протокол их казни, составленный современником, фигурирует среди наиболее подлинных и самых волнительных документов преследуемой Церкви. В то время как Ревоката и Сатурнина разрывали сначала леопард, а потом медведь, на Сатура натравили кабана, который пощадил его, но смертельно ранил слугителя, призванного управлять им. Медведь тоже пренебрег христианином, а вот леопард, в конце концов, перегрыз ему горло. А Перпетую с Фелицитатой обмотали сетями и, сначала голыми, а после протестов толпы прикрытыми их одеждой, бросили к разъяренной корове. Гладиаторы их добились «ударом милосердия». Хранящаяся в музее Лувра статуэтка из обожженной глины, происходящая из Эль-Джема, изображает довольно похожую казнь; женщина, одетая в одни только узкие «трусы», со скрученными за спиной руками, привязана к спине быка, а на него нападает хищник — видимо, пантера, — прыгнувший на хребет быку и схвативший женщину за горло; бык сбил с ног bestiария, тот стоит на коленях и пытается защититься большим щитом.

Нам трудно понять, как цивилизованные гуманные люди могли не только выносить подобные зрелища, но заказывать и поощрять их. И тем не менее следует хотя бы попытаться это сделать. Жестокость казней объясняется, в первую очередь, защитной реакцией плохо вооруженного общества. Современные государства могут себе позволить относительные послабления по отношению к преступникам, которых хорошо организованная полиция почти всегда может держать в узде. Мы уже видели крайнюю слабость сил, призванных поддерживать в Римской империи правопорядок. Бандит имел все шансы избежать какого бы то ни было наказания и долгие годы безнаказанно терроризировать добропорядочных граждан. Жестокость наказания тому, кто попался, в некотором смысле восстанавливала равновесие; ужас, который преступники навели на честных людей, сменялся у тех чувством сострадания. В Римской империи, так же как в Китайской

империи, так же как во Франции Людовика XIV и в папском Риме, палач изощренностью своего искусства компенсировал недостатки полиции. А разве в наши дни мы не видим, как даже в самых цивилизованных государствах самые мирные и добрые граждане выступают за самые жестокие наказания, когда крупный кризис в один момент переворачивает устоявшийся порядок и настоящие или мнимые виновники оказываются отданными на общественное мщение? Большинство более-менее осознанно допускает, что лица, повинные в особо тяжких преступлениях, не имеют права требовать применения к себе тех правил, какие обычно защищают человеческую личность. С другой стороны, очевидно, что казни в амфитеатрах приобретали религиозный характер. В этом смысле очень характерен один момент в «Страстях Перпетуи»: осужденные на растерзание зверями непременно должны были пройти по арене и переодеться, мужчины в облачение жрецов Сатурна, женщины — в жриц Целесты. Этот ритуальный маскарад, освобождения от которого христиане сумели добиться, превращал казнь в человеческое жертвоприношение. Римляне строго запретили молк, принесение людей, преимущественно детей, в жертву Ваалу Хаммону. Но они не запретили пуническую религию и, следовательно, думали, что богам, продолжающим царствовать над Африкой, по-прежнему нужна кровь. Отдавая им преступников, они удовлетворяли их жажду, не нарушая законов; такая передача шла, впрочем, на пользу и жертвам, что объясняет легкость, с которой христианам удалось избежать этой процедуры; пуническая теология обожествляла принесенных в жертву. Точно так же, как приговоренные инквизицией, надевая санбенито¹ и отрекаясь от своих заблуждений, находили в казни спасение, которое утратили своей ересью, приговоренные к смерти на арене могли получить райское блаженство наравне с добропорядочными гражданами, ведущими образцовую жизнь. Эти соображения объясняют, почему травля зве-

¹ С а н б е н и т о — позорная одежда осужденных инквизицией на сожжение.

рями была в Африке популярнее гладиаторских боев, чье происхождение и смысл существования находят объяснение в италийской религии; лесные хищники были слугами богов, чье страшное величие наиболее эффективно проявлялось в диких краях. В рескрипте Каракаллы, адресованном жителям Волюбилиса, эти звери названы «небесными». Бесчисленные памятники ассоциируют льва и быка с Сатурном и Целестой, пантеру с Бахусом; медведь принадлежал Диане. В амфитеатре украшения, надевавшиеся на животных, объявляли об их священном характере, и даже жреческие одеяния приговоренных делали их рабами бога; отказывавшиеся облачаться в этот костюм должны были быть брошенными зверям голыми, дабы их повседневные одежды не осквернили святости жертвоприношения. Общеизвестно, что обычные нормы морали перестают действовать в религиозной сфере, а их нарушение придает праздникам особую силу. Не будем забывать, что целью церемоний было восстановление мирового порядка: собственно религиозные праздники в даты, установленные жреческими календарями, помогали богам исполнять их благотворную работу. Публичные празднества очередной годовщины восшествия императора на престол или одержанной им победы усиливали сверхъестественную мощь, позволявшую этим посланцам Провидения исполнять свою тяжелую миссию защитников порядка и благодетелей человечества.

Религиозный консерватизм древних проявлялся также в очень примитивном образе мышления, который этнологи находят в наиболее отсталых обществах и который странно контрастировал с рационализмом, распространившимся по средиземноморскому миру благодаря интеллектуальному триумфу Греции. Не стоит этому удивляться: присутствие Рима с поразительной быстротой навязало классический гуманизм огромным массам варваров. Было почти необходимо, чтобы дикие инстинкты новообращенных находили выход. В общем, игры выполняли, в менее благородном виде, роль очистителей страстей, которую Аристотель возлагал на трагедию в смысле театральной пьесы.

Мы могли бы несколько скорректировать не слишком благоприятное впечатление в плане зрелищ, произведенное вкусами романо-африканцев, обратив внимание на большое количество театров, чьи руины сохранились до сих пор: представления, для которых они, в принципе, предназначались, должны были удовлетворять интеллектуальные и культурные запросы зрителей, а не их низменные инстинкты. Нет ни одного африканского города, в котором не было бы театра, тогда как далеко не во всех имеется амфитеатр и, тем более, цирк. Античный театр, как известно, состоит из аудиториума — расположенных этажами ступеней, расположившихся полукругом у оркестры, которая в латинских странах тоже имеет форму полукруга. В глубине возвышается архитектура сцены, включающая в себя платформу, по которой двигались актеры и настоящие неподвижные архитектурные декорации, фронсцена: четыре каменных блока с проделанными в них тремя дверьми, соединявшие сцену с кулисами, имели три поставленные одна на другую колоннады, производившие впечатление величественного дворца. Задний фасад образовывала высокая прямоугольная стена, вершина которой находилась на уровне верхних ступеней аудиториума. Единственный африканский театр, города Сабрата в Триполитании, сохраняет это устройство в целости благодаря работам итальянских реставраторов и являет нам ту барочную архитектуру, которую мастера XVII в. Боромини и Бернини перенесут в христианское искусство. Каждая из дверей фронсцены окружена абсидой, вокруг которой выстроились колоннады; эта тема воспроизводится в миниатюре, если там можно выразиться, пульпитумом, низкой стеной, образующей обращенный в сторону оркестры фасад сцены, с чередующимися круглыми и прямоугольными нишами, в которых некогда располагались статуи и фонтаны; в Сабрате дальняя стена этих ниш дополнительно украшена рельефами на театральные и мифологические сюжеты. Невозможно преувеличить значение этой театральной архитектуры, фантазия которой дополняет, одновременно противопоставляясь ей, классическую строгость храмов и форумов; она дала рождение декору терм, фон-

танов, мавзолеев и частных домов; для ее обрамления требуется азиатская скульптура, переливы мозаики, разноцветный мрамор, порфир. Так что ошибочно полагать, будто туристу могут мало дать посещения театров Дугги, Тимгада, Кассерина или Джемилы, от которых сохранились только ровные ряды аудиториума с полированными ступенями, выстроившиеся вокруг орхестры. В Дугге руины сцены позволяют ему насладиться прекрасным видом на долину, которого античные зрители себя добровольно лишили, чтобы природа не отвлекала их от таинственного и причудливого зрелища, которое должно был полностью поглощать их внимание.

Часто утверждают, будто римляне эпохи империи совершенно потеряли интерес к настоящему театру, в частности к классическим греческим и латинским пьесам. Однако достаточно многочисленные мозаики, найденные в восточной части империи, изображают сцены из трагедий Еврипида или «новых комедий» Аттика. Конечно, репертуар был понятен только зрителям, владеющим латинским языком. На Западе такого рода мозаики практически неизвестны. Апулей и Тертуллиан еще слышали декламации трагиков в театре. Статуи, статуэтки из обожженной глины, керамика из Эль-Ауджи изображают актеров в масках. На мозаике музея Суса представлена сцена из комедии, возможно, Плавта: раб, только что побитый своим хозяином, гротескными ужимками выражает боль и страх; а хозяин не успокоился и надвигается на него с угрожающим видом; однако в дело вмешивается друг, который берет его за руку, чтобы остановить. Барельефы в театре Сабраты, пожалуй, дают нам наиболее точное представление о репертуаре африканской труппы; на одном мы видим диалог между Гераклом и его сыном Гиллом, возможно взятый из «Трахинянок» Софокла; на другом актеры-комики без масок репетируют в комнате, заваленной книгами и аксессуарами; но больше всего места оставлено жанру, игравшему в римском обществе, по словам Ж. Каркопино, ту же роль, какую в нашем обществе играет кино: мим, что-то вроде оперетты, где итальянцы уже в Античности демонстрировали свою любовь к музыке и танцам,

образности, изобретательности в использовании механизмов и декораций, которые возродятся у их потомков в XVII в. В них было много танцев, исполнявшихся зачастую мало одетыми актрисами, комических скетчей, которые устраивал ступидус, лысый клоун; но все это была лишь легкая закуска, предназначенная плебсу; самая благородная часть спектакля, пантомима, чисто римское изобретение, являлась сложным балетом, в котором артисты своими движениями выражали не только действия героев сюжета, но и состояния их душ, классифицированных по платоновской системе в категории гнева, желания и разума, и уводили в самые высокие эстетические сферы. Как видим, было бы несправедливо уподоблять ярмарочному балагану эту утонченную хореографию, которая скорее вызывает ассоциации с действиями других высокоразвитых цивилизаций: с китайским театром, с масштабными итальянскими и французскими феериями XVII в., с Парижской оперой XVIII в. или, наконец, с некоторыми нашими масштабными балетными постановками.

Все эти сравнения, разумеется, не точны и условны. Но у Апулея была отличная мысль вставить в свой роман некоторые отступления на эту тему, и получился настоящий отчет о пантомиме, вполне сопоставимый с тем, что может дать в наши дни газетный критик, присутствовавший на генеральной репетиции: «Юноши и девушки, блистая первым цветом молодости, сияющие красотой, великолепно одетые, с красивыми жестами двигались взад и вперед, исполняя греческий пиррический танец; и линия их вырисовывала то круг, то извилистые линии, то квадрат с открытой стороной, а то разделялась на противостоящие друг другу группы. Когда звук трубы подал сигнал к завершению их перестроений, ширма сложилась и поднявшийся занавес открыл сцену.

Там была деревянная гора, подобная той знаменитой горе, что поэт Гомер воспел под именем Идейской, высокая, усаженная зелеными кустами и деревьями; искусственный источник, устроенный на самой вершине, давал начало реке. Несколько козочек щипали травку, и юноша, одетый в красивую тунику, с плечами, прикрытыми вар-

варским плащом, как у фригийского пастуха Париса, с золотой тиарой на голове играл роль пастуха. Вот показался красивый мальчик, голый под хламидой эфеба, прикрывавшей его правое плечо; в его белокурой шевелюре торчали два одинаковых золотых крылышка; жезл указывал на то, что это Меркурий. Он приблизился, танцуя и протягивая тому, кто изображал Париса, окруженное золотыми листьями яблоко, которое держал в правой руке, мимикой передал волю Юпитера и, изящно пятясь, покинул сцену. Затем вышла молодая женщина с благородным лицом, подобная богине Юноне: ее голову окружала белая диадема, а в руке был скипетр; вбежала еще одна, которую можно было принять за Минерву; на голове блестящий шлем, обвитый оливковым венком, она несла щит и потрясала копьем, как та богиня в бою.

После нее выходит еще одна, затмевающая остальных блеском своей красоты, и божественный цвет лица выдает в ней Венеру, но Венеру еще девственную; ее совершенное тело было обнажено: лишь легкая шелковая ткань скрывала ее нежное женское место. Нескромный легкий ветерок, словно влюбленный, то похотливо приподнимал это одеяние, то с пылом плотно прижимал, чтобы легкое давление ткани обрисовало сладострастный член. Цвета богини приятно варьировались: тело белое, поскольку она спустилась с небес, одежда голубая, потому что она вышла из моря... Юнону сопровождали Кастор и Поллукс, чьи головы венчали украшенные звездами шлемы, но этот Кастор и этот Поллукс тоже были юными актерами. Под звуки флейты, игравшей ионийские мелодии, молодая женщина исполнила спокойный танец без аффектации. Своей полной достоинства мимикой она обещала пастуху, если он присудит ей награду за красоту, отдать ему власть над всей Азией. Но та, которую доспех сделал похожей на Минерву, привела в качестве эскорта двух вооруженных мальчиков, стражей воинственной богини: это были Ужас и Страх; и они прыгали с обнаженными мечами. Позади них флейтист играл дорийский боевой напев и, чередуя низкие звуки с пронзительными, на манер трубы, поддерживал их резвый танец. Она, встряхивая головой и бросая

угрожающие взгляды, быстрыми и сложными шагами обещала Парису, если тот отдаст ей победу в конкурсе красоты, даровать ему смелость и славу удачливого полководца.

Но вот, под аплодисменты зрителей, в окружении толпы милых малышей, сладко улыбаясь, на середину сцены вышла Венера. Эти ребятишки такие кругленькие и молочно-белые, словно настоящие купидоны, спокойно прилетевшие с неба или из моря. Крылышки, маленькие стрелы и костюм подчеркивали их красоту; они несли горящие факелы, словно затем, чтобы осветить свадьбу своей госпожи. Сцену заполнил целый рой юных девушек, ожидающих бракосочетания: тут грациозные грации, там очаровательные оры¹; они бросают цветы и гирлянды, чтобы сделать приятное своей богине, образуя самый чудесный хор, и венчают Госпожу удовольствий весенними кудрями. Уже флейты тихо играют лидийские мелодии. Когда все это сладко растревожило чувства зрителей, Венера доставила им еще более утонченное наслаждение: она начала танцевать, медленно, осторожно, мягко поводя спиной и чуть наклоняя голову; ее изящные движения вторили сладкой музыке флейт; ее глаза то медленно закрывались, то бросали провокационные молнии, в какие-то моменты она танцевала только глазами. Едва лишь она оказалась так перед судьей, то движениями рук словно стала ему обещать, если получит преимущество перед остальными богинями, отдать Парису в жены женщину чудесной красоты, похожую на нее саму. Тогда фригиец от всего сердца протянул молодой женщине как бы в качестве символа победы золотое яблоко, которое держал».

Подобные представления, как вы догадываетесь, стоили очень дорого. Самые крупные города, такие как Цирта, содержали муниципальные труппы, получавшие жалованье из городской казны. Другие приглашали гастролирующие коллективы. Некоторые актеры международного уровня разъезжали по всей империи. Каракалла, желавший понравиться своим землякам-лептисцам, одолжил им

¹ Оры — в греческой мифологии — богини времен года.

первую звезду пантомимы того времени, своего вольноотпущенника Агриппу; триполитанцы были так довольны этой честью, что посвятили актеру мраморное основание в портике своего театра. Кстати, этот Агриппа был важным человеком: в Италии, в Вероне и Виченце, его назначили почетным муниципальным советником, а Милан принял в свой молодежный клуб.

Если гистрионы (трагики) оставались презренными существами, актеры пантомимы действительно могли не только добиться поклонения, каким во все времена пользовались «звезды» сцены, но и уважения, как к их искусству, так и к их личности. Недавно была опубликована эпитафия мима Винцентия, обнаруженная в Тимгаде. Это довольно удачно, несмотря на некоторые сбои в ритме, написанная поэма, которая, во всяком случае, дышит трогательной искренностью; стоит еще отметить, что в латинском оригинале первые буквы строчек образуют имя актера — Vincentivs:

Посвященный богам-манам,
Винцентий здесь лежит, гордость мимов,
И навсегда он в памяти людей
Не только благодаря искусству, что демонстрировал на сцене:
Он был всему любим, как человек: прямой, добрый,
Во всех отношениях безупречный и надежный,
Не было дня, когда он, танцуя в знаменитых пьесах,
Не завораживал бы весь театр, вплоть до восхода звезд;
Теперь здесь, под землей, он лежит перед крепостной стеной.
Двадцать три года он прожил в цвету.
И жизнь его была еще более красноречивой, чем *его жесты*.

Это похвальное слово адресовано не только таланту, но и человеческим добродетелям того, кого ремесло, очевидно, заставляло участвовать в спектаклях весьма низкого качества и жить в малопочтенном окружении, и здесь уместен вопрос: в какой мере восторги по поводу добродетелей Винцента как человека сочетались или контрастировали с общественным мнением относительно его профессии и людей, ею занимающихся? Но прежде чем перейти к выводам, позволим себе противопоставить пор-

трету добродетельного актера образ гистриона, совершенно потерявшего моральные ориентиры, каким его рисует Апулей. Геренний Руфин, на дочери которого женился сын Пудентиллы, по словам оратора, «главный заводила всякой распри, главный сочинитель всякой лжи, главный построитель всякого обмана, главный сеятель всех пороков; воистину он — сущее вместилище распутства и похоти, сущее блудилище разврата, и чуть ли не с малолетства прославился он повсюду всеми непотребствами, сколько их ни есть! Еще мальчишкой — в те давние времена, когда не безобразила его эта вот плешь, — он позволял сквернить себя всем, кому угодно было его обабить; а потом, уже в юности, плясал на подмостках — говорят, плясун он был вялый и неуклюжий, однако же грубого любострастия неумелой его пляске хватало: ежели и было в нем что от лицедея, так это бесстыдство. Даже теперь, когда он стар — да будет он проклят богами, прошу прощения за то, что придется оскорбить ваш слух! — даже теперь весь его дом остается притоном сводника, и все семейство его запятнано развратом: сам — бесстыдник, жена — проститутка, дети — под стать обоим!» Отложим продолжение цитаты до того момента, когда мы будем изучать семейную жизнь в Римской Африке, и ограничимся выделением из бросаемых Апулеем обвинений фактов, противоречащих им или их поправляющих. Геренний принадлежал к семье если не почтенной, то богатой; его отец, коррумпированный делец, если верить адвокату, оставил ему в наследство 3 миллиона сестерциев. Его дочь, несмотря на бурно проведенную молодость, сумела выйти замуж за отпрыска одной из самых видных в городе фамилий. Вот вам актер, выходец из вполне буржуазной среды, который нисколько не уронил свой престиж, став актером, поскольку его противник не упрекает его за это и даже прилагает большие усилия, чтобы, нападая на человека, не затрагивать профессию. Как показывают недавние исследования, если большинство моралистов без удержу осуждало танцоров, как за непристойность спектаклей, в которых они участвовали, как за развращенность их нравов, некоторые из наиболее видных интеллектуалов эпохи Ан-

тонинов стали их защитниками и осмелели до того, что стали применять для защиты их искусства аргументацию, разработанную классической греческой философией для театра. Софист Адриан Тирский, чье «мощное красноречие потрясало и повергало всё в дрожь», не запятнал своей репутации, произнес надгробную речь над мимом Парисом и воздав покойному высшую честь, назвав его собратом; представим себе нашего академика, назвавшего собратом танцовщика из Гранд-опера! Только христиане безусловно и безоговорочно критиковали мима, причем не столько за его безнравственность, сколько за то, что большинство сюжетов бралось из мифологии, и от этого он, не без оснований, казался им языческой церемонией. Обращение в христианство актера ставило проблему, решил которую святой Киприан. Среди верующих был бывший мим, отказавшийся от сцены, но полагавший, что сможет зарабатывать на жизнь преподаванием своего искусства. Поставленный в известность епископ категорически запретил это лицемерное решение. Но бедный актер остался без средств к существованию; тогда святой Киприан позволил внести его в списки неимущих, получающих вспомоществование от церкви; при этом он особо подчеркивал, что пособие, выдаваемое ему, ни в коем случае не должно превышать размер обычной помощи, выплачиваемой неимущим, а не компенсировать реальную потерю дохода из-за вынужденного отказа от профессии; мы так и не знаем, согласился ли, в конце концов, актер пожертвовать своим благосостоянием ради веры.

Сколь многочисленны ни были общественные праздники, они не полностью заполняли досуг африканцев: у тех оставалось еще время на то, что мы бы назвали настольные игры; по правде сказать, нам известны, главным образом, развлечения ребятишек и бродяг на улицах и в кабаках; первые оставили нестираемые следы на многих мостовых; это в основном классики, образуемые ячейками. 36 гнезд распределялись по трем рядам; гнезда часто обозначались буквами, и играющие забавлялись, составляя из них слова, как в этом примере из Тубурбо Майуса:

PATRIA ∪ SANCTA
FACIAS ∅ VTMEOS
SALVOS ∩ VIDEAM¹

Кости вызывали настолько бурные дискуссии, что теоретически игра эта была запрещена в общественных местах; но запрещение часто нарушалось, как показывает, например, мозаика, недавно обнаруженная в Эль-Джеме: один из игроков явно пойман при попытке сжульничать, и товарищи бросают на него разъяренные взгляды.

Мораль и семейная жизнь

В этой главе мы уже не раз касались проблемы, изучением которой сейчас наконец-то займемся комплексно: общественная мораль жителей провинции Африка в эпоху империи. Сложность здесь заключается не в поиске документов, а скорее в попытке разобраться в беспорядочной массе свидетельств и разрешить их противоречия: эпитафии, диатрибы языческих и христианских моралистов, описания романистов, статуи, наконец, подают нам этот вопрос с очень разных сторон, так что некоторые кажутся очень близкими к нашему его пониманию — и мы склонны судить их благосклонно, — а некоторые, напротив, кажутся чуждыми, примитивными и негуманными.

Сначала рассмотрим семейную жизнь. Мы ее довольно хорошо знаем благодаря надгробным надписям и скульптурам, которые очень часто посвящены членам одной семьи. Мы сразу же констатируем, что эта общность основывалась на браке: могильные стелы еще слабо романизированных неопунических городов I в., таких, как Мактар, например, обычно двойные, скульптор либо объединял супругов на одном барельефе, либо делил камень на две части, которые при этом оставались соединенными. Классические полуколонны II в. также не разделяют мужа

¹ Родина святая, сделай так, чтобы у меня все было хорошо! (лат.)

и жену, которые часто вместе совершают одно жертвоприношение. Порой, в Шершеле например, на прекрасном саркофаге, сегодня хранящемся в парке Тремо, почетное место занимает сама церемония бракосочетания. Довольно часто родителей сопровождают дети, особенно те, что умерли, не успев создать собственную семью. Богачи, которые могли себе позволить траты на мавзолей, резервировали в нем места для своих близких: родителей, потомков, родственников по боковой линии; так, М. Гардилий Фортунат из Мактара построил на своей земле и на свои средства склеп для родителей, брата с невесткой, своей жены и для себя самого, своих детей и их потомков. К. Юлий Максим возвел мавзолей в форме башни, которая, хоть и полуразрушенная, до сих пор господствует над обрывистой равниной вادي Сабун, для себя и своих потомков: «Дабы их маны всегда жили в этом безопасном месте»; предоставленным убежищем для своего праха воспользовались его жена Паллия Сатурнина, их сыновья К. Юлий Прокул Фортунатиан и М. Юлий Максим Флавиан, две женщины, Викторина и Антонина Рогата. Часто вольноотпущенники обоего пола, эти старые слуги, получившие свободу за свою честную службу, покоятся рядом с хозяевами. Но, как и у нас, родовой склеп открывался редко, можно даже сказать, «никогда» для дальних родственников. Следовательно, мы можем утверждать, что в эпоху империи североафриканская семья ограничивалась в основном, как и у нас, супружеской парой, с которой ее дети оставались до того момента, когда сами вступали в брак. Эта констатация менее банальна, чем может показаться на первый взгляд, поскольку первоначальный римский gens (род), объединявший всех агнатов¹ под почти абсолютной властью pater (отца), как и род в средневековой Европе, окончательно исчезнувший у нас только в XVIII в. Агнатический клан еще существовал у ливийцев,

¹ А г н а т ы — согласно римскому праву, все свободные члены семьи по мужской линии от одного родоначальника, а также те, кто входил в семью после брака или усыновления (жена, сыновья и внуки с женами, не вступившие в брак дочери и внучки).

как показывает система наследования в правящей нумидийской династии: власть передавалась не сыну умершего правителя, а самому старшему потомку общего предка. Обнаруживаются следы другого типа первобытной семьи, когнатической, где родство передается по женской линии: некоторые ливийцы добавляли к своему имени имя матери, и этот обычай, оказавшийся очень утойчивым, потому что до сих пор существует у туарегов, подтверждается несколькими латинскими надписями. Парная малая семья появилась в Африке с финикийцами, которые, в отличие от других семитских народов, с давних пор отказались от полигамии. Также она пыталась утвердиться у римлян во времена завоевания ими Африки; право долгое время отставало от нравов, но имперское законодательство постепенно освобождало сыновей и даже жен от власти отца и, наконец, санкционировало роспуск древнего gens.

Если римское право категорически отвергало полигамию, следов которой в обществе времен империи мы больше не находим, оно допускало конкубинат, а рабство способствовало практике неофициальных союзов. Солдат принуждал к ней их статус, запрещавший вступление в законный брак до завершения срока службы: императорские дипломы, во множестве обнаруженные в Марокко, официально даровали эту милость воинам вспомогательных формирований, одновременно с правами гражданства. Хотя гражданские тоже жили с фокариями, которые были одновременно кухарками, что следует из названия¹, и сожительницами. Впрочем, римский гражданин мог жениться на перегринке только в случае получения специального разрешения. Что же касается рабов, их браки и сожительства допускались лишь в случае доброжелательного отношения господина: к счастью, в нравах произошел некоторый прогресс со времен старика Катона, который без зазрения совести требовал со своих слуг плату за дозволение им удовлетворить сексуальные потребности с подругами по неволе!

¹ Фокария — кухарка, домоправительница, от лат. Focus — «очаг».

Социологи отмечают, что следствием ослабления патриархальной семьи становится усиление аффективных связей внутри семьи малой. Этот феномен имел место и в Римской империи. Эпитафии, сколь ни были они перегружены готовыми формулировками, показывают, что супругов между собой, родителей с детьми связывали искренние чувства. Вот очень типичные похвалы, выгравированные по заказу Юлия Максима из Мактара на мавзолее, о котором мы уже говорили, для его жены и сына, умерших раньше его:

«Паллии Сатрунине, что была его женой, Юлий Максим посвятил этот склеп в вечный дар; чтобы тем самым напомнить читателю о своей благочестивой супруге; наконец, чтобы в свое время быть в нем погребенным вместе с ней. Отпущенные ей тридцать лет эта женщина прожила безупречно со своим мужем. Она не желала ничего, кроме радости своему дому, ибо благополучие мужа и собственное для этой матери обходительного молодого человека, живущей простой жизнью, были важнее забот о собственной внешности. Она была совершенно преданной супругу, стыдливой перед самой собой, доброй матерью семейства; она не знала ни гнева, ни брани ни к кому. Пренебрегая драгоценностями, она украшалась своими добрыми нравами, и стыдливость была спутницей ее благочестивой души.

К. Юлию Прокулу Фортунатиану его отец посвятил эту надпись в память о сыне, которого потерял. Все двадцать два года, что отмерили ему парки, он жил жизнью, заслуживающей бесчисленных похвал. Ребенком он был столь разумен, что являл наилучший пример отрочеству; отроком уже имел душу юноши; а юность увенчала его самой высокой славой. Он прожил мало лет. Умный ребенок, мудрый отрок, он был юным оратором, а облачившись в тогу, использовал свою науку на благо народное. И тем он заслужил множество похвал за свою краткую жизнь. А теперь на этом памятнике, поставленном его отцом, молодой человек, как и старик, покоится вечным сном, благодарный от всей души строителю, который его возвел».

Помпея Чиа из Русикады, умершая в возрасте двадцати лет, обращается к своей дочери: «Я желаю моему ребенку

жить целомудренно, чтобы через наш пример она научилась любить своего мужа».

Юлий из Аммедары оплакивает шестнадцатилетнюю дочь в ярких выражениях, заставляющих вспомнить Песнь песней: «Своими красотой и мудростью ты превосходила всех, милая Юлия, похищенная судьбой у твоего отца. Ты была мне дороже золота и драгоценных камней; ты была прекраснее тирского пурпура, ослепительнее лаконийского, паросского и карийского мрамора; он не может иметь более совершенной и прекрасной формы. Ни одна пряжа не сможет более соперничать с Арахнеей, ни одна певица бросить вызов Сиренам и дочерям Пандиона. Твоя грация превосходит все похвалы, что я делал тебе, что рождена от греческой крови твоей матери Героз и после двух раз по восемь лет сошла в могилу». А вот ювелир из Цирты Прецилий Фортунат, весельчак, высоко оценивающий добродетель своей супруги: «Я, который теперь нем, в этих стихах выражаю то, что было моей жизнью: я наслаждался светом и временем; Прецилий, житель Цирты, я был серебряных дел мастером; я был добр и правдив. Я всегда был приветлив со всеми; почему бы этому миру не пожалеть обо мне? Я всегда любил посмеяться с друзьями и наслаждался с ними роскошью. Но после смерти госпожи Валерии я не нашел супруги столь же добродетельной, как она. Пока я мог, я вел приятную жизнь с моей святой женой. Я честно отпраздновал сто счастливых дней рождения. Но пришел мой последний день, и разум покинул мои неподвижные члены. Надпись, которую ты читаешь, я приготовил при жизни для дня моей смерти; Фортуне было угодно никогда меня не покидать. Следуйте моему примеру, я жду вас здесь; приходите!»

Можно продолжать приводить примеры этих наивных свидетельств, трогательных самой неуклюжестью своей формы, своим детским тщеславием и искренностью добрых чувств, которые они выражают. Мы посчитали бы этих африканцев славными людьми, и им не надо было менять свои моральные принципы, чтобы найти у нас уважение, которое было бы им приятно. Добродетели, как видим, мало изменились за прошедшие семнадцать или

восемнадцать веков; как это далеко от слишком часто тиражируемого образа общества, разьедаемого пороками и преданного, из-за господствующего в нем сладострастия, добродетельной дикости и варварской мстительности. Очевидно, не все семьи жили так правильно, как эти семьи добропорядочных буржуа. Обратный пример нам дает Апулей в своей речи против Геренния: «Днем и ночью на потеху молодежи наружная дверь дома беспрерывно распахивается настежь ударами ноги, под окнами орут песни, оргии гремят в столовой; спальня его открыта для прелюбодеев: всякий смело может войти туда, при условии что не забыл заранее уплатить мужу. Так позор брачного ложа служит для него источником дохода. Как некогда он торговал своими собственными талантами, так сегодня торгует телом жены. Очень многие с ним самим — я не лгу! — с ним самим договариваются о ночах его жены. Между мужем и женой существует классический сговор: кто принесет даме щедрые подарки, тех никто не замечает, и они уходят, когда хотят; тех же, кто придет с пустыми руками, по данному сигналу хватают с поличным за прелюбодеем, и они, как если бы пришли учиться, уходят не раньше, чем кое-что подпишут... Однако его жена, постаревшая и потрепанная, отказалась содержать дом своим позором. Осталась дочь: ее безуспешно предлагали нескольким претендентам при посредничестве матери, а некоторым даже позволили сделать пробу, и, не натолкшись она на безвольного Понтиана, сидеть бы ей, пожалуй, вдовой, так и не побывав женой, в доме у своих родителей... Вы наверняка видели ее в носилках с восемью носильщиками, если присутствовали там: какие провоцирующие взгляды она бросала на молодых людей, с какой дерзостью выставляла себя напоказ! Кто не узнает уроков матери, видя эту молодую женщину с накрашенным лицом, наруганными щеками, подведенными глазами!» Конечно, как мы уже говорили, в этой картине следует учитывать огромную долю преувеличений, допущенных не обремененным принципами адвокатом; Геренний и его жена, возможно, были не правы, терпя слишком шумные импровизированные вечеринки в своем доме; помолвки

их дочери расторгались, что в этом буржуазном обществе было досадно, но не наносило бесчестия. Однако несомненно, что случаи разврата были не редки; у некоторых не хватало стыда даже на запоздалое раскаяние в последний момент, и надгробные надписи подтверждают их легкомысленное эпикурейство; так, К. Хабеллий Донат, чей повторно использованный саркофаг был недавно откопан в Тимгаде, нашел в поклонении культу Диониса оправдание своим гедоническим наклонностям; став буколистом — один из рангов секты, — «он жил, как мог, а остальное не важно». В том, что касается поведения женщин и девушек, письмо святого Киприана показывает, что флирт был уже тогда известен в формах, показавшихся бы нам слишком смелыми: достойный епископ однажды с негодованием заметил, что некоторые дьяконы его церкви и девственницы, посвященные богу, поддерживают отношения, мало совместимые со святостью их положения: некоторые доходили до того, что проводили вместе ночи, нисколько не смущаясь. Было проведено строгое расследование, наиболее виновные с позором изгнаны, остальных сурово отчитали и наложили на них покаяние. Но этот инцидент произошел в кругах, отличавшихся особой аскетичностью, и, хотя ему способствовали некоторые более или менее мистические отклонения, он свидетельствует о поразительной свободе в отношениях между полами.

Однако, в целом, свидетельства литературы и искусства показывают нам африканское общество II в. более серьезным, чем римское, особенно в конце республики и при первых императорах. Мы не можем назвать Апулея автором строгих моральных правил, но его эротизм, если позволительно так сказать, лучшего разлива, чем у его предшественника Петрония: в «Золотом осле» мы встречаем гораздо меньше отвратительных оргий, чем в «Сатириконе». И педерастия не играет там никакой роли; «Апология» доказывает, что этот порок уже не пользовался той терпимостью, которую принесло ему распространение «греческих нравов». Апулея, клеймящего позором юношеские шалости — реальные или выдуманные — Геренния, самого обвинили в авторстве двух эротических эпиграмм, адре-

сованных молодым людям, которых он не постыдился называть по именам, сыновьям его друга Скрибония Лета. Защита поэта довольно любопытна: совершенно позволительно, утверждает он, писать подобные стихи, поскольку пример был подан величайшими мудрецами Греции, начиная с божественного Платона. Эти стихи, хотя и весьма откровенные, свидетельствуют лишь о платонической любви, которая «хотя порой пробуждает интерес к красивому телу, но устраняет всякую непристойность». В общем, гомосексуализм был литературной модой...

Если говорить о памятниках, непристойные сюжеты на них крайне редки. Несколько мозаик в Ахолле изображают эротические сцены, но относительно сдержанно. Гораздо чаще можно встретить изображение половых органов, особенно мужских, вылепленных на рельефах, как правило, над порогом дома; но делалось это не ради фривольности, а из суеверной предосторожности: фаллос, помимо всего прочего, воспринимался еще и как превосходный оберег от дурного глаза. По этой причине его изображали в местах, которые считались наиболее подверженными дурному воздействию: на входе в дом, притом отнюдь не являющийся домом терпимости, что бы ни рассказывали экскурсоводы, любящие завлекать многочисленных туристов скабрёзностями, или, как в Лептисе Магна, на углах улиц, там, где мы помещаем таблички с указателями. Тем не менее в Музее Бардо хранится множество ламп, изображенные на которых сюжеты не допускают двойного толкования; но, как бы они ни использовались, на этом основании мы не можем выносить суждение об общей морали римского общества, как о морали нашего времени нельзя судить по порнографическим журналам.

Конечно, христиане охотно осуждали аморальность своих соотечественников-язычников. Но если они проявляли несгибаемость в деле применения принципов, если обличали нелогичность большинства пережитков, явные противоречия между натуралистическими обрядами и современной моралью, мы не видим, чтобы они задумывались о пересмотре самих основ этой морали. Их действия

были тем эффективнее, что основывались на общепризнанных ценностях. Если перечитать описание христианки, сделанное Тертуллианом в его трактате «О женских украшениях», вы найдете в нем те же выражения и основные идеи, что в языческой похвале Паллии Сатурнине, дополненные разве что несколькими ссылками на Библию и постоянно присутствующей идеей мученичества: «Предстаньте теперь с вашими румянами и драгоценностями перед пророками и апостолами. Простота будет вашими белилами, целомудрие румянами, потупьте ваши накрашенные глаза, пусть рот ваш молчит. Впустите слово Божие в ваши уши, а иго Христово повесьте на шею вашу; займите руки ваши прядением, не покидайте своих домов, и понравитесь более, чем будучи увешанными золотом; одевайтесь в шелк добродетели, лен чистоты и пурпур стыдливости. С такими украшениями вашим возлюбленным будет Бог». Как мы видим, принципы новой религии противопоставляются традиционной морали, за рамки которой пытается выйти развившееся общество; при этом апологист не замечает искусственности и фарисейства этого противоречия, совершенно не отдает себе отчета в возможностях, которые более богатая духовная жизнь может принести освобождению личности женщины.

Языческие философы проявляли не меньшие строгость и непреклонность; привязанность к литературной традиции побуждала их защищать весьма скабрёзные мифы, которые Платон хотел бы запретить; но благодаря дерзкому символическому толкованию они придавали этим мифам самый высокий мистический смысл. Отцы Церкви, со своей стороны, не замедлили применить тот же метод к наиболее смачным местам Ветхого Завета.

Итак, все римское общество склонялось к ригоризму. Причины этой эволюции, очевидно, были чисто интеллектуальными; торжество стоицизма в начале II в., великое духовное обновление, подготовившее дальнейший взлет неоплатонизма, способствовало распространению презрения к плотскому, проповеди аскетизма. Но поучения сект могли затронуть лишь малочисленную по самому своему определению элиту. Так что не следует оставлять без вни-

мания другие причины социологического порядка. Лаксизм I в. был явлением весьма ограниченного порядка: последние семьи римской знати, обреченные политическим и общественным развитием, но глубоко образованные и утонченные, уступали наклонностям, часто отмечаемым у вырождающихся аристократий, и отбрасывали, в частности в сексуальной сфере, любые ограничения традиционной морали; нувориши, чьи колоритные портреты нам оставил Петроний, хотели, пройдя тяжелый путь наверх, в полной мере насладиться своим огромным состоянием, обычно полученным при полном попрании всяческих норм и правил. В последние годы I в. и в первые годы следующего к руководству империи пришел новый слой: средний класс, имеющий под собой прочную основу, вышедший из трудящихся слоев и сохраняющий высокое понимание своих обязанностей. В целом, этот феномен аналогичен тому, что имел место во Франции XVIII в., когда семейные добродетели, сильно поколебленные дворянством, были вновь возведены на почетное место буржуазией. Сами мы присутствуем при возрождении аскетизма в коммунистических странах, и этот пример показывает, что подобная реакция не обязательно связана с триумфом спиритуалистической философии. Кроме того, следует отметить, что эта реставрация традиционных, до странности неизменных ценностей имела не только положительные стороны. Моральный либерализм революционных времен, конечно, влечет за собой бесспорные эксцессы, но он освобождает, по крайней мере, некоторые социальные элементы от чрезмерно плотной опеки. В римском обществе I в. женщины, например, сумели освободиться от подчинения строгой семейной дисциплине; эти их успехи возмущали Ювенала, ум узкий и унылый, как у многих моралистов: ему казалось скандальным, что матроны могут заниматься бизнесом и политикой, литературой и спортом и уж тем более требовать для себя определенной сексуальной свободы. Апулей, напротив, выглядит относительным феминистом: он ценит образованность и деловые качества своей супруги; приводит в качестве примера мужскую энергию Плотины, жены высокопоставленного чиновни-

ка, матери десяти детей, которая, не колеблясь, переодевается мужчиной, чтобы следовать за своим впавшим в немилость мужем, становится во главе сопротивления банде разбойников и, в конце концов, получает от Цезаря помилование для своего супруга. Наиболее живой персонаж «Золотого осла», наверное, Харита, девушка из хорошей семьи, тоже способная на большое мужество, чтобы сражаться с похитившими ее разбойниками, которая жертвует собой ради мести за убитого мужа; впрочем, в ней так мало ханжеского, что однажды ее манеры шокируют превращенного в осла Луция. Апулей пользуется случаем, чтобы уколоть женоненавистников: «Так что в тот момент вся порода женская и нравы их зависели от осла и ослиного суждения!»

Чтение эпитафий не позволяет усомниться в предпочтениях среднего африканского буржуа в данной области: он без колебаний выбирал традиционалистский идеал. Девушка должна была безропотно сидеть дома и ждать мужа, которого ей подберут родители; выйдя замуж, она должна была вести дом, занимаясь детьми и хозяйством, тратя как можно меньше и избегая, словно чумы, общения с любым мужчиной, кроме супруга; при этом муж, со своей стороны, мог вести веселую жизнь, вроде ювелира из Цирты, чье простодушное жизненное кредо мы уже цитировали. Как все это далеко от столичных вольноотпущенниц, которые бесстрашно произносили такие скандальные слова: «Я — тоже человек!» К счастью, реакция пощадила некоторые кружки самого высшего общества: Септимий Север, чей характер не был склонен к фантазиям, в весьма зрелом возрасте пал жертвой чар одной сирийки из знатной фамилии, амбициозной интриганки, это бесспорно, но при этом красивой, изысканной, очень умной и образованной; Юлия Домна, ее сестра Меса, ее племянницы Созмия и Мамея сумели в течение тридцати лет сохранять императорскую корону в своей семье, несмотря на посредственность государей, которых они вынуждены были приводить одного за другим к власти. Широта их ума очаровывала даже самых ворчливых философов и наиболее строгих епископов: Евсевий Кесарийский, не ко-

леблясь, выдает Мамее сертификат о благочестии и добродетели. Не заходя так далеко, мы можем констатировать, что эти утонченные знатные дамы казались современникам более привлекательными, чем святые женщины, вроде Паллии Сатурнины, у которых из украшений были только их добродетели.

Как мы убедились, основные привычки во всех весьма различных сферах жизни, рассмотренных нами в двух последних главах, африканцев на протяжении II в. н. э. глубоко изменились. Если бы перед друзьями Апулея возник один из их предков, живший в царствование Августа, им было бы почти так же сложно привить ему свои привычки, как нам было бы трудно это сделать в отношении подданного Людовика XIV или Наполеона. Деятельность Рима в Берберии сумела искоренить у потомков пунийцев и даже у многих коренных жителей многовековые интимные традиции. Но эти новообращенные восприняли лишь некоторые нравы италийцев; из слияния завоевателей и завоеванных родилось смешанное общество, создавшее свой собственный образ жизни, вероятно в целом соответствующий общеимперскому, но адаптированный к местным физическим условиям и духовным тенденциям. Экуменическое единство, созданное Римом, не душило своеобразия каждой крупной общности, составлявшей его. Диоцезы, введенные Диоклетианом в конце III в., стали прообразами европейских наций, возникших тысячелетие спустя, после выхода из варварской анархии и феодальной раздробленности. Политические формы с опозданием и не в полной мере отражали результаты той гигантской созидательной работы, которая в первую очередь выражается в интеллектуальном и художественном творчестве. Африка, как мы увидим, среди всех этих западных «наций» была той, в которой созидательная мощь проявилась с наивысшей быстротой и силой, как если бы она сознавала краткость отпущенного ей срока и хотела, перед гибелью, продемонстрировать, что ее гений ничуть не ниже, чем у ее более везучих сестер.

Глава 6 АФРИКАНСКОЕ БАРОККО

Истоки и составляющие

Император Домициан, не без оснований посчитав, что его подданные проявляют слишком большой интерес к аморальным и фривольным зрелищам, придумал новый праздник благородных видов спорта и упражнений для ума. Стать победителем Капитолийских игр было для поэта или оратора признанием, аналогичным тому, что дает нашим романистам Гонкуровская премия. Награда была тем более желанной, что присуждалась один раз в четыре года. Все образованные круги столицы начинали заранее, задолго до состязаний, строить прогнозы относительно решения жюри, которое должен был утвердить император. Очевидно, в 94 г. все завсегдатаи закулисья ставили на победу в номинации «Поэзия» молодого автора по имени П. Анний Флор. Скоро неофициально стало известно, что судьи единодушно высказались за него. Но оглашение результатов повергло публику в ступор, который быстро сменился негодованием: Флор был снят с конкурса в последнюю минуту, и эта несправедливость могла быть только следствием вето государя. Действительно, Флор был африканцем, и Домициан, очень озабоченный поддержанием во всех сферах первенства Италии, не мог допустить победы провинциала в учрежденном им соревновании. Можно себе представить гнев отстраненного молодого автора: «С того дня, когда, чему ты свидетель, из моих рук вырвали пальмовую ветвь, а с моей головы сорвали венок, весь мой рассудок и вся моя душа поколеблены; я возненавидел эту столицу; я так потрясен, так раздавлен моим горем, что забыл даже свою родину, своих милых родителей; как безумный брожу я по свету».

Если бы Домициан мог перенестись на пятьдесят лет вперед, то был бы жестоко наказан за узость мышления, увидев, какое место в литературном мире занимают так подло затираемые им выходцы из Африки. Среди ораторов Флор уже завершал свою карьеру, и никто не ставил

под сомнение превосходство Фронтонна над Цицероном. В юридической науке царил Сальвий Юлиан; подростки, входившие в возраст, когда посещают среднюю школу, толпились у грамматика Сульпиция Аполлинария Карфагенского. В «университетах» Рима и Афин численно преобладали студенты, приехавшие из проконсульской провинции и Нумидии: среди них был один исключительно одаренный молодой человек, без усилий преуспевавший во всех жанрах, Апулей из Мадавра. Природный римлянин Авл Геллий так тесно сросся с Африканской школой, где черпал материалы для добросовестной компиляции, ошибочно получившей поэтическое название «Аттические ночи», что его можно было принять за одного из них. Эта зависимость показательна: Италия, которая при Траяне и Адриане еще порождала много блистательных писателей, в тот момент переживала интеллектуальный застой, отражавший ее экономический упадок; другие западные провинции, даже Испания, оставались слишком привязаны к своей материальной жизни, чтобы следовать за великим интеллектуальным движением, идущим с возрождающегося Востока. Латинству грозило полное исчезновение перед лицом торжествующего эллинизма, если бы оно не получило прилив свежей крови от этих полных энтузиазма африканцев, освобожденных живостью своего темперамента от слишком строгой классической традиции, подготовленных полученным от разных народов и цивилизаций наследством и повседневными контактами к пониманию и усвоению мудростей Азии, но при этом глубоко привязанных к Риму, даже озабоченных тем, чтобы найти, помимо слишком хорошо известных трудов века Цицерона, живое и пикантное наследие архаизма. Некоторые из них, увлеченные христианством, уже создавали латинскую литературу в церкви, остававшейся греческой даже в Риме; если латынь и сегодня является литургическим языком католической церкви, если она сумела адаптироваться к источнику славы, по меньшей мере равной той, что ей принесли шесть веков гуманизма, то обязана она этим африканцам II и III вв.

Этот расцвет африканского латинства полвека назад уже становился предметом изучения мэтра, чей труд был бы

почти совершенным, если бы он сумел подкрепить свои знания текстов равным знанием того общества. Но труд П. Монсо¹ был создан в те времена, когда такой сложный и многогранный феномен, как африканская цивилизация, был известен плохо и лишь в общих чертах. В нем мы находим самый глубокий и самый точный анализ африканского литературного гения, с его зачастую чрезмерной пылкостью, крайней чувствительностью, пониманием красоты, столь отличными от несколько чопорного достоинства, в которое истинный римлянин драпировался, словно в складки тоги. П. Монсо попытался объяснить эту оригинальность наследием предшествующих цивилизаций; но он впал в ошибку, общую для многих историков и заключающуюся в приписывании наименее известным составляющим сложного синтетического целого, всего того, что он не находит в известных элементах. «Своим карфагенским родителям, — пишет г-н Монсо, — он [африканский писатель] унаследовал многое, и хорошее, и плохое; по-первых, богатое воображение, очень живую, но несколько болезненную чувственность, тонкое понимание великих спектаклей, даваемых природой. Потом, мистический дух, а часто, по поразительному контрасту, легко прослеживаемому уже в древнем Карфагене, одновременно большой практицизм, заботу о пользе, навязчивую идею чему-то учить, убеждать, обращать в свою веру. Наконец, стиль: яркий, рельефный, образный, но с большими преувеличениями, с манией к гиперболам и большим дурновкусием». Можно только подивиться этой картине пунийского духа, после того как прочитал методичный анализ С. Гселля, чьи открытия, сделанные за последнюю четверть века, лишь подтвердили ее правильность. Если от финикийской литературы Запада до нас практически ничего не дошло, имеются тысячи памятников и надписей, вгоняющих в отчаяние своей сухостью, которые доказывают, насколько чуждым для сограждан Ганнибала было «тонкое понима-

¹ Монсо Поль (1859—1941) — французский историк и филолог. Вероятно, в данном случае имеется в виду его работа «Африканцы. Исследование латинской литературы в Африке» (1894).

ние великих спектаклей, даваемых природой»: карфагенянин стремился свести видение внешнего мира к геометрической фигуре или к максимально абстрактному символу, способному напоминать о боге, природе и человеке. Конечно, мы видим появляющиеся там и тут фигуры фантастических чудовищ, словно пришедших из странных теогоний старой Азии. Но все указывает на то, что с V в. до н. э. пуритантизм коханимов постарался сократить это слишком богатое наследство древних созидательных цивилизаций Месопотамии, остававшееся настолько же чуждым семитскому духу, насколько будет чужд ему вековой, постоянно возобновляемый контакт с эллинизмом. Так откуда же П. Монсо заимствовал свои романтические представления о Карфагене? Одна несколько наивная фраза выдает источник, из которого он черпал, вероятно неосознанно, основные моменты своего суждения. «Если для понимания [африканцев] — говорит он, — вы поместите их в атмосферу „Саламбо“, вы не подумаете применить к ним общую меру классических произведений». Карфаген Монсо — это не исторический Карфаген, совершенно лишенный творческих способностей, которые ему пришлось поочередно заимствовать у Египта и Греции в виде искаженных и плохо понятых отдельных элементов. Это утопия Флобера, целиком рожденная причудливым воображением писателя, на которого оказывали влияние отмирающий романтизм и поэтика Парнаса, и озабоченного в первую очередь противопоставлением мещанской вульгарности Второй империи сознательному и пышному варварству.

Финикийская традиция могла оказать реальное влияние на африканскую латинскую литературу, только если бы нашлись люди, достаточно образованные обеими культурами, чтобы создать переход между ними. Но таких посредников, похоже, не было. В последние годы было много дискуссий относительно проблемы пунического выживания в Северной Африке. К. Куртуа энергично атаковал «общепринятое мнение», основанное на свидетельстве Блаженного Августина, согласно которому крупные «финикийскоязычные» очаги продолжали существовать, по крайней мере, в районе Гиппона, до конца IV в.; и его не

удалось даже сколько-нибудь серьезно поколебать. Но эти ханаане, как они сами себя называли, были безграмотными крестьянами и говорили на грубом наречии, передававшемся в устной традиции. Последние более-менее пространственные пунические записи, обнаруженные в Лептисе Магна и Мактаре — городах, которые, похоже, оставались последними очагами пунийской культуры, — сделаны не позднее конца I в. н. э.; от более поздних времен остались лишь жалкие религиозные посвящения и, возможно, несколько эпитафий, корявый язык которых выдает быструю деградацию традиции. Это объясняется очень просто: при школьной системе, принятой в Античности, невозможно было получать одновременно греко-латинское и финикийское образование; ребенок, выбравший второе, мог претендовать лишь на место жреца финикийских богов, подобно тому как сегодня талиб¹, получивший образование при мечети, может получить только место имама или члена религиозного суда. Реформа, окончательно романизовавшая в конце II — начале III в. культ Сатурна и Целесты, лишила их и этой последней возможности; естественно, она повлекла за собой исчезновение в самые кратчайшие сроки последних образованных людей, способных обучать финикийской грамматике и читать книги, сохранившиеся в храмовых библиотеках. Африка I в. знала интеллектуалов-билингвов, но в ту пору литература еще не набрала вес и размах. Во II в. противостояли друг другу, как два совершенно отдельных класса, и презирали друг друга модернисты, сформированные классическим гуманизмом, и традиционалисты, выросшие на изучении священных книг и теологических построений, унаследованных от Тира. Наконец, в III в. пунический язык опустился до уровня устного говора, а потом вообще ушел в небытие, не сумев оказать на своего соперника сколько-нибудь серьезного влияния.

Такое устойчивое непонимание нас удивляет и шокирует. Тем не менее оно соответствует общему поведению греко-римского гуманизма в отношении варварских куль-

¹ Т а л и б — в данном случае: ученик, студент.

тур; для грека или римлянина было совершенно невозможно проявлять интерес к литературе других народов. Библия, хоть и распространилась по всей территории империи, так никогда и не смогла привлечь их внимания. Христианам, в том числе и Блаженному Августину, для того чтобы побороть отвращение к ней и вызвать восхищение ею, пришлось приложить немало усилий, и победы они достигли ценой мучительного усилия и интеллектуального унижения. Даже сегодня, несмотря на крайний либерализм, который мы стараемся демонстрировать в отношении чужих для нас духовных ценностей, мы видим, что как тяжело быть человеком, принадлежащим одновременно к двум культурам. Разве не испытывают молодые уроженцы Африки, получившие образование в наших школах, мучительного чувства разрыва со своей традицией? Эта боль была незнакома романизированным африканцам Античности: полностью завоеванные классицизмом, они ни на секунду не задавались вопросом, есть ли хоть что-то ценное в пуническом наследии, которые они предавали, даже не осознавая того.

П. Монсо также явно преувеличил прямое влияние эллинизма на африканскую литературу. Очевидно, что он был прав, напоминая о наплыве греков в Карфаген в последние века пунической независимости и ко дворам нумидийских царей. Надписи тофета в Константине показывают, насколько далеко зашло смешение этих иммигрантов с пунийцами и местным населением. Но повсюду, где римляне установили прямое владычество, деловые люди из Италии заняли места своих восточных конкурентов. Редкие греческие надписи, обнаруженные в Африке, встречаются почти исключительно в портах и указывают на существование торговых колоний, которые были не более многочисленными и не более активными, чем в любой другой западной провинции. Мы уже отмечали, что вольноотпущенники азиатского происхождения, игравшие столь важную роль в Италии, в Африке были немногочисленны. Присутствие относительно крупного греческого ядра в некоторых случаях объясняется исключительными причинами: двор царя Юбы и его супруги Клеопатры Селены, по-

хоже, надолго наложил александрийский отпечаток на Мавретанию Цезарейскую. Триполитания охотно принимала киренейцев и египтян. Довольно развитые коммерческие и культурные связи вплоть до конца II в. соединяли крупную торговую буржуазию проконсульской провинции и Бизацены с Востоком. Греческий язык изучали у грамматиков, и многие студенты, по примеру Апулея, дополняли курс риторики стажировкой у афинских философов. Но в этом они лишь следовали примеру своих итальянских товарищей. Совершенное греческое образование Апулея, часто приводимое в качестве примера, являлось исключением, которое оратор подчеркивал без лишней скромности, забавляясь тем, что с одинаковой виртуозностью рассуждал об одном и том же предмете на двух языках или же заканчивал на греческом речь, начатую на латыни; аудитория достаточно хорошо знала греческий язык, чтобы оценить трудность его подвига, но слишком плохо, чтобы понять его пустоту и искусственность. Многие оценивали его высоко потому, что помнили, как сами были, вроде юного Августина, нерадивыми студентами, мучающимися над переводом Гомера или Демосфена, но так и не пожавшими плоды своих усилий.

Образование

Итак, африканская культура была полностью классической и латинской; новый продукт римского гения, она ничем не была обязана внешним воздействиям, и лишь из нее самой поднимались новаторские силы, не позволившие ей стать полной и точной копией итальянского гуманизма, из которого она вышла. Она основывалась в первую очередь на невероятной работе народного образования, которую нам хотелось бы знать лучше. Ренан¹ наивно сожалел о том, что Марк Аврелий не боролся против христианства, просвещая массы посредством школ, вместо

¹ Р е н а н Жозеф Эрнест (1823—1892) — видный французский ученый, историк религии, семитолог, публицист.

того чтобы использовать раскаленные докрасна металлические стулья и диких зверей; при этом бесчисленные учителя распространяли по всей империи идеалы императора-стойка, и их методы, разумеется жесткие и мало «педагогичные» на наш вкус, были весьма эффективны. Об африканских учителях у нас имеется единственное прямое свидетельство: болезненные воспоминания о детстве Блаженного Августина, чья нежная и чувствительная натура глубоко страдала от чрезмерного применения розги; «Кто не предпочел бы смерть, — напишет на закате своей жизни старый епископ, — если бы пришлось выбирать: немедленно умереть или заново прожить детство!» Разумеется, можно сурово осудить методы, которые портили лучшие годы жизни у одних, а в других развивали грубость, жестокость, удовлетворению которой позже способствовали кровавые боины на аренах амфитеатров. Тем не менее, несмотря на эти недостатки, обучение словесности было, пожалуй, наиболее полезным в школьном курсе. Ребенок научался писать, читать, считать. Для всех этих занятий у него были восковые или деревянные таблички или, за неимением их, простые глиняные черепки, на которых он писал острой палочкой, стилусом, или чернилами. «Таблицы Альбертини», несмотря на свое позднее происхождение (V в. н. э.), позволяют нам представить себе эти античные «рабочие тетради»; при раскопках находят в большом количестве глиняные чернильницы, совершенно похожие на те, что используются в наших школах. Скромные африканские учителя, чьи имена не упоминают ни история, ни даже эпиграфия, произвели настоящую техническую революцию, плодами которой мы ежедневно пользуемся и по сей день. Вплоть до конца II в. н. э. был известен единственный тип букв: заглавные, которые каменщики с большим или меньшим старанием гравировали на камне, а писцы как можно скорее корябали на своих табличках, иногда деформируя так, что прочесть написанное их скорописью весьма непросто. Примерно во времена династии Северов появляется новый тип шрифта, который специалисты называют «полудревним» и «первоначальным минускулом», который является предком ка-

ролингского минускула IX в. и, через него, наших литер, используемых в книгопечатании, а также нашего обычного шрифта, используемого при письме. Сегодня представляется все более и более вероятным, что первоначальный минускул изобретен в Африке, в относительно ранние времена. Предназначавшийся, в принципе, для текстов, написанных чернилами по бумаге или по дереву, он тем не менее появляется и на некоторых надписях на камне, которые все найдены в изучаемой нами провинции и не могут быть древнее середины III в.: одна из них — знаменитая хвалебная надпись жнеца из Мактара; другая недавно найдена в окрестностях того же города и представляет собой эпитафию женщине по имени Беккут; третья, происходящая из Тимгада, посвящена сенатору-грамматику Флавию Пуденсу Помпониану. Эта трансформация шрифта связана с изменениями инвентаря для письма и, в первую очередь, книги. Как всем известно, античная «книга» была в действительности свитком; переписчик и читатель были вынуждены по мере своей работы разворачивать и сворачивать пергамент или папирус на деревянных валиках. Эти свитки часто изображаются на африканских памятниках, в частности на надгробиях; они символизируют образованность умершего или книгу Судьбы, раскрытую на том месте, где остановился его жизненный путь. Нотабли тоже любили вылепливать на постаментах своих памятников кожаный футляр, служивший для перевозки и хранения книг. Чтобы что-то вписать в свиток, его клали не на стол, а на колено. Переписчики поздней Античности и раннего Средневековья, наоборот, опирались на наклонный пюпитр и использовали отдельные листы, предварительно соединенные между собой одним из краев, чтобы получилась тетрадь, которую называли кодекс. Палеографами доказано, что появление первоначального минускула связано с данной техникой. Значит, и то и другое появились на свет в Африке, в конце II в.

После окончания начальной школы ребенка отправляли к грамматика, программа обучения у которого в целом соответствовала среднему учебному заведению. Для этого

вовсе не обязательно было покидать родной город: Апулей «учил грамматику» в Медавре, а Августин — в Тагасте. Естественно, для города важно было иметь хотя бы одного квалифицированного ученого: муниципальные магистраты обращались к своим коллегам в крупных городах с просьбой прислать какого-нибудь студента, получившего подготовку в их школах. За неимением конкурса среди соискателей кандидата все же иногда подвергали испытанию, заключавшемуся в том, что он должен был продержаться целый день в общественном здании, отвечая всем желающим проверить его знания. Работа учителя была не слишком доходной: такова общая участь интеллектуальных профессий со времен Шумера до наших дней. Тем не менее некоторые африканские грамматики сумели получить большую известность: мы уже упоминали Сульпиция Аполлинария и Флавия Пуденса Помпониана из Тимгада, который стал римским сенатором; по правде сказать, последний был, возможно, дилетантом-любителем, и мы не уверены в том, что он преподавал. Нонний Марцелл из Тубурсикума Нумидийского (Хамиссы), автор труда «Краткая доктрина», похоже, принадлежал к муниципальной буржуазии. Другие оставили труды, пользовавшиеся авторитетом в Средние века: два мавра, Теренций Мавр и Юба Мавр, жившие во времена Северов, сделали своей специализацией метрику, одну из наиболее сложных наук; впрочем, они расходились во мнении относительно происхождения многих вариантов стихов.

Большинство грамматиков провинции Африка не доходили до подобных тонкостей; им было достаточно, научив своих учеников структуре языка и его законам, дать им толкование классических авторов. Обучение шло одновременно на греческом и латинском языках, греческий шел даже первым. Но редко какой маленький африканский город мог привлечь на работу высококвалифицированного эллиниста; латинскому грамматисту приходилось трудиться за обоих, и, похоже, он не блистал в том, что не являлось его специальностью. Мы уже видели, что Августин не единственный, кто плохо выучил в школе греческий. Самым положительным результатом среднего об-

разования в Римской Африке стало знание классической латыни и двух авторов, которые лучше всех остальных ее представляют: Цицерона и Вергилия.

Эпиграфия показывает, что им это удалось. Вплоть до конца IV в. надписи в целом составлены на правильном, нередко даже изысканном и вычурном языке; в них лишь в качестве редких исключений встречаются неправильные формы и обороты, которых чурались образованные люди. Фронто и его школа демонстративно пренебрегали Цицероном и противопоставляли ему Саллюстия или, еще лучше, авторов II—III вв. до н. э. Но буржуа, который проходил Цицерона в школе, сохранял по отношению к нему трогательное в своей наивности восхищение: некоторые полагали, что лучшим способом выразить свои чувства будет принять когномен оратора: так фермер из долины Фахс, известный своими каламбурами, составившими целый сборник, потеряв жену, не устоял перед искушением сочинить ей рифмованную эпитафию, в которую вставил несколько комплиментов сомнительного вкуса. Другой вдовец, К. Юлий Сильван, скромно именуя себя «Цицерон из Табудеоса», пожелал посвятить своей супруге поминальный сад, видимо вдохновляясь примером оратора, желавшего таким же образом украсить мавзолей своей дочери Юлии. Что же касается Вергилия, то, выслушав объяснения и заучив наизусть, его разбирали на строчки, которые растаскивали на стихи самого различного содержания. Тертуллиан высмеял эту практику, множество примеров которой дает нам эпиграфия: в эпитафии тореро, жертве несчастного случая на работе, вдруг обнаруживается гекзаметр «Энеиды», более или менее адаптированный сочинителем к данному контексту; на недавно раскопанном в Мактаре постаменте обнаружилась строка «Георгики», переделанная, очевидно, для какой-то матроны; еще во времена Константина один прокуратор упоминает пещеру нимфы Климены в связи с каким-то источником, благоустроенным им. Мозаика из Суса, о которой мы еще поговорим чуть позже, доказывает, что восхищение Вергилием достигало степени практически религиозного благоговения. Лишь еще один латинский поэт пользовался

почти равной славой: старик Энний, портрет которого мы, кажется, обнаружили в Сфаксе в недавно раскопанных термах; цитаты из его произведений смешиваются с вергилиевскими в альтибуросском «Каталоге судов».

К сожалению, эти надписи позволяют нам также оценить пустоту и формализм образования; можно себе представить, что большинство небольших поэм, что мы читаем на надгробиях и памятниках, сочинены местным грамматиком, нашедшим в данном занятии способ пополнить свои скудные доходы. Они ничем не отличаются от явно написанных дилетантами: образованный офицер, сочинивший посвящение в стихах бассейну, которым украсил форт Бу-Джем на юге Триполитании, наверняка мог рассчитывать в пустыне только на собственные силы. Кто бы ни был автором этих строк, они прежде всего свидетельствуют о быстром упадке просодического чувства в стране, где в этот самый момент процветали профессионалы уровня Теренция и Юбы. Бесчисленные ошибки говорят об искаженном произношении; хотел ли автор использовать эпический гекзаметр или ямбические стихи, ошибки получаются одинаковыми. Подбор лексики подтверждает, что принцип Фронтоня, советовавшего настойчиво искать у древних авторов необычные слова, способные поразить читателя, его соотечественники применяли слишком буквально: «благородные архаизмы» изобилуют и в давным-давно вышедших из употребления грамматических формах, и в сложных выражениях, вроде «луканийский бык», которым обозначается слон. Они странным образом сочетаются с новыми формами, созданными специально или заимствованными из разговорного народного языка. Эти более-менее осознанные попытки обновить язык доказывают, что привязанность грамматиков к школьным традициям не препятствовала влиянию на них некоторых модных литературных кружков. К сожалению, полуобразованные провинциалы не могли сравниться с Апулеем, их потуги к оригинальности и утонченности в большинстве случаев порождали какие-то детские загадки, акrostихи и низкосортные каламбуры, не способные скрыть ни заурядность мышления, ни трудности в изложении своих мыслей.

Третий цикл образования вел ритор. Не прекращая изучения литературы, молодой человек должен был под его руководством освоить технику красноречия, которую греческие и латинские профессионалы за столетие трудов довели до поразительной сложности. Каким бы пустым оно нам ни казалось, это образование не было лишено практического смысла; даже живя на доходы со своих земель, африканский горожанин должен был уметь выступать на форуме, чтобы получать муниципальные должности, уметь произнести речь в суде, защищая свои интересы. В целом, риторика соответствовала тому, чем сегодня является журналистика. Так что риторы, как и грамматики, имелись даже во второстепенных городах. В Мактаре еще в VI в. н. э. некий Алирий Геминий преподавал красноречие и одновременно занимался медицинской практикой; такое сочетание двух весьма разных искусств, возможно, не говорит об упадке обеих профессий и неспособности прокормиться только одной из них, поскольку уже Апулей занимался обеими; для интеллектуалов древности наше стремление к узкой специализации показалось бы очень странным. Апулей, в речи, в которой восхваляет себя, без какого бы то ни было комплекса неполноценности, говоря, что служит всем девяти музам, упоминает некоего софиста Гипписа из Элиса, который однажды явился в Олимпию в одежде и аксессуарах, полностью изготовленных им самим. Так что ритор должен был быть сведущ во всех областях, чтобы иметь возможность заполнять лакуны в знаниях своих учеников, которых им предстояло не только сделать красноречивыми, но и обучить истории, философии и даже естественным наукам. Как вы догадываетесь, очень немногим удавалось справиться с этой тяжелейшей задачей. Большинство студентов, которые могли это сделать, покидали, дойдя до этой ступени, родину и отправлялись в большие города слушать самых маститых мэтров. Семьи не останавливались перед большими жертвами; отцу Августина, Патрицию, человеку не богатому, пришлось залезть в долги, чтобы сын мог поехать в Карфаген, а закончить образование тому позволила только щедрость мецената; Апулей растратил значительную

часть отцовского наледства на свои путешествия в юности. В Карфагене можно было найти не только более знающих и видных профессоров, чем в маленьких городах; жизнь там была очень веселой. Августин, только раз в жизни уступивший искушению сочинить каламбур, назвал Карфаген (Carthago) — Sarthago, «печкой, в которой кипит масло постыдных любовных связей». Театр, амфитеатр, цирк почти непрерывно давали дорогостоящие представления, которые были редки в провинции. Неудивительно, что не один юноша, вырвавшийся из-под семейного ига, уделял больше времени развлечениям, чем учебе. Иные ходили на занятия исключительно для того, чтобы побуянить; африканские студенты слыли особенно беспокойными. Преподавателям следовало опасаться и их колкостей, обращенных на утомительные занятия, и излишнего рвения. Профессор Фосфор, обычно очень занудный, однажды забыл свою холодность и потребовал устроить диспут о герое-победителе. «Я иду к вам, граждане, — крикнул он, — я вернулся с победой, триумфатором!» Громкие крики перекрыли эту восторженную речь, и бедняга замер, пристыженный. У чувствительного и робкого преподавателя, вроде Августина, подобные выходки могли вызывать настоящий ужас: чтобы избежать их, будущий епископ Гиппоны без колебаний попросил себе место в Италии!

Вся эта турбулентность свидетельствовала о живучести карфагенской культуры. «А что достохвальнее и величественнее, — восклицает Апулей, — нежели прославление Карфагена, города, в котором я вижу лишь образованных людей и где все искушены во всех науках: дети учат, молодые применяют, старики преподают? Карфаген — высокочтимая школа нашей провинции, Карфаген — небесная Муза всей Африки, Карфаген, наконец, — мать народа, носящего тогу!» Этот энтузиазм, несколько напоминающий фосфоровский, не беспредметен; Карфаген действительно являлся интеллектуальным центром, располагавшим всеми ресурсами той эпохи: если в нем не было университетских зданий в том смысле, какой в это понятие вкладываем сегодня мы, столица Африки имела богатую биб-

лиотеку; место ее расположения до сих пор не найдено, но мы можем представить ее себе благодаря библиотеке Тимгада, подаренной родному городу щедрым меценатом М. Юлием Квинтианом Флавием Рогатианом, который потратил на нее минимум 400 000 сестерциев. Здание с кирпичными стенами, обложенными нумидийским мрамором, включало двор с портиками и полукруглый читальный зал со шкафами, в которых хранились книги. В центральной нише стояла статуя Минервы, богини мудрости. Разумеется, не все читатели проявляли примерную аккуратность: некоторые, очевидно недовольные часами ожидания открытия, начертили сетку для «классиков» на плитах двора и испачкали колонны непристойными граффити. Очень немногие города могли себе позволить такую роскошь; но библиотеки имелись при термах и некоторых храмах. За неимением конференц-залов ораторы, способные привлечь многочисленную публику и достаточно уверенные в силе своего голоса, выступали в театрах. Там Апулей произнес большую часть своих «Флорид» в театре Карфагена. Музыканты же нуждались в крытом зале; Карфаген был единственным, за исключением Лиона, провинциальным городом на Западе, построившим для них Одеон, подражавший афинскому. Вигеллий Сатурнин возвел его в царствование Септимия Севера для Пифийских игр, провести которые император-африканец разрешил своей родине в подражание Дельфийским. Тем самым столица Африки возводилась в ранг крупного культурного центра Востока, который один до сих пор предлагал богатым молодым людям возможности приобщиться к высокой культуре. Неутомимая деятельность ритора из Мадавра, сравнимая с деятельностью Цицерона, отныне позволяла его юным землякам на месте находить главные произведения из культурной сокровищницы, и для этого им не надо было ни покидать родину, ни изучать иностранные языки. Результатом данной «национализации» культуры все-таки стало, очевидно, ее обеднение; многие африканские платоники теперь знакомство с творчеством мэтра ограничивали составленным Апулеем «катехизисом» или его же переводом диалога «О душе». Зато ему обязаны

оригинальностью мысли и формы, которые наверняка не расцвели бы столь успешно, если бы доступ к источникам знаний по-прежнему оставался доступным лишь немногочисленным избранным и личные находки подавлялись чрезмерно прямым подражанием авторитетным, но недоступным в своем совершенстве образцам.

Мистика гуманизма

Даже в стране, которая, как наша, придает наивысшую ценность всем проявлениям культуры, восторги по поводу литературы и искусств сегодня не принимают тех крайних форм, какие были в Римской империи. Гуманистическая традиция окружалась таким почтением, что ее следует трактовать в самом буквальном и самом сильном смысле как религиозную. Большинство текстов, комментируемых в школах, особенно Гомера и Вергилия, считались наполненными божественным смыслом. Платоновское учение, вновь вошедшее в моду во II в. благодаря трудам афинского философа Гая и ставшее предтечей крупного спиритуалистского движения, обновившего стараниями Плотина греческую философию перед ее исчезновением, уподобляло божественное дыхание, исходящее из уст поэтов, тому, что давало силы Сивиллам и вовлекало вакханок в их священные танцы. До нас дошли многочисленные памятники, подтверждающие популярность этого учения в Африке в первой половине III в. Самый знаменитый был открыт в конце XIX столетия в Сусе, древнем Гадрумете. Речь идет о мозаике, украшавшей пол одной роскошной виллы, принадлежавшей, очевидно, образованному богачу. На ней изображен Вергилий, вдохновляемый музами на создание «Энеиды». Этот самый красивый и, очевидно, самый достоверный из дошедших до нас портретов поэта не датируется, как первоначально предполагалось, I в. н. э.; мы бы скорее сказали, что он выполнен в первые годы царствования Септимия Севера, около 210 г. В эту эпоху африканские художники уходят от слишком тесных рамок классического репертуара и, как и писатели, выражают

дух своего времени в оригинальных произведениях, которые часто основываются на классических образцах, но глубоко их перерабатывают. Таким образом, Вергилий является адаптацией эллинистического шаблона, воспроизводящего, опять-таки без больших переделок, мозаику времен Адриана, обнаруженную в Тубурбо Майусе: греческий драматург, очевидно Менандр, с раскрытой книгой в руке, размышляет лежащими перед ним на полуколонне двумя театральными масками; мозаист воспроизвел лишь часть греческого мотива, в котором также фигурировала муза-вдохновительница. Его гадруменский последователь сначала латинизировал тему, адаптировав ее к вкусам своих земляков, а кроме того, придал ей более торжественный вид: Вергилий восседает в величественном кресле, заменившем простой пень, которым довольствовался Менандр; Мельпомена, помогающая ему вместе с Клио, — странно, что забыли Эрато, музу любовной поэзии, — облачена в роскошное театральное платье, украшенное вышивкой, и в драгоценности. Сцена пронизана серьезностью, величием и торжественностью. Однако она соседствует с картиной, полной пыла и беспорядка, которую из-за повреждений очень трудно понять. По одной версии, это сцена из знаменитого произведения поэта: прощание Дидоны и Энея. Недавнее обнаружение лучше сохранившейся мозаики на тот же сюжет показало, что на ней изображена, очевидно в исполнении каких-то мимов, весьма скабрёзная история Геракла и Авги: герой, поддавшись своему излюбленному пороку, гулял по полям пьяным, встретил юную девушку, жрицу Афины, пришедшую к фонтану набрать воды, изнасиловал ее и без малейшего угрызения совести бросил, чтобы много лет спустя встретить сына, рожденного от этой встречи и вскормленного ланью. Образец языческих добродетелей, как видим, предстает в этой истории в довольно неприглядном виде; комментаторы эпохи империи применили всю свою изобретательность, морализируя над символическим толкованием самых сочных натуралистических мифов, которые Платон хотел попросту вычеркнуть из литературной традиции. Очевидно, совокупление пьяного сына Зевса со

жрицей Афины толковалось так: соединение вакхического возбуждения и мудрости дает рождение стихам. То же странное присутствие вакханки на портрете одного поэта вырезано на саркофаге; в этой сцене увидели иллюстрацию к знаменитой беседе Сократа с Ионом; она повторяется в термах, недавно раскопанных близ Сфакса, и, предположительно, датируется III в. В данном случае поэтом, которому воздаются почести, является Энний, сравнивавшийся африканцами, поклонниками старины, с Вергилием; здесь, в соседней комнате, мы находим пьяного Геракла, поддерживаемого сатиром и сопровождаемого Паном.

Еще один пример влияния платонизма, адаптированного Апулеем, на африканскую мысль и искусство дает нам миф об Эросе и Психее. Философ из Мадавра был особенно привязан к теории Божественной любви, изложенной в диалогах «Пир» и «О душе». Короткий фрагмент из десятой «Флориды» сжато излагает космологию, идущую от «Тимея»: Верховное божество, трансцендентное и непознаваемое, сообщается с космосом посредством подчиненных посредников, из которых одни, видимые, идентифицируются со звездами, другие остаются невидимыми: Любовь, самый сильный из них, есть распорядитель осязаемого мира. В «Апологии» Апулей, в подкрепление своих легких стихов, цитирует «Пир» и свою теорию двух Эросов. Наконец, миф о Психее составляет чуть ли не четвертую часть «Метаморфоз»; это длинное отступление всегда сильно затрудняло комментаторов: одни уверенно видели в нем философскую аллегорию, другие — просто сказку, рассказанную кормилицей. Можно было бы поддаться искушению признать правоту этих скептиков, если бы наш автор не был, как и большинство его современников, одержим манией, называемой нами герметизмом по имени одной из самых одухотворенных семей эпохи: наилучшим способом открыть высшую истину считалось представить ее символами, облекая в форму сказок, в которых авторы давали волю своей фантазии. В интеллектуальных играх такого рода Апулей был мастером, а идея замаскировать одну из фундаментальных догм философии под народную

легенду и выбрать в качестве рассказчика пьяную повариху банды разбойников, была достаточно экстравагантной, чтобы привлечь его. И здесь изучение мозаик того времени может помочь понять мысли философа; на африканских панно II и III вв. во множестве представлены Купидоны и Психеи. Часто в них можно видеть жанровые фигуры, заимствованные из александрийского репертуара, но, по крайней мере, в одном случае символический смысл разъяснен очень красноречивой надписью: мозаика, найденная на склонах холма Сен-Луи, изображает «обнимающихся Эроса и Психею; справа от них на полуколонне открытый ларец, слева, на другой полуколонне, птица на пне». Над двумя персонажами читается следующая максима: «*Omnia dei sunt, agimur non agimus*» («Всё принадлежит богу, мы не сами действуем, за нас действуют»). Образ и формула, которые некоторые ученые сочли христианскими, на самом деле прекрасно выражают платоновскую идею, которую мы уже встречали во «Флоридах». Эта информация вписывается в тенденции, уже давно пустившие корни в Африке. На стелах Горфы, которые можно датировать первыми годами II в., фигурирует космос, над которым доминирует Высшее божество, представленное абстрактным символом, обрамленное Солнцем и Луной, а ему служат помощники, абсолютно аналогичные посредническим силам Апулея; среди них многократно фигурирует Эрос. Эти барельефы исходят из пунических кругов, которые, очевидно, познакомились с платоновским учением в I в. до н. э., в окружении симпатизировавших грекам нумидийских царей. Апулей, со своей стороны, не слишком уважает Сатурна: он рассматривает его только как одну из астральных сил и приписывает ему — в соответствии с астрологическими доктринами — главным образом, негативное влияние. Он наверняка знал об этих сектах, но не состоял в них; в обращении и аретологии Изида, открывающих книгу XI «Золотого осла», египетская богиня смешивается с Церерой, Венерой, Дианой, Прозерпиной, Великой матерью Пессинунта, Минервой, Юноной, Беллоной и Гекатой, но не с Целестой. Мы полагаем, что данные различия имеют большое значение,

хотя все эти секты, в общем, проповедовали весьма близкую метафизику. В Африке существовало три основных мистических течения: пунийцы разделились между Ваалом Сатурном и Танит Целестой; вакхане испытали большее влияние эллинизма; наконец, деметриаки греческого или пунического обряда, но принимавшие отождествление Изиды и Цереры, испытали влияние Египта. Именно последним отдавал предпочтение Апулей, если, как это обычно делается, отождествить его с героем «Золотого осла», получающим изидианское посвящение после возвращения человеческого обличья. То, как он обращается в своей «Апологии» к вакханам Эа, доказывает, что он, во всяком случае, симпатизирует им, но не участвует в их экстатических процессиях: заботясь о том, чтобы ясно прочертить границу между собой и земляками, он признает своим истинным единоверцем только проконсула Максима.

Любовь к необычному, привлекательность сложных умозрительных построений увели Апулея от платонизма к этой пифагорейской школе, блестяще возрожденной в Риме во времена Цезаря, а затем пережившей недоверие со стороны властей и даже гонения, но выжившей в маленьких кружках, которые смешались с большим течением гностицизма. Апулей считал платонизм немного искаженным вариантом пифагоризма; он хвалится тем, что собрал сведения о Самосском мудреце, чью жизнь рассказывает в XV «Флориде», украшая малоисторическими подробностями: Пифагор, если ему верить, не довольствовался учебой в Египте, а, изучив в Халдее астрологию, будто бы поступил в школу брахманов, у которых и заимствовал главное в своей философии. Подобные сказки, свидетельствующие, по крайней мере, о том престиже, которым в Римской империи пользовался смутно понятый спиритуализм, пришедший из Индии, были в то время неременной деталью биографии мудрецов: Филостат также утверждает, будто Аполлоний Тианский также совершенствовал свой ум у «гимнософистов». Из всех пифагорейских заповедей Апулей лучше всего усвоил обет молчания, накладываемый на некоторое время на учеников, дабы заставить их сосредоточиться на медитации: он даже ут-

верждает, будто сам его исполнял, во что верится с трудом. Впрочем, мы вправе думать, что его познания в доктринах секты оставались смутными и недостаточными, судя по третьей речи из «Флорид», посвященной одному из мифов, которым пифагорейцы придавали наибольшее значение: о борьбе Аполлона и Марсия. Поражение сатира символизировало для них поражение флейты, инструмента нечистого, а триумф лиры прославлял добродетели космической гармонии, чьи звуки воспроизводили ее семь струн. Мозаика из Эль-Джема, датируемая последними годами II в., расставляет персонажей в соответствии с геометрической схемой, построенной на равностороннем треугольнике, символизирующем в пифагорейской мистической геометрии совершенство. Тот, кто задумал композицию, должен был знать толкование мифа. Однако его интерпретация, предлагаемая Апулеем, гораздо менее возвышенна: сатир для него представляет лишь наглую грубость, глупо взбунтовавшуюся против божественных мудрости и красоты; в этой тираде, более яркой, нежели глубокой, отчетливо прослеживаются воспоминания о собственной ссоре с жителями Оэ. Помимо удовлетворения их интеллектуальных потребностей гуманизм приносил африканским интеллектуалам успокоение их метафизической тревоги. Мудрец признавал, что понимает силы, управляющие миром, и то, что он находится в гармонии с ними. Поэтому он не сомневался, что его культуры будет достаточно, чтобы обеспечить ему бессмертие и, после смерти, обеспечить ему общение с богами и место в астральном раю, которое другие пытались получить приобщением к мистериям. Эта благородная доктрина трогательным образом выражена на полуколонне из Гадрумета, поставленной на могиле молодого человека, вырванного из жизни, когда едва достиг отроческого возраста. В глубине оштукатуренной ниши, устроенной в стене памятника, в центре выделяется фигура студента, одетого в пелерину и держащего в руке маленькую школьную сумку, в которой хранил свои таблички и стилус; по бокам его стоят две женщины, держащие его за руки; одна, в шлеме, вооруженная копьем и одетая в тунику амазонки, та самая

Добродетель, одновременно моральная и воинствующая, что воплощала в глазах римлян все формы философского идеала. У другой в руке свиток; некоторые археологи узнали в ней музу; другие предпочитают видеть парку. Если принять первое из этих толкований, сцена изображает Добродетель и образованность умершего, поднимающие его в рай; если предпочесть второе, мы присутствуем при схватке Добродетели, тянущей душу к бессмертию, и Роком, пытающимся ее уничтожить.

Эстетика барокко

Пристрастие африканских интеллектуалов к мистицизму и герметизму, чрезмерная важность, придаваемая ими форме их сочинений, соответствовали общим тенденциям эпохи. Но при этом у лучших из них существовала и тенденция интереса к реальности, заинтересованного наблюдения за нею и описания с большой точностью и подробностями. Именно этот аспект в их произведениях и будет представлять для нас основной интерес. Даже у Апулея мы находим настоящий дух научного познания, удовлетворявшийся весьма ограниченными средствами. Одним из главных недостатков образования, оставленного эллинистической цивилизацией в наследство империи, было то, что в нем отсутствовало естествознание; науки этого ряда рассматривались как подготовка к изучению философии, так что молодые люди, завершавшие обучение у ритора, совершенно ничего о них не знали; что же касается остальных, они приобретали некоторые познания в математике, а по другим наукам довольствовались тем, что извлекали из трудов, основные из которых восходят к Аристотелю и его школе, и из коллекций «диковин», собранных скорее ради любопытства, нежели в научных целях. Конечно, Апулей не мог изменить эту ориентацию; но его следует поблагодарить хотя бы за то, что он облегчил своим соотечественникам доступ к этим исследованиям, написав некоторое количество учебников по математике, астрономии, агрономии. Еще более интересно

его участие в практических научных занятиях, которое практически предано забвению. Его враги из Оэ весьма неразумно обвиняли его в том, что он устроил лабораторию, в которой препарировал рыб. Если верить им, то в целях изготовления приворотного зелья. Также он проводил оптические опыты с использованием зеркал. Можно согласиться с тем, что он не всегда отличал магию от физики или анатомии; любезно перечисленные им в защитительной речи многочисленные трактаты на греческом или на латыни, в которых он предлагал классификацию морских животных, основанную на строении их тел, способах воспроизводства и повадках, были в большей степени результатом его чтения, чем практических занятий. Тем не менее он остается одним из редких и последних представителей уже угасавшего типа мыслителей, наследников греческих физиков и одновременно предшественников средневековых алхимиков.

Этот интерес к личным опытам и прямому наблюдению встречается и в его литературных произведениях: наблюдение, применяемое в первую очередь к людям, но также и к вещам, одушевляет все его труды: романы, защитительные речи, торжественные выступления — делает их ярче; идет ли речь о крестьянине, о жителе Оэ или о вымышленном персонаже, в том числе мифологическом герое или боге, несколько точных и реалистичных черт высвечивают детали его внешности или характера. Пейзажи, произведения искусства, техническая деятельность выписаны с той же тщательной точностью; но больше всего историк ценит в Апулее его глубокое понимание общественных явлений, которое проявляется вплоть до самых общих, казалось бы, заезженных мест. Нет такой важной проблемы того времени, которую мы не могли бы осветить, процитировав один из его анекдотов: эволюция моральных норм и семейных отношений, возвышение буржуазии, положение рабов, ситуация с ценами, отсутствие безопасности в сельской местности, борьба крестьян против крупных землевладельцев и армии, пропаганда сект — все эти вопросы, которые почти полностью выпадают из поля зрения историков эпохи, озабоченных исключитель-

но политикой, вдруг случайно, один за другим, возникают в ходе странствий заколдованного осла. До Апулея один лишь Петроний продемонстрировал эту социологическую мудрость, совершенно исчезнувшую у греков вместе с древней комедией; именно она, наряду с индивидуальной психологией, делает римский роман самым интересным интеллектуальным продуктом эпохи империи и поднимает его гораздо выше средневековых фавлю, для которых он служил образцом. Очевидно, ритор из Мадавра, ум тонкий и чуткий, не имел грубой силы Петрония, этого Джеймса Джойса Античности, но его стиль, хоть и носит часто отпечаток школьной виртуозности, всегда сохраняет связь с живым, даже народным языком и не боится порой нарушать самые священные правила пуризма и грамматики. Эта забота о правдивых и точных деталях, явно породнившаяся с наглядностью, черпаемой Апулеем из изобразительных искусств, доминирует в его литературной композиции. Один из его излюбленных приемов заключается в том, чтобы вставить в сюжет маленькую обманную картинку для себя, наподобие «эмблемы» в мозаике, которая, как и они, слабо связана с общей линией произведения. Забота об эвритмии, о справедливой пропорции между всеми частями композиции, ему совершенно чужда, и это равнодушие полностью противопоставляет его классицизму. Как очень тонко заметил П. Монсо относительно Тертуллиана, остающегося в этом смысле его верным учеником, главным является ухватить за живое пережитое ощущение; автор без угрызений совести меняет нормальные пропорции ради того, чтобы подчеркнуть игру света или мимику. На службу этому импрессионизму ставятся все ресурсы риторики: антитезы, дерзкие и натянутые сравнения, редкие слова, отысканные при помощи эрудиции, по совету Фронтонна, но поставленные рядом с каким-нибудь простонародным выражением, свежесть которого оттеняет утонченность контекста. П. Монсо обоснованно сравнил этот стиль с тенденциями, вдохновлявшими в XIV в. великих риторов и скульпторов пламенеющего стиля; но они еще больше соответствуют духу первой половины XVII в. и даже некоторым аспектам романтизма,

поскольку реализм в деталях не исключает любви к фантастическому, не отступая перед неправдоподобным и абсурдным. Термин «барокко» определяет его совершенно точно, и было бы трудно найти писателя более, чем Апулей, заслуживающего этого эпитета. Как и итальянское барокко Сеиченто¹, африканское барокко II в. выходит из классицизма и противостоит ему, при этом продолжая им подпитываться. Оно представляет все искушения и все опасности гонгоризма и кончеттизма²: дурной вкус, иррационализм, доведенный до абсурда. Эти недостатки заметны уже в творчестве Апулея и просто бросаются в глаза у его неудачных подражателей, в той народной поэзии, которую мы находим в эпиграфии, перегруженной акростихами и игрой слов, не способными скрыть убожество мысли. Чтобы избежать подобных ошибок, африканскому писателю требовалось найти духовное вдохновение достаточной силы, чтобы вырваться из-под обольщения маньеризма и претенциозности: черпать его надо было в христианстве.

Человек, порывавший со своим социальным кругом, с родственниками и друзьями, чтобы вступить в презируемую и ненавидимую церковь, видел в цивилизации, которую отвергал, лишь источник светских и чувственных искушений, опасных для его моральной чистоты: она казалась ему вся целиком творением дьявола, наиболее опасными слугами которого, возможно, являлись писатели и артисты; впрочем, надо признать, что культурный мистицизм платоников отчасти оправдывался этой радикальной нетерпимостью. Литературные занятия являлись в глазах христиан в лучшем случае бесполезными и опасными, поскольку отвлекали душу от единственной задачи, которая должна была занимать ее целиком, и побуждали терять из виду стремление к ее спасению. Поэтому обращенные ин-

¹ Сеиченто — XVII в.

² Гонгоризм (по имени поэта Луиса де Гонгоры) — направление в испанской барочной литературе XVII в.; кончеттизм (от *ит.* кончетто — понятие, соединение, выражение), в данном случае: склонность к вычурным метафорам, утонченность, неожиданная аналогия, иногда остроумная, иногда безвкусная, в литературе.

теллектуалы оказывались вынужденными отвергать любое литературное образование, полученное ими, с тем большей энергией, что продолжали испытывать к нему преступное влечение. Это желание разрыва, провозглашенное без озабоченности возможностью скандала, даже, вероятно, с намерением устроить скандал, никто не выразил с большей горечью, чем Тертуллиан: в его представлении о Страшном суде философы и поэты горят в большом огне радости, среди смеха христиан. Но этот энтузиазм, часто чрезмерный до фанатизма, не был лишен практичности и здравого смысла; убежденный в скором конце света, он не считал необходимым тратить время на изменение жизненных обстоятельств, если только те не сталкивались напрямую с верой. То есть он принимал образование в том виде, в каком оно существовало, и ограничивался запрещением верующим заниматься ремеслом преподавателя, требовавшим обязательного отправления языческих обрядов. Грамотность и даже знание грамматики все же считались необходимыми для чтения Священного Писания. Риторика же необходима для изучения и защиты религии. Сам Тертуллиан ставит на службу вере не только свои очень серьезные юридические знания, но и все приемы, которым он обучился в школе. При этом его злая ирония не щадит ни пустоты школьных упражнений, ни всех этих игр ума, детскую пустячность он обличает. В этом смысле, как часто случается при разоблачении абсурдности или вредности обычаев, воспринимаемых общественным мнением как обычай или полусознательная уступка инстинкту, революционная страсть новатора соединяется с обыкновенным здравым смыслом и, стремясь избавить имперскую цивилизацию от крайностей и нелогичностей, уродующих ее, в целом остается верной своему истинному духу. Но Тертуллиан, бывший слушатель Апулея, более-менее сознательно сохраняет эстетические тенденции учителя; он заимствовал у того в первую очередь любовь к эффекту неожиданности, введенному в моду еще Фронтоном, который, очевидно, является наиболее характерной чертой африканской риторики. Чтобы удовлетворить ее, он, конечно, не ищет покрытые пылью архаизмы; но он

будет безудержно использовать неожиданные сравнения, антитезы и, главное, постоянную персонификацию материальных предметов и абстрактных понятий. Этот последний прием использовался с дерзостью, которую не превзойдут ни Гонгора, ни Теофиль де Вио¹. Марсион был гностиком II в., который беспардонно переписал на свой манер текст Священного Писания; Тертуллиан изображает его за работой, губкой, заменявшей писцу ластик, стирающим абзацы, не вписывающиеся в его доктрину. «Пусть она покраснеет, — восклицает он, — пусть она покраснеет, губка Марсиона!» В труде «О венце» Тертуллиан приводит пример солдата, который по причине веры отказался надеть на голову императорский лавровый венок, бывший в его глазах знаком язычества: длинная тирада тщательно перечисляет детали снаряжения, которые непокорный сбрасывает с себя одну за другой, и говорит о мистическом одеянии, надеваемом им на себя, чтобы служить Христу: красную уставную тунику автор сравнивает с кровью мучеников, Евангелие — с сапогами, слово Божье — с мечом, веру апостолов — с доспехом, чистоту мученичества — с венком. И то нам приходится объяснять большинство этих сравнений, поскольку оратору было угодно просто систематически сокращать взаимоналожение привычного предмета и теологического понятия. Мы видим, во-первых, реалистическое и конкретное воображение, немедленно транспозирующее концепцию в образ: это распространенная характеристика неуютно чувствующего себя в абстрактных сферах римского менталитета, для которого всякая идея требует немедленной персонификации либо активного представления. Этот реализм Тертуллиана граничит порой с наивностью, например в удивительном Апокалипсисе в «О зрелищах», где Страшный суд сознательно полностью представлен как зрелище, происходящее в амфитеатре; там христианский писатель попутно открывает, насколько плохо еще он освободился

¹ Гонгора - и - Арготе Луис де (1561—1627) — испанский поэт эпохи барокко. Вио Теофиль де (1590—1626) — французский писатель XVII в., переводчик, поэт и драматург.

от свирепости своих соотечественников, с радостной жестокостью и без малейшего милосердия изображая тех, кого ненавидит: императоров, губернаторов, философов, поэтов, актеров и атлетов жарящимися в пламени, не имеющем ничего духовного, под оскорбления избранных. Но барочный ритор был бы сильно расстроен тем, что его слишком легко поняли. Он требует от своего читателя постоянных усилий, которые заставляют восхищаться его изобретательностью, устраняя средние сравнительные степени, сведенные к мельканию идей и образов. Также у Апулея он находит ресурсы, которые может предложить народный язык, и шоковую реакцию, производимую избитым выражением или даже намеренным нарушением правил риторики либо грамматики. Эта любовь к игре и эпатажу в конце концов извратит ортодоксию его религиозной мысли: он покинет католическую церковь ради монтанизма, более строгого, но при этом более склонного к театральности. В последних его трудах аскеза и мученичество становятся особо удачными подвигами, которым публика призывается подражать. В этом таилась грозная опасность для первых христиан, в которую они склонны были часто попадать, в чем их упрекали самые умные из их противников — например, Марк Аврелий и Лукиан. Это очень быстро создало проблемы для епископов, которые тоже усмотрели опасность, но им было затруднительно с ней бороться. Образцу умеренности и мудрости, святому Киприану, пришлось постараться, чтобы укротить недисциплинированность исповедников, которые, гордые пережитыми страданиями, называли трусостью осторожность, побудившую его скрываться в период преследований при императоре Деции. Этот кризис подготовил другой, более важный: донатистскую схизму, которая разделила Африканскую церковь на две враждующие общины в тот самый момент, когда император Константин положил конец гонениям.

Таким образом, христианская революция не влечет за собой революцию эстетическую: христианское барокко Тертуллиана происходит от языческого барокко Апулея. Такое постоянство подтверждает, что эта эстетика отвеча-

ла глубоким духовным тенденциям африканского народа: впрочем, мы еще увидим, как в это же самое время она проявлялась в области изобразительных искусств.

Если ценность литературного наследия Африки по справедливости высоко оценивалась на протяжении длительного времени, с ее изобразительным искусством наши современники плохо знакомы. Не существует обобщающих трудов, посвященных ему, и к ученым, интересовавшимся им, слишком часто относились с презрением, объясняемым, но не оправдываемым узостью их собственной эстетической концепции. Народное искусство рассматривается как грубое, варварское; произведения первого плана, такие как стела из Горфы, до совсем недавнего времени оставались погребенными в музейной пыли, и не считалось нужным даже публиковать их репродукции. Отношение к искусству романизированных городов было еще более презрительным. Безжалостно высмеивается за отсутствие оригинальности официальная скульптура, до бесконечности тиражирующая, убивая их, греческие образцы, неуклюжесть ремесленников, вульгарная банальность лиц, неловкость в изображении драпировок, тяжеловесность и дурновкусие мотивов орнамента. Мозаики оцениваются не лучше, за исключением нескольких реалистических работ; их постоянно сравнивают не в их пользу с эллинистическими произведениями или с теми, что украшают дворец Адриана; критикуют неточность перспективы, неправильность анатомии, ребяческие диспропорции фигур и декора. Все римское население Африки представляется состоящим из нуворишей, самодовольных и ограниченных, или еще полудикарями, столь неловкими, сколь и необразованными. Тем не менее не редки свидетельства, говорящие о наличии у этих людей очень живого чувства прекрасного, постоянного интереса к скульптурным работам, большого внимания к техническим процессам. Обратимся сначала к Апулею; неутомимый ритор из Мадавра был превосходным художественным критиком. Мы уже видели, как он оценил балетный спектакль; в

XV «Флориде» содержится очаровательное описание старинной статуи эфеба Бафилла, посвященной тираном Поликратом Гере Самосской, чей храм она до сих пор украшает:

«Скульптор изобразил юношу замечательной красоты. Его волосы, разделенные на лбу на симметричные пряди, ниспадают вдоль щек, а сзади пышная грива, ниспадающая до плеч, оттеняет просвечивающую сквозь кудри шею. Шея крепкая, щеки полные, нижняя часть лица круглая, на подбородке ямочка. Поза в точности как у кифареда; он не сводит глаз с богини и как будто поет...» После подробного описания статуи Апулей предлагает ее идентификацию, отвергнув общепринятую версию, будто она изображает молодого Пифагора. Вот в «Метаморфозах» (II, IV) описание атриума в Биррене: «Атриум был прекрасен. В каждом из четырех его углов поднималось по колонне, украшенной изображением богини Победы. Распустив крылья, богини оставались неподвижными; едва касаясь нежной стопой шаткой опоры — катящегося шара, — они лишь на мгновение застыли на нем и готовы уже вновь подняться в воздух. На блоке из паросского мрамора стояла статуя Дианы, занимавшая середину комнаты и делившая ее на равные половины. Безупречный шедевр, богиня в развевающейся на ветру тунике, казалось, устремляется навстречу входящим, внушая почтение своим божественным величием. Справа и слева от нее расположились ее собаки, тоже из камня; глаза их грозные, уши торчком, ноздри раздуты, пасти оскалены: если бы поблизости раздался лай, можно было подумать, что он вырвался из этих мраморных глоток. Но в чем превосходный скульптор превзошел сам себя: у этих собак с высоко поднятой грудью задние лапы опираются на землю, а передние взметнулись в воздух и как будто бегут. За спиной богини высилась скала в форме грота, с мхом, травой, листьями, ветками, там с виноградом, тут — с растущим на камнях кустарником; вся эта растительность была из камня. Тень, которую бросает статуя внутрь грота, рассеивается от блеска мрамора. По краю скалы висели яблоки и виноград самой совершенной работы, соперничавшие

с самой природой. Казалось, что во время сбора урожая, когда дыхание осени позолотит их и сделает спелыми, их можно будет сорвать, чтобы съесть, а если наклониться к ручейку, который, выбегая из-под ног богини, журчал звонкой струей, создавалась иллюзия, что эти гроздья покачиваются. Для полного сходства с живыми им не хватало только движения. Среди листвы — каменный Актеон вытянул шею, уставив на богиню любопытствующий взгляд; наполовину уже превращенный в оленя, он наблюдает за купанием Дианы». Мы процитировали этот текст полностью, несмотря на его величину, не только потому, что он свидетельствует о таланте наблюдателя и восприимчивости Апулея, но и из-за содержащейся в нем очень интересной информации относительно эстетического идеала автора: зрительные иллюзии, любовь к тщательно проработанным деталям, сближающаяся со стилистическими поисками в риторике. Даже в свою «Апологию» Апулей ухитряется вставить описание статуэтки Меркурия, выточенной для него из эбена мастером Корнелием Сатурнином. Но страсть к предметам искусства настигла не только такого чувственного эстета, как философ из Мадавра. Даже строгий Тертуллиан посещал мастерские скульпторов и интересовался техникой их работы: он знал, как делают каркас статуи, как лепят модель из глины, как обрабатывают мрамор или бронзу. А ведь и Тертуллиан, и Апулей выступали перед большой аудиторией; не будь среди их слушателей достаточно подготовленных любителей, они не стали бы выкладывать перед ними свои знания. Первый долг историка, эстетический и моральный, — забыть о собственной системе ценностей, чтобы попытаться понять систему ценности людей, которых он изучает. Он должен также думать о том, что отбор временем работал в разных направлениях в отношении памятников и литературных произведений: в целом, книги, дошедшие до нас, представляют собой лучшую часть созданного в Античности, тогда как археолог вынужден довольствоваться барахлом, производившимся в больших количествах, которое не представляет никакой рыночной ценности, а посему имеет много больше шансов на выживание, чем шедевры;

возможно, через несколько тысячелетий наши потомки будут судить о французском искусстве XX в. по статуям Сен-Сюльпис, памятникам павшим и туристическим сувенирам в курортных городах.

Нумидийское искусство

Африка не входила в число провинций, имевших собственное национальное искусство. Ни один народ не имел к этому меньше предрасположенности, чем пунийский; природа его не интересовала и не привлекала; человеческое тело не имело большой ценности, как и человеческая личность в целом. Предметы искусства, привезенные из Египта, а позднее из Греции, имели исключительно религиозную и коммерческую ценность; когда же ради экономии они их имитировали, то получалась грубая поделка, говорящая об их полном непонимании. Только жрецы пытались выразить формами концепции своей теологии; но наиболее подходящими для выражения идеи о невыразимом божественном могуществе им казались самые абстрактные символы; в этой разновидности религиозной алгебры даже фигуры живых существ сводились к роли символов, лишенных и реалистичности, и красоты. Из всех видов изобразительного искусства они предпочитали, из пуританства и консерватизма, те, что придают наименьшее значение пространству и материи и наилучшим образом адаптируются к примитивной технике: рисунок, гравюру на камне или металле, плоский рельеф. Однако иногда мы видим у этого народа фантастическое воображение, создающее гигантских сложных монстров, пришедших прямоком из космогонических эпопей и рассказов о невероятных путешествиях, вроде библейского Левиафана и Сциллы Сицилийского пролива.

Кроме того, пуническое искусство, главным образом, городское; римское завоевание нанесло ему смертельный удар. В свободных городах, где элита начинает отходить от старых верований, символизм усыхает и оскудевает вплоть до полного истощения. Лишь крестьяне, упрямо

цепляющиеся за свои религиозные традиции, собирают в жалких деревенских святилищах беспорядочные кучи алтарей, часовен, интересных и примитивных амулетов: Танит с львиной головой, Церера-кормилица, найденная в Тиниссуте, не лишены достоинства и характера.

Сохранившие независимость нумидийские цари обосновались в Мекнесе. У ливийского, или «ливизированного», народа имелись собственные традиции. Его предки никогда не рисовали на скалах, как делали сахарцы; зато они, в обстоятельствах, остающихся загадкой, научились строить мегалитические гробницы, модель которых, очевидно, пришла к ним из атлантической Европы, но обычай возводить их исчез много веков назад. Эти циклопические сооружения вызвали интерес к грандиозным и массивным постройкам. Пунийцы, приведенные Софонисбой¹ или бежавшие из разрушенного Карфагена, научили их технике строительства и секретам декоративного искусства. Так родились величественные и таинственные гробницы, окруженные сегодня легендами: самая древняя, очевидно стоящая в долине к югу от Константины, огромная ступенчатая пирамида Медрасен. Золотистая могила христианки² доминирует своей массой над долиной Метиджи, между городами Алжир и Шершель. Из древних писателей лишь Помпоний Мела, описывавший ее во времена Клавдия, упоминает об этом мавзолее неизвестной династии. Ученые пришли к выводу, что он был построен Юбой II, чья столица располагалась совсем рядом с Цезареей (Шершелем). Но этот монарх — любитель искусств наверняка не захотел бы покоиться в таком примитивном мавзолее, если только он не достался ему в наследство от предшественников. Нумидийские цари, отличавшиеся любовью ко всему греческому, приглашали в свою столицу специалистов-греков; жители Замы построили, чтобы отпраздновать победу Юлия Цезаря, спасшего город от разрушения,

¹ Софонисба (ум. 203 до н. э.) — карфагенская аристократка, жена западнонумидийского царя Сифакса, затем восточнонумидийского царя Масиниссы.

² Также могила римлянки (Кбор-эр-Румия).

большой триумфальный алтарь, Кбор Клиб, господствующий над равниной, где за полвека до того решила участвовать Карфагена. Юба II и его жена Селена, дочь Антония и великой Клеопатры, воссоздали в мавретанских столицах, Цезарее-Шершеле и далеком Волюбилесе, атмосферу великих культурных центров Востока. Лучшие художники, копируя для них шедевры эллинизма, иногда создавали нечто новое, вроде потрясающего бронзового бюста Катона Утического, недавно найденного при раскопках в Волюбилесе. Но эстетика августейших любителей искусств была слишком далека от вкусов их подданных, чтобы оказать влияние на местные мастерские. Только на рубеже нашей эры в покоренной Римом Нумидии возникает первое известное в Африке оригинальное художественное течение.

В то время как посвященные памятники своей возрастающей бедностью демонстрируют угасание пунических религиозных традиций, надгробные стелы городов центрального Туниса изображают человеческую фигуру условно, но не лишенной мощи: такова полуколонна жрицы Цереры, найденная в окрестностях Мактара. Тело намеренно принесено в жертву лицу, на котором основное место занимают огромные глаза, и одежде, в данном случае греческому платью, широкому и уложенному изящными складками. Ткань скрывает атрофированные члены; с чисто декоративной целью изображены второстепенные фигуры, животные и предметы: две больших змеи поднимаются, геральдически противостоя одна другой, вокруг корзины, где лежат священные предметы, необходимые для мистерий. Противопоставление гладкой части и рифленых, разделенных на квадраты, вырезанных как пчелиные соты (одежда, волосы, туловища животных), выдает влияние работы по металлу или по дереву.

Той же школе могут быть приписаны и несколько статуй, найденных в Мактаре; мы находим в них унаследованную от Карфагена упрощенную стилизацию, которая удерживает из линий лица только слишком крупные глаза и выступающий нос, декоративное противопоставление гладких и рифленых поверхностей; но в лучших из этих

произведений (голова богини в шлеме, мощные статуи львов) также чувствуется греческое влияние.

Это нумидийское искусство достигает апогея во II в., когда уже существует угроза экспансии классицизма: большие стелы Горфы, датируемые этим временем, выражают мысль последних кругов коханима¹, еще способные понять великую финикийскую теологическую традицию, но также близко знакомые с греческим спиритуализмом. Римское влияние остается чисто внешним: однако оно проявляется в антропологическом типе некоторых богов, в костюмах посвящающих, которые часто носят тогу, наконец, в некоторых посвящениях, составленных на латинском языке. Архитектура храма, образующего центр композиции, странная; в ней присутствуют основные элементы италийского святилища: высокий подиум с вырезанной криптой, колонны с композитными капителями, кессонным потолком, треугольным фронтоном; но над ним возвышаются статуи акротерия, очевидно, из обожженной глины, в соответствии с канонами этрусского искусства VI—V вв. до н. э. Этот тип украшения был, предположительно, привнесен в Африку через прямое тосканское влияние или же смог развиваться параллельно, основываясь на греческих прототипах с Сицилии, послуживших образцами для обеих стран. Как бы то ни было, они сохранялись в Африке еще много веков после исчезновения в своей родной стране: классические влияния, которые несет это искусство, независимы от Рима и возникли раньше, чем начала распространяться его культура. Впрочем, нет ничего менее классического, чем дух творчества: наивное изображение проникалось сверхъестественным духом. Неуклюжие статуи акротерия — это живые боги, живущие на небе, а нижняя крипта, населенная чудовищами, принадлежала преисподней. Таким образом, храм действительно становился воротами в потусторонний мир; верующий, торжественно принимаемый в нем по завершении церемонии посвящения, попадал в иной мир, словно Алиса,

¹ К о х а н и м — еврейское ритуальное благословение двумя руками. (*Примеч. ред.*)

шагнувшая в Зазеркалье. Это общая концепция всех восточных мистических религий, и месопотамских, где зиккурат является местом встречи жреца и бога, и египетских. Этот «космос» состоит из трех этажей: на небесном этаже правит великий бог, неопиcуемый и недоступный, представленный, по пунической традиции, только абстрактным символом; это высшее провидение, витающее над звездами, передает свои благодеяния в земной мир через посредничество помощников и слугителей, идентифицируемых со статуями акротерия; прямой посредник изображен на храме в виде безногого идола с треугольной шеей, в едва обозначенных антропоморфных формах которого узнается знак Танит из пунической религии; он воплощает жизненную силу верховного бога и через растения, лежащие в рогах изобилия, передает воплощающим плодородие природы второстепенным божествам, чье статуи занимают стороны фронтона: они выглядят как Дионис и Афродита, и часто их соединяет Амур. Здесь мы видим теологию, близкую к платонизму, греческую мысль в соединении с восточной мистикой. Таким образом, в мышлении, как и в искусстве, синкретизм между эллинизмом и финикийской традицией происходил независимо от римского влияния и до того, как оно могло проявиться. Ниже населенного людьми земного уровня располагается третий мир, мир ада, где обитают чудовища, очевидно злобные и вредоносные, куда тем не менее посланцы великого бога проникают, чтобы силой устанавливать свой порядок. Так закованные в цепи гиганты трансформировались в атлантов, вынужденных нести на своих плечах тяжесть здания. В этих безднах мы видим Геракла, оглушающего Немейского льва, возможно рассматривавшегося как олицетворение пожирающей смерти. Сидящий на корточках бог, невероятно похожий на одного известного персонажа кельтского пантеона, закликает двух змей.

Каждая деталь выполнена с большой тщательностью и с заботой показать одновременно все: художнику совершенно не знаком принцип субъективизма, признающий реальным только то, что видит наблюдатель, и он старается изобразить это в точности таким, каким видит. По-

тому отсутствует какая бы то ни было перспектива: интерьер храма изображен одновременно с внешним его видом, потолок опущен вертикально, чтобы можно было видеть его облицовку. Нет никакого разделения воображаемого с реальным, и фантастический мир небесной зоны показан с такой же тщательностью и в таких же деталях, как и архитектура храма или портрет посвящающего. Композиция присутствует, но над нею доминирует чисто декоративное стремление: стволы деревьев, архитектурный декор образуют сеть, в которую фигуры встраиваются как мотивы орнамента. Рельеф и глубина нигде не отмечены, и фигуры рельефом выделяются на ровном фоне. Влияние ювелирного искусства проявляется в использовании позолоченных гвоздей, усеивающих верхнюю часть стелы, чтобы изобразить звездное небо.

Римско-африканское изобразительное искусство

Это иррациональное, но полное фантазии, энтузиазма и творческой жизни искусство противостоит как суровому пуническому символизму, так и гуманистическому греко-римскому гуманизму. Оно не могло подойти романизированным горожанам; с эпохи династии Антонинов они стали поручать украшать свои дарственные постройки и гробницы мастерам, проникнувшему в столице модными тенденциями; барельеф и выпуклый рельеф сменили рельеф плоский. На стелах мы видим выразительные портреты, декоративные детали умело проработаны, но при этом мы находим в них холодность и конформизм, слишком естественные в буржуазном обществе: главным, вероятно, было, чтобы клиенты узнавали себя, чтобы правильно располагались складки тоги господина, а волосы госпожи уложены по последней моде — нередко плохо сочетавшейся с ее грубым крестьянским лицом.

Те же мастерские изготавливали и большие статуи богов для храмов, императоров и важных персонажей для публичных мест. Очевидно, кто-нибудь заказывал иногда красивую статую прославленной мастерской в Италии или

Греции. Но обычно предпочитали привозить вырубленные мраморные блоки и обрабатывать их на месте. В Африке найдено несколько красивых официальных портретов, возможно импортированных: Веспасиана в Гиппоне, Луция Веры в Тугге, Домиции Луциллы в Шершеле. Но два Гермеса из черного известняка, обнаруженные в термах Антонина в Карфагене, наверняка были изготовлены на месте, что доказывает, что местные скульпторы середины II в. вполне были способны составить конкуренцию иностранцам; они изображают двух местных жителей, негра и ливийца, вероятно захваченных в плен во время масштабной операции против обитателей Сахары, проводившейся во время строительства здания. Гетул с мускулистым телом, бритым черепом, на котором традиционно сохранена одна прядь волос, видимо, является самым ярким изображением представителя африканской расы в античном искусстве, дошедшим до нас.

Но особенно африканские мастера проявили себя в декоративном искусстве. Изучая искусство имперского Рима, никогда не следует терять из виду доминирующей в нем глобальной концепции, полностью противоположной эллинскому искусству. Справедливо отмечается, что грек рассматривает каждое произведение само по себе, не слишком заботясь о связях, которые могут соединять его с соседними: это равнодушие достаточно ярко иллюстрирует беспорядок, царящий на афинском Акрополе, в Античности он был еще сильнее, чем сегодня, после того, как время там несколько расчистило все и прибралось. В Риме же, напротив, архитектура остается царицей искусств, для которой все остальные не более чем слуги. Следует помнить этот закон, прежде слишком строго судить посредственную скульптуру, явную халтуру, каковая могла иметь свою ценность в обстановке, из которой сегодня она вырвана. Живописец, мозаист, лепщик выполняли задачу низшего порядка, в сравнении со скульптором по камню; вместе с ним они участвовали в создании нереального мира, что для римского художника было высшей целью. Благодаря декору человек, попавший в здание, видит, как раскрываются со всех сторон, на стенах, на потолке, даже

у него под ногами, бесконечные миры, в которых свободно реализуется поэтическая фантазия. Апулея постоянно занимает миф о заколдованном дворце; это замок любви, в который волшебным образом переносится Психея: «Кессонный потолок, из искусно вырезанных туи и слоновой кости, поддерживается золотыми колоннами; все стены выложены чеканным серебром, являют взору, только войдешь, диких зверей и других животных... Что же до пола, обработанные драгоценные камни разных цветов образуют на нем разные картины. Поистине счастливы, дважды и трижды счастливы те, что ступают по геммам и жемчужинам. Остальные части дома, как бы далеко они ни раскинулись в длину и ширину, бесценны, и все стены, сложенные из массивных золотых блоков, сияют таким блеском, что, откажись солнце светить, они сами залили бы дом дневным светом; каждая комната, каждая галерея, каждая даже створка дверная пламенеет». Дом в Биррене, с его потрясающим атриумом и фонтаном Дианы, совсем немногим уступает по великолепию. Эта тема вновь возникает в восемнадцатой лекции «Флорид»: больной богач принимает доктора среди «кессонных потолков, обитых золотом, множества мальчиков и юношей замечательной красоты». Со времени падения республики представители национальной аристокраии копировали в Риме дворцы восточных царей: вилла Фарнезина, возможно принадлежавшая Клодии, любовнице Катулла и врагу Цицерона, вилла Ливии в Прима Порта, на стенах которой нарисован чудесный сад, сохранили для нас память об их великолепии. Но только Нерон сумел построить Дворец владыки мира, каким его могла создать не знающая удержу фантазия: Золотой дом, с его портиком в тысячу футов, озеро, подобное морю, окруженное миниатюрными городами и деревнями, пиршественная зала, купол которой вращался, имитируя вращение Земли, образовывали антураж, достойный «короля-солнце». Вот только для того, чтобы появился Золотой дом, Рим должен был сгореть. Римляне сочли, что император-артист им слишком дорого обходится. Не желая возвращаться к буржуазной простоте Августа, преемники Нерона приспособили свою residen-

цию на Палатинском холме к нуждам принципата; ее центром стала базилика, зала для аудиенций и вершения правосудия.

Но относительно демократическая революция, отметившая начало II в., отняла волшебный дворец у эгоистичных аристократов и открыла его городским народным массам. Его роскошь теперь стала роскошью терм и амфитеатров. В Карфагене термы Антонина обязаны своими грандиозными размерами прогрессу техники строительства, позволившему перекрывать огромные залы крышей в один пролет. Служебные помещения группировались вокруг центральной залы длиной около 50 м и шириной 20 м, своды которой покоились на восьми монолитных колоннах из серого корсиканского мрамора, диаметром в 1,6 м, высотой в 12,8 м; одна из их беломраморных капителей, размером больше человеческого роста, была найдена при раскопках. Другие колонны, поменьше, из египетского порфира, поддерживали притолоки монументальных дверей; портики палестр были сделаны из белого проконесского мрамора или нумидикума, желтого либо зеленого. Цементный пол был покрыт черно-белой мозаикой с простыми геометрическими узорами, составленной из кубиков крашеного мрамора или стекломассы, выписывавшей переливающуюся вязь. Нижняя часть стен была обшита мраморными плитами, верх — оштукатурен, украшен барельефами и, очевидно, позолочен, как кессоны потолка. Вода, текущая в бассейны из искусно украшенных фонтанов, играла свою роль в этой феерии, населенной множеством статуй: богов империи и африканских, государей и проконсулов, знаменитых людей Античности, смешавшихся с пленниками, гладиаторами и атлетами, нимфами и животными. Наиболее почтенные получали в качестве укрытия маленькие часовни; другие использовали для опоры чаши фонтанов или сами выплевывали изо рта воду. Все напоминало о величии империи, провидении и щедрости государя, о чьих подвигах напоминали надписи на стенах.

Для того чтобы создать ощущение великолепия и перемещения в сказку, которое должно было захватывать

посетителя Волшебного дворца, декораторы I в. усовершенствовали приемы своих эллинистических предшественников. То они пытались вызвать иллюзию природы, оборудуя ложные просветы в стене, архитектурный декор которой вдруг открывал широкие перспективы арки, то, наоборот, переносили зрителя в чудесный мир, где боги и герои перемешивались с реальными существами, неожиданно комбинировали человеческие, животные и растительные формы. Стены расписывались броскими и абсурдными картинами, опирающимися, как на колонны, на легкие стебли растений, от которых отходили ветви, несущие многочисленную разнообразную живность, словно листву на дереве жизни из восточных сказок. Подобные экстравагантности очень не нравились римлянам, остававшимся верными сдержанности и строгости предков, а Витрувий, как хороший инженер, сурово осудил их. Не стоит удивляться ни тому, что расцвет их приходится, главным образом, на время правления Нерона, ни тому, что эпоха Антонинов не вернула их к разуму. Но они подходили к фантастическому воображению африканцев, которые были счастливы найти в официальном искусстве способ выражения сюрреалистической концепции космоса, которую скульпторы из Горфы передали с наивностью примитивистов. Плещущее через край воображение художников нероновской поры породило фантастические существа, в которых без малейшей заботы о логике комбинируются человеческие, животные и растительные формы; если в Риме эта мода прошла, то в Карфагене, в таком официальном учреждении, как термы Антонина, мы находим поставленную на порфирную колонну невероятную капитель, которая со II в. несет четыре гигантские фигуры атлантов, с закрытыми лицами; тела их, вместо ног, заканчиваются покрытыми чешуей драконами с разинутыми пастьями, которые крылатые фигуры, чередующиеся с ними, соединяют по двое; аналогии следует искать далеко во времени и в пространстве, вплоть до Индии и средневекового романского искусства. Видимо, родословная этих монстров, родственных библейскому Левиафану и Сцилле с Сицилийского пролива, уходит в восточную мифологию,

переданную через Тир; а во главе их величественный Сатурн Ваал Хаммон, повелитель неба и ада. Другое создание, восходящее к эллинистическому искусству, соединяет в некий гибрид фигуры людей и животных с виноградными лозами и акантами. Эта «живая вязь», бывшая в большой моде в Риме эпохи Флавиев, в дальнейшем в столице пришла в забвение, но мы находим ее на Капитолии Тимгда с царствования Траяна и в термах Антонина в Карфагене. В Мактаре они пользовались невероятной популярностью со времен Марка Аврелия: тогда они покрыли софиты Капитолия, храм Либеры, термы и мавзолеи. Другой софит, обнаруженный в соседнем городе Аггаре, придает змее, Дельфийскому Пифону, обвинившемуся вокруг пророческого треножника, пугающий вид доисторического монстра.

Особо следует отметить за его значение декор мактарского Капитолия, предшествующий скорому возведению колонны, поставленной между 176 и 180 гг. Покровителями города считались Либер и Аполлон; один из софитов показывает нам монстров, служивших, соответственно, обоим богам: кентавра и грифона, сошедшимся в жестокой схватке вокруг кратера; на другом мы находим их примирившимися при посредничестве капитолийской триады, разведшей их. В этом видят некое политическое событие, лишенное какой бы то ни было сказочности, которое благодаря живой африканской фантазии было превращено в эпизод теологической эпопеи, заставляющий вспомнить поэмы Угарита.

Аналогичное вдохновение трансформирует на тетрапилоне триумфальной арки в Оэ-Триполи, освященной в 163 г., традиции оформления таких сооружений. На прямых ногах памятника пленники несут трофеи, классический декор, напоминающий арку в Карпантра и другие монументы эпохи Августа в Провансе. Но на аттике изображены боги-покровители города, Аполлон и Минерва, устремляющиеся на помощь римской армии в запряженной грифонами колеснице. Известно, что на итальянских памятниках сверхъестественные существа в связи с историческими событиями изображаются очень редко; даже

там, где они присутствуют, это аллегории или персонализации, за исключением арки в Беневенте, на которой сцена вручения императорского венца Траяну Юпитером все же не несет того драматизма, что присутствует на трипольском рельефе. Чудища, запряженные в колесницу, говорят об эпическом и финикийском мышлении автора, а композиция в целом наводит на мысль о неопунических стелах, которые также соединяют землю и небо, реальность и фантастику.

В те же годы на карфагенском Акрополе возводился величественный монумент — очевидно, портик — с целью увековечения победы Луция Вера над парфянами. Здесь скульпторам пришлось подчиниться монотонной дисциплине официальных предписаний; две крылатые женские фигуры, повторенные в тысячный раз, символизировали победу императора: одна из них целовала трофей, символизируя воинственность; другая держала в руке рог изобилия и шла по земному шару, символизируя Фелицитас, счастье, принесенное миру государями, в очередной раз сокрушившими силы зла. Тем не менее художник сумел придать порыв этим весьма холодным аллегориям, наделив своих Ник экстатическим взглядом вакханок, оживив их волосы, спутанные и вздыбленные порывом ветра, и противопоставив живописным контрастом массу лежащих веером плиссированных одежд ровной поверхности щитов и ноге, просвечивающей из-под туники.

Так африканские школы постепенно готовились к грандиозной миссии, которая будет им доверена щедротами достигшего императорского трона уроженца Лептиса Септимия Севера. Нет никаких сомнений в том, что они учились у приезжих из других краев мастеров, особенно это относится к скульпторам Афродизиаса в Карии, пользовавшимся в те времена всеобщим почетом. Но не следует и преувеличивать значение этих привнесенных извне вкладов, принимавшихся только потому, что они соответствовали собственным тенденциям местного гения, — азиатские ремесленники были вполне способны приносить свою виртуозность к пожеланиям клиентов. В области искусства, как и религии, Африка заимствовала у Востока

только то, что могло усилить ее достояние в силу общности духовного настроения.

Скульптуры из Лептиса эпохи Северов украшали, одни арку, освященную в 203 г., другие базилику и форум, законченные в 216 г.; первые принадлежали к официальному триумфальному искусству, другие — к декоративному искусству. Эти последние представляли результат эволюции, которую мы попытались восстановить; две пилястры обрамляют основные эпизоды мифов о Геракле и Бахусе — покровителях Лептиса — в переплетении двух виноградных лоз, выходящих из одного жерла. Речь, таким образом, идет о «населенной» вязи, очевидное превосходство которой над ранее рассмотренными мактарскими рельефами не должно заслонять объединяющего их главного и очевидного родства: и те и другие прославляют действия божественных покровителей города. Также следует учитывать мозаику Асиния Руфина 184 г. в Ахолле, которая изображает Геракла и его противников-чудищ в окружении растительного декора венков и переплетений стеблей. На других пилястрах той же базилики и на фризе портиков Форума части тел животных выпрыгивают из цветков: мотив, впервые встречаемый нами в Африке, на кессонах карниза храма Аполлона в Мактаре, построенного в начале II в.

Победа на квадратной арке и скульптуры западных ворот (Победы и Горгоны) еще больше утрируют романтические и патетические тенденции, уже заметные у аврелиевских Ник в Карфагене. Яркий контраст противопоставляет драматическую резкость движения и чувственную грацию обнаженных женских тел, вытянутых до абсурда, с их небольшой грудью, тонкой талией, широким тазом. Та же концепция, настолько же мало классическая, насколько это возможно, проявляется в керамических фигурках Венеры, общих для всех могил этой эпохи в Бизанце, и на мозаиках. Медальоны, изображающие горгон и морских богов, идентификация которых спорна, украшают антаблемент портиков форума; здесь проявляется любовь африканцев к составным фигурам чудовищ: можно сравнить собачьи головы, обрамляющие низ переид с го-

ловами драконов на капителях атлантов в термах Антонина в Карфагене.

Панно на опорах арки и большие фризы, венчающие аттик, изображали исторические сцены: область, в которой африканский скульптор не имел ни малейшего шанса проявить себя в том, в чем блистала римская школа. Поэтому влияние метрополии здесь более заметно, чем в других местах, даже можно подумать об участии мастеров, приехавших из Италии. Тем не менее местные тенденции укрепляются, особенно в концепции и оформлении больших фриз: во-первых, через личное присутствие покровителей Лептиса; Геракл, Бахус и Тихей появляются рядом с императорской фамилией, непрочное согласие в которой благословляют боги. Затем, через фронтальную диспозицию, которая отвлекает персонажей от действия, в которое они вовлечены, чтобы повернуть их лицом к зрителю, как элементы декора: здесь снова приходится подумать о влиянии религиозных рельефов, посвященных стел, на которых боги выстраиваются лицом, один возле другого, чтобы с уже византийской невозмутимостью принимать поклонение верующих. Также можно подумать о живописных влияниях, в частности, мозаики, всегда представлявшей, как здесь, в сцене триумфа, колесницы фронтально, едущими на зрителя. Отказ от эффекта глубины также соответствует африканскому духу. Патетическая тенденция вновь появляется в сценах сражения, усиливаясь за счет световых контрастов: малая забота о порядке, приводящая к настоящей мешанине в этих сценах, где символы неразделимо перемешиваются с реальным, заставляет вспомнить страстную риторику Тертуллиана.

В деле эволюции, приведшей от эллинского классицизма к средневековому искусству, справедливо подчеркивалось огромное значение арки Лептиса, первого официального монумента, где появляются главные тенденции византийской эстетики. Чтобы достичь мистической умиротворенности христианских зданий, потребуется, чтобы исчезли патетика и чувственность, отражающие здесь страсти смутной эпохи неуверенности в собственном будущем. Но эту арку слишком упорно рассматривали как восточ-

ный памятник, созданный азиатами, нанятыми Севером на родине его жены. На самом деле это памятник африканский, и его важность свидетельствует о роли, сыгранной в духовной революции, перевернувшей античный мир, провинцией, у которой совершенно несправедливо отрицают всякие художественные способности.

Патетический маньеризм не ограничивается только Триполитанией. Мы видим его торжество по всей Африке в конце II и в начале III в. Мы видим, как он обновляет даже самые заезженные типажи репертуара. Статуя Юпитера из Сетифа, статуя Сатурна, недавно найденная в храме Тугги, привлекают внимание не только пристальным неподвижным взглядом, оживляющим глубоко просверленные зрачки, но и, в большей степени, тем, как сделаны волосы на голове и борода, которые работа долота оживляет резкими эффектами света-тени, так что они отвлекают внимание от лица; эти всклокоченные космы производят впечатление суровости, даже дикости; но беспорядок прядей лишь видимый, крупные вертикальные линии делают бороду на равные части, каждая из которых воспринимается тоже как архитектурный декор, тогда как шевелюра сияет и рассыпается, словно пламя. Вся священная сила бога, кажется, сконцентрировалась в этой сверхъестественной растительности, и неудивительно видеть, как на голове статуй Океана из нее рождаются живые существа и растения.

Искусство эпохи Северов, рассматриваемое иногда как обычная разновидность господствующих в метрополии стилей, уже испытавших влияние Востока, а то и как прямое заимствование из Азии, нам кажется продуктом и шедевром африканской школы, которая с середины II в. построила свою особенную эстетику, тесно связанную с литературными концепциями Апулея и его школы, что не должно удивлять: литераторы, страстно увлеченные искусством, наверняка направляли скульпторов к своего рода пластической риторике, которая достигла своего апогея в постройках Лептиса. Влияние это порождено любовью к движению, возбужденной суе, поисками необычного, доходящего до парадокса. Полностью противопо-

ставленное классицизму в своей концепции композиции, это искусство вспоминает свои уроки лишь тогда, когда порыв иссяк, чтобы дать себе время для передышки и позволить мастеру выдвинуть привилегированную фигуру, которая занимает то же место, что и описательные отступления в литературных произведениях. В целом, африканские скульпторы конца II в. ставят возможности своей техники на службу мистическому духу, очень похожему на те, что вдохновлял их наивных предшественников из гофрской школы; как и те, они создают фантастический мир, свободный от пут логики и рабства материи, проникнутый сверхъестественными силами, обладающими мощным и кипящим жизненным зарядом. Совпадение тем более примечательно, что оно спонтанно и ничем не обязано взаимному влиянию: резчики святилищ из числа местного населения так же презираемы официальными мастерами, как последние коханиз могли быть презираемы карфагенскими риториками. И у нас имеется материальное доказательство этого презрения: в конце II в. старый тофет почти повсюду оказывается сметенным безжалостной жаждой обновления, и останки потомков тех, кого погребали там, будут хоронить в фависсах, культовых местах захоронения, где они останутся под охраной богов. Так африканский дух неожиданно воспрял и подчинил себе имперскую эстетику, думавшую, что она его задушила.

Мозаика

Когда надо было самовыражаться в камне, этот африканский дух вечно оказывался вынужденным совершать подвиги, служившие, впрочем, доказательством его виртуозности. Старые мастера из коренных жителей это отлично чувствовали и добровольно отказались от искушения скульптурой, чтобы сохранять верность рельефу и резьбе. Но живописные искусства открывали для поэтической фантазии чистое, без каких бы то ни было помех поле. До нас дошла ничтожно малая часть настенных фресок. Зато сохранились тысячи мозаичных картин на полах

жилых домов, терм, общественных зданий и даже гробниц. Они являются плодом очень живого художественного течения, родившегося в I в. н. э. и просуществовавшего до Средних веков, вместе с последними базиликами и первыми арабскими дворцами.

Еще пунийцы в последние века независимости заимствовали у греков обычай украшать цементный пол своих домов маленькими мраморными кубиками, утопленными в массу. Так появились эти *ravimenta punica*¹, мода на которые пришла из Африки в Рим при Катоне Старшем. Они просуществуют в Африке, как, впрочем, и в других местах, до начала нашей эры. Более сложный литостротон, инкрустированный неправильной формы кусочками разноцветного мрамора, обнаруженный в 1952 г. в Карфагене, в квартале Сент-Моник, принадлежал, очевидно, одному из домов Августовой колонии. Богатый дом в Утике, построенный приблизительно в то же время, сохранял все время своего использования, то есть примерно до середины III в., часть своих полов I в. Украшенный сценой рыбалки очаровательный фонтан с каскадом в этом жилище является, возможно, самой древней фигурной африканской мозаикой, которую невозможно датировать точно.

Но в конце II в. н. э. уже появляется совсем другое искусство, образец которого мы видим на роскошной вилле, раскопанной итальянцами в Злитене, на восточной границе Триполитании. Вопреки распространенному мнению, относящему его к эпохе Северов, мы полагаем, что произведение такого технического и стилистического уровня, бесспорно превосходящее все прочие африканские мозаики, появилось в период правления Флавиев. Там, помимо разноцветных кусочков мрамора и геометрических узоров, мы видим на полу картины живой жизни, исполненные в импрессионистском стиле, не заботящемся о тщательной прорисовке фигур, но выписывающем силуэты цветными пятнами и очень ловко пользующемся игрой света и эффектами клер-обскюр: большой фриз с боями в амфитеатре, о котором мы уже говорили и который изображает

¹ Украшенный утрамбованный пол (лат.).

игры, посвященные избавлению Лептиса от нападения назамонов; очень живописные сельские сцены, кажущиеся плодом непосредственных наблюдений; наконец, очень красивая «населенная вязь», примечательная естественностью фигур животных.

Хронология мозаики II в. может быть восстановлена сегодня с относительной точностью благодаря недавним (1947—1955) открытиям в городе Ахолла, одном из портов Бизацены, расположенном примерно в 40 км к северу от Сфакса, очень богато украшенной серии полов, охватывающих период от царствования Адриана (117—138) до царствования Коммода (180—196). Самое древнее здание, общественная баня, было декорировано, очевидно, между 115 и 120 гг. н. э. под восторженным впечатлением от побед Траяна над парфянами. Стены разрушены полностью, но пол сохранил мозаичный ковер, такой богатый и разнообразный, что кратко его не опишешь. Следуя моде своего времени, художник уподобил императора-победителя Дионису, мистическому покорителю Азии: большая картина изображает этого бога в колеснице, влекомой кентаврами, окруженного временами года и морскими божествами, символизирующими его власть над миром. Рядом другие кентавры сражаются против хищников, сатиры дразнят нимф: эти эротические сцены символизируют радость, принесенную благодетельной победой Бахуса. В соседней комнате архитектурный декор, вдохновленный самыми новыми фресками Помпей, обрамляет другие победные картины: большой трофей стоит посреди священного сада, богиня победы Виктория на колеснице, в сопровождении Ветров и Тритонов. Чисто декоративные элементы не менее интересны, чем изображенные сцены; последовательность картин, вероятно, отражает расположение сводов здания, структура которого отмечена последовательностью позолоченных фигур, воспроизводящих орнамент потолков. Чисто геометрические мозаики выполнены со строгой элегантностью: фигуры простые, такие, как разных модификаций щиты амазонок, тонкие черные линии, образующие многоугольники, легкие цветочные венки, гармонично продолжающиеся на белом

фоне, который они делают прозрачным. Этим же временем, вероятно, датируются мозаики, обнаруженные также в Бизацене, изображающие египетские и суданские пейзажи. Они явно свидетельствуют об интересе, проявлявшемся тогда к тропической Африке, в которую только что совершил дерзкую экспедицию Юлий Матерн. Картина из Суса показывает вакхические пары, обнимающиеся в растительном орнаменте. Мозаисты того времени рисовали точнее своих предшественников эпохи Флавиев и уделяли меньше внимания цветовым и световым эффектам. Но их классицизм не исключает фантазии и живописности, усиливаемых экзотичностью обстановки и намеренным выбором легкомысленных сюжетов, и сочетается с приятным гедонизмом богатой буржуазии, с легкой жизнью.

По мере того как продолжалось царствование Адриана, растительные арабески все более и более вытесняли геометрические мотивы. В фигурных картинах импрессионизм окончательно исчезает перед наступлением живописного реализма. Около 135 г. религиозное братство, объединявшее почитателей Бахуса из Куикула (Джемилы), заказало для зала собраний мозаику, изображающую различные стадии посвящения в это братство. Очевидно, оно обратилось в ту же мастерскую, которая двадцатью годами раньше декорировала термы Ахоллы; композиция картины основывается на принципе «отражающего свода», структура которого отмечена фигурами Викторий (богинь Победы), перемешанных с орнаментом. Центральная картина написана по образцу, уже использованному в Ахолле: тем не менее борющиеся персонажи уже не безымянная нимфа и чересчур предприимчивый сатир, а Амброзия, кормилица Диониса, и ее убийца, злой Ликург. Вокруг этого драматического сюжета выстраиваются четыре сцены, в которых мифология соединяется с ритуалом мистерий; вдохновляющий их дух, одновременно эротический и мистический, — это дух Апулея, чья родина совсем близко. Стиль меньше принесен в жертву фантазии; орнаментальные фигуры стали реалистичнее: бог-ребенок — это младенец у груди кормилицы, чудо винограда — это сцена сельского жертвоприношения, метаморфозы Амброзии

переданы с большой деликатностью. Такая добродушная фамильярность по отношению к святыням пронизывает все творчество мадавского ритора; кстати, она свидетельствует скорее не об ослаблении религиозного чувства, а о способности замечать сверхъестественное в повседневной жизни, о метафизическом оптимизме счастливого общества, которое ощущает естественное согласие между своей собственной деятельностью и могущественными силами, обеспечивающими порядок в природе.

Живописный реализм достигает своего апогея в момент, когда Апулей создает свои главные труды: в царствование Антонина. Именно этим периодом следует датировать роскошный дом в Ахолле, экус которого, посвященный триумфу Нептуна, расположен напротив большого бассейна, обрамленного портиком патио. Главная картина, изображающая бога на колеснице, умиряющего властным жестом вздыбившиеся волны, является шедевром прочной композиции, основанной на простой геометрии и знании анатомии: мощная мускулатура подчеркивается жестом поднятой руки и выписана со скульптурной четкостью; но второстепенные детали: плавники морских коньков, острия трезубца, волны, обозначенные простыми волнистыми линиями, — стилизованы в декоративных целях, не исключая юмор. Вокруг повелителя морей круглые медальоны с изображениями его нежных нимф; на пороге — тиаз, ведомый Силеном, похожим на старого ученого. Другие почитатели Диониса, чередующиеся с животными, украшали одну из господских комнат: лишь маски сатира и двух менад выделяются на белом фоне, подчеркивающим выпуклость черт, оттенки кожи, лучи света, играющие на лицах, и, главное, экстатический взгляд, блуждающий в безумии либо, напротив, умиротворенный созерцанием божества. Имитация живописи настолько удачна, что поневоле забываешь об огромных технических сложностях, вопреки которым простым подбором мелких камешков удалось получить переходы цветов, почти не материализуя линии рисунка, добиться передачи прозрачности кожи и живости взгляда. Скромный геометрический декор сохраняет строгую элегантность, модную в начале

века. Но также мы находим сложные комбинации цветов и стеблей: эти мотивы представлены в изобилии, чуть ли не заполняют все пространство, а элементы обрамляющего декора приобретают все большее значение. Медальоны с натюрмортами огружены рельефами широкой лавровой гирлянды. Эта тенденция к перегрузке выражает новый дух, который скоро утвердится с некоторыми излишествами.

Другие мозаики эпохи Антонинов также свидетельствуют о виртуозности художников в изображении анатомических деталей. Картина, обнаруженная в Шеббе, в нескольких километрах севернее Ахоллы, также посвящена триумфу Нептуна, но изображает его более театрально и менее пострадала. Бог, правивший не только морями, но и животворными пресными водами, окружен образами времен года, напоминающими о вечном обновлении природы. Эти богини занимают в углах те же места, что Виктории в Джемиле; они происходят от кариатид, держащих небесный свод, тоже изображенный на мозаике; но мозаист совершенно забыл про их функцию. Перед нами просто молодые женщины, прекрасные тела двух из которых, Весна и Лето, предстают обнаженными. Между ними живописные сцены сельской жизни, напоминающие знакомые сцены из романов Апулея. Тем же чувственным натурализмом вдохновляется мозаика в Дугге, посвященная играм морских нимф, и морская процессия в Ламбезисе, подписанная греком Аспасием. Серединой II в. следует датировать и большую часть декора виллы в Удне, которая в следующем веке будет принадлежать семье Лабериев. В главном экусе большая вакхическая композиция показывает, как академические и барочные тенденции смогли все-таки соединиться и уравновесить друг друга; в центре сцена с тремя персонажами, прочно построенная по классическим правилам, изображает «дарение» винограда Дионисом для своего хозяина, доброго царя Аттики Икария; но бог, царь и раб, принесший им виноград, окружены побегами четырех больших лоз, выходящих из поставленных в углах сосудов; они заполняют все пространство и окружают небольшую группу птиц и крылатых гениев,

бахоев, похожих на амуров. Цветочная гирлянда, повешенная на куст и обрамляющая изображения животных, украшающая периметр остальных господских комнат, представляет собой другой вариант «цветочного стиля», господствовавшего при Адриане. Большая картина усадьбы, которой мы неоднократно занимались, доказывает, что африканцы сохраняли любовь к живописным пейзажам по александрийской моде. Вдохновляясь эллинистическими образцами, которые они черпали из тетрадей с моделями, художники этой школы никогда не теряли связи с реальностью: мы теперь констатируем, что прямое наблюдение начинает преобладать над традицией мастерской, проявляющейся только в нескольких ключевых пунктах — в частности, в сценах охоты, — сохраняясь из-за их символического смысла.

Так определяются роль и границы классицистической реакции, связанной с политическими и социальными изменениями начала II в. Может появиться искушение преувеличить ее влияние на мозаику, как и на скульптуру, если не считать, что жанровые сцены более жестко, что естественно, подчинены правилам и канонам. Мы обязаны ей солидностью композиции, вытекающей из применения математических методов, реалистическим совершенством, которое, впрочем, многим обязано находкам импрессионистской школы I в. в использовании красок и света. Но она не нарушает общего развития африканского искусства, в котором господствовала барочная тенденция, утверждающаяся в постоянстве темы «волшебного дворца»: в сферах, открытых мечтам, вокруг архитектурного ядра, через иллюзорный и фантастический декор стен и потолков, добавляется новый мир, продолжающий их и отражающий на полу, ставшем, в каком-то смысле, прозрачным.

Впрочем, с третьей четверти II в. «романтические», патетические и импрессионистские тенденции триумфально возвращаются. Нужно еще раз связать эту эстетическую революцию с революцией политической и социальной. Тяжелый кризис второй половины царствования Марка Аврелия, вызванный первым германским вторжением, и

экономический кризис, который оно почти сразу же спровоцировало, не нанесли процветанию Африки серьезного урона. Но они породили душевную тревогу, пошатнувшую спокойный оптимизм начала века. В это же время классы, индивидуумы, недавно приобщенные к гуманистической культуре, поднялись на верхушку социальной лестницы уже с меньшей верой в рационализм, с более свободным мышлением в отношении традиции.

Эти силы сначала благоприятствовали усилению уже существовавшей роскоши декоративных элементов; спокойный и сдержанный орнамент начала века, где на светлом фоне доминировали тонкие линии геометрических мотивов и легкие переплетения растительных арабесок, сменился теперь пышными композициями, богатыми на тяжелые и сложные мотивы, пышными ветвями, переплетением стеблей и гирлянд, совершенно закрывающими фон. Фигуры богов, людей и животных сами как обычные их детали вписываются в эти сюжеты, напоминающие скорее рисунки средневековых гобеленов или восточного фарфора. Пол экуса дома Асиния Руфина в Ахолле, который сделал там ремонт в год своего консульства, наиболее ярко демонстрирует эту тенденцию. Сюжет навеян современной имперской модой и изображает Геракла в той позе, которую Коммод избрал для статуи, в которой он предстал в этом образе; но и фигура самого героя, и побежденных им чудовищ утопают в море гирлянд, венков из виноградных лоз, роз, вьюнков и Дионисовых процессий: та же подчиненность фигурной композиции декору отмечается в это же самое время, как мы видели, в монументальной скульптуре, на Капитолии Мактара, на базилике Лептиса. Очевидно, для того, чтобы подчеркнуть пышность убранства главной комнаты, мозаист оставил в остальных помещениях спокойные геометрические темы адриановского периода. Но принципы композиции мозаики с подвигами Геракла идентичны тем, что использованы в мозаиках Лептиса Минор и Тисдруса, посвященных музам. В Карфагене в том же духе декорирована «вилла с вольером»; большое мозаичное панно перистилия, сюжет которого дал ему название: среди беспорядочно посажен-

ных растений гуляют птицы, ящерицы и даже маленькая газель; другая композиция скорее наводит на мысли о керамических панно мусульманского искусства с его переплетением цветов и виноградных лоз, покрывающего все поле единообразной сетью.

В изображении фигур мозаисты этого времени отказались от реализма, чтобы вернуться к цветовому импрессионизму эпохи Флавиев. Геракл из дома Асиния Руфина — это лишь монохромный силуэт, оживляемый игрой света. Реакция против графизма также заметна в споре Аполлона с Марсием из Тисдруса. Однако она не исключает пережитков строгой геометрической композиции, которая здесь, правда, объясняется заботой о мистическом символизме. Существует явное родство между этим импрессионизмом, жертвующим четкостью и точностью ради выделения главной детали, и стилистическими эффектами Апулея и Тертуллиана. Технология позволяла передать очень живо движение, а благодаря приоритетному освещению глаз, которые были чуть ли не единственным пятном на лице, психологию персонажей. Этот стиль предпочитал сюжеты бурные и драматические; но также он великолепно справлялся с изображением живописных повседневных сцен.

Салон дома Сарота в Гадрумете был еще декорирован изображением триумфа Нептуна, выполненным по тем же правилам, что в Ахолле; однако в наклонном изображении колесницы, в стилизации морских коньков, запряженных в нее, мы видим проявления новой школы. При этом именно табун лошадей в своем живописном беспорядке, пейзажи с крутыми скалами создают ощущение жизни; классическая перспектива, уже бывшая в пренебрежении на мозаике в Удны, здесь совершенно исчезла, и уже никакая логика не связывает животных в пространственной структуре. Кажется, что наблюдаешь за детской игрой с вырезанными из бумаги фигурками и декорациями. Это забвение правил композиции соответствует нарушению ораторского периода у Тертуллиана: в нем следует видеть не незнание правил и не неловкость, а намеренное действие, проявление духа, мятежного по отношению к рамкам классицизма. Как и в литературе, точность наблюдения

компенсирует бессвязность изложения: пейзаж поместья с обрывистыми голыми сказами, глубоко изрезанный вади, — это пейзаж африканской степи, и автор наверняка видел его воочию. Из реальности же взял он эти странные постройки, высокие квадратные башни, замки, которые появляются здесь впервые и предвещают большое развитие усадебной архитектуры в IV в. Группа лежащих быков, занимающая нижнюю часть мозаики с пиром травести из Тисдруса, имеет непосредственное родство с лошадьми Сорота; автор этой сцены, одновременно религиозной и домашней, — она, как мы считаем, изображает пир в честь Либералий¹ — не позаботился о том, чтобы тщательно выписать своих персонажей; но он великолепно сумел изобразить выражения весьма грубых лиц этих деревенских жителей, очевидно крупных скотовладельцев, гордых своими быками, которых они завтра выставят на арену, с которыми они не пожелали расстаться и решили поужинать перед стойлом. Сельские работы из Шершеля являются шедевром этого стиля: их достоинства заключаются в первую очередь в передаче усилия и движения, в косом ритме, навязываемом не только людям и животным, но и растениям. Композиция, более умелая, чем на коневодческой ферме Сорота, часто производит впечатление классической перспективы, правила которой она тем не менее нарушает каждое мгновение. Но лица изображены с потрясающей индивидуальностью, тела полны жизни, несмотря на театральную аффектированность поз. Во всех этих произведениях заметен интерес к жизни, трудам и радостям простых людей, что соответствует относительно демократической эволюции конца II в. В последние годы царствования Септимия Севера, однако, наблюдается реакция возвращения к порядку, вызванная официальным искусством и суровой неоплатонической философией. Этим временем следует датировать дом Вергилия в Гадрумете; дионисовская процессия, украшавшая одну из ком-

¹ Л и б е р а л и и — древнеримский праздник в честь богов плодородия Либера и Либеры, отмечавшийся во время сбора винограда; сопровождался большим весельем, доходившим до распущенности.

нат, в точности воспроизводит композицию барельефа, изображающего триумф Септимия Севера на триумфальной арке в Лептисе. А сама эта мозаика является прототипом для целой серии, растянувшейся на весь III в. и постепенно отходящей от оригинальной схемы. Следовательно, сделана она была через небольшой интервал после сооружения арки, освященной в 203 г. Мы уже изучили мистическое вдохновение, направлявшее выбор сюжетов, посвящавшихся все одной из форм мистического восторга, вырывающего души из этого мира и переносящего их к богам. Поэтому патетический динамизм покидает материальную сферу и проникает в сферу духовной жизни; он находит свое завершение в безмятежном созерцании Вергилия, чье невозмутимое спокойствие контрастирует с одержимой суебливостью почитателей Бахуса. Та же забота о противопоставлении руководит общим распределением площадей для мозаик, выделяя светлые мозаики с упорядоченной композицией обрамлением их тяжелым пышным декором. Большой экзус, слева и справа от которого располагались два прямоугольных крыла, открывался на портик, в котором была оборудована экседра напротив входа в него. Растения, животные и съестные припасы, образующие во дворе натюрморт, очень близкий к карфагенской «вилле с вольером», рыбы и лодки в вестибюле, медальоны с фигурами в экзусе распределены по белому фону с геометрической равномерностью, вдохновленной наверняка коврами или портъерами. В крыльях представлен триумф Диониса, окруженный богатой «живой вязью», композицию продолжают восьмиугольные медальоны, в которых изображены рыбы, а в портике гирлянды, переплетающиеся вокруг розеток, полностью скрывают фон под декором, полном пышности и неистовства.

Направление, полученное искусством в этот период, продолжится весь III в. Репертуар, оскудевший, ограничивается определенным набором тем, эволюцию которых легко проследить: морские сцены, самой примечательной из которых является «каталог кораблей» в Альтибурсе, псовая охота, победы Диониса и, наконец, литературные темы, посвященные, главным образом, Аполлону и музам. Дру-

гие напольные картины, чье число все возрастало, выдают суеверные тревоги: в них множатся знаки и символы, призванные отвести от дома дурной глаз и вообще несчастья. Действительно, времена были смутными и беспокойными. После 238 г. снижение уровня безопасности жизни и финансовый кризис приостановили строительство и даже перестройку домов. Технические навыки деградируют, искусство прозябает, ожидая возрождения, которое в эпоху тетрархии наступит с возвращением мира и процветания.

Мы, разумеется, не смогли дать полной картины колоссальной интеллектуальной и художественной деятельности африканцев на протяжении жизни пяти поколений, от прихода к власти Веспасиана до смерти Александра Севера: здесь хватило бы материала на много специализированных томов. Но нам представляется очевидным, что эта культура не была ни продолжением в новых формах тех обществ, что существовали до римского завоевания, ни простой трансформацией в чистом виде италийских культуры и искусства на африканской земле. Речь идет об оригинальном явлении, тесно связанном с условиями жизни людей, с экономическим и социальным положением страны со своей спецификой и особенностями развития. Действительно, мы констатируем, что бурное развитие этой африканской культуры начинается в последние годы I и в первые годы II в., то есть в момент, когда в провинции произошло расовое сближение, исходящая из Сахары угроза была временно устранена, а экономические и социальные меры Нерона и Веспасиана позволили развиваться муниципальной буржуазии и части крестьянства. С точки зрения литературы первый очаг этого пробуждения находится в Циртейской конфедерации, из которой также происходят и первые политические деятели-уроженцы Африки, достигшие высших постов в империи. Но одновременно искусство расцветает по всему восточному побережью, от Бизацены до Киренаики, вокруг крупных портов, которые как раз в это время получают статус ко-

лонии. В данный период влияние переживающей свой «серебряный век» римской культуры бесспорно: писатели и художники времен династий Юлиев-Клавдиев и Флави-ев направляли африканский дух на пути, с которых он больше не свернет. Но в восточной части — Бизацена и Триполитания — следует также учитывать прямые контакты с эллинистическим, особенно египетским, миром.

Разрыв с Италией происходит во второй фазе, начинающейся с царствования Адриана. В то время как развитие национальной литературы в метрополии резко прекращается, оно с прежней силой продолжается в Африке, и теперь «карфагеняне», «нумидийцы» удерживают даже в самом Риме позиции латинства против ожившего эллинизма. В скульптуре барочные тенденции, задавленные в Италии реакцией классицизма, процветают, не зная прерыва. В мозаике римская школа, обреченная на черно-белые тона, и африканская школа, верная полихромии, продолжают развиваться параллельно, а сходство в их развитии объясняется скорее происхождением из одного источника — очевидно, александрийского, — нежели контактами. Два культурных очага в Нумидии и в Бизацене соединились и объединились; Карфаген, до сих пор стоявший где-то в стороне, утверждается в роли духовной столицы.

Третья фаза, апогей, определяется личностью Апулея. Это его деятельность завершает объединение в единое целое, как в области изобразительных искусств, так в философии и литературе, африканской культуры, подчинив ее общей эстетической концепции. Так, окончательно создается африканское барокко, проявляющееся одновременно в «Золотом осле», в термах Антонина, в триумфах Нептуна в Ахолле и Шеббе. Разносторонняя любознательность ее лидера объясняется тем, что школа не противится внешним влияниям. Она пользуется уроками неоклассицизма, чтобы совершенствовать свою технику. Но разум в ней остается подчиненным ощущению и страсти, рассудок — интуиции, постоянное — сиюминутному. Помимо Италии и даже Греции, Африка поддерживает прямые связи с Малой Азией и Сирией. Апулей ближе к Элию Аристиду, чем самосатский афинянин Лукиан. В скульптуре мастерские проконсуль-

ской провинции и Триполитании настолько тесно связаны с великой школой Афродизиаса в Карии, что зачастую трудно различать их продукцию.

Последние следы классического духа исчезают из африканской культуры в четвертом периоде вместе с оптимизмом и тем, что еще оставалось в ней от чувства меры и равновесия. Конечно, здесь нельзя говорить о декадансе: между царствованиями Марка Аврелия и Септимия Севера рождаются самые характерные декоративные скульптуры местного стиля. Мозаичные картины никогда не были более изобильными, и быстрая смена манер исполнения свидетельствует о живом творческом потенциале художников. Христианство избавляет литературу от претенциозности, сохраняя контакт с реальной жизнью, открытый Апулеем. Но подданные Северов, сознавая в полной мере ценность и могущество их цивилизации, трагически ощущают серьезность нависшей над ними опасности. Их тревога выражается в изобильных и динамичных формах, в постоянном поиске оппозиции и контраста. Мечта об обретении порядка — божественного, интеллектуального или политического — порождает такие темы в литературе, которые становятся предвестниками христианского искусства Византии. Еще более, чем на предыдущих фазах, Африка утверждает свое интеллектуальное лидерство перед другими провинциями Запада; чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить две триумфальные арки Септимия Севера, одну на римском форуме, другую — на форуме Лептиса: первая еще придерживается традиционных правил триумфального искусства, вторая проникнута беспорядочным и невнятным, но мощным и оригинальным барочным порывом, в котором можно обнаружить первые проявления того искусства, что называют византийским. Мы даже видим, как африканская школа устанавливает свое доминирование в столице, по крайней мере, в области мозаики: полы в термах Каракаллы выполнены в очевидной ее манере, в то время как черно-белый стиль, превалявавший весь II в., исчезает.

Таким образом, Африка вернула Риму, по меньшей мере, столько же, сколько получила от него, и показала

свою способность получать плоды от заимствований в таком духе, какого не было ни в Греции, ни в эллинизированном Леванте. Очевидно, это является лучшим африканским вкладом в цивилизацию, во всяком случае, тем, что привлекает особое внимание нас, людей XX в., тем, что несет наиболее сильный личный отпечаток его создателей. Апулей и Тертуллиан, как и позднее Блаженный Августин, разорвут эту глянцевую и блестящую, но слишком элегантно-единообразную обертку, обволакивавшую своей традиционной техникой гуманизм. И эту оригинальность, почти в равной степени мощную и явную — после стел в Горфе — встречаем мы на мозаичных картинах сельских работ из Шершеля и на триумфальной арке Северов в Лептисе. Такая дерзость в самоутверждении является свойством новых народов: у романо-африканцев она, очевидно, выражает неукротимый ливийский динамизм, освобожденный цивилизацией и миром от непрестанной борьбы за жизнь, которая в другие времена направляла их творческие силы на путь, на котором они расходовались, не принося плодов.

Конечно, вклад Римской Африки в общую копилку человеческой культуры не сравним по значению с вкладами Египта или Эллады; но, если бы не писали Апулей, Тертуллиан или Августин, если бы не творили скульпторы и мозаисты Лептиса и Карфагена, ни европейская христианская, ни исламская культура не были бы такими, какими они стали.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	7
------------------	---

Часть первая

Глава 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Армия и безопасность	12
Провинции и управление ими	19
Города	30
Духовное единство	47

Глава 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Население	55
Сельское хозяйство	69
Промышленность и торговля	84

Глава 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Иерархия	109
Цены. Уровень жизни. Общественные классы	121
Высшие классы и исключительные судьбы	128
Низшие классы	150

Часть вторая

Глава 4. ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ И УДОБСТВА

Города большие и малые	172
Планы и памятники	184
Комфорт	199
Дома	212

Глава 5. НРАВЫ

Костюм	224
Еда	239
Болезнь и смерть	245
Развлечения	255
Мораль и семейная жизнь	277

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 6. АФРИКАНСКОЕ БАРОККО

Истоки и составляющие	289
Образование	295
Мистика гуманизма	304
Эстетика барокко	310
Нумидийское искусство	320
Римско-африканское изобразительное искусство	325
Мозаика	335

Для возрастной категории 16+

Шарль-Пикар Жильбер
РИМСКАЯ АФРИКА
Процветающая провинция великой
империи на руинах Карфагена

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Технический редактор *А.В. Лабутина*
Корректоры *Т.В. Соловьева, А.В. Максименко*

Подписано в печать 23.01.2025.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Уч.-изд. л. 17,32 + вклейки = 18,63.
Тираж 0 000 экз. Заказ №

ЗАО «Центрполиграф»
121471, Москва, Можайское ш., дом 29/2

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5,
«Технополис Москва»